ISSN: 2709 - 7382

АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ ИЛМҲОИ ТОҶИКИСТОН
ИНСТИТУТИ ТАЪРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА
МАРДУМШИНОСИИ БА НОМИ АҲМАДИ ДОНИШ

МУАРРИХ

(маҷаллаи илмӣ - назариявӣ)

№ 2 (46) 2026

Маҷаллаи илмӣ - назариявии «Муаррих» соли 2015 таъсис ёфта, дар давоми як сол чаҳор шумора ба забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ нашр мешавад. Маҷалла дар Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳти 331/МҶ - 97 22 феврали соли 2024 аз нав ба қайд гирифта шудааст.

Маҷалла аз 26 апрели соли 2018 дар рӯйхати маҷаллаҳои илмии тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии (КОА) назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ва аз 21 феврали соли 2022 таҳти рақами 1520 дар Феҳристи маҷаллаҳои илмии тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии (КОА) назди Вазорати маориф ва илми Федератсияи Россия номнавис гардидааст.

САРМУҲАРРИР: МУРОДЗОДА А. А., доктори илмҳои таърих, дотсент

МУҲАРРИРИ МАСЪУЛ: Ҳамза КАМОЛ, доктори илмҳои таърих, профессор

ҲАЙАТИ ТАҲРИРИЯ:

АБДУРАШИТОВ Фозил - доктори илмҳои таърих, профессор
ДОДХУДОЕВА Лариса - доктори илмҳои таърих, профессор
ДУБОВА Надежда - доктори илмҳои таърих, профессор (Россия)
ЁҚУБОВ Юсуфшо - доктори илмҳои таърих, академики АМИТ
ИСКАНДАРОВ Қосимшо - доктори илмҳои таърих, профессор
МИРЗОЕВ Шуҳрат – номзади илмҳои таърих,
ПИРУМШОЕВ Ҳайдаршо - узви вобастаи АМИТ, доктори илмҳои таърих, профессор
РАҶАБОВ Аскаралӣ - доктори илмҳои таърих, профессор
РИШАР Франсис - узви хориҷии АМИТ, доктори илмҳои таърих, профессор (Фаронса)
САИДОВ Абдуқаҳҳор - доктори илмҳои таърих, профессор
ФРАНКФОР Анри-Пол - узви хориҷии АМИТ, доктори илмҳои таърих, профессор (Фаронса)
ХУДЖАГЕЛДИЕВ Тура - номзади илмҳои кишоварзӣ
ЧУБАРЯН Александр - академики Академияи илмҳои Россия (Россия)
ШАРИФЗОДА Абдувалӣ - номзади илмҳои таърих

© Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, 2026.

ISSN: 2709 - 7382

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКИСТАНА
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И
ЭТНОГРАФИИ ИМЕНИ АХМАДА ДОНИША

ИСТОРИК

(научно - теоретический журнал)

№ 2 (46) 2026

Научно - теоретический журнал «Историк» основан в 2015 г. и выходит четыре раза в год на таджикском, русском и английском языках. Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан под № 331/МҶ-97 от 22 февраля 2024 г.

Журнал с 26 апреля 2018 года входит в перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Президенте Республики Таджикистан и с 21 февраля 2022 года под № 1520 входит в перечень ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: МУРОДЗОДА А. А., доктор исторических наук, доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: Хамза КАМОЛ, доктор исторических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

АБДУРАШИТОВ Фозил - доктор исторических наук, профессор
ДОДХУДОЕВА Лариса - доктор исторических наук, профессор
ДУБОВА Надежда - доктор исторических наук, профессор (Россия)
ИСКАНДАРОВ Косимшо - доктор исторических наук
МИРЗОЕВ Шухрат – кандидат исторических наук
ПИРУМШО Хайдаршо - член-корреспондент НАНТ, доктор исторических наук, профессор
РАДЖАБОВ Аскарали - доктор исторических наук, профессор
РИШАР Франсис - иностранный член НАНТ, профессор (Франция),
САИДОВ Абдукаххор - доктор исторических наук, профессор
ФРАНКФОР Анри-Поль - иностранный член НАНТ, доктор исторических наук, профессор (Франция)
ХУДЖАГЕЛДИЕВ Тура - кандидат сельскохозяйственных наук
ЧУБАРЬЯН Александр - академик РАН (Россия)
ШАРИФЗОДА Абдували - кандидат исторических наук
ЯКУБОВ Юсуфшо - доктор исторических наук, академик НАНТ

© Институт истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша Национальной академии наук Таджикистана, 2026.

ISSN: 2709 - 7382

NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF TAJIKISTAN
AHMAD DONISH INSTITUTE OF HISTORY,
ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY

HISTORIAN

(scientific - theoretical journal)

№ 2 (46) 2026

The scientific and theoretical journal «Historian» was founded in 2015 and is published four times a year in Tajik, Russian and English. The magazine is registered with the Ministry of Culture of the Republic of Tajikistan under number 331/MJ-97 dated February 22, 2024.

Since April 26, 2018 is the List of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission (HAC) under the President of the Republic of Tajikistan and since February 21, 2022 under No. 1520HAC Ministry of Education and science of the Russian Federation.

CHIEF EDITOR: MURODZODA A. A., doctor of Historical Sciences, Associate Professor

EXECUTIVE EDITOR: Hamza Kamol, doctor of Historical Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD:

ABDURASHITOV Fozil - doctor of Historical Sciences, Professor
CHUBARYAN Alexander - academician of the Russian Academy of Sciences (Russia)
DODHUDOEVA Larisa - doctor of Historical Sciences, Professor;
DUBOVA Nadezhda - doctor of Historical Sciences, Professor (Russia)
FRANKFORT Henri - Paul - foreign Member of the NAST,
Doctor of Historical Sciences, Professor (France)
ISKANDAROV Kosimsho - doctor of Historical Sciences
MIRZOEV Shuhrat - candidate of Historical Sciences
KHUDZHAGELDIEV Tura - candidate of agricultural sciences
PIRUMSHO Khaidarsho - corresponding Member of the NAST,
doctor of Historical Sciences, Professor;
RAJABOV Askarali - doctor of Historical Sciences, Professor
RICHARD Francis - foreign Member of the NAST, Doctor of Historical Sciences, Professor (France)
SAIDOV Abdukakhhor - doctor of Historical Sciences, Professor
SHARIFZODA Abduvali - candidate of Historical Sciences
YAKUBOV Yusufsho - doctor of Historical Sciences, academician of the NAST

© Ahmad Donish Institute of history, archaeology and ethnography
of the National Academy of Sciences of Tajikistan, 2026.

МУНДАРИҶА – СОДЕРЖАНИЕ – CONTENTS

ТАЪРИХИ ВАТАНӢ – ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ – NATIONAL HISTORY

ЮСУФЗОДА М. Ш. Роҳи абрешим-занҷири пайвандгари тамаддунҳои Шарқу Ғарб.....5
СОҲИБНАЗАРЗОДА М. Д. Коркарди бадеии филиз ҳамчун бахши низоми фарҳангии Тохаристон ва Суғд дар асрҳои VI – VIII 12
САИДОВ А. Сохтори идорӣ - маъмурии империяи муғулҳо.....20
СОДИКОВА С. А. Технологии вязания и текстильные практики в северном регионе Великого Хорасана (Мавераннахра) во второй половине XIV и XV веков по свидетельству Клавихо.....27
МУКИМОВ Р. С. Архитектура и градостроительство на территории Таджикистана в эпоху Ахмада Дониша (вторая половина XIX - начало XX вв.....38
ИБРОҲИМЗОДА З. С. Тасвири ҷашни Наврӯз дар ёдгориҳои Осорхонаи миллӣ 48
ЁРХОНЗОДА О. Ё. Минтақаи Кӯлоб дар асрҳои IX – X.....56
ДУМАЕВА А. Р. Саҳми Федератсияи Россия дар омода кардани мутахассисони баланд-ихтисоси театр ва синамои тоҷик (солҳои 1946 -1989).....61
НАЗРИЗОДА Д. Ҳ. Ҳодисаҳои февралии соли 1990 дар Душанбе ва таъсири онҳо ба шиддат гирифтани вазъи сиёсӣ дар Тоҷикистон.....67
АКРАМОВ М. И. Становление и развитие гражданского общества и многопартийности в Республике Таджикистан (1991–2000 гг.).....77
РАХИМЗОДА К. С. Жанр «Касидахони» в таджикской музыкальной культуре.....86
ХОЛЗОДА Ш. И. Технические направления в высшем образовании: значимость и влияние на развитие общества.....92

БОСТОНШИНОСӢ – АРХЕОЛОГИЯ – ARHEOLOGISH

ХУДЖАГЕЛДИЕВ Т. У. ШАРИПОВ А. Ф. Яхсу – новая нижнепалеолитическая стоянка в Таджикистане.....102
ХОДЖАЕВА Н. ДЖ. Уникальные археологические находки Таджикистана периода Государственной независимости в коллекциях Национального музея древностей Таджикистана: проблемы интерпретации и датировки.....109
АСРОРИ Ш. Д. Археогенетический анализ неолитического образца из поселения Туткаул.....124
НАВРУЗБЕКОВ М. Н. Антропологический состав населения северных регионов Великого Хорасана в XVI–XVII вв. (исторические и антропологические данные).....129

ТАЪРИХНИГОРӢ ВА МАЪХАЗШИНОСӢ - ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ - HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

ХАКИМОВА З. Г. КАРИМОВА З. Ш. Костюм таджиков горных районов верхнего Зеравшана в XIX–XX вв. Как художественная система: источниковедческий анализ музейных коллекций и этнографических материалов.....136
МИРЗОШАРИФЗОДА Ҳ. М. Бозтоби марҳалаҳои ҷанги шахрвандии солҳои 20-уми асри XX-и Тоҷикистон дар осори Мулло Эркаев.....143
ҚОБИЛОВА Б. Т., САФАРОВА З. А.,
Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон ҳамчун маркази омӯзиши ҳунари ороишӣ ва амалии халқи тоҷик.....149

ТАЪРИХИ ИЛМ ВА ТЕХНОЛОГИЯ - ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ - HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

БАХРОМЗОД Р. БУРИЗОДА А. М. Реконструкция даты и параметров лунного затмения, предсказанного Ахмадом Донишем по свидетельству Садриддина Айни.....157

ТАЪРИХИ МУНОСИБАТҲОИ БАЙНАЛМИЛАЛӢ ВА СИЁСАТИ ХОРИҶӢ -ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ОТНОШЕНИЯ И ЗАРУБЕЖНОГО ПОЛИТИКА

НАЗАРОВА Т. Н. История и перспективы двусторонних отношений между Таджикистаном и Туркменистаном в постсоветский период.....166

УДК: 94 (575) 3

РОҲИ АБРЕШИМ - ЗАНҶИРИ ПАЙВАНДГАРИ ТАМАДДУНҲОИ ШАРҚУ ҒАРБ[1]

ЮСУФЗОДА М. Ш.,
Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ

Низоми роҳҳои тиҷоратии давраи қадим ва асрҳои миёна, ки кишварҳои Шарқу Ғарбро бо ҳам мепайваст, бо номи Роҳи бузурги абрешим маълум аст. Оид ба масъалаи ташаккул ва фаъолияти он, хусусияти молҳое, ки дар даврaҳои гуногун тавассути он интиқол мешуданд, адабиёти фаровон нашр шудааст. Аз ҷумла доир ба масъалаи мазкур олимони дохиливу хориҷӣ ба монанди Н. Н. Неъматов [9, 97-114], Ю. Я. Яқубов [15, 130-132], Е. И. Лубо – Лесниченко [6], Б. Я. Ставиский [12, 24], Э. В. Ртвеладзе [11], С. С. Тиллоев [13] Г. Р. Каримова [4, 19-28] ва дигарон асару мақолаҳои арзишманд навиштаанд.

Маводи ҷамъовардаи илми таърих имкон медиҳад, ки ба таври муфассалтар ба баррасии нақши марказҳои алоҳидаи минтақавӣ дар татбиқи робитаҳои тиҷоратӣ муносибат карда шавад. Номгӯйи молҳои серталаб муайян ва инчунин баъзе масъалаҳои вобаста ба самтҳои иртибототи тиҷоратӣ мушаххас гардад [7, 53].

Бояд тазаккур дод, ки пеш аз ташаккули Роҳи бузурги абрешим низ шабакаҳои қадимаи тиҷорат вуҷуд доштанд, аз ҷумла «Роҳи Нефрит» ва «Роҳи Лоҷувард». Масалан, ба воситаи «Роҳи Лоҷувард» истихроҷ ва интиқоли лоҷувард аз кӯҳҳои Бадахшон ба кишварҳои Мисру Ҳинд ва Байнаннаҳрайн ба роҳ монда шуда буд. Ин далелҳо гувоҳи онанд, ки равобити тиҷоратӣ ва фарҳангӣ байни минтақаҳои гуногун аз даврaҳои хеле қадим мавҷуд буда, ҳамчун омили муҳимми ҳамгироии тамаддунҳо хидмат мекарданд [2, 368].

Сайёҳи чинӣ Чжан Тсян, ки солҳои 140-130 то мелод ба Осиёи Марказӣ сафар карда буд, қайд менамояд, ки истихроҷ ва интиқоли санги нефрит ба Чин хеле пеш аз сафарҳои ӯ оғоз ёфта буд. Сарчашмаи чинӣ «Гуан-тсзӣ» низ ишора мекунад, ки миёнаравони асосӣ дар тиҷорати нефрит қабилаҳои юэҷӣ буданд, ки то асри III то мелод ҳудудҳои Туркистони Шарқиро назорат мекарданд [6, 213].

Бояд зикр намуд, ки истилоҳи «Роҳи абрешим» бори аввал дар солҳои 70-уми асри XIX аз ҷониби ҷуғрофидон ва геологи олмонӣ Фердинанд фон Рихтгофен ба гардиши илмӣ ворид карда шуда, баъдан, ин мафҳум маънои васеътар гирифта, тамоми маҷмуи робитаҳои тиҷоратиро дар давраи мазкур ифода мекард [1,12].

Қайд кардан ба маврид аст, ки дар рушду такомули Роҳи бузурги абрешим Чин нақши бузург дорад. Роҷеъ ба ин масъала Н. Х. Ахметшин маълумот дода чунин менависад: «Рушди робитаҳои тиҷоратӣ ва фарҳангӣ бо кишварҳои Осиёи Марказиву Ҷанубӣ, Шарқи Наздику Миёна ва ҳавзаи Баҳри Миёназамин яке аз саҳифаҳои дурахшони таърихи қадим ва асрҳои миёнаи Чин ба шумор меравад. Ин муносибатҳо, ки ҳанӯз дар ҳазораҳои II-I то мелод ба вуҷуд омада буданд, то охири ҳазораи I то мелод хусусияти устувор пайдо карданд. Пайдоиш ва шукуфоии ду империяи абарқудрат дар ғарб ва шарқи Авруосиё – империяи Рим ва сулолаи Хан

[1] Мақола дар доираи лоиҳаи Таърихи халқи тоҷик – «Бостоншиносии Тоҷикистон аз давраи санг то охири асрҳои миёна» марҳалаи дуюм: асри IV то мелод – охири асрҳои миёна (РБ 0126 TJ 01825) навишта шудааст.

боиси пайдо шудани бозорҳои бузурги фурӯши маҳсулот ва фаъол гардидани робитаҳои тиҷоратӣ шуданд. Дар ҳар ду самт корвонҳо ҳаракат мекарданд, ки бо молҳои гуногун бор шуда буданд. Ин молҳо дар ҳама давру замон арзиши баланд ва дар кишварҳои дур талаботи зиёд доштанд» [1,8].

Доир ба ташаккули ин роҳ бостоншиноси тоҷик, академик Юсуфшо Яқубов назари дигар дорад. Ӯ дар натиҷаи таҳлили осори зиёди гӯрхонаҳо ва дигар ёдгориҳои бостоншиносӣ чунин ақидаро пешниҳод кардааст: «Чи тавре маълум аст, Куруши Кабир дар дунё аввалин нафаре буд, ки империяи ҷаҳонӣ сохта, 73 қавму халқиятҳои мухталифи дунёро дар он муттаҳид намуда буд ва идора намудани он робитаи доимиро металабид. Бинобар, ин баъди вафоти Куруши Кабир, дар замони ҳукумати Дориюши Кабир ислоҳоти маъмурӣ, пулӣ, ҳарбӣ ва роҳҳо гузаронида шуд, ки аҳаммияти байналмилалӣ доштанд. Роҳи якум аз Шуш ба воситаи Осиёи Хурд то Қафқозу Кимерия (Қрим) ва баҳри Азов мерасид, яъне замини скиф-сакоиҳои соҳили баҳри Сиёҳро мепайваст. Роҳи дуюм аз шаҳри Мемфиси Миср то Бохтару Суғду Паракана (Фарғона) ва Хутан мерасид. Дар гӯри Пазирики Олтой гилеми замони Ҳахоманишиҳоро ёфтаанд, ки аз муносибати додугирифти марказҳои Осиёи Марказӣ бо ин гӯшаҳои дури ориёнишин гувоҳӣ медиҳад» [16, 6].

Ҳамчунин академик Ю. Яқубов дар ҷойи дигар вобаста ба ин ҳолат аз ҷумла чунин қайд менамояд: «Солҳои 1980-1989 дар гӯристони Зугунлуки назди деҳаи Карорайн ном ҷойи Синзиян - Хутани қадим олимони Фаронса қабристонеро ҳафриёт намуданд, ки дар он одамон бо либосашон гӯронида шудаанд. Мурдаҳо дар сар кулоҳи нӯгтези ба гурӯҳи кулоҳҳои сакоиҳои Тиграхуд нисбат доранд. Дигар хусусияти ориёӣ буданашон дар бадан танбон-шалвор доранд. Яке аз он далелҳо вожаи матои шоҳӣ ё абрешим мебошад, ки калимаи сифр тоҷикӣ буда, ба ақидаи ӯ вожаи русии «шёлк» бошад аз англисии «силк» ва чинии «сикҳой» аз вожаи тоҷикӣ иқтибос шудааст. Вожаи «абрешим» низ тоҷикӣ буда, аз ду бахш «абр» ва «ши (м)» иборат мебошад ва «абри сафед-ши(р)» ва «равшан» - ро ифода менамояд» [16, 7-8]. Ҳамаи далелҳои овардаи академик Ю. Яқубов бо бозёфтҳои бостоншиносӣ асоснок шудаанд. Бо такя ба ин далелҳо метавон ҳадс зад, ки шояд дар ҳақиқат бунёдгузорони аслии Роҳи бузурги абрешим ориёиҳо будаанд.

Дар баробари абрешим, ба кишварҳои дур инчунин оинаҳои биринҷӣ, маснуоти сафолӣ ва фарфор, ашёи гуногуни филизӣ бурда мешуданд. Ҳуҷҷатҳо ва номаҳои хусусие, ки аз ҷониби олимон дарёфт гардидаанд, ба асрҳои II-V мелодӣ тааллуқ доранд. Ин мадракҳо шаҳодат медиҳанд, ки коғаз тақрибан дар асрҳои II-I то мелод дар Чин ба вуҷуд омада буд ва аллакай пас аз 300-400 сол дар давлатҳои Осиёи Марказӣ васеъ истифода мешуд. Технологияи истеҳсоли он бошад, каме дертар дар давраи сулолаи Тан дар ин минтақа маълум гардид [1, 13-14].

Бояд тазаккур дод, ки Роҳи бузурги абрешим аз миёни чанд давлати қадим гузашта, то ба Рум рафта мерасид. Президенти кишвар Эмомалӣ Раҳмон дар асари худ «Тоҷикон дар оинаи таърих: Аз Ориён то Сомониён» перомуни роҳи бузурги абрешим маълумот дода, чунин менависанд: «Шоҳроҳи бузурги абрешим яке аз аввалин роҳҳои корвонгузари аҳди қадим ва асрҳои миёна буд, ки сарзамини аҷдодии моро бо Чину Ҳинд, Мисри Қадим, Бобул, Ошуру Мод ва билоди Форсу Рум мепайваст. Бохтари қадим ва Суғди бостонӣ дар чаҳорсӯйи Шоҳроҳи бузурги абрешим қарор дошта, қофилаи корвонҳои бешумор аз растаҳои хуштарҳу бозорҳои ободи ин сарзамини паҳновари ниёгони тоҷикон ҷониби Машриқу Мағриб мешитофтанд» [14, 18-19].

Академик Нуъмон Неъматов ҳангоми таҳлили рушди робитаҳои тиҷоратии давлати Кушониён, оид ба роҳи бузурги абрешим маълумот дода навиштааст: «Яке аз омилҳои муҳимми инкишофи тиҷорати дохилӣ ва хусусан берунӣ аз қаламрави давлати Кушониён гузаштани шоҳроҳи тиҷорати байналхалқӣ буд. Румиҳо ин роҳро, ки мамлакатҳои Ғарб – Рум, Юнон, Балкан, Пириней ва Баҳри Миёназаминро бо мамлакатҳои Шарқ – Осиёи Марказӣ, Чин ва Ҳиндустон пайваст мекард, Роҳи абрешим меномиданд. Чунин ном гирифтани ин роҳ аз он сабаб буд, ки муҳимтарин моле, ки бо ин роҳ ба Ғарб дохил мешуд, абрешими чинӣ буд. Аз рӯйи ахбори Птолемей, ки ба охири асри II то мелод мансуб аст, ин роҳ аз Фурот ва Байнаннаҳрайн, Экбатан (Ҳамадони асримиёнагӣ), Нисо ва Марви Порт, Суғд (Бухоро, Самарқанд), Фарғона гузашта ба Чин мерафт. Як шохаи шоҳроҳи тиҷорат аз Бохтар (Балх) ба воситаи кӯҳҳои Кумед (Рашт) ба Манораи сангин (гузаргоҳи Олой) ба мамлакати Серҳо (Чин) мерафт. Як шохаи дигари ин роҳ мутобиқи маълумоти сарчашмаҳо аз Арея (Ҳироти асри миёна) бо роҳи кӯҳӣ то Каписо (шимоли Кобул) ва аз онҷо ба Қандаҳор ва Ҳиндустон мерасид. Тавре ки мебинем ҳамаи се шохаи шоҳроҳи тиҷорат ё Роҳи абрешим аз қаламрави давлати Кушониён мегузаштанд ва табиист, ки ин пораи шоҳроҳ таҳти назорати онҳо буд» [10, 152-153].

Дар ибтидои асрҳои миёна давлатҳои кӯчӣ барои идора намудани қисме аз Роҳи бузурги абрешим талош менамоянд. Дар муборизаи ҳарбию сиёсӣ миёни давлатҳои кӯчӣ назорат бар роҳҳои шимолии Роҳи бузурги абрешим аҳаммияти махсус дошт. Маҳз тавассути ин роҳҳо ба кишварҳои ҷанубӣ пӯст ва навъҳои гуногуни матоъ интиқол дода мешуданд. Назорати роҳҳои тиҷоратӣ ба ҳокимони давлатҳои кӯчманчии туркӣ манбаи доимии даромадро таъмин менамуд.

Маводи бостоншиносӣ аз робитаҳои байни Суғд ва Сибир шаҳодат медиҳад. Масалан, робитаҳои шаҳри Пайканд бо маҳалли зисти туркҳо дар соҳили дарёи Унга, инчунин робитаҳои Панҷакенти қадим низ тасдиқ шудаанд. Ин робитаҳо тавассути таҳлили кимиёвии ашёи шишагӣ аз ҷониби муҳаққиқон исбот гардидаанд. Илова бар ин, ба истилоҳ «роҳи собол» вуҷуд дошт, ки аз тариқи Ҳафтрӯд, Сибири Ҷанубӣ ва Муғулистони Шимолӣ то минтақаи Амур мегузашт. Дар ҳавзаи Минусинск бостоншиносон оинаҳои суғдиро пайдо кардаанд, ки эҳтимол аз мавҷудияти як колонияи суғдӣ дар ин минтақа шаҳодат медиҳад. Дар ҳудуди Илани имрӯза шаҳри қадимаи Угочен («шаҳри панҷ мулк») ҷойгир будааст. Ба андешаи баъзе муҳаққиқон, истилоҳи «уго» ба суғдиён ишора мекунад ва номи ин шаҳр бо номи Панҷакенти қадим шабоҳат дорад [8, 3-10].

Бояд зикр намуд, ки шохаҳои Роҳи бузурги абрешим дар гузашта аз манотиқи мухталифи Тоҷикистон мегузашт. Баъди ба даст овардани Истиқлоли давлатӣ олимон ба омӯзиши шохаҳои ин роҳи аҳаммияти байналмилалидошта машғул шудаанд. Яке аз онҳо бостоншинос Г.Р. Каримова ба ҳисоб меравад. Ӯ бо такя ба таҳқиқоти васеъи бостоншиноси рус Б. Я. Ставиский ва истифода аз сарчашмаҳои қадимаи эронӣ, юнонӣ, румӣ ва манобеи асри миёнаи чинӣ, форсӣ ва арабӣ ба тавсифи шохаҳои Роҳи бузурги абрешим, ки аз қаламрави Тоҷикистон мегузаштанд, пардохтааст. Дар натиҷаи таҳлили сарчашмаҳо аз ҷониби ин бостоншинос чаҳор шохаи асосии Роҳи бузурги абрешим, ки тавассути минтақаҳои гуногуни Тоҷикистон мегузаштанд, муайян гардидаанд:

«1. Шохаи Суғдӣ – ин шоха аз Самарқанд оғоз ёфта, тавассути Панҷакент, Вағаштон (Наврӯзшоҳ) ва шаҳракҳои Варз (Айнӣ), Бунҷикат (Шаҳристон), Истаравшан, Ҳаватак, Куркат, Хуҷанд, Конибодом ва Исфара идома меёфт. Ин шоха яке аз самтҳои муҳимми тиҷорат ва фарҳанги байниминтақавӣ ба шумор мерафт, ки Суғдро бо водии Фарғона мепайваст;

2. Шохаи Қаротегинӣ (Рашт) – ин шоха дар «Дастури чуғрофӣ» - и Батламиус (асри II мелодӣ) низ зикр ёфтааст. Он аз Тирмиз (дар ҳудуди Узбекистон) оғоз гардида, тавассути Регар (ҳоло Турсунзода), Ҳисор, Душанбе, Андигон (Кофарниҳон), Вошгирд (Файзобод), Дарбанд (Сариҷар), Гурканд (Ғарм), Ҳоит, Лахш, водии дарёҳои Сурхоб ва Қизилсӯ ба самти Дарутқӯрғон (Қирғизистон) ва водии Олой то Қошғар (Чин) мерасид. Ин шоха робитаи мустақими минтақаҳои марказии Тоҷикистонро бо Чин таъмин мекард;

3. Шохаи Хатлонӣ – ин шоха аз роҳи қаротегинӣ ҷудо гардида, ба ҷануб ҳаракат мекард. Шохаи мазкур аз Душанбе ба самти Тамлиёт (Данғара), Бурбон (Данғара), Мунк (Ховалинг), Ҳулбук (Қурбоншаҳид), Рустак (Сайёд), Фархор, Ковбанҷ (Панҷ), Ҳаловард (Ҷалолиддини Балхӣ), Леваканд (Бохтар) ва Қубодиён идома ёфта, ба Балх (Хуросон) пайваст мешуд. Аз он ҷо роҳ ба шохаи ҷанубии Роҳи бузурги абрешим мепайваст. Аз миёни шаҳрҳои дар боло зикргардида шаҳри Ҳулбук ҳамчун маркази маъмурию фарҳангии давраи Сомониён дар ин шоха аҳаммияти хоса дошт;

4. Шохаи Ҷанубӣ (Роҳи бузурги Помир) – ба ақидаи бостоншинос А. Зеленский ин шоха бо номи «Роҳи бузурги Помир» машҳур аст. Он аз Балх оғоз ёфта, тавассути Барпанҷа (Шуғнони Афғонистон) ба Хоруғ мерасид ва аз ин ҷо роҳ ба се шоха тақсим мешуд:

– Шохаи Вахон – аз Ишкошим тавассути Лангар ва водии Вахондарё ва Тошқурғон (Чин) мерафт;

– Шохаи Шуғнон – аз Хоруғ тавассути Сучон, Ҷилондӣ, Мурғоб ва гузаргоҳи Қулма ба самти Тошқӯрғон тӯл мекашид;

– Шохаи сеюм-роҳро ба самти Рашт пайваст мекард ва аз Сариҷар, Тавилдара (ҳоло Сангвор), Қалъаи Хумб, водии дарёи Панҷ, Қалъаи Рохарв (Ванҷ), Язғулом ва Қалъаи Вомар (Рӯшон) то Хоруғ идома меёфт» [4, 20-21].

Бо вуҷуди аҳаммияти бузурги стратегӣ ва фарҳангӣ доштан самти хатсайрҳои Роҳи бузурги абрешим доимӣ набуданд. Он вобаста ба вазъияти сиёсӣ, омилҳои иқлимӣ ва ҷангҳои байнидавлатӣ тағйир меёфт. То ба имрӯз ягон хатсайри ягона ва дақиқи ин роҳ дар саросари Авруосиё пурра муайян нашудааст. Бо вуҷуди ин, якчанд минтақаҳои калидии кишоварзӣ ва мадании Осиёи Марказӣ, ки аз соҳили шарқии баҳри Каспий то кӯҳҳои Тиёншон тӯл мекашанд, ҳамчун воҳаҳои равшани шабакаи роҳҳо шинохта шудаанд. Ин минтақа воҳаҳои водиҳои Зарафшон ва Қашқадарёро дар бар гирифта, дар давраҳои қадим минтақаи ягонаи таърихиву фарҳангии суғдиёнро ташкил медод. Суғдиён на танҳо дар тиҷорат фаъол буданд, балки дар эҷоди равияҳои нави фарҳангӣ, аз ҷумла дар соҳаҳои мусиқӣ, санъати тасвирӣ ва меъморӣ саҳми босазо гузоштаанд. Онҳо инчунин, дар тарвиҷ ва нашри динҳои гуногун аз ҷумла зардуштия, буддоия ва монавия ба минтақаҳои гуногуни Авруосиё нақши муҳим бозидаанд.

Масъалаи дигари марбут ба рушди Роҳи бузурги абрешим бунёди корвонсаройҳо дар ин масири бузурги тиҷоратӣ буд. Дар ташкили тиҷорати байналмилалӣ корвонсаройҳо, ки ҳамчун истгоҳҳои мустаҳками тиҷоратӣ хизмат мекарданд, нақши муҳимми хизматрасонӣ ва зерсохтиро иҷро мекарданд. Ин сохторҳо бо сармояи гурӯҳҳои тоҷирон нигоҳ дошта мешуданд ва шароити зистро барои тоҷирон, хидматгорон ва нигоҳдории чорвои боркаш (шутур, асп) ва молҳои савдоӣ фароҳам месохт. Истахрӣ дар бораи як намунаи маъруфи корвонсаройи мавҷуд дар Суғд маълумот дода, қайд мекунад: «Ман дар Суғд саройе дидам ва дари он саро ба девор боздӯхта буданд ба мех. Пурсидам, ки ин чӣ маънӣ дорад? Гуфтанд сад сол зиёд аст, ки ин дар боз аст, ки шабу рӯз набастаанд. Ва бувад, ки сад савор ва бештар ногаҳ беҳангом бирасанд ва Худованди саройро ҳоҷат набувад, ки аз ҷойи худ бичунбад» [1, 14].

Оид ба ин масъала бостоншинос Г. Р. Каримова маълумот дода, менависад: «Дар тӯли тамоми роҳ, тақрибан дар ҳар 25-30 км (яъне масофаи як рӯзи ҳаракати корвонҳо) корвонсаройҳо бунёд мешуданд. Дар чунин корвонсаройҳо ҳуҷраҳои иборат аз 2-3 утоқ барои тоҷирон ва хизматгорони онҳо мавҷуд буданд. Дар наздикии онҳо ҷойҳои махсус барои нигоҳдории ҳайвоноти боркаш низ пешбинӣ гардида буданд. Ба хидмати мусофирон дар корвонсаройҳо як ҳайати пурраи хизматрасон фаъолият мекард: сартарошон (ки ҳамзамон ёрии тиббӣ мерасониданд), котибон, оҳангарон, тарҷумонҳо, хизматгорон ва посбонон» [5, 108].

Таҳлили ақидаҳои Г. Р. Каримова нишон медиҳад, ки дар рушди Роҳи бузурги абрешим корвонсаройҳо нақши бориз доштаанд. Онҳо воситаи асосии таъмини амнияти корвонҳои тиҷоратӣ ва макони будубоши тоҷирон дар масири Роҳи бузурги абрешим буданд.

Таҳлили маводи мавҷуда нишон медиҳад, ки Роҳи бузурги абрешим ҳамчун низоми мураккаби шабакаҳои тиҷоратӣ, сиёсӣ ва фарҳангӣ дар таърихи инсоният нақши муҳим бозидааст. Ин роҳ на танҳо воситаи интиқоли молу маҳсулот буд, балки ҳамчун фазои тафоҳуми тамаддунҳо, мубодилаи арзишҳои фарҳангӣ ва интиқоли дастовардҳои илмӣ-техникӣ байни Шарқу Ғарб хизмат мекард.

Нақши давлатҳои бузурги таърихӣ, аз ҷумла Кушониён, Сосониён ва баъдан давлатҳои кӯчии туркӣ, дар ташаккул ва назорати шохаҳои гуногуни Роҳи бузурги абрешим хеле назаррас буд. Ҳамзамон, мубориза барои назорати роҳҳои тиҷоратӣ миёни қувваҳои сиёсӣ нишон медиҳад, ки Роҳи бузурги абрешим на танҳо дорои аҳаммияти иқтисодӣ, балки дорои аҳаммияти бузурги геополитикӣ низ буд.

Маводи бостоншиносӣ ва сарчашмаҳои хаттӣ нақши муҳимми минтақаҳои Осиёи Марказӣ, бахусус Суғд ва Бохтарро дар рушди тиҷорати байниминтақавӣ тасдиқ менамоянд. Суғдиён ҳамчун миёнаравони асосии тиҷорат дар паҳн намудани молҳо, забон, фарҳанг ва ҳатто эътиқодоти динӣ саҳми назаррас гузоштаанд. Таҳқиқоти олимон нишон медиҳад, ки қаламрави Тоҷикистон яке аз гузаргоҳҳои муҳимми ин роҳ буда, аз он якчанд шохаҳои калидии Роҳи бузурги абрешим мегузаштанд, ки минтақаҳои гуногуни Авруосиёро бо ҳам мепайвастанд.

Таҳлили номгӯйи молҳои интиқолшаванда (аз ҷумла абрешим, нефрит, лоҷувард, коғаз, маснуоти металлӣ ва ғайраҳо) нишон медиҳад, ки ин роҳ на танҳо барои интиқоли ашёи қимматбаҳо, балки барои паҳн гардидани технологияҳои нав, аз ҷумла истеҳсоли коғаз аҳаммияти калон дошт. Ин раванд ба рушди фарҳангӣ ва илмии минтақаҳои гуногун мусоидат намуд.

Дар ниҳоят, нақши инфрасохторӣ, бахусус корвонсаройҳо, дар фаъолияти устувори ин роҳ хеле муҳим буд. Онҳо ҳамчун марказҳои хизматрасонӣ, тиҷорат ва муошарати фарҳангӣ фаъолият намуда, шароити заруриро барои ҳаракати бехатари корвонҳо таъмин мекарданд. Мавҷудияти чунин низоми рушдёфтаи хизматрасонӣ аз сатҳи баланди ташкили тиҷорати байналмилалӣ дар он давра шаҳодат медиҳад.

Ҳамин тариқ, Роҳи бузурги абрешимро метавон на танҳо як роҳи тиҷоратӣ, балки ҳамчун падидаи тамаддунсоз арзёбӣ намуд, ки дар ташаккули робитаҳои иқтисодӣ, фарҳангӣ ва сиёсӣ миёни халқҳои Шарқу Ғарб нақши ҳалкунанда бозидааст.

АДАБИЁТ

1. Абуисҳоқ Иброҳими Истахрӣ. Масолик ва мамолик. Теҳрон 1340 ҳ.х. /Камол Ҳ. Ганҷе аз ниҳонхонаи таърих. Сарредаксияи илмии Энсиклопедияи миллии Тоҷик. – Душанбе, 2025. – 200.

2. Ахметшин, Н. Х. Тайны Шелкового пути. Записки историка и путешественника. Москва: изд. «Вече», 2002. – 416 с.

3. Бобомуллоев, С. Г. Памятники Таджикистана на Великом шелковом пути // Цивилизации Великого шелкового пути из прошлого в будущее: перспективы естественных, общественных, гуманитарных наук: материалы Международной научной конференции, Самарканд, 28-29 сентября 2017 г. (приложение к Вестнику МИЦАИ №26, 2017). – Самарканд, 2017. – С.368-375.

4. Каримова Г. Р. Согд на Великом Шёлковом Пути /Маҷмуаи илмӣ бахшида ба ҷамъбасти ҳафриёти солона дар водии Зарафшон. – Панҷакент, 2017. – С.19-28.

5. Каримова Г. Р., Юсуфзода М. Ш. Торговые отношения в истории великих торговых путей Центральной Азии/Искусство вышивания сузани: проблемы сохранения традиций. Пенджикент. 2025. – С.105-113.

6. Лубо-Лесниченко Е. И. Китай на Шелковом пути. Шелк и внешние связи древнего и средневекового Китая. – М: Восточная литература, 1994. – 260 с.

7. Мамлеева Л. А. Становление Великого шелкового пути в системе трансцивилизационного взаимодейсвия народов Евразии/ Vita Antiqua № 2, Киев: 1999. – С.53-62.

8. Негматов Н. Н. Историко-культурная область Уструшана. (Материальная культура Уструшаны) /Древняя Уструшана: города, их локализация и хронология. Душанбе, 2003. Вып.5. С. 3-106.

9. Негматов Н. Н. Концепция истории и реалии «Великого Шелкового пути» /Центрально Азиатские гуманитарные исследования. – Худжанд, 1998. – № 2. – С.97-114.

10. Неъматов Н. Н. Таърихи халқи тоҷик: китоби дарсӣ / Н. Н. Неъматов, Ф. Ю. Носирова, С. Бобомуллоев и др. – Душанбе: Сарпараст, 2003. – 368 с.

11. Ртвеладзе Э. В. Великий Шелковый путь. Энциклопедический справочник: древность и средневековье /Э. В. Ртвеладзе. – Ташкент: ЎзМЭ, 1999. – 277 с.

12. Ставиский Б. Я. Великий Шелковый путь /Культурные ценности. Международный Ежегодник. 1995. – СПб.: Европейский дом, 1997. – С. 24.

13. Тиллоев С. С. Роль Великого шелкового пути в формировании и развитии городов на территории современного Таджикистана в II В. до н.э. – XVI в. н.э.: дис... д-ра истор. наук/Тиллоев Сангахмад Самадович. – Душанбе, 2014. – 332 с. + 88 с. илю.

14. Эмомалӣ Р. Тоҷикон дар оинаи таърих. Аз Ориён то Сомониён /Р. Эмомалӣ. – Нашри 2. – Душанбе: Ирфон, 2020. – 704 с.

15. Якубов Ю. Я. Торговые пути между городами северного Тохаристана /Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье (тезисы докладов международного семинаре ЮНЕСКО), Самарканд 1-6 октября 1990 г. Ташкент: изд-во «Фан», 1990. – С.130-132.

16. Яқубов Ю. Ориёиҳо асосгузори Роҳи бузурги абрешим/Муаррих. – Душанбе, 2025. – № 3 (43). – С.5-12.

РОҲИ АБРЕШИМ-ЗАНҶИРИ ПАЙВАНДГАРИ ТАМАДДУНҲОИ ШАРҚУ ҒАРБ

Мақолаи мазкур ба таҳлили ҳамаҷонибаи Роҳи бузурги абрешим ва нақши он дар рушди робитаҳои тиҷоратӣ, иқтисодӣ ва фарҳангии байни кишварҳои Шарқу Ғарб бахшида шудааст. Муаллиф дар заминаи сарчашмаҳои таърихӣ, бозёфтҳои бостоншиносӣ ва таҳқиқоти олимони ватаниву хориҷӣ масъалаҳои ташаккул, марҳалаҳои рушд ва самтҳои асосии ин шабакаи бузурги тиҷоратиро мавриди баррасӣ қарор додааст.

Муаллиф бо такя ба андешаҳои муҳаққиқон нишон додааст, ки қаламрави Тоҷикистон яке аз гузаргоҳҳои асосии Роҳи бузурги абрешим буда, аз он якчанд шоҳаҳои муҳим, аз ҷумла шоҳаҳои Суғдӣ, Қаротегинӣ, Хатлонӣ ва Помирӣ мегузаштанд. Ҳамзамон, дар мақола ба номгӯйи молҳои интиқолшаванда, аз қабили абрешим, лоҷувард, нефрит, коғаз ва маснуоти филизӣ таваҷҷуҳ зоҳир гардида, аҳаммияти онҳо дар рушди иқтисодӣ ва паҳншавии технологияҳои нав нишон дода шудааст.

Нақши корвонсаройҳо ҳамчун унсури басо ҳам муҳимми инфрасохторӣ дар таъмини амният ва фаъолияти мунтазами тиҷорат низ баррасӣ мегардад. Ҳамин тавр, Роҳи бузурги абрешим ҳамчун як низоми мураккаби шабакаҳои тиҷоратӣ ва фарҳангӣ арзёбӣ гардида, на танҳо воситаи мубодилаи мол, балки омили муҳимми ҳамгироии тамаддунҳо ва интиқоли арзишҳои илмӣ ва фарҳангӣ байни халқҳо дониста мешавад.

Калидвожаҳо: *Роҳи бузурги абрешим, тиҷорати байналмилалӣ, Осиёи Марказӣ, Суғд, Бохтар, Тоҷикистон, корвонсарой, робитаҳои фарҳангӣ, шабакаҳои тиҷоратӣ, молҳои содиротӣ.*

ШЁЛКОВЫЙ ПУТЬ КАК СВЯЗУЮЩЕЕ ЗВЕНО МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Данная статья посвящена всестороннему анализу Великого Шелкового пути и его роли в развитии торговых, экономических и культурных связей между странами Востока и Запада. На основе исторических источников, археологических находок и исследований отечественных и зарубежных ученых автор рассматривает вопросы формирования, этапов развития и основные направления этой великой торговой сети.

Опираясь на идеи исследователей, автор показывает, что территория Таджикистана являлась одним из главных пересечений Великого Шелкового пути, через который проходили несколько важных ветвей, включая согдийскую, каротегинскую, хатлонскую и памирскую. Одновременно в статье обращается внимание на перечень перевозимых товаров, таких как шелк, лазурит, нефрит, бумага и металлические изделия, и показывается их важность в экономическом развитии и распространении новых технологий.

Также рассматривается роль караван-сараев, как важного элемента инфраструктуры, обеспечивающего безопасность и регулярную торговлю. Таким образом, Великий Шелковый путь рассматривается как сложная система торговых и культурных связей, не только как средство обмена товарами, но и как важный фактор интеграции цивилизаций и передачи научных и культурных ценностей между народами.

Ключевые слова: *Великий шёлковый путь, международная торговля, Центральная Азия, Согд, Бактрия, Таджикистан, караван-сарай, культурные связи, торговые сети, экспортные товары.*

THE SILK ROAD AS A LINK BETWEEN THE CIVILIZATIONS OF THE EAST AND THE WEST

This article presents a comprehensive analysis of the Great Silk Road and its role in the development of trade, economic, and cultural relations between the countries of the East and the West. Based on historical sources, archaeological evidence, and studies by both domestic and foreign scholars, the paper examines the formation, stages of development, and main directions of this extensive trade network.

Drawing on scholarly perspectives, the author demonstrates that the territory of present-day Tajikistan was one of the key transit regions of the Great Silk Road. Several important branches passed through this area, including the Sogdian, Karategin, Khatlon, and Pamir routes. Particular attention is paid to the range of traded goods, such as silk, lapis lazuli, jade, paper, and metal products, as well as their significance in economic development and the diffusion of new technologies.

The article also highlights the role of caravanserais as a crucial infrastructural element that ensured the safety and regular functioning of trade activities. In conclusion, the Great Silk Road is evaluated as a complex system of trade and cultural networks that served not only as a means of commodity exchange but also as an important factor in the integration of civilizations and the transmission of scientific and cultural values among peoples.

Keywords: *Great Silk Road, international trade, Central Asia, Sogdiana, Bactria, Tajikistan, caravanserai, cultural relations, trade networks, export goods.*

Сведения об авторе: Юсуфзода Мухаммадджон Шафе - научный сотрудник Национального музея древностей Таджикистана при Институте истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана.Тел.: (+992) 909-00-96-33.**E-mail:** muammadon840@gmail.com, https://orcid.org/0009-0002-0639-180X

Information about the author: Yusufzoda Muhammadjon Shafee - Research Fellow at the National Museum of Antiquities of Tajikistan under the A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan.**Tel.:** (+992) 909-00-96-33. **E-mail:** muammadon840@gmail.com, https:/orcid.org/0009-0002-0639-180X

УДК:088 (091) (575.3)

КОРКАРДИ БАДЕИИ ФИЛИЗ ҲАМЧУН БАХШИ НИЗОМИ ФАРҲАНГИИ ТОХАРИСТОН ВА СУҒД ДАР АСРҲОИ VI – VIII

СОҲИБНАЗАРЗОДА М. Д.,
Донишгоҳи технологии Тоҷикистон

Таҳқиқи коркарди бадеии филиз дар Тохаристон ва Суғд (асрҳои VI–VIII) барои таърих ва бостоншиносии Осиёи Марказӣ аҳаммияти калидӣ дорад. Ин давра бо тағйироти шадиди иҷтимоӣ-сиёсӣ, иқтисодӣ ва фарҳангӣ дар заминаи Роҳи Абрешим ва густариши иртибототи минтақавӣ тавсиф мешавад. Ашёҳои филизӣ на танҳо артефактҳо, балки рамзҳои фарҳангӣ, меъёрҳои эстетикӣ ва анъанаҳои техникии замонанд.

Барои бостоншиносӣ онҳо хронологияро дақиқ, марказҳои маҳаллиро муайян ва технологияҳоро бозсозӣ мекунанд. Барои таърих, ҳамчун унсури фарҳанги бадеӣ ва сохторҳои иҷтимоӣ, мақом, тасаввуроти динӣ ва шамоилнигорӣ - иконографияро инъикос мекунад, ҳамчунин таъсири анъанаҳои эронӣ, туркӣ, ҳиндӣ ва византияро ошкор менамояд.

Дар адабиёти илмӣ масъалаи коркарди бадеии филиз дар Тохаристон ва Суғд дар асрҳои VI–VIII аксар вақт ҷудогона баррасӣ шудааст - асосан дар доираи нашрҳои ёдгориҳои алоҳидаи бостоншиносӣ, бозёфтҳо ва таҳқиқоти мавзуӣ. Маводи муфассал дар бораи ашёи филизӣ дар ҳисобот ва нашрҳои корҳои бостоншиносии Ю. Яъқубов, В. С. Соловёв, А. М. Беленитский, Б. И. Маршак, В. И. Распопова ва В. А. Шишкин [17,299; 18; 19,178-193; 12,331; 2,36-38; 3,80-96; 8,224-270;15] мавҷуданд, ки ашёи филизӣ ҳамчун ҷузъи фарҳанги моддии Лахш, Панҷакент, Варахша, Самарқанд ва дигар марказҳо ба гардиши илмӣ ворид шудаанд. Ашёҳои алоҳидаи бадеӣ, аз ҷумла ороишоти заргарӣ ва шаклҳои ҳайкалӣ, дар таҳқиқоти О. И. Қаландарова, Н. Н. Неъматов, Л. И. Ремпел ва К. В. Тревер [4; 9; 11; 14] таҳлил шудаанд, ки дар онҳо масъалаҳои навъ, услубшиносӣ ва иконография баррасӣ гардидааст.

Мазмуни динӣ ва рамзии ашёи филизӣ дар асарҳои Н. А. Кисляков [5] ва Ю. Яъқубов [17-19], ки ба парастиш ва эътиқодоти Суғди қадим бахшида шудаанд, инъикос ёфтааст, дар ҳоле ки таҳқиқоти бостоншиносон Ш. Ф. Қурбонов, П. Б. Луре, А. Раззоқов ва Ю. П. Манилов [6;7;10] захираҳои манбаиро барои давраи охири аҳди бостон ва асри миёнаи аввал амиқтар кардааст. Бо вуҷуди ҷамъоварии миқдори назарраси маводи бостоншиносӣ ва иконографӣ, коркарди бадеии филиз то ҳоло ҳамчун ҷузъи мустақили низоми пурраи фарҳангии Тохаристон ва Суғд баррасӣ нашудааст, ки зарурати таҳқиқи маҷмуӣ ва байнифаннӣ оид ба ин масъалаеро тақозо мекунад.

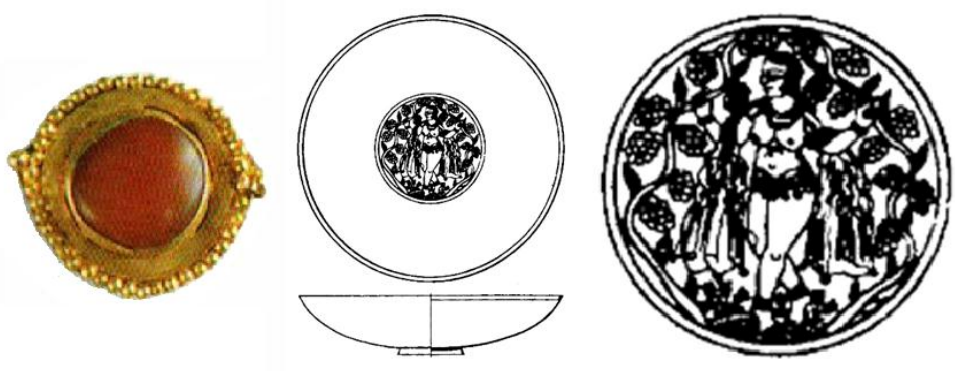
Бозёфтҳои бостоншиносӣ нишон медиҳанд, ки коркарди филизот дар аввали асрҳои миёна хеле рушд ёфта буд. Аз оҳан асосан силоҳ (тирпора, найза, корд, шамшер) ва ашёи рӯзмарра (занҷир, наъл, коса, табар, қошуқ) истеҳсол мешуданд. Биринчӣ барои қулф, калид, абзори дӯзандагӣ, ороишот ва равшанидиҳандаҳо кор мерафт. Тилло ва нуқра барои санъати амалӣ (торевтика, ҷавоҳирот, медалонҳо, ҳайкалчаҳои филизӣ) истифода мешуданд.

Тохаристон. Дар гӯристони Лахш II (водии Рашт, Тохаристон) дар қабри мард шамшери дусара, косаи нуқра ва марҷони тиллокорӣ бо лаъли сурх ёфт шудааст [4, 110-117]. Косаи нуқра бо рӯйпӯши тилло беназир аст: қутри гулӯгӯҳ 24 см, баландӣ 6 см. Дар поёни коса, дар доираи тиллошуда, ду дарахти мевадиҳанда ва дар байни онҳо зани

нимбараҳна дар теппаи заррин дар соҳил тасвир шудааст. Зани бо марҷон, дастбанд, камари тиллоӣ ва кокулҳои кӯтоҳ оросташуда. Дарахтон услубӣ ва меваашон ба ангур монанд аст.

Ин саҳна дар ҳунарҳои ороишии дигар минтақаҳои сукунати эронитабор (сосониҳо, суғдиҳо) такрор намешавад [19, 188-190]. В. С. Соловёв онро инъикоси тани зебои зан мешуморад, ки ба фурӯши молҳои устодон ёрӣ мерасонд [12, 331].

Аз мақбараи Бурхи муқаддас (водии Сангвор) чароғи оҳанини дуқабата бо нақши чор ҳайвони якхела ёфт шудааст. Бостоншинос Ю. Яъқубов онҳоро гӯсфанди кӯҳӣ муайян карда, иконографияашонро пешазисломӣ медонад [17, 299]. Бо вуҷуди ин, бо назардошти робитаи Бурхи муқаддас ба парастиши бузи кӯҳӣ, эҳтимол ин тасвирҳо на гӯсфанд, балки бузҳои кӯҳӣ мебошанд [5, 181-189].



Гӯристони Лахш II. Қурғони 3. Нишонаи ороишии тиллоӣ бо сердолик (санги қимматбаҳо). Пиёлаи нуқрагин ва нақши ҳаккокишуда дар пояи он. Асрҳои III–VI.

Ҳамчунин, пояки гулӯбинии шаҳраки Ширкент (ноҳияи Турсунзода) ҷолиб аст: дастакаш шакли зани нимпӯшида то камар (баландӣ 3,4 см) ва ӯ дар ҳаракат аст, рӯсариаш аз шонаи рост овезон, охираш дар даст. Сӯрохие дар сараш барои ресмон нишон медиҳад, ки он овезак будааст [12, 331].

Дар дафинаи асрҳои VII - оғози VIII аз деҳоти Ҳоит (водии Рашт) овезаи тиллоӣ ба шакли зан (монанд ба императори Византия), овезаи кулӯла ва пораи ойинаи биринҷӣ ёфт шудааст. Ойинаи чоркунҷа, эҳтимолан аз Чин, бо тасвири паррандаҳо, ҳайвонот ва тӯморҳои ангур оро ёфтааст.

Овезаи тиллоӣ пайкари занеро нишон медиҳад, ки либоси қатроншакл, дастпӯшакҳои дароз, камарбанди ороишӣ ва мӯйҳои пушт ба шакли кулӯла бо ҳалқа дорад. Қисми поёнаш шикаста, рӯйи он ва гӯшвораҳо бо сангҳои рангоранг оро ёфтаанд. Дар дасти чап ашёи растанишакл, дасти рост ба самти поён аст. Ба ҳайкалчаи пластикӣ, устуворӣ, гардиши камар ва сар хос аст. Е. К. Тревер ин иконографияро бо тасвири Аноҳито ва ипостасҳояш рабт медиҳад [14, 130-146].

Суғд. Дар асрҳои VII–VIII таъсири ҳунари сосонӣ ва арабӣ дар Аврупо ва Шарқ паҳн гардид, хусусан дар торевтика, бофандагӣ ва коркарди санг. Ин ҳунар дар Руси Қадим, Фаронса ва Чин эътироф шуда буд.

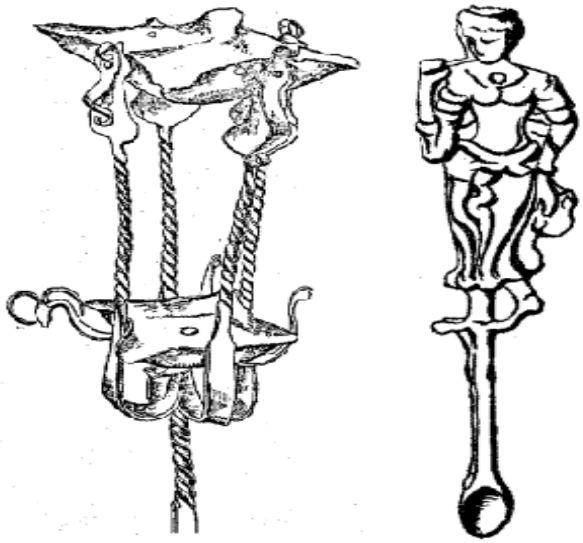
Истилоҳҳои «ҳунари сосонӣ» ва «санъати арабӣ» шартӣ мебошанд, зеро онҳо маҳсули фаъолияти ҳунармандони минтақаҳои мухталифи Сосониён ва Хилофати Араб мебошанд.

Филизи сосонӣ дар Эрон, Осиёи Марказӣ ва Қафқоз истеҳсол мешуд. Бисёре аз намунаҳои «ҳунари сосонӣ» дар асл маҳсули ҳунармандони суғдӣ ва хоразмӣ мебошанд.

Заргарон гурӯҳи сайёри ҳунармандон буданд, бинобар ин шаклҳои зарфҳо ва мавзуъҳои ороишӣ дар Эрон, Қафқоз ва Суғд пайдо мешаванд. Наздикӣ дар тасвирҳои динӣ - асотирӣ асоси шарқӣ - эллинистӣ дорад.

Хусусиятҳои маҳаллӣ дар мавзуъҳои дунявӣ (дарборӣ, маросимҳо, ҷашнҳо, афсонаҳо) инъикос меёбанд.

Дар Суғд коркарди бадеии филиз ба сатҳи баланд расида буд. Намунаҳои торевтикаи суғдӣ асосан дар Русия кашф шудаанд. Дар ороиши онҳо нақшҳои наботӣ, ҳандасӣ ва саҳнаҳои зиндагӣ дида мешаванд. Мавзуъҳои маъмул: тасвири шартии подшоҳ (саҳнаи таҳдид, истироҳат ё шикор), саҳнаҳои шикор, ки дар онҳо драматизм ва ҳаракат бартарӣ дорад. Намунаи барҷаста - «Шикорчии суғдӣ» дар Эрмитаж, ки ба ҳамлаи Шопури II бо шерон монанд аст.



Аз тарафи чап – камарбанди оҳанин аз мақбараи Бурхи муқаддас, деҳаи Боршид, ноҳияи Сангвор, давраи то ислом.
Аз тарафи рост – гӯштозакунаки мисӣ, шаҳраки Ширкент, шаҳри Турсунзода.

Ашё аз деҳоти Ҳоит (водии Рашт): аз чап - ҳайкалчаи тиллоӣ;
аз рост - оинаи биринҷии асрҳои VII - ибтидои VIII.

Ба осори суғдӣ табақи нуқра бо «Муҳосираи қалъа» мансуб аст. Тасвирҳо сода, вале ҳаётӣ ва воқеиянд. Саҳнаи тӯй ва ҷанги ду паҳлавон бо зиреҳ дар табақҳои нуқрагини Эрмитаж инъикос ёфтаанд, ки ҷузъиёти силоҳ ва либос дақиқ нишон дода шудаанд. Дар торевтикаи суғдӣ расму ойинҳои дарборӣ низ ҷой доранд, аммо идеали маҳаллии ритсарӣ бештар эҳсос мешавад.

Фарҳанги Суғд шаклҳои бадеиро аз Эрон иқтибос намуда, онҳоро ғанӣ гардонидааст. Масалан, зарфҳои нуқрагин бо дастакҳои ҳалқашакл, ки ба сафолҳои туркӣ, суғдӣ ва филизи хакасиён наздиканд. Табақҳои нуқрагин бо тасвири худои чордаста (ду дасташ рамзҳои моҳу офтоб, ду дасташ асо ва ҷом) низ ба анъанаи суғдӣ мансубанд.

Теъдоде аз кӯзаҳои хурди нуқрагин аз Русия, ки дар ороишашон раққосон зери аркҳо ҷой доранд, эҳтимолан пайдоиши суғдӣ доранд. Ин намунаҳо аз лиҳози фазосозӣ ва пластика ба дигар осори суғдии ҳамон давра монанданд.

Кӯзаи Эрмитаж бо тасвири шутури болдор низ суғдӣ мебошад. Дар Варахша тахти ҳокими Бухоро ҳамчун шутури болдор тасвир шудааст. Солномаи чинӣ «Бэйшӣ» [15, 109] ва «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ [9, 413-431] инро тасдиқ мекунанд. Дар шаҳри бостонии Самарқанд пояи муҷассамаи биринҷии шутур (107 см) [11, 95-102] ва дар шаҳри Панҷакент порчаи сафол бо шутури болдор ёфт шудааст [6, 4-16].

Дар табақи нуқрагини сибирӣ подшоҳ бар тахт нишаста, назди ӯ ду шери хобида, аз ду ҷониб хизматгорон ашёи маросимӣ пешкаш мекунанд. Табақи уралӣ бо ду саг дар байни баргҳои акант ҷузвдони оссуариро (устухондони зардуштӣ) бо рамзҳои офтобу моҳ муҳофизат мекунанд. Аломатҳои суғдӣ - оссуариҳои сершумор ва ороиши мураккаб, ки ба намунаҳои форсӣ монанд нест.

Дар давраи хилофати араб ҳайкалчаҳои биринҷии маъюбон паҳн шуданд: марди якпоя бо кулоҳ (як даст ва як чашм надорад), марди ланг бо як гӯш ва дастҳои ноқис ва ҳайкалчаи дигар – шояд, ки марди ланг бар гург нишаста, тифлеро нигоҳ доштааст. Онҳо дар Қазоқистон ва Русия низ ёфт шудаанд.

Дар Панҷакент (Чӯбистон) ҳайкалчаи биринҷии подшоҳи суғдӣ савори асп (баландӣ 37 см, дарозӣ 24 см, вазн 2,54 кг) кашф гардидааст. Асп бо ёлҳои бофташуда, подшоҳ ҷавоне бо гурзи шашқирра, дастпона, гарданбанд, тоҷи сесабза бо ҳалқаҳо ва паранда дар боло, мӯйҳои бофташуда то рухсора, гӯшвораҳои калон бо лоҷувард (яке гум шудааст) тасвир ёфтааст [10, 86-88].

Ҳайкалчаи биринчӣ аз Қалъаи Нофин занеро бо дастони ҷамъшуда дар сина нишон медиҳад [13, 106-107]. Дар маъбади Панҷакент ду медалони борики нуқрагӣ бо намоди профили марди миёнасол, бе риш, бо тоҷи тасмадор ёфт шудааст, ки эҳтимолан ҳокимро инъикос мекунад [8, 233-234].

Дар торевтикаи суғдӣ тасвири ҳайвоноти фантастикӣ ҷойгоҳи назаррас дорад. Аз Қаратеппа (Нурпай) ҳайвонҳои фантастикӣ (мор бо сари буз) аз сими оҳании ғафсии 1–1,2 см, дарозиашон 14–15 см ёфт шудаанд, ки эҳтимолан ҷузъи таҷҳизоти асп буданд [7, 52-53].

Пойгоҳҳои тахт дар Суғд аксар вақт шакли ҳайвони афсонавӣ доштанд (Варахша, Панҷакент, «Шоҳнома»). Дар наққошии Панҷакент пойҳои тахти тиллоӣ - гулобии шакли гӯсфандҳои болдор бо шоххои пурқувват ба назар мерасанд [16,151]. Дар хонаҳои 2 ва 13 (объекти XXIV) худоёни ҷуфт нишастаанд. Тахти бирюзӣ - шакли гӯсфанд дар «Шоҳнома» ёд шудааст [9, 413-431]. Тахти бухорхудот бар шутурони болдор, тахти ҳокими Уструшана шакли аспи тиллоӣ дошт. Пойгоҳи тахти Аноҳито дар маъбади II-и Панҷакент шерҳои болдор ба самтҳои мухталиф мебошад [16,149-150].

Аз Панҷакент, Сарвода, Навкат зангӯлачаҳои биринчӣ бо шаклҳои мухталиф ёфт шудаанд, ки ҳамчун овеза дар либос ё таҷҳизоти асп ва ё тӯмор истифода мешуданд.

Навъи дигар аз пайвасти ду «ҷоми» миниатюрӣ. Сатҳи баъзе «ҷомҳо» нақши наботӣ дорад [1, 36-39; 2, 36-38].

Дар Сарвода зангӯлачаҳо дар қуттӣ бо ашёи ороишӣ пайдо шудаанд, ки эҳтимолан ашёи қурбонӣ ба Худои Митра буда, барои зардуштиён аҳаммияти парастишӣ доштанд. [18, 39-45].

Зангӯлачаҳои дилшакл дар Сӯқулуқ низ ёфт шуда, бо шохи ҳамвор ё гулдастаҳои ангур иҳота шудаанд [1, 36-39; 2, 36-38]. Ин нишон медиҳад, ки суғдиҳо ба зангӯлачаҳо ҳамчун дуркунандаи қувваҳои бадӣ эътиқод доштанд.

Яке аз усулҳои истифода дар наққошии толор нишон дода шудааст. Дар яке аз пораҳои боқимондаи наққошӣ симои чор нафар нишаста дида мешаванд, ки яке аз онҳо - зане бе либос, эҳтимол раққоса аст. Дар синаи ӯ ду ҷуфт тасмаҳо убур кардаанд, ки болои китфҳо афканда шудаанд. Яке аз ин тасмаҳо бо шумораи зиёди зангӯлаҳо, ки ба як қатор ҷойгир шудаанд, оро ёфтааст. Зангӯлаи дигар, вале калонтар, ба гарданбанд овезон шуда, гардани занро оро медиҳад. Дар байни бозёфтҳои шаҳри бостонии Панҷакент зангӯлаҳо шакли доиравӣ нисбатан зиёд дучор мешаванд [3,91-92].

Панҷакент. Ҳайкалчаи биринҷии шоҳи Суғд.

Панҷакент. Ашёи нуқрагӣ ва биринҷӣ.

Панҷакент. Ашёҳои биринҷӣ.

Навқат. Чилчилакҳои биринҷӣ.

Панҷакент. Тасвири раққосазани бе либос, дар ҳолати нишаста ва бо зангӯлаҳо. Пораи наққошии ҳуҷраи № 10-и объекти II.

Ҳамин тавр, маводи баррасишуда нишон медиҳад, ки коркарди бадеии филиз дар асрҳои VI–VIII унсури муҳимми низоми фарҳангии Тохаристон ва Суғд буда, дар ташаккули ҷаҳонбинии иҷтимоӣ, идеологӣ ва эстетикии аҳолии минтақа нақши калидӣ мебозид. Бозёфтҳо аз водии Рашт, Ширкент, Ҳоит ва дигар мавзеъҳо нишон медиҳанд, ки ашёи филизи бадеӣ рамзҳои мақоми иҷтимоӣ, қудрат ва иртиботи фарҳангии фаромарзиро таҷассум мекарданд.

Дар Тохаристон ҳузури силоҳ, зарфҳои нуқра ва ороишоти тиллоӣ дар мадфанҳо аз рушди баланди коркарди филизот ва нақши он маросими дафн шаҳодат медиҳад. Ороиши ин ашё таъсири ҳамзамони анъанаҳои маҳаллӣ ва хориҷӣ (византӣ, эронӣ - сосонӣ) – ро инъикос мекунад.

Дар Суғд ҳунари коркарди филиз дар заминаи таъсири ҳунари сосонӣ ва арабӣ ташаккул ёфта, бо гуногунрангии мавзуъҳо (шикор, муҳориба, муҳосира, подшоҳон, ҳайвонот) фарқ мекунад. Ин тасвирҳо тасаввуроти устураи ҳамосаӣ ва идеологии ҷомеаи суғдиро фаро гирифта, бо маълумоти солномаҳои чинӣ ва «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ мувофиқат мекунанд.

Паҳншавии ҳайкалчаҳои биринҷӣ бо симоҳои ғайримуқаррарӣ дар давраи хилофати араб аз тағйироти иҷтимоӣ - фарҳангӣ дарак дода, идомаи анъанаҳои маҳаллиро нишон медиҳад. Истифодаи зангӯлаҳо дар либос, таҷҳизоти асп ва тасвирҳои деворӣ аз ҳамгироии ҳунар бо зиндагии ҳаррӯза шаҳодат медиҳад.

Умуман, коркарди бадеии филиз дар Тохаристон ва Суғд (асрҳои VI–VIII) ҳамчун ҷузъи ҷудонашавандаи низоми фарҳангӣ майдони ҳамтаъсири анъанаҳои маҳаллӣ ва ҷаҳони берунӣ, василаи ифодаи ҳувияти фарҳангӣ ва иҷтимоӣ буд. Ин падида сатҳи баланди ҳунармандӣ ва нақши онро дар таърихи фарҳангии Осиёи Марказӣ равшан нишон медиҳад.

АДАБИЁТ

1. Байпаков К. М., Терновая Г. А. Бубенцы, полубубенец и амулеты – «Самоварчики» из коллекции средневекового города Невакет/Археология и история Центральной Азии. – Самарканд, 2004. - С. 36-39.
2. Беленицкий А. М. Археологические работы в Пенджикенте /КСИИМК. – Вып. 55. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. - С. 36-38.
3. Беленицкий А. М. Раскопки на городище древнего Пянджикента (в 1953 г.) /КСИИМК. – Вып. 60. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. - С. 80-96.
4. Каландарова О. И. Золотая брошь с сердоликом из Ляхша II /О. И. Каландарова /Проблемы археологии и истории Таджикистана. К 80-летию со дня рождения академика Академии наук Республики Таджикистан Ю. Я. Якубова. - Душанбе: Дониш, 2017. - С. 110-118.
5. Кисляков Н. А. Бурх - горный козел (Древний культ в Таджикистане)/Советская этнография. - 1934. - № 1-2. - С. 181-189.
6. Курбанов Ш. Ф., Лурье П. Б. Раскопки объекта XXVI в 2013 г. /Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. - Вып. 17. - СПб., 2014. - С. 4-16. илл. 52.
7. Манылов Ю. П. Археологические исследования городища Каратепе на Нарпае /ИМКУ. – Вып. 21. – Ташкент: Фан, 1987. - С. 45-55.
8. Маршак Б. И., Беленицкий А. М., Распопова В. И. Раскопки городища древнего Пенджикента в 1986 г. /АРТ. – Вып. 26 (1986 г.). – Душанбе-Худжанд, 2005. – С. 224-270.
9. Негматов Н. Н., Мирбабаев А. К. Находки скульптурных головок и других изделий из Исфаринской долины /АРТ. – Вып. 19 (1979 г.). – Душанбе: Дониш, 1986. – С. 413-431.
10. Раззоқов А. Бозёфти муҷассамаи шоҳи суғдӣ /Муаррих. - № 3-4 (8), 2016. - С. 86-88.
11. Ремпель Л. И. Фрагмент бронзовой статуи верблюда из Самарканда и крылатый верблюд Варахши (к вопросу о природе согдийского искусства) /Средняя Азия в древности и средневековье (История и культура). - М.: Наука, 1977. - С. 95-102.
12. Соловьев В. С. Раскопки на поселении Ширкент в 1984 г./АРТ. – Вып. 24 (1984 г.). – Душанбе: Дониш, 1993. 331 с.
13. Ставиский Б. Я. Работы Магианской группы в 1959 г/АРТ. - Вып. 7. - Душанбе, 1961. - С. 106-107.
14. Тревер К. В. Золотая статуэтка из селения Хаит (Таджикистан) (к вопросу о Кушанском пантеоне)/Культура и искусство античного мира и Востока. -Т. 2. - Л.-М.: Искусство, 1958. - С. 130-146.
15. Шишкин В. А. Варахша. Опыт исторического исследования. - М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. -250 с.

16. Шкода В. Г., Маршак Б. И. и живопись Пенджикента (Метод исследователя)/В. Г. Шкода/Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. На основе материалов конференции «Согдийцы дома и на чужбине», посвященной памяти Б. И. Маршака. - СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2013. - С. 147-158.

17. Якубов Ю. Археологические памятники древнего Рашта и Дарваза (работы 1982 г.)/ АРТ. – Вып.22 (82). – Душанбе: Дониш, 1990. - 299 с.

18. Якубов Ю. Религия Древнего Согда. – Душанбе: Дониш, 1996. – 147 с.

19. Якубов, Ю. А. Археологические памятники Ляхша/Ю. А. Якубов/АРТ. - Душанбе, 1984. - Вып. 18.- С. 178 -193.

КОРКАРДИ БАДЕИИ ФИЛИЗ ҲАМЧУН БАХШИ НИЗОМИ ФАРҲАНГИИ ТОХАРИСТОН ВА СУҒД ДАР АСРҲОИ VI–VIII

Дар мақола коркарди бадеии филиз ҳамчун бахши низоми фарҳангии Тохаристон ва Суғд дар асрҳои VI - VIII мавриди таҳқиқ қарор гирифтааст. Дар мақола нишон дода мешавад, ки ашёи филизӣ, аз ҷумла шамшерҳо, зарфҳои нукра, овезаҳо ва ҳайкалчаҳо на танҳо амалкард доштанд, балки нишонаи мақом, ҳувият ва тасаввуроти иҷтимоиву идеологиро низ таҷассум менамуданд.

Ҳамчунин дар мақола таъкид мешавад, ки ҳамгироии анъанаҳои маҳаллӣ ва таъсирҳои хориҷӣ аз қабили ҳунари сосонӣ ва арабӣ, дар осори бостоншиносӣ ва торевтикаи минтақа равшан мушоҳида мешавад.

Нақшу нигорҳо, шаклҳо ва ороишоти ҳайвонот ва афсонаҳо, пойгоҳҳои тахт ва овезаҳо таҷассумгари фарҳанги моддӣ, рамзӣ ва технологӣ буда, ба фаҳмиши сохторҳои иҷтимоӣ, эстетикӣ ва фарҳангии аҳолии Тохаристон ва Суғд мусоидат мекунанд.

Калидвожаҳо: *коркарди бадеии филиз, Тохаристон, Суғд, асрҳои VI-VIII, бостоншиносӣ, торевтика, санъати ороиши филизот, рамзҳои фарҳангӣ, низоми фарҳангӣ.*

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ОБРАБОТКА МЕТАЛЛА КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОЙ СИСТЕМЫ ТОХАРИСТАНА И СОГДА В VI–VIII ВЕКАХ

В статье рассматривается художественная обработка металла как часть культурной системы Тохаристана и Согда в VI-VIII веках. В статье показывается, что металлические изделия - включая мечи, серебряную посуду, подвески и фигурки - имели не только практическое назначение, но и отражали социальный статус, идентичность и идеологические представления.

Также в статье отмечается, что в археологических памятниках и торевтике региона наглядно наблюдается сочетание местных традиций и внешних влияний, таких как искусство Сасанидов и арабов.

Орнаменты, формы и изображения животных и фантастических существ, а также подставки для тронов и подвески отражают материальную, символическую и технологическую культуру, способствуя пониманию социальных, эстетических и культурных структур населения Тохаристана и Согда.

Ключевые слова: *художественная металлообработка, Тохаристан, Согд, VI–VIII вв., археология, торевтика, символика, культурная система.*

ARTISTIC METALWORK AS A COMPONENT OF THE CULTURAL SYSTEM OF TOKHARISTAN AND SOGDIANA IN THE 6TH - 8TH CENTURIES

The article examines the artistic metalwork as a component of the cultural system of Tokharistan and Sogdiana in the 6th–8th centuries. It demonstrates that metal objects - including swords, silver vessels, pendants, and figurines - served not only practical purposes but also reflected social status, identity, and ideological concepts.

The article also emphasizes that archaeological finds and toreutic art in the region clearly show a combination of local traditions and external influences, such as Sasanian and Arab art.

The ornaments, forms, and depictions of real and fantastical animals, as well as throne supports and pendants, reflect material, symbolic, and technological culture, contributing to a better understanding of the social, aesthetic, and cultural structures of the population of Tokharistan and Sogdiana.

Keywords: *Artistic metalwork, Tokharistan, Sogdiana, 6th–8th centuries, archaeology, toreutics, symbolism, cultural system.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Соҳибназарзода Мирзоназар Давлат - номзади илмҳои таърих, дотсент, мудири кафедраи дизайни либос ва санъати мӯди Донишгоҳи технологии Тоҷикистон.

Сведения об автора: Соҳибназарзода Мирзоназар Давлат - кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой дизайна одежды и искусства моды Таджикского технологического университета.

Information about the author: Sokhibnazarzoda Mirzonazar Davlat - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Fashion Design and Art at the Tajik Technological University.

УДК: 94 (517)

СОХТОРИ ИДОРӢ - МАЪМУРИИ ИМПЕРИЯИ МУҒУЛҲО[1]

САИДОВ А.,
Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Чингизхон пеш аз марги худ империяаашро ба чор улус тақсим карда, идораи онҳоро ба писаронаш супорид, ки ҳокими ин улусҳоро «хон» меномиданд. Баъдтар, пас аз тасхири Эрон Ҳулоку дар он ҷо улуси нави муғулиро зери унвони давлати элхононии Ҳулокуиён таъсис дод, ки он соли 1261 аз ҷониби хони бузург Қубилой қоон ба расмият эътироф гардид ва Ҳулоку хони улус таъйин гардид. Ҳокимони элхониро «султон» ном мебурданд. Ҳамин тариқ, империяи муғулҳо аз ҷиҳати сохтор дар ибтидо ба чор улус тақсим шуда, дар охири мавҷудияташ ба панҷ давлати мустақил ҷудо шуд.

Дар империяи муғулҳо ду маъмурияти мувозӣ вуҷуд дошт: ҳарбӣ ва мулкӣ. Тамоми мамлакат ба ҳавзаҳои ҳарбӣ тақсим шуда буд, ки калонтарини онҳоро туман меномиданд. Ҳар туман ба ҳазораҳо, садаҳо ва даҳаҳо тақсим мешуд. Сардорони қисмҳои ҳарбӣ вобаста ба шумораи шахсони тобеъ ном бурда мешуд. Хурдтарин воҳиди сипоҳ аз низомиёни даҳнафара иборат буд. Дастаи аз ин бештарро низомиёни саднафара ташкил мекарданд, ки сардори онро амири сад меномиданд. Фармондеҳи низомиёни ҳазорнафара ва даҳҳазорнафарараро амири туман меномиданд. Лашкар моли меросии фармондеҳон ба шумор мерафт ва онҳо унвони умумии «нуйон»-ро соҳиб буданд [4, 23, 5, 107-108, 12, 398-399, 6, 366, 9, 457].

Сардорони дастаи саднафара, ҳазорнафара ва амирони туман нуйонҳое буданд, ки соҳиби миқдори муайяни замин буда, хизматгорон доштанд. Ҳар нуйоне, ки мулки саднафара, ҳазорнафара ва амири туманро ба мерос мегирифт, вассали шоҳзода ба шумор мерафт [1, 104].

Ҳар як нуйон тобеи ҳокими улуси худ буд. Амирони даҳнафара тобеи амирони саднафара, амирони саднафара тобеи амирони ҳазорнафара ва амирони ҳазорнафара тобеи амирони туман буданд. Воҳидҳои ҳарбии калон - ҳазорнафариҳо ва даҳҳазорнафариҳо (туманҳоро)-ро намояндагони ашрофи саҳронишин идора мекарданд.

1.Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи халқи тоҷик» (асрҳои III - аввали асри XX) рақами қайди давлатӣ РБ № 0126TJ 01766 навишта шудааст.

Органи олии ҳокимият қурултой буд, ки дар он шоҳзодаҳо ва ашрофон ҷамъ омада, масъалаҳои муҳимми дохилӣ ва хориҷии мамлакатро мавриди баррасӣ қарор медоданд.

Барои кулли сокинони империя, аз ҷумла хонҳо иҷрои муқаррароти Ёсо, ки бо ташаббуси Чингизхон дар қурултои умумимуғулии соли 1206 барпогардида қабул гардида буд, ҳатмӣ ба шумор мерафт. Тибқи ахбори Ҷувайнӣ ин муқаррароти Чингизӣ «Ёсономаи бузург» номгузорӣ гардида буд [4,17]. Вазифаи асосии муқар-рароти Чингизхон аз таъсиси низоми нави ҳуқуқӣ иборат буд, ки он бояд ба дархост ва талаботи ҷомеаи феодалии муғулҳо ҷавобгӯ бошад [8, 30].

Муғулони истилогари бодиянишин, ки сатҳи маданияташон нисбат ба маданияти мардуми тоҷик дар зинаи ниҳоят паст қарор дошт, барои идораи мардуми муқимӣ таҷрибаи кофӣ надоштанд ва ҳангоми таҳияи низоми сохтори идории мамлакат бештар аз сохтори маъмурии давлати Сомониён бо вориди баъзе тағйиротҳои ҷузъӣ истифода мебурданд. Ҳокимияти олии давлат дар дасти хон қарор дошт.

Дар сохтори идории давлатӣ органҳои идораи марказии соҳавиро девонҳо ташкил мекарданд, ки онҳо аз ҷониби раисони девонҳо ва кормандони он идора мегардиданд ва кори онҳоро сардори ҳукумат – вазири аъзам мутобиқ менамуд.

Сохтори идории империяи муғулҳо дар тамоми ҳудуди мамлакат, яъне дар тамоми улусҳои империя қариб ба ҳам монанд буд. Дар сохтори идории давлати муғулҳо девонҳои сершуморе амал мекарданд, ки аксари онҳо то замони истилои муғул вуҷуд доштанд. Пас аз омадани муғулҳо боз як қатор идораву ташкилотҳои нав таъсис ёфтанд, ки дар идоракунии сиёсӣ ва иҷтимоӣ-иқтисодии ҳаёти кишвар саҳм гузоштанд.

Дар низоми сохтори идории муғулҳо девони бузург (девони аъло) ҷои марказиро ишғол мекард ва он идораи асосии молӣ ва шаҳрвандии давлат ба шумор мерафт. Сардори он соҳибдевон буд. Ӯ сарвари тамоми ниҳодҳои марказии давлат буда, сардорони девонҳои дигар тобеи ӯ буданд. Дар ин девон низоми исти-фодабарии замин, даромаду хароҷоти давлат, андозаи андозу боҷ, маҷбуриятҳо, андози фавқулода ва ғайра муқаррар ва тасдиқ карда мешуд. Дар замони ҳукмронии муғулҳо ҳуқуқи ишғоли мансаби соҳибдевон асосан ба ашрофи сулолаҳои пешинаи маҳаллӣ вогузор мешуд [11, 36].

Тибқи ахбори Сайид Алии Алавӣ ин девон дар замони салтанати Элхониҳо яке аз ташкилоти бисёр муҳим ба шумор мерафт ва онро девони салтанат меномиданд. Ин девон тавассути бузургтарин ва маъруфтарин шахсиятҳои мамлакат идора ме-гардид. Вазифаи он мурофиб ва танзими корҳои хориҷӣ ва дохилии дарбор, яъне умури марбут ба султон, шоҳзодагон ва ҳарами султон, инчунин амлок ва дороии онҳо буд. Девон аз идорот ва шуъбаҳои мухталиф иборат буд [7, 161].

Дар ин давра боз девонҳои зерин фаъолият доштанд: Девони холисот. Он ба корҳои заминҳои қаблан партофташуда ва корамнашуда машғул буд [11, 36-37]. Девони инҷу. Мақомоте буд, ки оид ба корҳои заминҳои инҷу машғул мегашт [11, 37].

Девони вазорат - мақомот оид ба корҳои вазирон дар марказ ва вилоятҳо. Сар-дори ин девон мутасаррифон, андозҷамъкунандагон, ҳокимон ва шиҳнаҳоро дар вилоятҳо таъйин мекард [11,37].

Тибқи ахбори Сайид Алии Алавӣ [7, 162] ин девон аз болои тамоми корҳои мамлакат назорат ва дахолат дошт ва тавассути вазире, ки муҳимтарин шахсияти сиёсии кишвар буда, мустақиман аз тарафи султон интихоб мешуд, идора мегардид.

Девони битикчӣ ба ҷамъоварии андоз ва баҳисоббарии он машғул буд ва сардори онро улуғ-битикчӣ меномиданд. Сайд Алии Алавӣ такя бар ахбори Нахҷу-

вонӣ навиштааст, ки улуғ-битикчӣ касест, ки қазияҳо, амвол ва мутаваҷҷиҳоти девониро ба тартиб дароварда, дафтарҳои ҷамъу харҷро бо диққат нигариста чунон нигоҳ медошт, ки аз уҳдаи ҷавоб берун омада тавонад. Мардум дар ҷамеи қазоёи девонӣ ба ӯ мурочиат мекарданд. Раиси девон аз тарафи султон интихоб мешуд ва ӯ ноибе дошт, ки дар тамоми вилояти мамлакат аз болои кулияи умури молӣ дахолат мекард [7, 162-163].

Девони кирак - ярак. Девоне буд, ки подшоҳ, шоҳзодагон ва ҳарамҳои онҳо бо лавозимоти зарурӣ таъмин мекард [11, 37].

Девони истийфо. С. Хатибӣ менависад, ки ин девон ба корҳои муставфиён дар марказ ва вилоятҳо машғул буд. Сардори ин девон муставфии мамолик буд ва ба зиммаи ӯ корҳои баҳисобгирии хазина, даромаду хароҷоти давлат, бақайдгирии миқдори андоз дар кишвар, тамоми фонди замини давлат, заминҳои ба иҷора додашуда ва баҳисобгирии тамоми молиёт вогузор гардида буд [11, 37].

Тибқи ахбори Сайид Алии Алавӣ ин девон тобеи девони бузург буда, дар раъси он муставфии мамлакат қарор дошт, ки тавассути султон интихоб мешуд. Муставфии мамлакат дорои ноибе буд, ки умури молии ноҳияи васее аз мамлакатро идора мекард ва ӯ низ аз ҷониби султон интихоб мешуд [7, 162].

Девони иншо. Ин яке аз муҳимтарин девонҳои мамлакат ба шумор мерафт. Вазифаи асосии он гирдоварӣ ва тадвини тамоми фармонҳо, асноди сиёсӣ ва идорӣ, номаҳои салотин, вузаро ва соири шахсиётҳои муҳим буд. Таҳияи ин фармонҳо ва номаҳо тавассути муншиёни озмуда анҷом мегирифт, ки дар раъси онҳо муншии мамлакат қарор дошт. Таҳти назари ӯ муншиён ва котибони мутаддиде кор мекарданд [7, 170-171].

Девони ишроф мақомоте буд оид ба корҳои мушрифон дар марказ ва вилоятҳо. Ин девонро мушрифи мамолик идора намуда, даромаду хароҷотро аз заминҳо ва амволи ғайриманқули ба иҷора додашудаи давлат ва подшоҳро назорат мекард. Мушрифон инчунин аз болои андозситонӣ ва объектҳои андоздиҳанда назорат карда, тамоми даромад ва хароҷоти давлатро дар дафтарҳои махсус қайд мекарданд ва аз миқдори воридшавии пул ва амвол ба хазинаи давлат бохабар буданд.

Сайид Алии Алавӣ ин девонро инчунин девони назар низ ном бурда навиштааст, ки «Вазоифи ин девон монанди вазоифи истийфо бахусус марбут ба умури бозрасӣ будааст. Уммоли ӯ, ки нозир хонда мешуданд, дар тамоми иёлот мустақар буданд, то бар корҳо аз наздик назорат дошта бошанд» [7, 163].

Девони масос – мақомоти таъмини қароргоҳи сардори давлат, хазина ва лашкар бо силоҳ. Сардори муҳосибони ин девон аз ҷумлаи муҳосибҳои девони бузург аз ҷониби соҳибдевон таъйин мегардид. Ӯ масъули дафтарҳои қайди девон ва масос (яроқу аслиҳа) буд [11, 38].

Девони мазолим – мақомот оид ба баррасии арзу шикоятҳо ва даъвоҳои додхоҳӣ. Парвандаҳои додхоҳӣ бо иштироки ҷавобгар ва даъвогар дар девони мазолим мавриди баррасӣ қарор мегирифтанд [11, 40].

Девони садорат – мақомот оид ба корҳои садрҳо. Ба ҷуз аз қозиҳои одӣ аз ҷумлаи руҳониён, боз садрҳое буданд, ки ба корҳои диниву дунявӣ машғул буданд. Сардори ин девон дар саросари кишвар ба замин ва молу мулки вақф, нархҳо, дурустии вазнҳо, иҷрои шариат ва корҳои динӣ назорат мекард. Бо тавсияи ӯ садрҳои вилоят ва мулкҳои ворисони подшоҳ таъйин мешуданд [11, 40-41].

Девони авқоф – мақомот оид ба корҳои вақфи саросари кишвар. Ин девонро маъмулан яке аз намояндагони руҳониёни олӣ идора мекард ва давлат ба воситаи ӯ тамоми заминҳои вақф ва моликияти кишварро зери назорат мегирифт [11, 41].

Девони байту-л-мол - хазинаи давлат. Сардори хазинаи давлат аз зумраи яке аз

муҳосибони боэътимод аз ҷониби соҳибдевон таъйин мегардид ва тамоми андозҳои ситонидашуда дар ихтиёри ӯ буданд [12, 41].

Девони барид (почта) – мақомот барои интиқоли андоз, ахбори ҳукуматӣ, ирсоли гузоришҳои махфӣ ва амсоли онҳо [11, 41].

Девони амвол ва мутаваҷҷиҳоти мамолик – мақомоти ҷамъоварии андоз, хироҷ ва боҷ аз марказ ва вилоятҳои кишвар [11, 42].

Девони ярғу. Дар кишварҳои забтгардида барои баррасии парвандаҳои додгоҳӣ «девони ярғу» таъсис дода шуд. Даъвогарон ва ҷавобгарон вазифадор буданд, ки дар мурофиаи судӣ иштирок намуда, барои мурофиа маблағи заруриро пардохт намоянд. Мурофиаи судӣ дар байни муғулони бутпараст тибқи китоби чингизии «Ёсо» сурат мегирифт [11, 24].

Девони асл ин чун девони қаблӣ аст. С. Хатибӣ мегӯяд, ки А. А. Ализода ин девонро бо девони бузург шабоҳат медиҳад, вале дар асл вазифаҳои расмии девони бузург аз назорати тамоми соҳаҳои идораи андоз, молия ва умури дигари шаҳрвандии давлат иборат буд, вале ба уҳдаи девони асл танҳо идораи корҳои андоз вогузор гардида буд [11, 42].

Девони иморат ба корҳои сохтмонӣ машғул буд. Дар замони ҳукмронии Ғозонхон (1295-1304) бо шарофати ислоҳоти ӯ корҳои сохтмонӣ вусъат пайдо карданд [11, 42-43].

Девони иморати хосса – мақомоте буд, ки бо супориши подшоҳ ва аз ҳисоби шахсии ӯ корҳои сохтмонӣ ба анҷом мерасиданд [11, 43].

Девони иқтоъ – мақомот оид ба тақсими замин ба сифати иқтоъ. Мисли девонҳои дигар дар ин ҷо дафтарҳои қайди алоҳида оид ба тақсими замин аз девони бузург ба сифати иқтоъ ба амирони олимартаба вуҷуд дошт, ки дар онҳо тамоми шартҳои ба онҳо соҳиб гардидан сабт карда мешуд [11, 43].

Девони қазо. Ин девон расидагӣ ба даъвои ашҳосро ба уҳда дошт [7, 163].

Девони қонун – мақомоте, ки низоми андози тамоми кишварро ба тартиб медаровард. Ин девон миқдори андозҳоро аз объектҳои гуногуни андозбандӣ таҳти назорат мегирифт ё маблағи андозҳоро дар маҳалли муайяне, ки дар он ҷо миқдори муқарраршудаи андозҳо аз тарафи мутасарриф вайрон мешуд, ба тартиб медаровард. Девони қонун дар амал барои иҷрои супоришҳояш намояндаи худро ба вилоят ё минтақае, ки мутасаррифон меъёри муқарраргардидаи андозро риоя накарда, андози барзиёд мегирифтанд ва ба сари мардум бори гарон меоварданд, мефиристоданд. Онҳо дар он ҷо масъаларо тибқи миқдори муқарраршудаи андозҳо аз навъҳои гуногуни замин ва объектҳо ҳал намуда, онро ба танзим медаровардand [11, 43-44].

Сохтори идорӣ - маъмурии ҳамаи улусҳои империяи муғулҳо қариб ба ҳам монанд буда, аз рӯйи иерархияи муназзам амалӣ гашта, аз низоми мураккаби бисёрзинагӣ иборат буд. Дастгоҳи давлатии муғулҳоро бюрократияи ҳарбӣ ва граждани ташкил мекард, ки онҳо иродаи хонҳои муғул ва феодалони калонро иҷро мекарданд. Тибқи Консепсияи давлатдории қадимаи муғулӣ ҳокимияти олии давлат дар дасти хони бузург (қоон) қарор дошт. Дар бораи таърихи истифодабарии вожаи «қоон» муҳаққиқи рус В. В. Трепавлов дар асоси омӯзиши маводи маъхазҳои хаттӣ ва асарҳои таҳқиқотӣ хулосаҳои дурусти илмӣ бароварданд [10, 59-62].

В. В. Трепавлов дар бораи мавқеи қоон ва маросими ба тахт нишастану тоҷгузории ӯ маълумот дода, қайд намудааст, ки қоон ҳокими олии тамоми империя ба шумор рафта, номзадии ӯ дар қурултой интихоб мегардид ва ӯ имтиёзҳои зиёд дошта, ҳокимияти қонунгузорӣ ва ҳарбиву мулкии мамлакатро назорат мекард. Ҳамаи хонҳои улусҳо ва ҳокимони чингизӣ ба қоон итоат мекарданд.

Маросими ба тахт нишондани қоон дар империяи муғулҳо дар дохили хаймае, ки махсус барои гузаронидани ин маросим омода карда мешуд, бо тартиби муайян ба иҷро мерасид ва онро Плано Карпинӣ «Урдаи Тиллоӣ» меномад [8, 66-70].

Дар таҳқиқоти Т. И. Султанов низ дар бораи тоҷгузории хони бузург (қоон) маълумоти муфассал оварда шудааст [8, 66].

Хони бузург (қоон) дар сохтори давлатдории империяи муғулҳо вазифаи меросӣ аз авлоди Чингизхон буд. Ҳуқуқи истисноии подшоҳӣ танҳо ба чор писари Чингизхон - Ҷуҷӣ, Чағатой, Уктой ва Тулӣ, ки аз ҳамсари калонии ӯ таваллуд шуда буданд ва авлоди бевоситаи онҳо «олтин уруғ» («оилаи тиллоӣ»), ки сулолаи ҳукмрони муғулро ташкил мекарданд, эътироф мегардид [8, 66]. Ҳар як узви олтин уруғ, ки аксарият ӯро аз рӯйи хислатҳояш сазовор дониста, дар қурултойи шоҳзодагон ва ашроф тасдиқ мекарданд, метавонист хон шавад [8, 66].

Ҳар ғайричингизие, ки ба мансаби хон даъво мекард, на чун ҷиноятқори одии давлатӣ, балки ҳамчун исёнгари зидди иродаи Тенгри Худои Осмон дониста мешуд [8, 67].

Ҳамаи шоҳзодаҳо ва соҳибони мулк тобеи императори муғул буданд. Ҳар як мулк (улус) шоҳзодаи худро дошт, ки онро идора мекард [1, 100].

Дар зинаи амсилаи маротиби дастгоҳи давлатӣ ҷойи муҳимро ноибон ишғол мекарданд. Чуноне ки дар боло зикр гардид, истилогарони муғул пас аз забти қаламрави тоҷикон аз уҳдаи идораи кишвар набаромада, барои ёрӣ ба маъмурони маҳаллӣ муроҷиат намуданд [2, 60]. Аз ҷумла, идораи Моваруннаҳрро Уктой ба зиммаи намояндаи мардуми бумӣ тоҷир Маҳмуди Ялавоч вогузор намуд. Баъдтар писари Маҳмуди Ялавоч – Масъудбек (ваф. 1289) ба сифати ноиби муғулон дар Моваруннаҳр таъйин гардид. Пас аз ӯ писарони Масъудбек – Абубакр (ваф. 1298), Сатимишбек (ваф. 1303) ва Суйунч ин вазифаро иҷро намуданд [3, 59]. Онҳо ба идораи умури давлатӣ, ҳаёти хоҷагидориву иқтисодии мамлакат машғул шуда, иҷрои қарору фармонҳои воридшуда ва мунтазам ситонидани андозҳоро аз аҳолӣ назорат мекарданд.

Дар давраи ҳукмронии Элхониён ағлаби ҳокимон дар вилоятҳо дорои қоиммақом буданд, ки унвони ноиб дошт. Вазифаҳои ноиб аз ҳифзи назму оромиши умумӣ дар ҳар вилоят буд. Ноибон аксар вақт аз миёни афроди хонаводаҳои эронӣ, ки дар дастгоҳи давлатӣ ба кор машғул буданд, интихоб мешуданд. Онҳо вазифаҳои кишварӣ ва вилоётро ба уҳда доштанд [7, 172-173].

Мансаби дигари муҳим дар сохтори идории мамлакат вазир буд, ки дар дастгоҳи идории кишвар нақши асосӣ дошт ва гоҳ унвони ноиб низ ба ӯ дода мешуд. Ба уҳдаи ӯ назорат аз болои тамоми идораҳо ва муассисаҳои давлатии ба низоми андозбандии муқарраргардида вогузор буд [11, 66; 7, 171].

Дар сохтори идории мамлакат соҳибдевон мақоми хосеро иҷро мекард. Муғулҳо пас аз ба ғарб ронда шудани Хоразмшоҳиён дар атрофи шаҳрҳо қароргоҳҳои хурди ҳарбӣ ташкил намуданд ва дар шаҳрҳои хурду калони Бухоро намояндагони хони бузург, ба истилоҳ «доруға» ё «доруғачӣ»-ро таъйин карда, ба онҳо масъулияти идораи қаламравҳои маҳаллиро вогузор намуданд [2, 60]. Ба доруғачӣ ба ҷуз аз иҷрои вазифаҳои асосии девон ва андозҷамъкунӣ боз корҳои дигар низ вогузор буд [2, 61].

Дар дастгоҳи идории муғулҳо раис ҷои махсусро ишғол мекард. Раисҳо ҳамчун масъули девон ва заминдорон вобаста ба шакли моликияти замин барои ҷамъоварии ҳосил ва андози девон ё ҳоким масъул буданд [11, 32-33].

Масъулияти корҳои молия ва андози дастгоҳи идории муғулҳо ба зиммаи муширифҳо вогузор буд. Онҳо рӯйхати даромаду хароҷоти таъминкунандагон ва хазинадорони вилоятҳоро тафтиш ва ҷамъбаст намуда, ба девони ишроф мефиристоданд [11, 33-34].

Дар ин давра дар дастгоҳи шаҳрвандии давлатии муғулҳо мансабҳои дигари зиёде

чун мутасарриф, улуғ-битикчӣ, уммол, муставфӣ, муҳтасиб, валӣ, вакил, мустахрачи вилоят, раиси деҳ, кадхудо, раиси қабила, ҳоким, қозийу-л-қузот, бахшӣ ва ғайраҳои дигар вуҷуд доштанд.

Дар дастгоҳи давлатии муғулҳо ба ҷуз аз дастгоҳи шаҳрвандӣ боз шуъбаи дастгоҳи ҳарбӣ амал мекард, ки байни онҳо робитаи зич вуҷуд дошт.

Дастгоҳи ҳарбӣ таҳти ихтиёри ашрофони ҳарбии кӯчманчии феодалӣ – шоҳзодагони муғулӣ, амирони туманҳо, ҳазораҳо ва амирони дигари олимартаба қарор дошт. Хон аз байни амирони олирутба сардори амиронро интихоб ва тасдиқ мекард, ки ӯ пас аз хон амалдори олитарин, амири амирони улуси тамоми кишвар ва амири соҳибихтиёр ба шумор мерафт, ки масъулияти тамоми умури ҳарбӣ, мулкӣ ва корҳои дигар ба ӯ вогузор буд. Сардори амирон шахси аз ҳама наздиктарини хон ба шумор мерафт [11, 22]. Дар сохтори низомии давлат наздикони хон, ки доимо дар қароргоҳ буда, супоришҳои махсуси ҳокимро иҷро мекарданд, мавқеи муҳимро ишғол менамуданд.

Вазифаҳои дигари ҳарбӣ аз амири улка (амири сарҳад), амири туман, шаҳна, бахшӣ-битикчӣ, баковул, ясовул, юртчӣ, буларгучӣ ва ғайра иборат буданд. Ғайр аз инҳо дар сохтори идориву маъмурии муғулҳо боз мансабҳои дигаре чун ҳоҷиб, атобак, кукалтош, иноқ, амири шикор, амири маҷлиси султон, охурсолорон, мулозимон, шутурбонон, чӯпонсолорон ва ғайраҳо вуҷуд доштанд.

Маълумоти фавқуззикр аз он шаҳодат медиҳад, ки дар замони истилои муғул дар минтақаҳои забтгардида дастгоҳи муназзами идорӣ бо ҳайати сершумори соҳибмансабон вуҷуд дошт, ки он ба иродаи хонҳои муғул ва ҳокимону ашроф амал мекард.

АДАБИЁТ

1.Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. -224 с.

2.Лембтон Анн. Тадовум ва таҳаввул дар таърихи миёнаи Эрон. Тарҷумаи доктор Яъқуби Ожанд. Теҳрон, 1372 ҳ.х. -470 с.

3.Джамал ал-Карши. Мулхакат ас-Сурах. Перевод с арабского и примечания Саидова Абдукаххора. Душанбе: Ирфон, 2006. -266 с.

4.Ҷувайнӣ, Атомалик Муҳаммад. Таърихи Ҷаҳонкушой. Ба саъй, эҳтимом ва тасҳеҳи аллома Муҳаммад Абдулваҳҳоби Қазвинӣ. Лейден, 1916. Нашри чаҳорум. Чопи литографӣ. Теҳрон: Дунёи китоб, 1385 ҳ.х. Ҷ. I. -436 с.

5.Марко Поло. Книга о разнообразии мира /Перевод И.П. Минаева. Москва: ЭКСМО, 2005. -253 с.

6.Рене Груссе. Империтории саҳронавардон. Тарҷумаи Абдулҳусайни Майкада. Чопи сеюм. Теҳрон, 1368 ҳ.х. -1016 с.

7.Сайид Алии Алавӣ. Таърихи таҳаввулоти сиёсӣ ва идорӣ дар Эрон (аз оғози ташкили ҳукумати умаро ва салотини эронӣ то поёни асри қочор. Ҷилди дуввум. Теҳрон: Донишгоҳи имом Содиқ, 1390 ҳ.х. -424 с.

8.Султанов Т. И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. -276 с.

9.Таърихи ҷомеъи Эрон. Ҷилди 9. Зери назари Козим Мусавӣ Бачнурдӣ. Теҳрон, 1393 ҳ.х. -878 с.

10.Трепавлов В. В. Государственный строй монгольской империи в XIII в. Проблема исторической преемственности. Москва: Наука, 1993. -168 с.

11.Хатибӣ С. «Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII-XIV вв.». Ашхабад: ЫЛым, 1985. -136 с.

12.Шпуллер Бертолд. Таърихи муғул дар Эрон: сиёсат, ҳукумат ва фарҳанги давраи Элхонон. Тарҷумаи Маҳмуд Мирофтоб. Теҳрон, 1386 ҳ.х. -553 с.

СОХТОРИ ИДОРӢ - МАЪМУРИИ ИМПЕРИЯИ МУҒУЛҲО

Дар мақола сохтори идорӣ–маъмурии империяи муғулҳо мавриди баррасӣ қарор гирифтааст. Империяи муғулҳо аз чиҳати сохтор дар ибтидо ба чор улус тақсим гардида, дар охири мавҷудияташ ба панҷ давлати мустақил ҷудо шуд. Он аз ду маъмурияти мувозӣ иборат буд: ҳарбӣ ва мулкӣ. Тамоми мамлакат ба ҳавзаҳои ҳарбӣ тақсим шуда буд, ки калонтарини онҳоро туман меномиданд. Ҳар туман ба ҳазораҳо, садаҳо ва даҳаҳо тақсим мешуд. Органи олии ҳокимият қурултой ба шумор мерафт, ки дар он масъалаҳои муҳимми дохилӣ ва хориҷии мамлакат мавриди баррасӣ қарор мегирифтанд. Ҳокимияти олии давлат дар дасти хон қарор дошт. Дар сохтори идории давлатӣ органҳои идораи марказии соҳавиро девонҳо ташкил мекарданд.

Сохтори идорӣ-маъмурии ҳамаи улусҳои империяи муғулҳо қариб ба ҳам монанд буда, аз рӯи силсилаи маротиби муназзам амалӣ гашта, аз низоми мураккаби бисёрзинагӣ иборат буд. Дар замони истилои муғул дар минтақаҳои забтгардида дастгоҳи муназзами идорӣ бо ҳайати сершумори соҳибмансабон арзи вуҷуд дошт, ки он иродаи хонҳои муғул ва ҳокимону ашрофро ичро мекард.

Калидвожаҳо: *Чингизхон, улус, империя, девон, туман, сохтори идорӣ, давлат, хон, ҳоким, муғулҳо, дастгоҳ, унвон.*

АДМИНИСТРАТИВНО - УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ СТРУКТУРА МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье рассматривается административно - управленческая структура монгольской империи. Изначально монгольская империя делилась на четыре улуса, а к концу своего существования распалась на пять независимых государств. Она состояла из двух параллельных администраций: военной и гражданской. Вся страна была разделена на военные округа, крупнейшие из которых назывались туманами. Каждый туман делился на тысячников, сотников и десятников. Высшим органом власти считался курултай, где обсуждались важнейшие внутренние и внешние вопросы государства. Высшая государственная власть принадлежала хану. Центральные отраслевые органы управления составляли диваны. Административно-управленческая структура всех улусов Монгольской империи была практически одинаковой, осуществлялась по упорядоченной иерархии и состояла из сложной многоступенчатой системы. Во времена монгольских завоеваний на покоренных территориях существовал упорядоченный административный аппарат с большим количеством чиновников, который исполнял волю монгольских ханов, правителей и знати.

Ключевые слова: Чингисхан, улус, империя, диван, туман, структура управления, государство, хан, правитель, монголы, аппарат, титул.

THE ADMINISTRATIVE AND MANAGEMENT STRUCTURE OF MONGOL EMPIRE

This article examines the administrative and management structure of Mongol empire. Initially, Mongol empire was divided into four *uluses*, and by the end of its existence, it had disintegrated into five independent states. It consisted of two parallel administrations: military and civil. The entire country was divided into military districts, the largest of which were known as *tumans*. Each *tuman* was subdivided into units of thousands, hundreds, and tens.

The k*urultai* was considered the supreme body of authority, where the state's most significant domestic and foreign affairs were discussed. Supreme state power rested with the Khan. The central administrative departments were constituted by *divans*.

The administrative and management structure of all *uluses* within the Mongol Empire was virtually identical; it operated according to an organized hierarchy and comprised a complex, multi-tiered system. During the period of Mongol conquests, an organized administrative apparatus with a vast number of officials existed within the conquered territories, executing the will of the Mongol Khans, rulers, and nobility.

Keywords: Genghis Khan, ulus, empire, divan, tuman, management structure, state, Khan, ruler, Mongols, apparatus, title.

Сведения об авторе: Саидов Абдукахор - доктор исторических наук, главный научный сотрудник Отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. **Адрес:** 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. ак. Раджабовых, 7. E-mail: Saidov.45@mail.ru.

Information about the author: Saidov Abdukakhor - Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Ancient, Medieval and Modern History of the A. Donish Institute of History, Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: 734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, st. ac. Radjabovs, 7. E-mail: Saidov.45@mail.ru

УДК 9 (517.3) +32 (517.3) (092)

ТЕХНОЛОГИЯ ВЯЗАНИЯ И ТЕКСТИЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ ВЕЛИКОГО ХОРАСАНА (МАВЕРАННАХРА) ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV И XV ВЕКОВ ПО СВИДЕТЕЛЬСТВУ КЛАВИХО[1]

СОДИКОВА С.,
Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

В данном исследовании вязание рассматривается как самостоятельная технология изготовления текстильных изделий. Под вязанием понимается способ формирования полотна или изделия из одной непрерывной нити путём последовательного провязывания петель (набором петель спицами либо с помощью крючка), в отличие от ткачества, где ткань создаётся переплетением двух систем нитей – основы и утка – пересекающихся под прямым углом [15]. В результате вязания формируется трикотажное полотно, характеризующееся эластичностью и сравнительно рыхлой структурой, тогда как тканые материалы, как правило, отличаются большей плотностью и меньшей растяжимостью [16; 19, 16].

В отличие от ткачества, а также от плетения (изготовления изделий посредством переплетения гибких материалов, например при изготовлении верёвок, корзин или поясов) и узелковых техник (создания сетей, кружев или изделий типа макраме путём завязывания узлов), вязание формирует структуру из взаимосвязанных петель, что придаёт изделиям упругость и мягкость. В контексте традиционных ремёсел в северном регионе Великого Хорасана вязание могло применяться для изготовления различных предметов одежды и бытовых изделий – носков, шапок, поясов, сумок и др., – отличающихся от тканых аналогов большей эластичностью и способностью облегать форму тела [16; 23, 25].

Следует отметить, что в исторических источниках Средневековья чёткое терминологическое разграничение различных текстильных техник обычно отсутствует. Авторы, как правило, описывали готовое изделие, не уточняя способ его изготовления. В связи с этим одной из методологических задач настоящего исследования является идентификация возможных вязаных изделий по косвенным признакам и их отделение от тканых, плетёных или войлочных предметов [22, 56].

Отсутствие прямых упоминаний о вязании как о специфической технологии изготовления полотна, объясняется, вероятно, тем, что путешественник не располагал специализированной терминологией и не ставил перед собой задачи детального описания ремесленных процессов. Тем не менее отдельные наблюдения Клавихо позволяют предположить существование изделий, которые могли быть изготовлены подобными способами обработки нитяных материалов [10, 23; 22, 56].

В этом контексте важным является упоминание ремесленников, занятых в текстильном производстве. Клавихо отмечает наличие в Самарканде ткачей и красильщиков, то есть мастеров, работавших с пряжей и тканями. При этом он не упоминает мастеров,

[1] Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа (III - начало XX века)», государственный регистрационный номер РБ № 0126 TJ 01766.

занимающихся вязанием. Подобное отсутствие прямого указания может объясняться особенностями организации труда в традиционных обществах [10, 23].

В отличие от ткачества и красильного дела, которые нередко представляли собой профессиональные ремёсла с мастерскими и торговыми рядами, вязание могло относиться к сфере домашнего производства. Во многих традиционных культурах изготовление вязаных предметов одежды было связано с деятельностью женщин и осуществлялось в рамках домашнего хозяйства. В таком случае подобная деятельность не образовывала отдельного ремесленного квартала или профессиональной корпорации и, следовательно, могла не привлекать внимания иностранного наблюдателя [17, 55; 18, 47; 19, 16].

По этой причине Клавихо, сосредоточенный преимущественно на крупных ремесленных производствах и базарной торговле, мог не выделять вязание как отдельную сферу деятельности. Вязаные изделия, вероятно, присутствовали на рынках наряду с другими текстильными товарами, однако их изготовители не образовывали отдельной профессиональной группы, заметной для путешественника [10, 23; 22, 25].

Тем не менее, некоторые категории предметов, упомянутых Клавихо, с определённой долей вероятности могли относиться к изделиям, изготовленным с применением вязальных техник. Прежде всего, речь может идти о чулочно-носочных изделиях и других видах тёплой облегающей одежды из шерсти. Прямого упоминания чулок в тексте Клавихо нет, однако путешественник отмечает использование меховой и, по-видимому, многослойной одежды в холодное время года. Историко-этнографические данные свидетельствуют о широком распространении в северном регионе Великого Хорасана вязаных шерстяных носков – джурабов, особенно у горных народов Памира, Тянь-Шаня, а также Кавказа [13, 12]. Джурабы представляли собой традиционные тёплые носки, нередко украшенные ярким орнаментом и изготовлявшиеся вручную из шерсти. Их техника, по-видимому, передавалась из поколения в поколение и могла восходить к достаточно раннему периоду [10, 37; 17, 55; 18, 71].

В этой связи можно предположить, что и в XV в. у кочевых и оседлых жителей северного региона Великого Хорасана существовали аналогичные изделия, хотя Клавихо не зафиксировал их непосредственно. Это объяснимо тем, что подобные предметы относились к сфере повседневной одежды и, в отличие от парадных халатов или головных уборов, не привлекали особого внимания внешнего наблюдателя. Однако если шерстяная одежда в целом пользовалась высокой ценностью, то тёплые вязаные чулочно-носочные изделия вполне могли входить в число распространённых предметов гардероба [17, 55; 18, 71].

Вторую возможную категорию составляют головные уборы. Клавихо описывает разнообразные шапки знати высокие, украшенные драгоценностями, с меховой отделкой, которые, по всей вероятности, были изготовлены из ткани и меха. Однако наряду с парадными головными уборами в повседневном обиходе, вероятно, существовали и более простые шерстяные шапочки, потенциально изготовленные вязанием. В одном из эпизодов Тимур изображён в сравнительно скромной обстановке: «на голове у него была маленькая шапочка… так мала, что едва держалась на голове», тогда как окружавшие его люди были одеты в грубые меховые одежды и выглядели «как кузнецы». Конструкция этой шапочки в источнике не раскрывается, однако её небольшие размеры и простота позволяют лишь предположить возможность вязаного исполнения [10, 23; 17, 55; 18, 71].

Не исключено, что подобные шерстяные шапочки могли использоваться в качестве подшлемников или повседневных зимних головных уборов. С известной осторожностью можно допустить, что подобные изделия были распространены

среди воинов, кочевников, детей и других групп населения. Позднейшие этнографические материалы XIX-XX вв. действительно фиксируют, что в северном регионе Великого Хорасана наличие вязаных шерстяных шапочек, в том числе узорных, как элемента зимней одежды. Однако перенос этих данных на XV в. требует методологической сдержанности [17, 1-255; 18, 1-471].

Третью группу возможных изделий составляют пояса и шнуры. Технически вязание могло использоваться и для изготовления поясов, шнуров и верёвок, в том числе посредством петельных техник. Однако для средневекового периода более вероятными остаются ткачество на дощечках, плетение или иные способы изготовления подобных предметов. Клавихо упоминает украшенные пояса, которыми подпоясывались праздничные одежды; в одном из описаний говорится о перекрещивающихся полосах ткани, опоясывающих одеяние Тимура. Вероятнее всего, речь идёт о тканых или плетёных элементах. Следовательно, данные источника не дают достаточных оснований для уверенного вывода о применении вязания в изготовлении поясов [16, 23, 56].

Сведения Клавихо позволяют в определённой мере судить и о материальной базе текстильного производства региона. Из его записок следует, что в северном регионе Великого Хорасана были доступны различные виды сырья: шерсть, хлопок, шёлк. Для вязания наибольшее значение имела шерстяная пряжа, упоминания о которой в дневнике встречаются неоднократно. Кочевое население располагало значительными запасами шерсти овец, коз и верблюдов, из которой изготавливались войлок, ткани и пряжа. Таким образом, сырьевая база для возможного существования вязальных практик была вполне достаточной [10, 37; 17, 55; 18, 71].

Клавихо также упоминает красильные мастерские, что свидетельствует о владении технологиями окрашивания нитей и тканей. Он отмечает яркие краски текстиля, представленного на рынках Самарканда, упоминая синие, красные и золотистые оттенки орнаментации. Из этого можно предположить, что при наличии вязаных изделий их изготовители также могли использовать окрашенную шерсть и создавать разноцветные узоры. Однако прямых указаний на подобные изделия источник не содержит [10, 37; 21, 60].

Особого внимания заслуживает вопрос об орнаментации. Клавихо неоднократно восхищается сложными узорами на тканях, золотным шитьём, декоративными элементами головных уборов и парадной одежды. Хотя вязаные изделия, как правило, менее эффектны в сравнении с парадным текстилем, этнографические данные показывают, что те же джурабы нередко украшались многоцветным геометрическим орнаментом. В этой связи можно предположить, что традиция орнаментирования охватывала различные формы текстильного производства, включая, возможно, и вязание. Однако применительно к XV в. подобные выводы остаются гипотетическими и не подтверждаются непосредственно текстом Клавихо [10, 37; 17, 55; 18, 71; 21, 60].

Наиболее вероятно, что вязание, если оно действительно существовало в рассматриваемый период, относилось к сфере женского домашнего труда. В традиционных обществах изготовление одежды для семьи, в частности носков, детской одежды и иных предметов повседневного обихода, обычно входило в круг женских обязанностей. Клавихо непосредственно об этом не пишет, однако его наблюдения косвенно согласуются с подобным предположением. В дневнике ремесленники, фигурирующие в городской среде, кузнецы, ткачи, купцы, красильщики, представлены как мужчины. Женщины-ремесленницы в рыночном пространстве практически не упоминаются [17, 55; 18, 71; 19, 60].

Вместе с тем известно, что при дворе Тимура женщины также могли быть связаны с различными видами прикладного искусства, включая шитьё и вышивку. Поэтому допустимо предположить, что вязание существовало преимущественно в рамках семейного производства, обеспечивая повседневные потребности в тёплой одежде, но не было институционализировано в виде самостоятельного цехового ремесла. Такое положение могло объяснять его отсутствие в обзоре Клавихо [10, 1-237; 20, 1-216; 21, 1-160].

Если в Западной Европе в XVI-XVII вв. вязание в ряде случаев стало оформляться как профессиональный, в том числе мужской, промысел, то на Востоке оно, по-видимому, значительно дольше сохраняло характер традиционного домашнего женского занятия. Вероятно, аналогичная ситуация имела место и в эпоху Тимура. В кочевой среде вязание могло быть связано с домашним производством шерстяных вещей, тогда как в городской среде оно, если и практиковалось, оставалось дополнительной формой семейного труда [19, 105].

Следует подчеркнуть, что выводы о существовании вязания в северном регионе Великого Хорасана начала XV в. носят гипотетический характер и основаны на совокупности косвенных данных. Клавихо не оставил прямого свидетельства, позволяющего однозначно говорить о наличии вязания как специально выделяемой ремесленной практики. В силу этого реконструкция возможных форм его существования требует особой осторожности. С достаточной степенью уверенности можно утверждать лишь то, что шерстяные технологии были широко распространены, о чём свидетельствуют высокая ценность шерстяных изделий, наличие ткачей и красильщиков, а также богатство текстильного ассортимента на рынках.

Вязание в целом органично вписывается в этот контекст как один из возможных способов обработки шерсти, тем более что археологические находки в сопредельных регионах Египте и на Ближнем Востоке – свидетельствуют о существовании вязаных изделий уже в X-XI вв. В частности, известны коптские шерстяные носки указанного времени. Однако непосредственно для Средней Азии периода Тимура археологический материал, позволяющий уверенно судить о развитии трикотажных техник, пока практически отсутствует. Это может объясняться как слабой сохранностью органических материалов, так и недостаточной изученностью соответствующих комплексов [19, 1-160; 23, 1-256].

Следовательно, границы реконструкции в данном случае достаточно очевидны: можно говорить лишь о вероятности присутствия вязаных изделий в культуре рассматриваемого времени, однако их конкретный вид, способы изготовления и масштабы распространения могут быть определены лишь предположительно, главным образом на основе более поздних этнографических параллелей.

Для более полного понимания места вязания и общего состояния текстильных ремёсел в северном регионе Великого Хорасана целесообразно сопоставить свидетельства Клавихо с сообщениями других путешественников, близких по времени или маршруту. В этом отношении особый интерес представляют сочинения Марко Поло, Иоанна де Галонифонтибуса и Афанасия Никитина. Их тексты позволяют выявить как общие черты описаний восточной материальной культуры, так и различия, обусловленные эпохой, маршрутом и характером авторского восприятия.

Марко Поло, совершивший своё путешествие в последней трети XIII в., следовал иным маршрутом и не посетил Самарканд. Тем не менее его «Книга о разнообразии мира» содержит ценные сведения о текстильном производстве Востока. Основное внимание Марко Поло сосредоточено на шёлке, парче и других дорогих тканях, выступавших важнейшими товарами трансконтинентальной торговли. Так, описывая города Китая, он отмечает: «У них много шёлку, из которого делают прекрасные шёлковые с золотом ткани»

[12]. Здесь акцент явно сделан на роскошных тканях как символе богатства и статуса [11, 47; 12].

Сведения Марко Поло в этом отношении соотносятся с наблюдениями Клавихо, который также упоминает золототканые ткани, камку и парчу в убранстве двора и одежде знати [10, 37]. Такое сходство указывает на устойчивость представлений о текстильной роскоши Востока. Вместе с тем Марко Поло практически не сообщает о шерстяных изделиях, что, вероятно, связано с направленностью его интереса на товары, представлявшие ценность для международной торговли. Повседневные текстильные изделия, в том числе потенциально вязаные, не попали в поле его внимания [10, 23; 11, 76; 12].

Следовательно, отсутствие упоминаний о вязании у Марко Поло не может рассматриваться как свидетельство его отсутствия; оно скорее отражает особенности авторского фокуса. Для настоящего исследования важно, что уже в XIII в. в регионе фиксируется развитое текстильное производство, хотя в центре внимания оказываются прежде всего ткацкие и шёлковые изделия.

Иоанн де Галонифонтибус, современник эпохи Тимура, представляет иной тип источника. Его свидетельства относятся преимущественно к Кавказу и сопредельным территориям, а не непосредственно в северном регионе Великого Хорасана, однако содержат важные наблюдения о международных связях ремесленного мира. В частности, он упоминает присутствие в восточных землях генуэзцев и других европейцев, связанных с городской ремесленной и торговой средой: «Заморские страны предоставляют христианам величайшую поддержку и привилегии. Здесь можно найти генуэзцев, городских ремесленников…» [9, 11].

Это замечание указывает на то, что к началу XV в. восточные города были включены в систему широких трансрегиональных контактов, в рамках которых перемещались не только товары, но и носители ремесленных навыков. Данные Галонифонтибуса соотносятся с наблюдениями Клавихо, который также отмечал присутствие иностранцев, в частности генуэзцев, в торговых центрах по пути следования. Таким образом, ремесленная жизнь в северном регионе Великого Хорасана предстаёт частью более широкого международного пространства, охватывавшего Кавказ, Чёрное море и Средиземноморье [9, 11; 10, 37].

С этой точки зрения вязание, если оно действительно практиковалось, также могло развиваться не изолированно, а в контакте с традициями соседних регионов – Персии, Кавказа, Руси и Средиземноморья. Однако подобный вывод остаётся предположением, поскольку прямых свидетельств об этом в рассматриваемых текстах нет.

Сочинение Афанасия Никитина «Хожение за три моря», созданное во второй половине XV в., представляет ещё один важный источник для сопоставления. В отличие от Клавихо, Никитин как купец проявляет более прагматический интерес к товарам, их качеству и рыночной ценности. Находясь в Персии и далее в Индии, он перечисляет изделия, представленные на местных рынках, среди которых упоминает «тончайшие ткани из шерсти и шёлка невиданных расцветок, изделия ремесленников и ювелиров, доспехи, оружие…» [14].

Особенно примечательно здесь указание на тонкие шерстяные ткани необычных расцветок. Хотя природа этих изделий не вполне ясна, само сочетание шерсти и богатой цветовой гаммы перекликается со свидетельствами Клавихо о высокой ценности шерстяных и шёлковых тканей. Никитин также перечисляет названия восточных тканей – алачи, пестряди, киндяки [14], – что свидетельствует о дальнейшем развитии текстильной торговли во второй половине XV в [10, 37; 14].

Подобно Клавихо, Никитин не оставил прямых сведений о вязаных изделиях. Однако его внимание к текстильному ассортименту подтверждает устойчивую значимость

тканей и изделий из шерсти в экономике и культуре Востока. Это, в свою очередь, косвенно поддерживает предположение о возможности существования и более простых форм текстильного производства, включая вязание, хотя сами они в источнике не названы.

В целом сопоставление данных Клавихо с сообщениями других путешественников показывает, что в XIII-XV вв. восточные регионы характеризовались высоким уровнем развития текстильного производства, разнообразием тканей, интенсивным обменом ремесленными навыками и широкой включённостью в международные торговые связи. При этом во все рассмотренных работах авторы уделяют основное внимание либо дорогим тканям, либо торговой инфраструктуре, тогда как повседневные формы текстильного производства остаются в тени. Именно поэтому отсутствие прямых упоминаний о вязании в этих источниках следует интерпретировать не как опровержение его существования, а как следствие ограниченности авторского наблюдения и специфики жанра описаний [9, 11; 10, 37; 11, 76; 14].

Подводя итог сравнительному анализу, следует отметить, что свидетельства различных путешественников сходятся прежде всего в признании богатства и разнообразия восточных тканей. Марко Поло и Афанасий Никитин в большей степени акцентируют внимание на дорогих и изысканных материях – шёлке, парче, тонкой шерсти, тогда как Клавихо и Иоанн де Галонифонтибус преимущественно характеризуют общий ремесленно-торговый фон: наличие мастеров, интенсивность торговли и включённость текстильной продукции в систему городского обмена. Различия между этими описаниями обусловлены как эпохой, так и целями самих путешествий [9, 11; 10, 37; 11, 46; 14].

Марко Поло, описывавший реалии XIII в., наблюдал пространство Монгольской империи, в котором шёлковое производство уже достигло высокого уровня развития; при этом возможные формы вязания либо не привлекли его внимания, либо не воспринимались им как значимый объект описания. Клавихо, посетивший северные регионы Великого Хорасана в начале XV в., застал эпоху Тимура – период концентрации ремёсел в крупных городских центрах. Его наблюдения, хотя и не содержат прямого указания на вязание, позволяют говорить о наличии развитой сырьевой и производственной базы для различных форм обработки шерсти. Галонифонтибус дополняет эту картину упоминанием европейских ремесленников на Востоке, что свидетельствует об интенсивном культурном и технологическом обмене. Афанасий Никитин, путешествовавший спустя несколько десятилетий после Клавихо, подтверждает дальнейшее развитие текстильных традиций: ассортимент тканей расширяется, изделия становятся более тонкими и разнообразными по окраске, хотя шерстяные предметы повседневного употребления, по-видимому, не играли заметной роли в дальнем вывозе [11, 76; 12; 20, 16].

Что касается вязания, то прямые упоминания об этой технологии в рассмотренных источниках отсутствуют. Вместе с тем этнографические данные последующих столетий свидетельствуют о широком распространении вязания носков и других небольших предметов одежды в обширной зоне от Кавказа до Гималаев. В этой связи можно предположить, что ни один из путешественников не счёл нужным специально фиксировать подобные предметы, поскольку они воспринимались как обыденная часть повседневной жизни либо не выделялись на фоне других текстильных изделий. Именно поэтому ретроспективный аналитический подход приобретает особую значимость: упоминания шерсти, тёплой одежды, ремесленных навыков различных народов позволяют с известной долей осторожности предполагать существование и такой ремесленной подсистемы, как вязание, оставшейся в тени более заметных ткацких производств [17, 55; 18, 71; 19, 60].

В совокупности сопоставление с другими источниками подтверждает основные выводы, полученные на основе анализа дневника Клавихо, и одновременно подчёркивает

новизну предложенного исследовательского подхода. Ни один из путешественников прямо не выделяет вязание как особую технологию, однако синтез их свидетельств позволяет проследить общую эволюцию нитяных практик в XIII-XV вв.: от преобладающего внимания к шёлкоткачеству и дорогим тканям у Марко Поло к более явной фиксации значения шерстяных изделий в повседневной жизни у Клавихо и Никитина. На этом основании можно предположить, что к концу XV в. техника обработки шерсти в регионе становилось всё более разнообразной, хотя письменные источники отражают этот процесс лишь косвенно [9, 11; 10, 37; 11, 76; 14; 17, 55; 18, 47; 19, 60].

Исходя из приведённых данных, можно сделать ряд выводов о возможном месте вязания как технологии и как вида изделий в системе материальной культуры северного региона Великого Хорасана во второй половине XIV-XVвв.

Вероятнее всего, вязаные изделия занимали скромное, но устойчивое место в повседневном гардеробе населения. Речь могла идти, прежде всего, о функциональных предметах: тёплых носках, чулках, рукавицах, домашних шапочках, возможно, о некоторых разновидностях накидок или иных предметов повседневной одежды. В кочевой среде вязание могло использоваться для изготовления удобной и тёплой одежды, пригодной для передвижения и защиты от холода. Подобные вещи не относились к числу престижных предметов, однако имели важное бытовое значение [17, 57; 18, 71; 19, 60].

Можно предположить, что вязаные изделия различались по качеству материала, сложности исполнения и декоративному оформлению. У более обеспеченных слоёв населения они могли изготавливаться из тонкой окрашенной шерсти и дополняться орнаментацией, тогда как у менее состоятельных групп были более грубыми и утилитарными. Клавихо упоминает бедных людей, укрывавших детей как могли, а также простую одежду и грубые меховые куртки, что в целом указывает на наличие выраженного различия между повседневной и парадной одеждой. В этом контексте вязаный трикотаж, благодаря своей мягкости и теплоизоляционным свойствам, вполне мог использоваться в одежде детей, женщин и других категорий населения, нуждавшихся в практичных предметах гардероба. [17, 28; 18, 71].

Не исключено также, что небольшие вязаные предметы, особенно орнаментированные, могли выполнять функцию локальных культурных маркеров. Более поздние этнографические данные показывают, что орнаментация джурабов нередко отличалась по регионам и локальным традициям. Поэтому можно осторожно предположить, что и в эпоху Тимура существовали определённые местные различия в декоративных решениях подобных изделий, даже если письменные источники их не фиксируют. В таком случае вязание выступало не только как утилитарная практика, но и как один из механизмов передачи традиции, навыков и эстетических представлений внутри сообщества [17, 58; 18, 71].

С экономической точки зрения вязание, по-видимому, не являлось в XV в. крупной отраслью ремесленного производства и сохраняло преимущественно домашний характер. Однако это не исключает участия вязаных изделий в локальной торговле. На базарах северного региона Великого Хорасана, где продавался широкий спектр товаров – от дорогих тканей до предметов повседневного употребления, – вполне могли присутствовать и простые вязаные вещи, особенно востребованные в холодное время года. Их стоимость, вероятно, была невысокой по сравнению с тканями, коврами или изделиями из шёлка, поэтому они могли реализовываться в рамках мелкого обмена и местного рынка [17, 55; 18, 71; 19, 160].

Внутри общин женщины, владевшие навыками вязания, могли выполнять индивидуальные заказы, в том числе изготавливать праздничные или подарочные предметы. Таким образом, вязание, даже не будучи институционализированным ре-

меслом, включалось в хозяйственную жизнь на низовом уровне и обеспечивало потребности населения в недорогих текстильных изделиях. В рамках же крупной международной торговли во второй половине XIV-XVвв. такие изделия, вероятно, не играли заметной роли, уступая по значимости шёлкам, коврам и другим престижным товарам. Вместе с тем сама практика вязания косвенно поддерживала спрос на сырьё и красители, вовлекая производителей домашних текстильных изделий в рынок шерсти, пряжи и красильных материалов [17, 78; 18, 82].

Хотя вязание по сравнению с вышивкой, ковроделием или ткачеством нередко воспринимается как менее выразительная художественная техника, оно также могло содержать элементы символики и декоративности. Орнаменты, используемые в вязанных носках, шапках или иных предметах, потенциально включали традиционные геометрические мотивы, цветовые сочетания и знаковые композиции, связанные с локальными представлениями и художественными нормами. Более поздние этнографические наблюдения подтверждают существование подобной символики, однако применительно к XV в. её реконструкция возможна лишь в предположительном порядке [17, 28; 18, 71; 21, 160].

Важно и то, что декоративность в целом была характерной чертой материальной культуры эпохи, на что указывают многочисленные наблюдения Клавихо о богатстве орнаментации одежды, тканей, шатров и предметов убранства. Это позволяет предположить, что стремление к украшению распространялось не только на парадные, но и на утилитарные вещи. В этом смысле вязаные изделия могли выступать как малозаметные для внешнего наблюдателя, но значимые для самих носителей культуры предметы, сочетающие практическую функцию с элементами традиционной символики [10, 37; 21, 16].

Следует также подчеркнуть интегрированность вязания в повседневный образ жизни населения. В условиях резко континентального климата северного региона Великого Хорасана потребность в тёплой одежде сохранялась постоянно. Войлочные изделия и тканые халаты могли дополняться более мягкими и прилегающими к телу предметами – носками, рукавицами, шапочками. В этом отношении вязание представляло собой удобную и мобильную форму текстильного труда, не требовавшую сложного оборудования и доступную как в кочевой, так и в оседлой среде. Его универсальность делала возможным распространение данной практики среди различных этнических и социальных групп, а простота технологии обеспечивала её устойчивость в бытовой культуре [17, 94; 18, 102; 19, 106].

В результате анализа сведений Руи Гонсалеса де Клавихо и их сопоставления с комплексом сопредельных источников можно сформулировать несколько обобщающих выводов, расширяющих представления о структуре текстильных ремёсел в северном регионе Великого Хорасана начала XV в.

Прежде всего установлено, что, несмотря на отсутствие в «Дневнике путешествия в Самарканд» прямой терминологической фиксации вязания как особой технологии, содержание источника позволяет выявить косвенные и вероятностные признаки возможного существования вязаных изделий в материальной культуре региона. Описания развитого текстильного производства, ткацких мастерских, красильных центров, а также высокая социальная и экономическая значимость шерстяной одежды формируют технологическую среду, в которой практика вязания представляется вполне вероятной. Упоминания отдельных предметов повседневного обихода тёплой одежды, простых головных уборов и иных шерстяных изделий могут быть соотнесены с вязаными формами, хотя источник не позволяет утверждать это однозначно [9, 215; 10, 218; 11, 301; 14; 17, 42; 18, 48; 19, 102].

Во-вторых, применение источниковедческой критики позволило выявить специфику наблюдательской оптики Клавихо как европейского дипломата и путешественника, ориентированного, прежде всего, на экзотические, репрезентативные и визуально выразительные элементы восточной культуры. В этой логике повседневные и утилитарные ремёсла закономерно оставались на периферии его внимания. Вместе с тем сопоставление его сведений с сообщениями Марко Поло, Иоанна де Галонифонтибуса и Афанасия Никитина показывает широту текстильной базы региона, включавшей как элитарные, так и бытовые формы производства. Совпадение их свидетельств в признании ремесленного богатства Востока при различии авторских акцентов усиливает аргументацию в пользу существования «невидимых» для хронистов технологий, к числу которых могло относиться и вязание. [10, 237; 22, 56].

В-третьих, научная новизна данного исследования заключается в целенаправленном включении вязания в проблемное поле изучения материальной культуры во второй половине XIV-XVвв. Если предшествующая историография была сосредоточена преимущественно на ткачестве, ковроделии и вышивке, то в настоящей работе вязание рассматривается как самостоятельная технологическая и социально значимая практика. Систематизация разрозненных сведений источников позволяет реконструировать вероятное место вязаных изделий в повседневной жизни, хозяйственной структуре и культурных традициях региона, расширяя представление о текстильном производстве как о многоуровневом комплексе ремёсел [3, 565; 17, 110; 18, 111; 19, 165].

В-четвёртых, исследование позволяет достаточно чётко обозначить пределы реконструкции и степень надёжности предлагаемых интерпретаций. Выдвигаемые гипотезы о наличии вязаных элементов в составе шерстяной одежды носят вероятностный характер, однако опираются на перекрёстное использование путешественных свидетельств, этнографических параллелей и данных о текстильных практиках сопредельных регионов. Разграничение между прямыми показаниями источников и аналитической интерпретацией обеспечивает методологическую строгость исследования и позволяет избежать произвольных выводов [10, 234; 22, 204].

Наконец, включение темы вязания в более широкий материально-культурный контекст второй половины XIV-XVвв. позволяет показать, что даже малые и слабо зафиксированные ремёсла являлись значимой частью экономической и социальной структуры общества. Вязаные изделия, вероятно, выполняли важные функции в быту, отражали взаимодействие оседлых и кочевых традиций и вписывались в многоэтничную ремесленную среду городов в северном регионе Великого Хорасана. Развитое производство, активные торговые связи и технологическое разнообразие эпохи создавали условия для устойчивого существования различных форм текстильных практик, включая и вязание как, одну из вероятных, хотя и слабо зафиксированных, составляющих этой системы.

Перспективы дальнейших исследований связаны, прежде всего, с расширением источниковой базы за счёт привлечения археологических данных, способных предоставить прямые материальные свидетельства существования вязальных практик. К числу таких свидетельств могут относиться фрагменты трикотажных изделий, элементы инструментария, а также технологические следы обработки нитяных материалов. Введение подобных материалов в научный оборот позволило бы существенно уточнить представления о степени распространения вязания и его роли в системе текстильного производства региона.

Не менее значимым направлением дальнейшего изучения представляется использование этнографических данных более поздних эпох. Анализ традиционных техник изготовления нитяных изделий, орнаментальных мотивов и способов передачи ремесленных навыков может способствовать выявлению элементов культурной преемственности. Со-

поставление этнографических материалов с письменными источниками и археологическими находками позволяет реконструировать длительные линии развития текстильных практик и выявить устойчивые элементы материальной культуры.

Дополнительные исследовательские перспективы открывает сравнительное изучение терминологии и технологических приёмов в различных культурных зонах Евразии. Анализ лексических обозначений, связанных с изготовлением нитяных изделий, а также сопоставление ремесленных техник может способствовать реконструкции возможных путей распространения вязания в евразийском пространстве и выявлению зон культурного взаимодействия, в которых происходил обмен технологическими знаниями.

В целом проведённое исследование формирует методологическую и источниковую основу для включения вязания в круг актуальных тем историко-культурной антропологии в северном регионе Великого Хорасана. Обращение к подобным, на первый взгляд малозаметным, элементам материальной культуры позволяет существенно расширить представления о повседневной жизни населения, структуре ремесленного производства и культурных практиках второй половины XIV-XV вв., а также по-новому осмыслить вклад региона в историю развития текстильных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд В. В. Улугбек и его время [Текст] /В. В. Бартольд /Бартольд В. В. Сочинения. – Москва: Наука, 1964. – Т. II, ч. 2. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. – С. 23-196.
2. Вид ткани и её состав – соответствие. Лицо – изнанка? Уход [Электронный ресурс]. – 10.07.2006. – URL: https://club.season.ru/topic/20180-vid-tkani-i-ee-sostav-sootvetstvie-litso-iznanka-uhod/page/7(дата обращения: 15. 02. 2026).
3. Гаркавец А. Н. Марко Поло по прозвищу Миллион и его «Книга о разнообразии мира» [Текст] /А. Н. Гаркавец /Золотоордынское обозрение. – 2017. – № 3. – С. 522-565.
4. Джурабы, тёплые носки… [Электронный ресурс]: отзыв пользователя. – URL: https://irecommend.ru /content/dzhuraby-teplye-noski-oni-komfortny-khoroshi-v-nikh-mne-udobno-i-krasivo-s-lyubovyu-sdelano (дата обращения: 19.01.2026).
5. Иоанн де Галонифонтибус. Книга познания мира. Сведения о народах Кавказа (1404) [Электронный ресурс] /пер. с англ. З. М. Буниятова. – URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus13/Galonifontibus/frametext.htm (дата обращения: 15.02.2026).
6. Искусство Средней Азии эпохи Тимуридов [Текст] /Общественные науки в Узбекистане. – 969. – № 8-9.
7. История названий тканей [Электронный ресурс] /Aliera.ru. – 28.12.2016. – URL: https://aliera.ru/articles/ istoriya-nazvaniy-tkaney.html (дата обращения: 15.02.2026).
8. Какие товары особенно привлекли внимание Афанасия Никитина в Ширванском царстве? [Электронный ресурс] /TravelAsk. – URL: https://travelask.ru/questions/84185-kakie-tovary-osobenno-privlekli-vnimanie-afanasiya-nikitina (дата обращения: 15.02.2026).
9. Клавихо Р. Г. де. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406) [Текст] /Р. Г. де Клавихо; пер. со староисп., предисл. и коммент. И. С. Мироковой. – Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. – 211 с.
10. Костюм народов Средней Азии: историко-этнографические очерки [Текст] /отв. ред. О. А. Сухарева. – Москва: Наука, 1979. – 237 с.
11. Марко Поло. Книга Марко Поло: Книга о разнообразии мира [Текст] /Марко Поло; пер. со старофр., коммент. и вступ. ст. М. А. Альпатова. – Москва: Географгиз, 1955. – 476 с.
12. Марко Поло. Путешествия в XIII веке по Азии и Африке [Электронный ресурс] /Марко Поло; пер. с фр. – URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus3/Polo/frametext4.htm (дата обращения: 19.01.2026).
13. Никитин Афанасий. Хождение за три моря (1466-1472) [Текст] / Афанасий Никитин; подгот. к изд. Я. С. Лурье, Л. С. Семёнов. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1986. – 212 с.
14. ООО «Шаосинкай и текстиль». В чем разница между тканым и вязаным материалом? [Электронный ресурс] /Ru.kyfztex.com. – 12.12.2024. – URL: https://ru.kyfztex.com/news_detail/27.html (дата обращения: 19.01. 2026).
15. Памирские джурабы, как отдельный вид искусства [Электронный ресурс]. – 03.03.2017. – URL: https://mir24.tv/articles/16395411/pamirskie-dzhuraby-kak-otdelnyi-vid-iskusstva (дата обращения: 19.01.2026).
16. Путешествие Афанасия Никитина (1466-1472 гг.). Ч. 3 [Электронный ресурс]. – 25.02.2016. – URL: https://glebminskiy.livejournal.com/49547.html (дата обращения: 15.02.2026).

17. Традиционная одежда народов Средней Азии и Казахстана [Текст] /отв. ред. Н. П. Лобачёва, М. В. Сазонова. – Москва: Наука, 1989. – 255 с.

18. Barber E. J. W. Prehistoric Textiles: The Development of Cloth in the Neolithic and Bronze Ages, with Special Reference to the Aegean [Text] /E. J. W. Barber. – Princeton: Princeton University Press, 1991. – 471 p.

19. Bartold V. V. Ulugbek i ego vremya [Текст] /V. V. Bartold. – Petrograd: Tipografiya Rossiyskoy akademii nauk, 1918. – II, 160, [24] c.

20. Burnham D. K. Warp and Weft: A Textile Terminology [Text] /D. K. Burnham. – Toronto: Royal Ontario Museum, 1980. – 216 p.

21. Harvey E. Janet. Traditional Textiles of Central Asia [Text] /E. Janet Harvey. – London: Thames & Hudson, 1996. – 160 p. – Страницы требуют сверки по конкретному изданию.

22. Rutt R. A History of Hand Knitting [Text] / R. Rutt. – London: B. T. Batsford, 1987. – 256 p.

ТЕХНОЛОГИЯ ВЯЗАНИЯ И ТЕКСТИЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ В СЕВЕРНОМ РЕГИОНЕ ВЕЛИКОГО ХОРАСАНА (МАВЕРАННАХРА) ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV И XV ВЕКОВ ПО СВИДЕТЕЛЬСТВУ КЛАВИХО

Статья посвящена проблеме реконструкции вязания, как возможной формы текстильной практики в северном регионе Великого Хорасана во второй половине XIV и XV веков. В отличие от работ, сосредоточенных на ткачестве, ковроделии и дорогих тканях, здесь рассматриваются малозаметные предметы повседневного быта: носки, чулки, простые шерстяные шапочки, пояса и другие изделия, которые могли изготавливаться петельными техниками. Поскольку дневник Руи Гонсалеса де Клавихо не содержит прямого термина «вязание», анализ строится на косвенных признаках: упоминаниях шерстяной одежды, сырьевой базы, красителей, орнаментации, домашнего труда и сопоставлении с данными Марко Поло, Иоанна де Галонифонтибуса и Афанасия Никитина. Особое внимание уделяется границам достоверности такой реконструкции и разграничению прямых сведений источника от исследовательской гипотезы.

Ключевые слова: *вязание, шерсть, джурабы, Великий Хорасан, Клавихо, Марко Поло, Афанасий Никитин, материальная культура, текстильные ремёсла, историческая реконструкция.*

KNITTING TECHNOLOGIES AND TEXTILE PRACTICES OF CENTRAL ASIA IN THE NORTHERN REGION OF GREATER KHORASAN (TRANSOXIANA) DURING THE XIV AND XV CENTURIES: EVIDENCE FROM CLAVIJO'S ACCOUNT

This article examines the reconstruction of looped textile technologies as one of the potential forms of textile practice in the northern region of Greater Khorasan (Transoxiana) during the second half of the fourteenth and fifteenth centuries. Unlike previous studies, which have primarily focused on weaving, carpet production, and luxury textiles, the present research addresses less conspicuous elements of everyday material culture, including socks, woolen footwear, simple woolen caps, belts, and other items that may have been produced through loop-forming techniques.

As the travel account of Ruy González de Clavijo contains no explicit references to «looped knitting» or «needle knitting,» the analysis is based on indirect evidence. These include references to woolen garments, the availability of raw materials, dyestuffs, ornamental patterns, domestic production, and comparative evidence derived from the accounts of Marco Polo, Johannes de Galonifontibus, and Afanasy Nikitin. Particular attention is devoted to assessing the evidentiary limits of such reconstructions and to distinguishing between information directly attested in the primary source and hypotheses advanced through historical interpretation.

Keywords: *looped textile technologies, wool, socks, Greater Khorasan, Transoxiana, Clavijo, Marco Polo, Afanasy Nikitin, material culture, textile crafts, historical reconstruction.*

ТЕХНОЛОГИЯҲОИ БОФАНДАГИИ ҲАЛҚАВӢ ВА ТАҶРИБАҲОИ НАССОҶИИ МИНТАҚАИ ШИМОЛИ ХУРОСОНИ БУЗУРГ (МОВАРОУННАҲР) ДАР НИМАИ ДУЮМИ АСРИ XIV ВА АСРИ XV АЗ РӮЙИ ШАҲОДАТИ КЛАВИХО

Мақола ба масъалаи бозсозии бофандагии ҳалқавӣ ҳамчун яке аз шаклҳои эҳтимолии таҷрибаи нассоҷӣ дар минтақаи шимоли Хуросони Бузург дар нимаи дуюми асрҳои XIV ва XV бахшида шудааст. Бар хилофи таҳқиқоте, ки асосан ба бофандагӣ, қолинбофӣ ва матоъҳои гаронбаҳо равона гардидаанд, дар ин мақола ашёи камтар намоёни ҳаёти ҳаррӯза баррасӣ мешаванд: чӯробҳо, пойпӯшҳои пашмин, тоқичаҳои одии пашмин, камарбандҳо ва дигар маҳсулоте, ки эҳтимолан бо истифода аз техникаҳои ҳалқавӣ омода мегардиданд. Азбаски дар рӯзномаи Руи Гонсалес де Клавихо истилоҳи мустақими «бофандагии ҳалқавӣ» ё «бофтан бо сӯзан» истифода нашудааст, таҳлил бар асоси нишонаҳои ғайримустақим сурат мегирад: ишораҳо ба либоси пашмин, заминаи ашёи хом, рангкунандаҳо, нақшу нигор, меҳнати хонагӣ ва муқоиса бо маълумоти Марко Поло, Иоанн

де Галонифонтибус ва Афанасий Никитин. Таваҷҷуҳи махсус ба ҳудуди эътимоднокии чунин бозсозӣ ва ҷудо намудани маълумоти мустақими манбаъ аз фарзияи таҳқиқотӣ равона шудааст.

Калидвожаҳо: *бофандагии ҳалқавӣ, пашм, ҷӯроб, Хуросони Бузург, Клавихо, Марко Поло, Афанасий Никитин, фарҳанги моддӣ, ҳунарҳои нассоҷӣ, бозсозии таърихӣ.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Содиқова Сайёра Абдураҳибовна – номзади илмҳои таърих, ходими калони Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон.E-mail: sayorka_s@mail.ru

Сведения об авторе: Садикова Сайёра Абдуракибовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана. E-mail: sayorka_s@mail.ru

Information about the author:Sodikova Sayora Abdurakibovna – Candidate of Historical Sciences, researcher at the A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Tajikistan. E-mail: sayorka_s@mail.ru

УДК 72.03 (560)

АРХИТЕКТУРА И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО НА ТЕРРИТОРИИ ТАДЖИКИСТАНА В ЭПОХУ АХМАДА ДОНИША (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX - НАЧАЛО XX ВВ.)[1]

МУКИМОВ Р. С.,
Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

В 1860-х годах территория Восточной Бухары перешли под контроль России. Это произошло после того, как царская армия разбила силы Бухарского эмирата и начала борьбу с местными феодалами. Для этого была создана специальная Искандеркульская экспедиция.

Важным этапом стал мирный договор от 23 июня 1868 года, подписанный после наступления войск Туркестанского генерал-губернатора фон К. П. Кауфмана. В результате к Российской империи присоединились такие города, как Худжанд, Пенджикент, Ура-Тюбе, а позже – Исфара и Канибадам.

Именно в это время (50-е годы XIX в.) в Бухарском ханстве появляется Ахмад Дониш (1827-1897), учёный, просветитель, философ, поэт и государственный деятель Бухарского эмирата. Он известен не только своими прогрессивными идеями по реформам государственного устройства, но и внес значительный вклад в развитие таджикской литературы и общественной мысли. Мы также доподлинно знаем, что он был прекрасным рисовальщиком и ценителем архитектуры. В предисловии книги Ахмада Дониша «Путешествие из Бухары в Петербург» в разделе «Ахмад Дониш и его творчество» написано, что он назначается придворным служителем по письму и рисованию. В это время (1877 год) эмир Бухары Насруллах направляет в Петербург посольскую делегацию чтобы начать переговоры с императором Российской империи Александром II о расширении и укреплении торговых связей между Россией и Бухарой. Ахмад Дониш, в это время пользовавшийся большим уважением и доверием эмира, был включен в состав делегации в качестве секретаря посольства.

[1] Статья написана в рамках проекта «История таджикского народа (III - начало XX века)», государственный регистрационный номер РБ № 0126 TJ 01766.

Ещё в детстве Ахмад Дониш проявлял интерес к овладению искусством рисования и каллиграфии и у него был, по словам самого Ахмада, учителем известный в ханстве зодчий. Под влиянием своего учителя он стал ценить величественные памятники искусства и архитектуры на территории Средней Азии, созданные мастерами прошлого, и мечтал, как и они, посвятить свои знания и мастерство во благо родной страны, развитию культуры своего народа. Поэтому, находясь неоднократно (1857, 1868 и 1874 гг.) в Петербурге, он восхищался великолепием архитектуры модерна, которая царила в этом время под влиянием промышленной архитектуры в Европе.

Историк Узбекистана Абдулахад Мухаммаджанов на основе анализа топографического плана Бухары из личного фонда известного русского востоковеда П. И. Лерха конца XIX века (фонд находился в архиве востоковедов Ленинградского отделения Института народов Азии) определил время его составления и исполнителя чертежа, которым являлся главный зодчий, каллиграф и художник при дворе эмира Насруллах Ахмад Дониш (1,31-42, рис. на с.34), а план был составлен им между 1852-1858 гг. т.е. в середине XIX века (рис. 1).

Учитель Дониша высоко ценил его талант в рисовании, сравнивая его искусство с пророком и основателем манихейства, а также гениальным живописцем III века в Месопотамии Мани и гениальным художником гератской школы миниатюры XV-XVI века Камолиддином Бехзадом. Сам Ахмад Дониш в своём произведении «Наводир-ул-вакоеъ» («Редкостное происшествие») писал: «Я научился каламом и циркулем выделывать все, на что способны искусные мастера, и даже выработал свои правила и внес новшества в это искусство. Я хорошо чертил поля и заставки, красиво рисовал небо, дома, сады, животных, людей, птиц, рыб, степи и поля, горы и реки в самых различных видах и положениях, умел высекать надписи на стенах домов разными почерками…» [2, 222].

В 1877 году бухарский эмир Насруллах отправил своих послов в Петербург. Целью поездки были переговоры с Александром II о том, как развивать и укреплять торговлю между странами. В эту группу вошел и знаменитый мыслитель Ахмад Дониш – эмир ему очень доверял, поэтому назначил его секретарем миссии.

Под наставничеством своего учителя он сформировал глубокое уважение к историко-культурному наследию Средней Азии. Выдающиеся образцы зодчества и искусства, созданные предшественниками, вдохновили его на реализацию собственного творческого потенциала. Он стремился продолжить традиции великих мастеров, направляя свои профессиональные навыки на социокультурное развитие и процветание родной страны.

Присоединение таджикских земель к Российской империи имело в целом про-грессивное значение. В этот период начался промышленный рост: открылись заводы по переработке хлопка и шелка, строились административные здания, создавались общественные парки. Новые строительные технологии, так же как и использование обожженного кирпича, установка деревянных полов и побелка стен стали активно внедряться в быт.

Европейское влияние отчетливо проявилось в планировке новых городских кварталов с прямыми мощенными улицами и аллеями. Однако эти нововведения привели к изменению традиционной средневековой среды в таких центрах, как Самарканд, Худжанд и Ура -Тюбе. Перемены в архитектурно-строительной сфере затронули даже отдаленные горные поселения [3, 227-237].

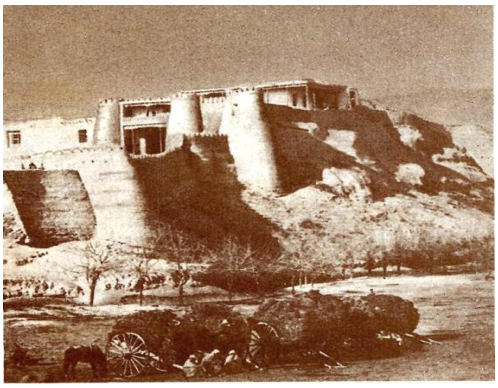
Рис. 1. Топографический план Бухары (1852-1858 гг.), автор чертежа Ахмад Дониш.

Важным шагом в сфере образования стало открытие русско-туземных школ: в 1885 году – в Худжанде, а в последующие годы – в Ура-Тюбе, Пенджикенте и Канибадаме. Тем не менее, оценивая этот исторический этап, не следует игнорировать и противоречивые последствия интеграции региона в состав империи [4].

С наступлением Нового времени география исследования архитектуры и градостроительства Центральной Азии сужается. Это связывается с обособлением местных художественных школ. В данной работе основное внимание уделено памятникам в границах современного Таджикистана, которые в XIX - начале XX веков относились к Бухарскому эмирату и Туркестанскому генерал-губернаторству. Несмотря на то, что многие древние поселения со временем пришли в упадок или исчезли совсем, ряд городских центров региона сохранил своё значение. На севере к ним относились Худжанд, Ура-Тюбе, Канибадам, Исфара и Пенджикент; южную часть региона представляли Куляб, Курган-Тюбе, Регар, Гиссар и Душанбе.

Худжанд в этом ряду занимает особое место, поскольку город донёс до нас черты традиционной восточной городской среды. Застройка делилась на 84 квартала с характерной плотной посадкой жилых домов, каждый из которых имел внутренний двор и входную группу - дарвозахона. Как указывает Н. Н. Негматов, на площади около 719 га проживало свыше 17 тысяч человек. Оборонительным ядром города служила цитадель - урда, стоявшая на левом берегу Сырдарьи (рис. 2) [5, 39 - 53]. Торговая жизнь города концентрировалась на рынках, главным из которых был Панчшанбе. О динамичном развитии торговой инфраструктуры свидетельствует рост числа каравансараев - своеобразных гостиниц и торговых дворов: к концу 1880-х годов их насчитывалось уже 24 против прежних пяти. Эти объекты соединялись с семью городскими воротами. Также неотъемлемой частью городского пространства оставались общественные бани [6, 40-67].

Архитектурный облик и планировочная структура Худжанда претерпели существенные изменения после 1866 года, когда город вошел в состав Российской империи. Военные действия, сопровождавшиеся артиллерийскими обстрелами, нанесли значительный урон городской застройке. В этот период у современного моста через Сырдарью сформировался новый район «Русская часть» (Маҳаллаи русҳо).



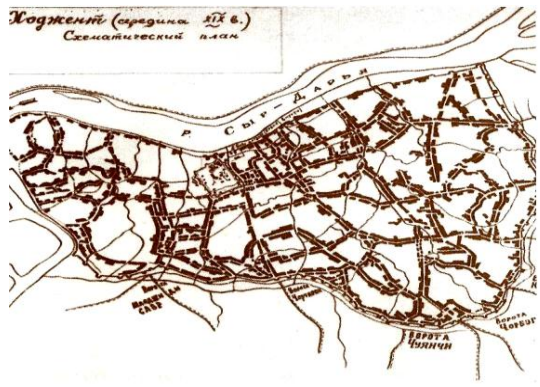


Рис. 2. Древний Худжанд: левый – дворец худжандского правителя; фото середины XIX в.; правый – план позднесредневекового Худжанда середины XIX в.

Городская цитадель была перепрофилирована под нужды военного гарнизона; свидетельством того времени остаются сохранившиеся здания казарм и плац.

Развитие железнодорожного сообщения способствовало превращению Худжанда в ведущий индустриально-аграрный и торговый узел региона. Экономический рост потребовал модернизации транспортной сети: была реконструирована центральная магистраль, соединившая район Чоршанбе с вокзалом (современная улица Ленина). До расширения эта дорога была крайне стеснена и предназначалась лишь для движения арб, имея ширину всего 3,5-4,3 метра [7, 167-182].

Изменения Худжандской цитадели в рассматриваемый период была связана с ее важным стратегическим значением. Российская военная администрация распорядилась расчистить перед крепостью эспланаду - ради этого снесли часть соседних кварталов вместе с торговыми рядами и базарными площадями. В 1875 году через Сырдарью перекинули деревянный мост, связавший разрозненные части города (см. левый рис. 2) [8, 63 - 72].

Русская слободка строилась совсем иначе, чем старый Худжанд. Там - тесные кварталы без дорог и света, здесь - прямые улицы с деревьями и фонарями, парк, сквер. В первые годы Туркестанского генерал - губернаторства в слободке из сырцового кирпича возвели православную церковь. Тем не менее, общее состояние городской среды оставалось сложным. Реформы затронули лишь малую часть города, тогда как в остальном сохранялись высокая плотность застройки, антисанитарные условия и нехватка зеленых насаждений. Такое положение дел было следствием сохранения феодальных пережитков и специфики колониального управления, что сдерживало социальное и культурное развитие региона.

После установления Советской власти в 1917-1918 годах темпы градостроительства существенно замедлились. В этот переходной период масштабные государственные проекты не реализовывались, а застройка носила фрагментарный характер и осуществлялась преимущественно на средства частных лиц [9, 30 - 56].

Истаравшан (до 2000 года известный как Ура-Тюбе) принадлежит к числу древнейших городских центров Центральной Азии. На протяжении своей многовековой истории он неоднократно переименовывался: от античного Кирополя (Курушкада) до современного названия, официально возвращенного городу в 2000 году. В пе-

риод Нового времени населенный пункт находился в административном подчинении Туркестанского генерал-губернаторства, последовательно входя в состав Сырдарьинской и Самаркандской областей.

Визуальное представление о градостроительном облике Ура-Тюбе конца XIX века дают архивные материалы, в частности фотографии С. Дудина и графические зарисовки Д. Вележева. Глубокий научный анализ пространственной организации города и его махаллинского (квартальной) структуры представлен в фундаментальных трудах академика А. Мухтарова ([11].

Анализ исторических источников позволяет реконструировать структуру и параметры Ура-Тюбе в XVIII-XIX веках. После вхождения в состав Российской империи (к 1886 году) территория города превышала 527 га. Картографические данные 1866 года свидетельствуют о наличии развитой системы фортификации: город был защищен двойным кольцом высоких стен с башнями и глубоким рвом. По мнению А. Мухтарова, обособление отдельных жилых кварталов внутренними стенами соответствовало традициям среднеазиатского зодчества.

Доступ в город обеспечивали семь ворот, расположенных по всему периметру (Якка-Бог, Сои Боло, Каробек и др.). Уличная сеть имела радиальную структуру: магистрали от ворот сходились к центральному базару. Во второй половине XIX века протяженность городских укреплений составляла 6,4 км при общей площади 4,8 кв. км. Для сравнения: Худжанд и Бухара в этот период имели большие масштабы (7,2 кв. км и 6,5 кв. км соответственно).

Административным центром служила цитадель с крепостью бека, расположенная на возвышенности Муг. Инфраструктура, т.е. инженерная, архитектурная и социальная система города в конце XIX века включала 64 квартала, где функционировали 68 мечетей, образовательные учреждения (медресе и корихона), бани и более 850 торговых и ремесленных точек. Демографические показатели начала столетия фиксируют численность населения на уровне 25 тысяч жителей [12, 23 - 24].

Структура городского расселения Ура-Тюбе традиционно основывалась на квартальном делении (гузарах). Зачастую гузары формировались по профессиональному признаку (например, кварталы кожевников «Чармгари», мыловаров «Собунгари» или ткачей), по принципу землячества (переселенцы из Ташкента) или этнической принадлежности. Также была распространена практика именования кварталов в честь видных государственных и религиозных деятелей.

Новый этап городского развития начался после вхождения региона в состав Российской империи. Первоначально администрация и переселенцы размещались на территории цитадели Мугтеппа, но вскоре за пределами крепостных стен начал формироваться русский квартал. К началу 1890-х годов здесь была создана регулярная планировка из пяти улиц с уличным освещением. В административном отношении город был разделен на три района (даха), один из которых был полностью отведен под европейскую застройку. По данным 1871 года, численность населения этой части составляла 1490 человек, значительное большинство из которых были военными.

В 1880-х годах в новом квартале был заложен первый общественный парк и возведены административные здания. Новая архитектура существенно отличалась от местной застройки использованием обожженного кирпича, установкой застекленных окон, выходящих на улицу, наличием деревянных полов и использованием современных отделочных материалов (краски, побелки) и строительных металлических изделий [12, 47].

С созданием Таджикской ССР начался активный этап урбанизации города: расширились его границы, возводились современные жилые массивы и социальные объекты, развивалась транспортная сеть. Несмотря на исторические изменения, здесь сохранился значительный пласт культурного наследия, включая образцы традиционной архитектуры – жилые дома, мечети, общественные бани и чайханы.

Куляб. Одним из ключевых исторических центров Южного Таджикистана является Куляб. Город находится в долине реки Яхсу у подножия хребта Хазрати - Шох, на расстоянии 202 км к юго-востоку от Душанбе. На современном этапе Куляб занимает площадь около 15 тыс. кв. км, а его демографические показатели превышают отметку в 100 тысяч жителей [13, 29].

Согласно результатам археологических изысканий, история Куляба насчитывает более двух тысячелетий. Несмотря на то, что историческая планировка города дошла до наших дней в сильно измененном виде, здесь уцелели значимые памятники зодчества. Особое место среди них занимает мавзолей Амира Саида Хамадони, датируемый XV-XVI веками [14, 3-5].

Современный топоним «Куляб» закрепился в источниках примерно в XVII столетии. Как отмечал востоковед В. В. Бартольд, в период правления узбекских династий прежнее название региона – Хутталь – постепенно вышло из употребления. В трудах Махмуда ибн Вали (первая половина XVII века) местность ещё упоминается как Хутталь, тогда как в хрониках времен правления хана Убайдуллы (1702-1711 гг.) уже фигурирует Куляб [15, 555-557].

В южной и восточной частях города располагался исторический центр – шахристан. Согласно данным А. П. Колпакова, в районе Чармгари Поён долгое время находились руины цитадели Калъаи Сары-бек, возведенной во второй половине XIX века [16]. Сегодня эта территория известна как квартал Кухнашахр («Старый город»). Раскопки в этом районе показали, что в XVII–XIX вв. здесь кипела жизнь - дома стояли плотно, гончарное дело процветало. Судя по найденным фрагментам кирпичной кладки, Кухнашахр был обнесён оборонительной стеной. Городская территория простиралась от квартала Чармгарон до нынешнего центра.

В 1870 году Куляб вошёл в Бухарский эмират как самостоятельное бекство. Беков сюда присылали из Бухары. Ремесленная жизнь города была разнообразной: здесь работали гончары, кожевники, ювелиры, столяры и ткачи. Семнадцать кварталов, каждый со своей специализацией. Торговля тоже не стояла на месте. Особой славой пользовалась местная вышивка - гулдузи и чакан с их неповторимыми узорами. Д. Ю. Рожевиц, посетивший Куляб в конце XIX века, отметил, что город заметно выделялся на фоне других поселений эмирата, в том числе непривычными для Востока крупными деревянными домами с двускатными крышами среди традиционной глинобитной застройки [17, 260].

Д. Н. Логофет в записках 1905 года указывал, что Куляб упоминается как торговый узел ещё в хрониках до нашей эры. Руины крепостных стен и остатки старой застройки у реки Куляб-дарья в начале XX века всё ещё хранили следы этого прошлого [18].

После установления советской власти в 1921 году город начал быстро расти. Сегодня в Кулябе живёт более 100 тысяч человек. В этот период была сформирована современная инфраструктура: возведены жилые массивы, открыты образовательные учреждения разного уровня (лицеи, школы, колледжи, ВУЗ), разбиты парковые зоны. Значимым проектом стала реконструкция центрального городского парка, где расположен мавзолей Амира Саида Хамадони. Проведенные работы по благоустройству позволили не только восстановить облик памятника XV-XVI веков, но

и гармонично вписать его и окружающие исторические объекты в современный городской ландшафт [19].

Душанбе. Город Душанбе в ряде энциклопедических и туристических источников часто рассматривается как населенный пункт, сформировавшийся в советский период, в частности в 1925 году, когда он получил статус столицы Таджикской автономной республики. Однако археологические исследования показывают, что территория современного города была заселена значительно раньше и имеет длительную историю развития.

Раскопки Душанбинского городища свидетельствуют о его существовании уже во II веке до н.э., в период Греко-Бактрийского государства. Найденные археологами материалы указывают на высокий уровень строительной техники, а также развитую материальную и художественную культуру населения, о чем свидетельствуют предметы быта и изделия декоративно-прикладного искусства.

Не останавливаясь на всех исторических этапах развития Душанбинского городища (они освещены в публикациях М. Бубновой, В. Соловьева, Ш. Юсупова, С. Мамаджановой, Р. Мукимова и др.) (20), отметим, что согласно описаниям участников русских экспедиций XIX века, город был окружен мощной глинобитной стеной толщиной до 4-5 метров и высотой 10 метров. Он располагался на возвышенном берегу реки Варзоб и имел тесные связи с окружающими сельскохозяйственными территориями. Крепость правителя была укреплена башнями по углам и у ворот. Численность населения города, по оценкам, могла достигать около 10 тысяч человек.

Однако частые междоусобные конфликты между феодальными правителями приводили к разрушению города и его окрестностей. В XIX веке правители соседних регионов подвергали разорению близлежащие поселения, а сам Душанбе был практически уничтожен. Несмотря на это, местные жители впоследствии восстанавливали город.

До включения Восточной Бухары в состав Российской империи Душанбе являлся значительным административным и хозяйственным центром Гиссарского бекства. Город служил летней резиденцией местных правителей. Важную роль в его экономической жизни играл рынок, где торговали или делали покупки жители не только Душанбе, но и дальних кишлаков Лакая, Бабатага, Файзабада, Янги Базара, Варзоба, Ханаки, Харангона и др.

Во второй половине XIX века, после присоединения региона к Российской империи, Душанбе представлял собой совокупность отдельных кварталов, каждый из которых имел собственные мечети. На правом берегу реки Варзоб находилась укрепленная крепость с единственными воротами и башнями. Внутри крепости располагались жилые и хозяйственные здания, а также водоём (хауз).

Дворцовый комплекс включал несколько функциональных зон: жилые помещения семьи правителя, хозяйственные постройки (конюшни и скотные дворы), а также парадный двор с каменным покрытием, выходящий в сад. В саду находилась беседка с ковровым убранством, откуда открывался вид на реку и окружающий ландшафт. В центре двора располагался водоём, окруженный деревьями, под которыми были устроены места для отдыха. На территории крепости также находилась небольшая мечеть. С трех сторон крепость окружали постройки и сады жителей Душанбе, а четвертая сторона выходила на обрывистый берег Варзоба. У входа в ворота стояли 5 медных пушек. Снаружи, у ворот, находились канцелярия амлакдора и казарма. Крепость была окружена жилыми постройками и садами с трех сторон,

тогда как с четвертой стороны находился обрыв к реке Варзоб. У входа в крепость размещались артиллерийские орудия, а снаружи располагались административные и военные здания амлакдора.

Крепость выполняла не только жилую функцию, но также служила важным оборонительным пунктом, защищавшим вход в Варзобское ущелье. В районе современного Дома офицеров (позднее снесенного при строительстве Дворца нации), на улице Чапаева, рядом с мазаром «Сугал», располагалась каландархона – место проживания представителей мусульманских суфийских орденов каландаров. Эти люди вели крайне аскетичный образ жизни и существовали в основном за счет подаяний.

В дореволюционный период в Душанбе насчитывалось около двадцати ремесленных мастерских различного профиля, включая кузницы, маслобойни и ювелирные мастерские. Городская территория делилась на кварталы по профессиональному признаку: существовали районы кожевников, ткачей, а также каландаров. Отдельно выделялся квартал, где проживало еврейское население. Согласно данным капитана русской армии Лилиенталя, 1887 году в городе было примерно 700 дворов.

Как и другие города феодальной Средней Азии, Душанбе имел развитое торгово-бытовое хозяйство: каравансараи, торговые лавки и чайханы. К началу XX века здесь действовали 12 чайхан, 14 квартальных мечетей и два медресе. В 1915 году по инициативе российской администрации была построена первая больница, состоявшая из шести кирпичных зданий с металлической крышей (21). В 1924 году в городе также начали функционировать телеграф и телефонная связь.

К началу 1920-х годов на территории современного Душанбе располагалось более двадцати кишлаков, среди которых Сари Осиё, Гафилобод, Миршикор, Ходжамбиёни Боло и Ходжамбиёни Поён, Карамишкор, Чармгарон и другие. После получения статуса столицы Таджикской республики город начал активно развиваться. Уже к 1937 году численность населения достигла 50 тысяч человек. В этот период были построены крупные общественные здания по проектам приглашенных архитекторов, таких как П. Ваулин, С. Кутин, С. Анисимов, Л. Геогргиевская, А. Покровский и другие.

Таким образом, мы рассмотрели архитектуру во второй половине XIX – начале XX вв. на историко-культурном фоне эпохи, когда проходила деятельность Ахмада Дониша при дворе Бухарского ханства. При этом были отмечены кратко основные вехи названного периода. Мы считаем, что все те новшества, которые принесло включение территории Бухарского ханства в Россию, были вызваны именно различными договорами Бухары с российским правительством (мы имеем ввиду появление признаков и положительных явлений западной русской культуры, в том числе архитектуры и градостроительства), где принимал участие наш великий соотечественник. Это позволило после Октябрьской революции 1917 года быстрому проникновению в полуфеодальную среду Бухарской республики, например, новых строительных материалов (кирпича русского образца, гвоздей, шифера, извести, деревянных полов и др.), русских частей в древних городах Худжанде, Пенджикенте, Ура-Тюбе, Исфаре, Канибадаме с новой европейской градостроительной структурой. Конечно, все эти новшества появлялись только в городах и крупных пригородных селениях. В большинстве же поселениях (а это все 90% сельских поселений) до середины 30-х годов XX века царили средневековые архитектурно-строительные традиции, отраженные в народном зодчестве и искусстве.

Всё вышесказанное поднимает просветительскую роль государственного деятеля Бухарского ханства Ахмада Дониша в проникновении европеизированной городской среды на территорию не только Восточной Бухары, но всего Туркестана в начале XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мухамеджанов А. Р. Историко - топографический план Ахмада Дониша /Общественные науки в Узбекистане. – Ташкент: Наука, 1965. №5, – С. 31-42.
2. Ахмад Дониш. Путешествие из Бухары в Петербург. –Госиздат Тадж. ССР, 1960. – 276 с.
3. История города Душанбе (с древнейших времен до наших дней)/Под общей редакцией М. Убайдуллаева. – Душанбе: Хукумат Душанбе. - АН РТ, 2004. – 295 с.
4. Мукимов Р., Мамаджанова С. Зодчество Таджикистана. – Душанбе: Изд. «Маориф», 1990. – 170 с.
5. Негматов Н. Н. Ходжент во второй половине XIX-начале XX вв. (Вопросы реконструкции города, количество и этнический состав населения) /Изв. АН Тадж.ССР. отдел. обществ. наук. - № 1 (47). – 1967. - С. 39-53.
6. Кушакевич А. А. Статистические сведения о городах Ходженте и Ура-Тюбе /МСТК. Ежегодник. - Вып. 1. – СПб, 1872. - С. 40-67.
7. Касымов Н. Прогрессивное значение образования русских частей в городах Ходженте и Ура-Тюбе /Материалы по истории городов Таджикистана. – Душанбе: «Дониш», 1975. - С. 167-182.
8. Негматов Н. Н. Из истории позднесредневекового Ходжента /Материалы Второго совещания археологов и этнографов Средней Азии, 29 октября-1ноября 1956 года. – Сталинабад - М.-Л.: АН СССР. - С. 63-72.
9. Джалилов Ш., Кадыров А. Ходжент в период трех революций /Исследования по истории и культуре Ленинабада. - Душанбе: Изд. «Дониш», 1986. - С. 30-56.
10. Живописная Россия. Том 10: Русская Средняя Азия. – СПб, 1885. - 43 л. ил.
11. Мухторов А. Курушкада-Истравшан-Уротеппа. – Душанбе: «Амри илм», 2000. – 100 с., на тадж. яз.
12. Мукимов Р., Мамаджанова С. Кирополь – Истравшан – Ура – Тюбе. – Душанбе: «Мерос», 1993. -144 с.
13. Юлдашев А. Хутталь в арабских источниках /История и культура Куляба. – Куляб, 1988. - С. 29-31.
14. Негматов Н. Н., Мамаджанова С. М. Мавзолей Мир Саида Хамадони в Кулябе /Мероси ниёгон. - 1995. – Душанбе. - Вып. 2. - С. 3-5.
15. Бартольд В. В. Хутталь (статья из «Энциклопедии ислама»). - Соч. – Том 3. – М., 1965. – С. 555-557.
16. Колпаков А. П. Некоторые сведения о кварталах дореволюционного города Куляба /Изв. Отдел. Обществ. Наук АН Тадж.ССР. – Вып. 5. – 1954. – 81 с.
17. Рожевиц Р. Ю. Поездка в южную и среднюю Бухару в 1906 г. /Изв. РГО. – Том 44. – Вып. 9. – 1908. - 260 с.
18. Колпаков А. П. Некоторые сведения о кварталах дореволюционного города Куляба/Изв. отдел. обществ. наук АН Тадж. ССР. - Вып. 5, 1954. – 83 с.
19. Фролов В. Куляб. Путеводитель. – Душанбе: «Ирфон», 1983. – 64 с.
20. Панфилов О., Дубовицкий В. Душанбе – молодой и древний. – Душанбе: «Адиб», 1991. – 177 с.
21. Юсупов Ш. «Русский дом» в Душанбе/Мероси ниёгон. - 1992. – Душанбе. - Вып.1. - С. 67-69.

МЕЪМОРӢ ВА ШАҲРСОЗӢ ДАР ҲУДУДИ ТОҶИКИСТОНИ АҲДИ АҲМАДИ ДОНИШ (нимаи дуюми асри XIX - аввали асри XX)

Дар мақола дар заминаи равандҳои таърихию фарҳангии миёнаи асри XIX ва аввали асри XX фаъолияти олим ва маърифатпарвари тоҷик Аҳмади Дониш, меъмори дарбори амири Бухоро Насруллоҳ пас аз ҳамроҳ шудани Бухорои Шарқӣ ба ҳайати Русия бозтоб ёфтааст.

Маҳорати ӯ дар санъати рассомӣ, хаттотӣ ва тартиб додани тасвирҳои топографӣ дар нақшаҳо қайд карда мешавад. Асоснок шудааст, ки Аҳмади Дониш муаллифи аввалин нақшаи муфассали топографии шаҳри Бухоро дар асри XIX мебошад. Инчунин дар бораи ташаккули меъморӣ ва шаҳрсозии шаҳрҳои ҳудуди Тоҷикистон, аз ҷумла Хуҷанд, Уротеппа ва Душанбе дар асрҳои XIX ва XX, ки дар онҳо саҳми Аҳмади Дониш низ маълумот дода мешавад.

Калидвожаҳо: *меъморӣ, шаҳрсозӣ, Аҳмади Дониш, Бухоро, нақшаи топографии Бухоро, Хуҷанд, Ӯротеппа, Душанбе.*

АРХИТЕКТУРА И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО НА ТЕРРИТОРИИ ТАДЖИКИСТАНА В ЭПОХУ АХМАДА ДОНИША
(вторая половина XIX- начало XX вв.)

В статье на фоне историко-культурных процессов в середине 19-начале 20 столетия раскрывается деятельность таджикского учёного и просветителя Ахмада Дониша, зодчего при дворе бухарского эмира Насрулло после включения Восточной Бухары в состав Российской империи.

Отмечается его мастерство в искусстве рисования, каллиграфии и составлении топографического изображения на чертеже. Обосновывается, что Ахмад Дониш был автором подробного первого топографического плана г. Бухары 19 века. Рассказывается о зарождении архитектуры и градостроительства таких городов на территории Таджикистана как Худжанд, Ура-Тюбе, Душанбе на рубеже 19 и 20 вв., где есть вклад и Ахмада Дониша.

Ключевые слова: *архитектура, градостроительство, Ахмад Дониш, Бухара, топографический план Бухары, Худжанд, Ура-Тюбе, Душанбе.*

ARCHITECTURE AND URBAN PLANNING ON THE TERRITORY OF TAJIKISTAN IN THE ERA OF AHMAD DONISH
(second half of the 19th - early 20th centuries)

Against the background of historical and cultural processes in the mid-19th to early 20th centuries, the article reveals the activities of the Tajik scholar and enlightener Ahmad Donish, who served as an architect at the court of the Emir of Bukhara, Nasrullo, following the incorporation of Eastern Bukhara into the Russian Empire. His proficiency in the arts of drawing, calligraphy, and the creation of topographic images on blueprints is highlighted. The author substantiates that Ahmad Donish was the creator of the first detailed 19th-century topographic plan of Bukhara. The article also discusses the emergence of architecture and urban planning in cities such as Khujand, Ura-Tyube, and Dushanbe on the territory of Tajikistan at the turn of the 20th century, noting Ahmad Donish's contributions to these developments.

Keywords: *architecture, urban planning, Ahmad Donish, Bukhara, topographic plan of Bukhara, Khujand, Ura-Tyube, Dushanbe.*

Сведения об авторе: Мукимов Рустам Саматович - доктор архитектуры, профессор, старший научный сотрудник отдела древней, средневековой и новой истории Института истории, археологии и этнографии им. Ахмада Дониша НАНТ. E-mail: Mukimovr1946@yandex.com. Телефон: 907-77-18-02.

Маълумот дар бораи муаллиф: Муқимов Рустам Саматович - доктори меъморӣ, профессор, ходими калони илмии шуъбаи таърихи қадим, асрҳои миёна ва давраи нави Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. E-mail: Mukimovr1946@yandex.com. Телефон: 907-77-18-02.

Information about the avtor: Mukimov Rustam Samatovich - Doctor of Architecture, Professor, Senior Researcher at the Department of Ancient, Medieval, and Modern History of the A. Donish Institute of History, Archaeology, and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. **E-mail:** Mukimovr1946@yandex.com. **Mobile:** (+992) 907-77-18-02.

УДК 398.332.1:069 (575.3)

ТАСВИРИ ҶАШНИ НАВРӮЗ ДАР ЁДГОРИҲОИ ОСОРХОНАИ МИЛЛӢ

ИБРОҲИМЗОДА З. С.,
Муассисаи давлатии «Осорхонаи миллӣ»-и Дастгоҳи иҷроияи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон

Баъди ба даст овардани Истиқлоли давлатӣ, Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон ба таъриху фарҳанг ва арҷгузории ҷашну маросимҳои мардумӣ таваҷҷуҳи бештар зоҳир намуда, баҳри эҳёи арзишҳои миллӣ талоши зиёде ба харҷ медиҳад. Дар қатори дигар идҳои миллию мардумӣ таҷлили ҷашни Наврӯз миёни мардуми тоҷик ва тоҷикистониён мақоми хоссаро пайдо намудааст.

Тибқи маълумоти сарчашмаҳои таърихӣ, аз ҷумла достонҳои «Шоҳнома»-и Абулқосим Фирдавсӣ, ҷашни Наврӯз бори нахуст дар замони ҳукмронии шоҳ Ҷамшед таҷлил гардидааст:

Чу хуршеди тобон миёни ҳаво,
Нишаста бар ӯ шоҳи фармонраво.
Ҷаҳон анҷуман шуд бари тахти ӯй,
Фурӯ монда ба фарраи бахти ӯй.
Ба Ҷамшед - бар гавҳар афшонданд,
Мар он рӯзро рӯзи нав хонданд.
Сари соли нав Ҳурмузди фарвардин,
Баросуда аз ранҷ тан, дил зи кин.
Бузургон ба шодӣ биёростанд,
Маю ҷому ромишгарон хостанд.
Чунин рӯзи фаррух аз он рӯзгор,
Бимонда аз он хусравон ёдгор [14,4].

Масъалаи ҷамъоварӣ ва ҳифзи мероси фарҳангӣ яке аз вазифаҳои асосии осорхонаҳо дар тамоми ҷаҳон маҳсуб меёбад. Барои миллати тоҷик, ки дорои таърихи куҳан ва фарҳанги пурғановат мебошад, ин масъала аҳаммияти махсус дорад. Зеро дар шароити ҷаҳонишавӣ нигоҳдорӣ ва омӯзиши осори фарҳанги моддӣ ва маънавии гузашта барои ҳифзи ҳувияти миллӣ, тарбияи худшиносӣ ва муаррифии фарҳанги тоҷикон дар арсаи байналмилалӣ аҳаммияти аввалиндараҷа дорад.

Муассисаи давлатии «Осорхонаи миллӣ»-и Дастгоҳи иҷроияи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон тибқи рисолати касбии худ ҷиҳати гирдоварӣ ва муаррифии осори таърихӣ вазифадор аст. Аз ҷумлаи нигораҳои арзишманди Осорхонаи миллӣ деворнигораи «Таҷлили иди Наврӯз» аст, ки он аз Панҷакенти қадим бозёфт гардида, марбут ба асрҳои VI-VII мебошад. Шуруъ аз соли 1948 дар Панҷакенти қадим ҳафриёти бостоншиносӣ гузаронида мешавад ва аз ин макон бозёфтҳои зиёд доир ба санъати тасвирӣ пайдо шудаанд, ки номи ин шаҳраки қадимро дар ҷаҳон машҳур намудаанд. Олимон осори аввалини санъати тасвириро, ки дар ибодатхонаҳои Панҷакенти қадим пайдо шудаанд, ба асри V мансуб медонанд. Ин обидаҳо борҳо аз нав сохта шуда ва ҳар як навсозӣ санъати тасвирии ба худ хос

доштааст. Рассомони суғдӣ тавассути ҳунари худ тавонистаанд ҳикоятҳои шоистаи диққатҷалбкунандаро ба тамошобинон пешниҳод намоянд.

Деворнигораҳо бо рангҳои мухталиф, ки дар Суғди асри миёна маъмул буданд, кабуд, зард ва сиёҳ тасвир карда мешуданд. Пеш аз ҳама тарзи бадеӣ, услуб ва хусусан сюжети ин деворнигораҳо аз он шаҳодат медиҳад, ки дар ин сарзамин мактаби рассомӣ равнақ ёфта будааст.

Тибқи андешаи муҳаққиқон дар асарҳои суғдиён адабиёт, фолклор, анъанаҳо, расму ойинҳои суғдӣ инъикос шудаанд, ки то ибтидои ҳафриёти Панҷакенти қадим оид ба ин мавзуъ маълумоти ниҳоят кам мавҷуд буд [12,6].

Бозёфти мазкур соли 2012 аз Осорхонаи ҷумҳуриявии таъриху кишваршиносии ба номи Абуабдуллоҳ Рӯдакии шаҳри Панҷакент ба Осорхонаи миллии Тоҷикистон ворид гардидааст.

Тавассути экспонатҳои даврaҳои мухталиф кушодани мавзуъҳои таърихӣ дар Муассисаи давлатии «Осорхонаи миллӣ» саҳми Осорхонаи ҷумҳуриявии таъриху кишваршиносии шаҳри Панҷакент, Осорхонаи таърихии вилояти Суғд, Осорхонаи таърих ва фортификатсияи қалъаи Хуҷанд, Осорхонаи таърихӣ - кишваршиносии ноҳияи Ховалинг, Осорхонаи таърихӣ - кишваршиносии ба номи Қирғизбек Хушқадамови шаҳри Хоруғ, Муҷтамаи ҷумҳуриявии осорхонаҳои Кӯлоб, Мамнуъгоҳи таърихӣ - фарҳангии Ҳисор, Осорхонаи бостоншиносии назди Институти таърихи АМИТ ва дигар осорхонаҳои ҷумҳурӣ назаррас мебошад [5,3].

Рассоми суғдӣ дар деворнигораи «Таҷлили иди Наврӯз» шояд манзараи нишасти идонаи ашрофзодагонро ба риштаи тасвир кашидааст. Ҷашни оғози сол ва бедоршавии табиат - Наврӯз аз қадимтарин ҷашнҳои қавмҳои ориёӣ, аз ҷумла тоҷикон ба ҳисоб рафта, дар ин деворнигора рассомони суғдӣ манзараи нишасти идонаи се ашрофзодаро наққошӣ намудаанд. Либосҳои ин нафарон хеле зебою идона буда, аз ҳамдигар бо рангу нақшу нигор фарқ доранд. Ашрофзодагон бо камарбанд ва корду шамшеру ғилоф, ришу мӯйҳои ғулӣ ва дар сар кулоҳ тасвир шудаанд, вале қисмати рӯйи онҳо бошад тахриб гардидаанд.

Яке аз ин мардони олимартаба дар як даст ҷом ва дар дасти дигар гули бодом дорад, ки рамзи иди Наврӯз мебошад [13, 11]. Дар ин манзара тасвири най низ ҷой дорад. Садои най бошад, то ба имрӯз ҷашни Наврӯзро ҳамроҳӣ мекунад.

Дар айёми ҷашни Наврӯз тавассути созҳои мусиқӣ ва таронаҳои мардумӣ изҳор намудани шодию нишоти ниёгони мо ба ҳукми анъана даромада буд, ки намунаҳои онро метавон ба мавзуъҳои зерини суруду таронаҳои баҳорӣ гурӯҳбандӣ намуд: «Ороиши Хуршед», «Нози Наврӯз», «Фаррухрӯз», «Наврӯз», «Наврӯзи Бузург», «Наврӯзи Кайқубод», « Наврӯзи Хоро», «Сабзаи баҳор», «Навбаҳорӣ», « Гулҷамъ» [11,46].

Ҳафриёти бостоншиносӣ дар Панҷакенти қадим, хоса деворнигораҳои бозёфтшуда собит менамоянд, ки ин ҷо ҷашни оғози сол ва бедоршавии табиат - Наврӯзи оламафрӯзро мардуми олам аз қадимулайём ботантана таҷлил менамуданд ва бесабаб саҳнаҳои ҷашнро рассомони Суғдзамин рӯйи деворҳо акс накардаанд. Вобаста ба ин масъала донишманди машҳури аҳди бостон А. Ю. Якубовский низ андешаҳои худро баён намудааст [15,23].

Умуман, дар Панҷакенти қадим расмҳои рӯйидеворӣ дар зиёда аз 60 биноҳои шаҳр бозёфт шудаанд. Деворнигораҳо бо маҳорати баланд наққошӣ гардида, ҳар як шахси тасвиршуда дорои қиёфаю ҳолати муайянест. Дар лаҳзаҳои тасвиршуда, тамоми қонуниятҳои рассомӣ риоя гардида, дар ҳаракат будани мавҷудоти зинда ба назар мерасад. Нигоришҳо сюжет ва мавзуи муайян доранд. Дар онҳо манзараҳои базм, шикору ид, мотам, зӯрозмоии ҷанговарону паҳлавонон, рақсҳои маро-

симӣ ва дигар лаҳзаҳои ҳаёти суғдиён акс ёфтаанд, ки чунин ҳолат достонҳои «Шоҳнома»-и Фирдавсиро ба ёд меоранд.

Боиси таъкид аст, ки аз рӯйи нақшиҳои деворнигораҳои Панҷакенти қадим оид ба бисёр масъалаҳои ҳаёти иҷтимоӣ ва фарҳангии ин бостоншаҳри тоҷикон маълумоти дақиқ пайдо намудан мумкин аст: ҳунари рассомии Панҷакент ҷузъ ва қисматҳои олами воқеии атрофро дар бар мегирад: навъҳои гуногуни либосворӣ, матоъҳои гулдори рангоранг (хусусан абрешим), силоҳҳои гуногун, пойафзол, асбобҳои зебу зинат, ашёи хонаҳои истиқоматӣ (қолинҳо, қурбонгоҳҳо ва ғайраҳо) [9,22]. Якубовский А. Ю. вобаста ба мавзуъ ва моҳияти деворнигораҳои Панҷакенти қадим андешаронӣ намуда, онро маводи нав дар илм маънидод кардааст [16,472].

Пажуҳишгарон бо дарназардошти осори зиёди бозёфтшуда, хусусан деворнигораҳо ва чӯбҳои кандакоришудаи сӯхта ва дар асоси маводи илмии таҳқиқшуда Панҷакенти қадимро дурдонаи фарҳанги бостонии Осиё номида, деворнигораҳои онро бо деворнигораҳои машҳури Помпей ташбеҳ додаанд [7,169].

Дар фонди Осорхонаи миллӣ асари машҳури «Наврӯзнома»-и Умари Хайём ҳифз мешавад, ки он бо забонҳои туркманӣ, русӣ ва англисӣ навишта шудааст. Ин асар соли 2017 аз ҷониби Президенти Ҷумҳурии Туркманистон Гурбонгулӣ Бердимуҳаммедов ба Пешвои миллат муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон туҳфа гардида буд ва аз ҷониби Пешвои миллат ба Осорхонаи миллӣ эҳдо шудааст.

Ҳамаи мо хуб медонем, ки дар оғози китоби «Наврӯзнома»-и Хайём роҷеъ ба сабаби пайдоиш ва бузургдошти ҷашни Наврӯз сухан меравад. Умари Хайём муътақид аст, ки рӯзи Наврӯзро Ҷамшед муайян намуда бошад ҳам, ҳисоби солу моҳҳоро Каюмарс ба низом овардааст. Ҳамчунин, Умари Хайём доир ба урфу одат, расму ойин, ҷашнҳо маълумоти муфид медиҳад. Ба гуфтаи Умари Хайём «Ҳар ки рӯзи Наврӯз ҷашн кунад ва ба хуррамӣ пайвандад, то ба Наврӯзи дигар умр дар шодӣ ва хуррамӣ гузорад».

Тоҷикон ҳамчун миллати қадимаи ориёӣ дар тамоми соҳаҳои илм ва фарҳанг намояндагони барҷастаи худро доранд. Ба мисли бузургоне чун Абуабдуллоҳи Рӯдакӣ, Абулқосим Фирдавсӣ, Абуалӣ ибни Сино ва даҳҳо донишмандоне, ки осори беназир ва таъсиргузор дошта, дар рушди илму маърифати ҷаҳон хидматҳои арзанда кардаанд. Дар ин замина, дар Паёми соли 2025 Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ-Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ба бузургтарин ёдгории адабиёти классикии форсӣ-тоҷикӣ - «Шоҳнома»-и Ҳаким Абулқосим Фирдавсӣ таваҷҷуҳи махсус зоҳир намудаанд. Дар толорҳои доимоамалкунандаи шуъбаи таърихи бостон ва асрҳои миёнаи Осорхонаи миллӣ намунаҳои зиёди осори хаттӣ ба маърази тамошо гузошта шудаанд, ки аксарияти муаллифон ва котибонашон тоҷиконанд.

Ҳаким Абулқосим Мансур Ҳасан Фирдавсии Тӯсӣ гӯяндаи номитарин ҳамосаи миллии қавмҳои эронинажод «Шоҳнома» аст. Намунаи чопи сангии ин асар марбут ба соли 1314 ҳиҷрии қамарӣ 1896-97 мелодӣ мебошад, ки он дар Осорхонаи миллӣ ба маърази тамошо гузошта шудааст ва дар ин асар таҷлили иди Наврӯз аз ҷониби шоҳ Ҷамшед зикр гардидааст. Ҷолибияти китоб дар он аст, ки беш аз 50 қаламкашӣ дар саҳифаҳои он ҷой дода шудаанд.

Соли 2024 Раиси Маҷлиси Шурои Исломии Эрон Муҳаммад Боқири Қолибоф ба Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ - Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон, китоби «Шоҳнома»-ро туҳфа намудааст, ки он дар Муассисаи давлатии «Осорхонаи миллӣ» пешниҳоди тамошобинон гардид.

Туҳфа аз ду қисм: ҷузвдон ва китоби «Шоҳнома» иборат аст. Паҳноии ҷузвдон 42 см. ва баландии он 32 см. мебошад. Ҷузвдон бо чарми қаҳваранг хеле зебо ороиш ёфтааст. Дар қисми болоии ҷузвдон нақшу расмҳои фирӯзаранг мавҷуданд. Дар марказ, дар лавҳаи зард, ба забони форсӣ «Шоҳномаи Фирдавсӣ» навишта шудааст. Зери сарпӯши ҷузвдон лавҳаи дигаре ҳаст, ки дар он ба забони форсӣ ва тоҷикӣ матни зерин нигошта гардидааст: «Бо тақдими эҳтиром ҳадя ба Ҷаноби Олӣ Эмомалӣ Раҳмон - Президенти муҳтарами Тоҷикистон, доктор Муҳаммадбоқир Қолибоф, Раиси гиромии Маҷлиси Шурои исломии Ҷумҳурии Исломии Эрон. Октябр 2024».

10 апрели соли 2024 зимни маросими ифтитоҳи Боғи фарҳангӣ - фароғатии шаҳри Истаравшан аз ҷониби ҳунарманди мардумӣ Ҳусейнзода Абдуманон ба Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон туҳфа бо номи «Шамшери Хайём» тақдим шудааст. Дар шамшер вобаста ба фарорасии ҷашни Наврӯз чунин суханҳо ҳакоккӣ шудаанд: «Тақвими дақиқи Умари Хайём 365 рӯзу 5 соату 45 дақиқаю 48 сония». Дастаи шамшер ба мисли сари шер ороиш ёфта, дарозии он 80 см, андозаи ғилоф 68 см. буда ин ҳадя дар МД « Осорхонаи миллӣ» ҳифз мешавад.

Моҳи сентябри соли 2009 ЮНЕСКО Наврӯзро дар Феҳристи осори фарҳангии башар шомил карда, дар поёни моҳи феврали соли 2010 Маҷмаи умумии СММ 21 мартро «Рӯзи ҷаҳонии Наврӯз» эълон намуд. Аз 28 ноябр то 2 декабри соли 2016 дар шаҳри Адис-Абеба, пойтахти Ҳабашистон (Эфиопия) ҷаласаи ёздаҳуми Кумитаи байниҳукуматӣ оид ба ҳифзи мероси ғайримоддии фарҳангии ЮНЕСКО бо иштироки намояндагони кишварҳои узв баргузор гардид. Зимни ҷаласаи мазкур номинатсияҳои мероси ғайримоддии фарҳангии кишварҳои узв баррасӣ гардида, намунаи беҳтарини онҳо ҷиҳати ворид намудан ба феҳрист аз ҷониби Кумитаи мазкур расман эълон гардиданд. Қобили қайд аст, ки дар баробари 11 кишвари ҷашнгирандаи «Наврӯз» (Афғонистон, Эрон, Туркия, Озарбойҷон, Ҳиндустон, Покистон, Ироқ, Туркманистон, Ӯзбекистон, Қазоқистон, Қирғизистон) пешниҳоди Ҷумҳурии Тоҷикистон ҷашни «Наврӯз», ҷиҳати дохил намудани он ба Феҳристи фарҳангии ғайримоддии ЮНЕСКО пазируфта шуд. Дар давоми ҷаласа 30 ноябри соли 2016 ҷашни Наврӯз мақоми байналмилалӣ гирифта, ба Феҳристи ёдгориҳои мероси умумиҷаҳонии ЮНЕСКО шомил гардид. Сертификати аслии ҷашни байналмилалии «Наврӯз» ҳоло дар гӯшаи фарҳанги даврони истиқлоли Осорхонаи миллӣ ба намоиши доимӣ гузошта шудааст.

Осорхонаи миллии Тоҷикистон дар ҷамъоварӣ, ҳифз ва муаррифии осори рассомони тоҷик низ нақши муҳим ва назаррас дорад. Муассиса аз замони таъсисёбиаш ба ҷамъоварии осори санъати тасвирии кишвар аҳаммияти хос дода, асарҳои гуногуни рассомони маъруфи Тоҷикистонро ҷамъоварӣ намудааст.

Дар чанде аз мусаввараҳои Осорхона ҷашни Наврӯз ва унсурҳои он инъикос ёфтаанд. Аз ҷумла, дар асарҳои рассомони Тоҷикистон Сабзаалӣ Муродзодаи Шариф «Ғолибони Наврӯз, Ҳабибуллоев Зуҳур «Наврӯзи солҳои 30-юм», Камелин А. Н. «Мусобиқаи бузкашӣ», Одиназода Б. «Наврӯз», Шобутолибов Ш. «Иди Наврӯз», Раҳимов А. «Наврӯз», Хушвахтов Х. «Бузкашӣ», Фроликова Л. В. «Ҷашни Наврӯз», Боборикин В. М. «Наврӯз», Гулов П. «Навруз», Холматова Г. «Наврӯз», Шарипов Қ. «Бузкашӣ», Бобоҷонзода Ф. «Омад-омади баҳор» ҷашни Наврӯз ва таҷлили он дар Тоҷикистон наққошӣ шудаанд.

Аз зумраи асарҳои санъати тасвирии марбут ба мавзуи Наврӯз, ки дар фонди тиллоии Муассисаи давлатии «Осорхонаи миллӣ» маҳфузанд, қадимтаринаш офаридаи Камелин А. Н. «Мусобиқаи бузкашӣ» мебошад, ки он соли 1953 кашида

шудааст. Анъанаи бузкашӣ аз зумраи бозиҳои маъруфи халқи тоҷик буда, ҳамасола тибқи чорабиниҳои таҷлили Наврӯз дар қаламрави ҷумҳурии мо баргузор мегардад. Рассом дар асари худ тамоми вижагиҳои ин анъанаи миллии тоҷиконро бо як маҳорату истеъдоди баланди ҳунарӣ тасвир намудааст. Дар пешманзараи асар мусаввир дар теппа човандозон ва аспони ин мусобиқаро ҳангоми ҳаракат, лаҳзаи авҷу хурӯши бозиро дар вақти қувваозмоии човандозон хеле бомаҳорат наққошӣ намудааст.

Рақобати шадиди човандозон, ки бо либоси миллӣ-ҷелакҳо тасвир шудаанд, шаҳомати асарро афзун менамояд. Дар пасманзари асар бошад, тамошобинони мусобиқа-мардуми деҳа аз зумраи калонсолону хурдсолон дида мешаванд, ки бо шавқ ин сабқатро тамошо менамоянд. Одатан дар ин мусобиқаҳо аспони бодпо ва нерумандро омода менамоянд, ки рассом тавонистааст, ҳар як ҷузъиёти ин анъанаро тавассути мӯйқалам рӯйи варақ орад [2,144].

Мусаллам аст, ки дар асар тасвири анъанаи деринаи тоҷикон - бузкашӣ ба таври тасодуфӣ интихоб нагардидааст, балки он бо ҳадафи муайян аз ҷониби эҷодкор рӯйи кор омадааст. Муаллифи асар пеш аз ҳама қадимӣ будани ин анъанаи миллиро ба инобат гирифта, онро бо як сабку услуби хосса эҷод намудааст. Омӯзишу таҳлили сабки рассомии Камелин А. Н., маълум менамояд, ки мусаввир бештар ба мавзуъҳои таърихи гузаштаи тоҷикон таваҷҷуҳ дорад. Ӯ таърихро хуб медонад ва ҳангоми тасвири воқеаҳои гузашта кӯшиш ба харҷ додааст, ки ҷузъҳои онро дақиқ инъикос намояд [1,12].

Зуҳур Ҳабибуллоев «Наврӯзи солҳои 1930-юм. Ин асар солҳои 1982-1983 офарида шуда, муаллиф манзараи таҷлили ҷашни Наврӯзро дар деҳот тасвир намудааст. Қисмати марказии асарро тасвири ду марди мӯйсафед бо либосҳои миллӣ, ки яке дойра ва дигаре сурнай менавозанд, зинат медиҳад. Яке аз мӯйсафедон, ки сурнай менавозад бо курта, шалвор, ҷелак ва саллаи сафед тасвир шудааст ва дар пояш мӯзаи сиёҳ дорад. Мӯйсафеди дойранавоз бошад, бо ҷелаки зард наққошӣ гардидааст, ки шалвор, курта ва риши сафед дорад.

Рассом тавонистааст аз ҷиҳати антропологӣ, чеҳра ва дастони шахшулу меҳнатдидаи ин ду марди мӯйсафеди мутрибро олӣ тасвир намояд. Қиёфаи ин ду мӯйсафеди соз ба даст гувоҳӣ медиҳад, ки онҳо кадом як мусиқии миллиро бо тамоми ҳастӣ навохта истодаанд. Ба гӯши бинанда гӯиё садои навозиши онҳо мерасад. Дар замин сабзаҳои навруста дида мешаванд.

Дар пасманзари асар гурӯҳи одамон, иштирокчиёни ҷашни Наврӯзӣ дида мешаванд, ки бо либосҳои миллӣ аз паси трактор, ки дар пеши он парчами сурх парафшон аст, ҳаракат менамоянд. Талу теппаҳо дар ин мусаввара сабзпӯш мебошанд. «Нақшу нигори манзараҳои табиат, мардум ва чизҳои ин тасвирҳои пур аз зиддияти ранг ва ҳаҷм симои пуробу тоби кишвари тоҷиконро муҷассам мекунад»-ин аст баҳои санъатшинос Лутфия Айнӣ оид ба эҷодиёти рассом Зуҳур Ҳабибуллоев [1,11].

Аз тамошои асар дар тасаввури бинанда, ҳодисаҳои солҳои 30-юми асри XX пайдо мешавад, ки бо вуҷуди ташкил ёфтани колхозу совхозҳо, ки меҳнати дастаҷамъиро тақозо намуда, мошинолотҳо барои коркарди заминҳои кишт, ки аз Россия овардашуда истифода мешуданд, мардуми маҳаллӣ анъанаҳои миллии худро ба боди фаромӯшӣ насупорида, ба қадри тавоноӣ ҷашнҳои ниёгони худро таҷлил менамуданд.

Тасвири ду мард: мӯйсафедони рӯзгордида дар асар беҳуда набуда, онҳо ҳамчун рамзи посдору пайвандгару интиқолдиҳадаи фарҳанги бойи гузашта ба насли муосири ҳамон замон мебошанд. Созҳои мусиқии миллӣ - дойра ва сурнай

низ дар асар махсусан тасвир шуда, рассом соҳибфарҳанг будани мардуми таҳҷоиро ифода намудааст, ки дар ҷашнҳои миллӣ, маҳз ҳамин гуна созҳои мусиқии миллӣ, оҳангҳои миллӣ ва суруду таронаҳои миллӣ садо медоданд.

Дар асари дигари ин мусаввир ки «Баҳор» ном дошта, он дар хазинаи тиллоии Осорхонаи миллӣ ҳифз мешавад, талу теппаҳои пур аз сабзаи кишвар, ки рӯи майсазари он кишоварзон истироҳат карда, бо сози мусиқии думбра таронасароӣ менамоянд, манзараи айёми баҳорони кишвар наққошӣ шудааст. Тавассути ин асар рассом баҳор ва ҳолати руҳии одамонро дар оғӯши табиат инъикос намудаааст [3,30].

Сабзаалӣ Муродзода Шариф «Ғолибони Наврӯз». Асар соли 1979 офарида шудааст. Дар намои кӯҳсорони сабзпӯш чеҳраи ду нафар паҳлавони савори аспи сафед ва сурх барҷаста тасвир шудаанд. Савораи аспи сафед дар назди худ, болои зин бузи сафедро гузоштааст, ки ба ӯ ҳамчун ғолиб дар ин мусобиқа туҳфа шудааст. Чеҳраи ин савораи бовиқор пур аз гарду чанг аст.

Аспи сурхи савораи дигар якпаҳлӯ истодааст ва соҳиби он, ки либоси варзишии кабудчатоб ва дар даст қамчин дошта, рӯй ба сӯйи қуллаҳои баландкӯҳ дорад. Дар паси савораи дуюм писарбачаи наврасе дида мешавад, ки курта ва тоқии сурх ва дар даст як баста гули лола дошта, онҳоро ҳамчун рамзи баҳору Наврӯз ба сӯйи мардуми ҷамъомада алвонҷ медиҳад.

Дар пасманзари чапи асар бошад панҷ адад дег тасвир шудааст, ки ошпазон дар онҳо хӯрокҳои баҳорӣ омода мекунанд. Начандон дуртар аз макони хӯрокпазӣ писарбачаҳое дида мешаванд, ки дар фарози теппаҳо ба бозии бодбарак машғуланд, ки он яке аз намудҳои бозиҳои фасли баҳорон ва айёми таҷлили ҷашни Наврӯз мебошад.

Дар ин асар Сабзаалӣ Муродзода Зуҳур Ҳабибуллоев - рассоми номдори тоҷикро ба тасвир кашидааст. Ӯ аз ҷумла мегӯяд: «Зуҳур Ҳабибуллоев солҳои 50-60-уми қарни бист ҳамчун рассоми қолабшикан ном баровард ва дар санъати тасвирии ҷумҳурӣ навгониҳои бешуморе ворид сохта, аз худ нақши муассире боқӣ гузошт. Банда мустақим таҳти роҳбарии устод сабақи касбӣ наомӯхтаам, вале тасвирҳои ӯ барои ман хидмати як мактаби бузургеро кардааст. Бинобар ин, чун арзи эҳтирому сипосгузорӣ ман дар асари «Ғолибони Наврӯз»-ам соли 1979 устод Зуҳур Ҳабибуллоевро савори аспи сафед ба тасвир кашидам ва ҳамеша аз ӯ миннатдораму розӣ» [6,3].

Асари Раҳимов А. «Наврӯз» соли 1986 эҷод шудааст. Дар ин асар ҳавлии тоҷикона тасвир гаштааст, ки дар он лавҳаи зерин қаламкашӣ шудааст: зери хавозаи ток, ки баргҳояш акнун сабзида истодаанд, дастархон густурда шуда, рӯйи он нон, сабзаи суманак, сирпиёз, себ, сабзӣ, косаи чакка (рамзи сафедӣ) гузошта шудааст. Чойники чой зерипӯши бо нақшҳои растанӣ зиннатдодашуда гузоша шуда, назди он пиёлаи сирдор низ мавҷуд аст.

Дар пасманзари асар, зери бошишгоҳ марде дида мешавад, ки назди дег истодааст ва зане рӯймоли сафед дар сар тасвир шудааст, ки дар хурмаи сафолин бо истифода аз чархчӯб ба дӯғкашӣ машғул аст. Дарвозаи ҳавлӣ кушода, аз он кӯҳҳои атрофи деҳа ба чашм мерасанд. Асар фасли баҳорон ва одатҳои ниёгонро хеле самимона ва воқеӣ тасвир кардааст [8,5].

Шобутолибов Ш. «Иди Наврӯз». Соли эҷоди асар 1980 буда, рассом дар он таҷлили ин иди мардумиро дар як марғзори назди кӯҳсорон тасвир кардааст. Дар асар мардону занон, мӯйсафедону ҷавонони зиёде дида мешаванд, ки ҷашни Наврӯзро ботантана таҷлил мекунанд. Болои кати чӯбини бо нақшҳои миллӣ ороишдодашуда ҳофизону мутрибон ба ҳунарнамоӣ машғуланд. Дар майдон

бошад рақси аспакбозӣ иҷро мешавад, ки аслан ин навъи ҳунари хоси мардуми Бадахшони Тоҷикистон аст.

Кӯҳҳои сарбафалаккашида, созҳои мусиқӣ, рақси аспакбозӣ шаҳодат медиҳанд, ки мусаввир дар асар таҷлили ҷашни Наврӯзро дар яке аз ноҳияҳои Бадахшон тасвир намудааст. Дар пасманзари асар ду дарахти азимҷуссаи бузургсоли баргҳояш сабз наққошӣ шудаанд. Ин дарахтон аз замонҳои гузашта шоҳиди ҷашнгирии иди Наврӯз дар ин макону майдон мебошанд, ки рассом ин маъниро ҳадафи асосии худ қарор додааст.

Асари Бахтиёр Одинаев «Наврӯз» соли 2009 эҷод шудааст. Дар ин асар муаллиф суннатҳои миллии тоҷиконро мисли нақшу нигори гулдӯзии чакан, атласу адрас, созҳои мусиқии карнай ва доира ба риштаи тасвир кашидааст. Дар қисмати марказии асар симои се духтар бо либосҳои миллии чакан, ки бо рақс Наврӯзро пешвоз мегиранд, тасвир намудааст.

Асари Бобоҷонзода Фарзона. «Омад - омади Наврӯз» ба яке аз анъанаҳои миллии тоҷикон - пухтани суманакро дар рӯзҳои баргузории ҷашни Наврӯз бахшида шуда, дар маркази он ду нафар зан бо либосҳои миллии гулдӯзии чакан ва атлас суманак омода мекунанд.

Дар фонд ва экспозитсияи Осорхонаи миллии Тоҷикистон имрӯз зиёда аз 800 адад гулдӯзиҳо ҳифзу нигоҳдорӣ мешаванд, ки онҳо дар давоми солҳои гуногун аз ҷониби кормандони муассиса ҳангоми баргузории экспедитсияҳои мардумшиносӣ, харидорӣ, чун туҳфа аз шахсиятҳои маъруф гирдоварӣ гаштаанд. Сӯзанӣ, рӯйҷо, ҷойнамоз, болинпӯш, зардевор, борпӯш, бардеворӣ, пироҳан, пойҷома, чодари арӯсӣ, ойинахалта, миёнбанд, рӯймол, рӯймолча, токӣ, гаҳворапӯш, чойхалта, камарбанд - намунаҳои олии офаридаҳои ҳунармандони тоҷик мебошанд, ки имрӯз дар фонди тиллоии Осорхонаи миллии Тоҷикистон маҳфузанд.

Миёни ин осор коллексияи сӯзанӣ бою рангин мебошанд. Сӯзанӣ яке аз намудҳои асосӣ ва махсуси гулдӯзиҳои тоҷикӣ буда, исботи рушди ин ҳунар офаридаҳои чеварони шаҳрҳои Хуҷанд, Истаравшан, Конибодом, Кӯлоб, Панҷакент, Самарқанд, Бухоро, Шаҳритус, Бадахшон, Рашт, Ҳисор, Қаратоғ мебошанд, ки намунаҳои ҷамъоваришуда ганҷи Осорхонаи миллии Тоҷикистон мебошанд [4,3].

Ҳар як нақши гулдӯзӣ номи хосаи худро дорад: косагул, гули анор, барги мағнунбед, бодом, лола, гули ошиқи печон, гули хайрӣ, гули печак ва ҳоказои дигар [10,115].

Рӯзи 21 марти соли 2023 Осорхонаи миллӣ дар чорабинии «Об ва Наврӯз - ду сарчашмаи ҳаёти башар» бо пешниҳоди ҳунарҳои мардумии Тоҷикистон дар Иёлоти Муттаҳидаи Амрико ширкат намуд. Дар ин намоиш аз фонди Муассисаи давлатии «Осорхонаи миллӣ» 58 адад осор, аз ҷумла созҳои мусиқӣ: тор, дутор, рубоб, думбра, сӯзаниву куртаҳои чакан ва кундалҳо бо нақшҳои ислимӣ ҳамчун рамзи Наврӯз ба намоиш гузошта шуданд.

Ҳамин тариқ, осорхонаҳо ҳамчун марказҳои илмӣ ва фарҳангӣ дар ҷамъоварии чунин осор нақши калидӣ мебозанд. Онҳо на танҳо ашёи таърихиро нигоҳ медоранд, балки тавассути таҳқиқ, тавсиф, муаррифӣ ва намоиш онҳоро ба сарчашмаи дониш барои ҷомеа табдил медиҳанд.

АДАБИЁТ

1. С. Айнӣ. Санъати тасвирии Тоҷикистон. Ленинград. Нашриёти « Аврора». 1972. -150 с.
2. М. Аминова. Инъикоси анъанаи миллии бузкашӣ дар асари рассом Камелин/Ахбори Осорхонаи миллӣ, № 3. Душанбе: « ЭР-граф». 2024. - 156 с.
3. Букреева Э. П. Музей изобразительных искусств. Путеводитель Душанбе: Ирфон. 1981. -193 с.
4. Зарипов А., Нурматзода Ҳ. Гулдӯзиҳои Осорхонаи миллӣ. Душанбе: « ЭР-граф». 2024. –88 с.

5. Иброгимов З. С. Аз таърихи ёдгориҳои Осорхонаи миллии Тоҷикистон/Осорхона, №1-3. 2014. – 42 с.
6. Исматов Б. Линия жизни. Хабибуллаев Зухур Нурджанович. Душанбе. 2013. – 10 с.
7. Мухиддинов С. Р. История изобразительного искусства таджикского народа с древнейших времен до XVI в. Душанбе. РТСУ. 2010. -169 с.
8. Мурадов Р. Пейзаж горного края. Душанбе: Ирфон. 1986. -75 с.
9. Неъматов Н., Ҷалилов А. Наққошиҳои Панҷакенти қадим. Шарқи Сурх, №1. 1956. -120 с.
10. Олами гулдӯзии тоҷикон. Комиссияи миллии Тоҷикистон оид ба ЮНЕСКО. Ҷумҳурии Корея. 2024. –132 с.
11. Раджабов А., Улмасов Ф., Хакимов Н. Музыкальное искусство таджиков/Таджикское искусство. Душанбе. ОО НПЦ ОГРТ. 2002. -59 с.
12. Рахматуллоев И. История жилого квартала древнего городище Пенджикента VII-VIII веков. Душанбе, 2015. – 140 с.
13. Солеҳзода Т. Таҷассуми Наврӯз дар деворнигораҳои Панҷакенти қадим/Осорхона. № 1-3. ҶДММ «Аржанг». 2013. - 46 с.
14. А. Фирдавсӣ. Шоҳнома. Ҷилди 1. Душанбе: «Адиб». 2007. –480 с.
15. Якубовский А. Ю. Вопросы изучения Пенджикентской живописи/Живопись древнего Пенджикента. Москва. Издательство Академии наук. 1954. -307 с.
16. Якубовский А. Ю. Живопись Древнего Пенджикента по материалам таджикско- согдийской археологической экспедиции 1948-1949 гг./Известия АН СССР. Серия история и философия. - Москва. 1950. Т.7. - №5. – 490 с.

ТАСВИРИ ҶАШНИ НАВРӮЗ ДАР ЁДГОРИҲОИ ОСОРХОНАИ МИЛЛӢ

Дар мақола экспонатҳои Осорхонаи миллӣ, ки дар онҳо мавзуи ҷашни Наврӯз инъикос гардидаанд, мавриди баррасӣ қарор гирифтаанд. Қадимтарин ёдгории осорхона, ки вобаста ба ҷашни Наврӯз ҳикоят менамояд, бозёфт аз шаҳраки Панҷакенти қадим буда, мансуб ба асрҳои VI-VII аст ва он «Таҷлили иди Наврӯз» ном дорад.

Миёни маводи ҷамъоваринамудаи муассиса вобаста ба ҷашни Наврӯз ва гиромидошти он китоби «Наврӯзнома»-и Умари Хайём» ва «Шоҳнома»-и Абулқосим Фирдавсӣ низ ҳаст, ки ин асарҳо аз ҷониби Асосгузори сулҳу ваҳдати миллӣ – Пешвои муаззами миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон ба осорхона туҳфа шудаанд.

Ҷашни Наврӯз ба Феҳристи байналмилалии ЮНЕСКО ворид гардидааст, ки Сертификати аслии он дар Осорхонаи миллӣ ҳифз мешавад. Осорхонаи миллии Тоҷикистон дар ҷамъоварӣ, ҳифз ва муаррифии осори рассомони тоҷик низ нақши муҳим ва назаррас дошта, аз замони таъсисёбиаш ба ҷамъоварии осори санъати тасвирии кишвар аҳаммияти хос дода, асарҳои гуногуни рассомони маъруфи Тоҷикистонро ҷамъоварӣ намудааст.

Коллексияи асарҳои санъати тасвирии Осорхонаи миллӣ вобаста ба ҷашни Наврӯз ниҳоят бою рангин мебошад, ки муаллифони онҳо - рассомони Тоҷикистон аз солҳои 1950-и асри XX ин мавзуъро дар офаридаҳои худ наққошӣ намудаанд.

Муаллиф таъкид менамояд, дар коллексияи гулдӯзиҳои фонди осорхона нақши гулу буттаҳо, косгулҳои бо ранги зард дӯхташуда, рамзи баҳору офтоб ва фарорасии ҷашни Наврӯзро ифода менамоянд.

Калидвожаҳо: *осорхона, экспонат, ҷашн, Наврӯз, деворнигора, Панҷакенти қадим, сертификат, ЮНЕСКО, асар, рассом, ранг, санъати тасвирӣ, коллексия, гулдӯзӣ, нақш, гул, бутта, баҳор, офтоб, Тоҷикистон.*

ОТОБРАЖЕНИЕ ПРАЗДНИКА НАВРУЗ В ЭКСПОНАТАХ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ

В статье рассматриваются экспонаты Национального музея, в которых отражена тема праздника Навруз. Самым древним экспонатом музея, рассказывающим о празднике Навруз, является настенная роспись из городища Древний Пенджикент, носящая название «Празднование Навруза» и датируемая VI–VII веками. Среди собранных учреждением материалов посвящённых празднику Навруз, имеются также книги «Наврузнаме» Омара Хайяма и «Шахнаме» Абулкасима Фирдоуси, переданные в дар музею Основателем мира и национального единства - Лидером нации, Президентом Республики Таджикистан уважаемым Эмомали Рахмоном. Праздник Навруз включён в международный список ЮНЕСКО и его подлинный сертификат хранится в Национальном музее.

Национальный музей Таджикистана играет важную роль в сборе, сохранении и популяризации произведений таджикских художников. Со дня своего основания музей уделяет особое внимание формированию коллекции изобразительного искусства, собирая многочисленные произведения известных художников Таджикистана.

В коллекции произведений изобразительного искусства Национального музея, имеются картины посвящённые празднику Навруз, которые отличаются особым богатством и разнообразием. Их авторами являются

таджикские художники, которые ещё в 1950-х годах XX века отразили данную тему в своих работах. Автор в своей статье подчёркивает, что в коллекции вышивки музейного фонда имеющиеся узоры в виде цветов и растений вышитые жёлтым цветом, являются символом весны, солнца и наступления праздника Навруз.

Ключевые слова: *музей, экспонат, праздник, Навруз, настенная роспись, древний Пенджикент, сертификат, ЮНЕСКО, произведение, художник, краска, изобразительное искусство, коллекция, вышивка, узор, цветок, кустарник, весна, солнце, Таджикистан.*

DEPICTION OF THE NAVRUZ FESTIVAL IN THE COLLECTIONS OF THE NATIONAL MUSEUM

The article examines the exhibits of the National Museum that reflect the theme of the Navruz festival. The oldest artifact in the museum's collection associated with Navruz is a find from Ancient Panjakent, dating back to the 6th–7th centuries, entitled «The Celebration of Navruz.»

Among the materials collected by the institution related to the Navruz festival and its commemoration are «Nowruznameh» by Omar Khayyam and *«Shahnameh»* by Abulqasim Ferdowsi. These works were presented to the museum by the Founder of Peace and National Unity, Leader of the Nation, President of the Republic of Tajikistan, Emomali Rahmon. The Navruz festival has been inscribed on the Representative List of the Intangible Cultural Heritage of Humanity of UNESCO, and its original certificate is preserved at the National Museum.

The National Museum of Tajikistan also plays an important and significant role in the collection, preservation, and presentation of works by Tajik artists. Since its establishment, the museum has attached particular importance to acquiring works of national fine art and has collected numerous works by prominent artists of Tajikistan.

The collection of fine art dedicated to Navruz at the National Museum is exceptionally rich and diverse. Beginning in the 1950s, Tajik artists have depicted this theme in their creative works.

The author emphasizes that within the museum's embroidery collection, floral and vegetal motifs, as well as rosette patterns embroidered in yellow thread, symbolize spring, the sun, and the arrival of the Navruz festival.

Keywords: *museum, exhibit, festival, Navruz, mural painting, Ancient Panjakent, certificate, UNESCO, artwork, artist, color, fine arts, collection, embroidery, ornament, flower, shrub, spring, sun, Tajikistan.*

Маълумот дар бораи муаллиф: **Иброҳимзода Зафаршо Сафо -** директори Муассисаи давлатии «Осорхонаи миллӣ»-и Дастгоҳи иҷроияи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. Суроға: 734001, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, хиёбони Исмоили Сомонӣ, 11. E-mail: Ibrohimzoda72@gmail.com. Тел.: (+992) 900 -04 - 44 - 43.

Сведения об авторе: Иброхимзода Зафаршо Сафо – директор Государственного учреждения «Национальный музей» Исполнительного аппарата Президента Республики Таджикистан. Адрес: 734001, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Исмоили Сомони, 11. E-mail: Ibrohimzoda72@gmail.com. Тел.: (+992) 900 – 04 – 44 - 43.

Information about the author: Dr. Ibrohimzoda Zafarsho Safo – director of the State Institution «National Museum» of the Executive office of the President of the Republic of Tajikistan. Address: 734001, Republic of Tajikistan, Dushanbe city, Ismoili Somoni. Avenue, 11 E-mail: Ibrohimzoda72 @gmail.com. Phone number: (+992) 900 – 04 – 44 -43.

УДК:308 (575.3) (09)

МИНТАҚАИ КӮЛОБ ДАР АСРҲОИ IX-X

ЁРХОНЗОДА О. Ё.,
Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш

Пешравии ҳар як миллат вобаста ба сатҳи рушди ақшори васеи ҳар ҷомеа муайян мегардад. Посух ба суолҳои ин ки «Ман кӣ ҳастам?», «Ҳаммиллатони мо дар гузашта кӣ буданд?» ва ҷавобҳои он имрӯз бисёр муҳимманд [8,51], зеро «барои мо тоҷикон дарки пурраи ҳастии маънавии фардӣ ва миллиамон баъд аз ба даст овардани Истиқлоли давлатӣ боз ҳам муҳимтар гардид, зеро инсоният кайҳо боз дарк намудааст, ки танҳо инсони дорои маънавиёти олӣ метавонад, қуллаҳои гуногуни фаъолиятро фатҳ намояду маъруф гардад» [9,59]. Маҳз ҳамин хусусиятҳоро ба инобат гирифта, бояд ба омӯзиши таърихи гузаштаи ватани хеш аҳаммият диҳем ва минтақаи Хатлонзамин, ки Кӯлоб яке аз минтақаҳои муҳимми ин сарзамин маҳсуб мешавад, низ дорои таърихи бою рангин аст.

Кӯлоб аз минтақаҳои таърихию ҷуғрофии ҷанубӣ Тоҷикистон маҳсуб ёфта, дар асрҳои IX - X дар низоми иҷтимоӣ, иқтисодӣ ва фарҳангии Хуросони Бузург нақши назаррас доштааст. Ин минтақа бо мавқеи мусоиди ҷуғрофӣ, шароити табиии мухталиф ва ҷойгиршавӣ дар масири робитаҳои дохилиминтақавӣ ҳамчун яке аз марказҳои муҳим ташаккул ёфтааст. Ёдгориҳои таърихии он аз маҳалҳои истиқоматии қадим то осори меъморӣ ва таърихӣ манбаи асосии омӯзиши таърихи асри миёнагии минтақа маҳсуб меёбад.

Ёдгориҳои таърихии минтақаи Кӯлоб яке аз бахшҳои муҳимми таърихию мадании ҷанубӣ Тоҷикистон ба ҳисоб рафта, дар асрҳои IX - X ҳамчун як самти махсуси зиндагии созандаи маънавии аҳолии ин маҳал нақши назаррас доштааст.

Ин сарзамин дар чорроҳаи роҳҳои дохилии кӯҳӣ ва равобити байнивилоятӣ қарор дошта, дар ташаккули равандҳои фарҳангии Хуросони Бузург саҳми арзанда гузоштааст. Ёдгориҳои таърихии он - аз маҳалҳои истиқоматии қадим, теппаҳои бостонӣ, қабристонҳо то осори меъмории боқимонда - манбаи нодири омӯзиши ҳаёти ҷомеа дар давраи асри миёна ба шумор мераванд.

Ҷараёни густариши заминдорӣ, рушди ҳунармандӣ, ташаккули муносибатҳои тиҷоратӣ ва робитаҳои фарҳангӣ бо дигар минтақаҳо ба таври назаррас мушоҳида мешаванд. Ин омилҳо ба пайдоиш ва ташаккули як қатор ёдгориҳои моддӣ ва маънавӣ мусоидат намудаанд, ки имрӯз ҳамчун далели равшани сатҳи рушди ҷомеаи он давра хидмат мекунанд.

Академик Нуъмон Неъматов қайд кардааст, ки «Дар ҳудуди давлати Сомониён чун воситаи муомилоти пулӣ бештар дирҳамҳои хоразмӣ, мусайябӣ, муҳаммадӣ ё ғитрифӣ дар гардиш буданд. Дарёфту омӯзиши ганҷинаи дар деҳаи Бодомтуи Кӯлоб пайдошуда, хеле ҷолиб аст. Аз теъдоди тахминии қариб 1900 дирҳами он 1404 дирҳам ва 104 дирҳампора дастрас ва дар Осорхонаи миллии Тоҷикистон ҳифз карда мешавад» [5,320].

Ба андешаи муаррих Ҳ. Пирумшо «Ганҷинаи Кӯлоб калонтарини дафинаи сиккаҳои Осиёи Миёна буда, мавриди омӯзиш қарор гирифтааст. Мавриди зикр аст, ки аз миқдори умумии сиккаҳо 581-тои он дирҳамҳои сомонии зарби Хуттал буда, дар ҷаҳон бозёфти калонтарин ҳисоб меёбад» [6, 437]. Роҷеъ ба сиккаҳои минтақаи Кӯлоб устод А. Шарифзода таҳқиқоти диссертатсионӣ анҷом додааст, ки ба андешаи муҳаққиқ Кӯлоб яке аз марказҳои асосии дафинаи сиккаҳо дар Хуросони Бузург ба ҳисоб меравад. Дар ин минтақа «13 зарробхонаи сомонӣ мавҷуд буд» [10,179], ки назар ба дигар минтақаҳо дар замони Сомониён аз ҳама зиёд дар ин минтақа мавҷуд буд.

Пайдоиши сафоли рангубордор дар давраи асрҳои миёна дар марказҳои шаҳрии Хуттал ва дигар минтақаҳои Осиёи Марказӣ як падидаи мураккаби таърихӣ мебошад. Фарзияе, ки Б. А. Литвинский пешниҳод кардааст, паҳншавии сафоли рангубордорро дар шаҳрҳо дар асрҳои X–XII ҳамчун «натиҷа ва шаҳодати кӯчиши гурӯҳҳои бузурги деҳқонон ба шаҳрҳо дар асрҳои X ва махсусан XI - XII, ки онҳо бо худ шаклҳо ва усулҳои дӯстдоштаи ҳунари кулолгариро овардаанд» шарҳ медиҳад» [4, 139].

Давраи ҳукмронии Сомониён (асрҳои IX–X) яке аз марҳалаҳои асосии ташаккули таърихии минтақаҳои ҷанубии Тоҷикистон, аз ҷумла Кӯлоб ба шумор меравад. Ин давра бо таҳкими давлатдории тоҷикон, рушди иқтисоди феодалӣ, заминдорӣ ва болоравии ҳаёти фарҳангӣ ба куллӣ фарқ мекард.

Дар чунин шароит минтақаи Кӯлоб низ ҳамчун як воҳиди муҳимми маҳаллӣ дар низоми умумии иқтисодӣ ва ҳунарҳои мардумӣ, аз ҷумла меъморӣ тадриҷан шакл гирифт. Тавре ки академик Бобоҷон Ғафуров қайд кардааст «Дар ороиши зарфҳо ҳамчунин воситаи мураккабтари техникӣ, масалан, кандакорӣ низ истифода мешуд. Хусусан зарфҳои шишагини нақшдори Ҳулбук (Тоҷикистони ҷанубӣ) ва Кува (Фарғона) хеле ҳунармандона сохта шудаанд» [3, 476]. Бар замми ин қайд кардааст, ки дар замони идоранамоии

давлати Сомониён минтақаи Хатлон ба як маркази фарҳангии пешрафта қарор гирифта буд.

Дар сохтори маъмурии давлати Сомониён, кишвар ба вилоятҳо ва ноҳияҳои хурд тақсим мешуд. Минтақаи Кӯлоб дар ҳайати водиҳои ҷанубии давлат, эҳтимолан дар доираи вобастагии маъмурии Хатлон ва марказҳои атрофи он қарор дошт. Гарчанде ки он маркази мустақили сиёсӣ набуд, вале ҳамчун минтақаи дорои аҳаммияти иқтисодӣ ва гузаргоҳӣ нақши басо муҳим мебозид.

Яке аз омилҳои асосии ташаккули минтақа дар ин давра рушди хоҷагидорӣ ба шумор меравад. Аз нигоҳи В. В. Бартолд: «Минтақаҳои ҷанубии Мовароуннаҳр, сарфи назар аз харобиҳое, ки истилогарон ба бор оварданд, аҳаммияти худро ҳамчун минтақаи кишоварзӣ нигоҳ доштааст» [1, 114-115].

Ҷараёни ташаккули минтақаи Кӯлоб дар замони Сомониён инчунин бо густариши робитаҳои дохилиминтақавӣ алоқаманд буд. Минтақа тавассути роҳҳои табиӣ ба дигар қисматҳои Хатлон, водиҳои марказӣ ва минтақаҳои кӯҳӣ пайваст мешуд. Ин робитаҳо ба мубодилаи мол, ҳаракати аҳолӣ ва паҳншавии унсурҳои миллӣ - фарҳангӣ ҳамаҷониба мусоидат намуданд.

Аз ҷиҳати иҷтимоӣ, ҷомеаи минтақа асосан аз деҳқонон, чорводорон ва ҳунармандони маҳаллӣ иборат буд. Ҷамоаҳои деҳот дар асоси муносибатҳои суннатӣ ва низоми маҳаллӣ ташаккул меёфтанд. Ҳокимияти марказӣ бештар тавассути намояндагони маҳаллӣ назоратро амалӣ мекард, ки ин ба рушди сохтори иҷтимоии устувор дар минтақа мусоидат намуд.

Дар замони Сомониён инчунин раванди ташаккули фарҳанги ягонаи тоҷикӣ густариш ёфт. Забони тоҷикӣ (форсии дарӣ) ҳамчун забони расмӣ ва фарҳангӣ ба истифода даромад, ки ба ҳамгироии минтақаҳои мухталифи Хуросони Бузург аз ҷумла Кӯлоб мусоидат кард.

Дар давраи ҳукмронии давлати Сомониён иқтисодиёти минтақаи Кӯлоб, мисли дигар ноҳияҳои ҷанубии Хуросони Бузург, асосан хусусияти кишоварзӣ дошт. Чорводорӣ низ яке аз рукнҳои зиндагии аҳолиро ташкил медод.

Заминдорӣ дар водиҳо ва заминҳои ҳосилхези минтақаи Кӯлоб мавқеи марказӣ дошт. Мавҷудияти дарёчаҳо, чашмаҳо ва селобҳои кӯҳӣ имконият фароҳам меовард, ки низоми обёрии суннатӣ тадриҷан рушд кунад. Аҳолӣ заминҳоро тавассути каналҳои хурд ва ҷӯйборҳои дастӣ обёрӣ мекард ва ин ба баланд шудани ҳосилнокӣ низ ҳамаҷониба мусоидат менамуд.

Дар байни зироатҳои асосӣ ғалладона, аз ҷумла гандум, ҷав ва арзан сермасраф буданд, ки барои таъмини аҳолӣ бо ғизо аҳаммияти аввалиндараҷа доштанд. Дар баъзе мавзеъҳо зироатҳои лӯбиёгӣ ва сабзавот парвариш мешуданд. Дар заминҳои мувофиқ боғдорӣ низ инкишоф ёфта, парвариши меваҳо, мисли ангур, зардолу, себ ва анор ба назар мерасид.

Дар давраи Сомониён мубодилаи мол тадриҷан густариш меёфт ва минтақаи Кӯлоб тавассути роҳҳои табиӣ бо дигар ноҳияҳои Хатлон ва марказҳои калонтар пайваст мешуд [7,160]. Ин робитаҳо имкон медоданд, ки маҳсулоти заминдорӣ ва чорводорӣ бо маҳсулоти ҳунармандӣ ва молҳои дигар минтақаҳо табодул шаванд.

Деҳқонон аксаран дар заминҳои худ ё заминҳои вобаста ба заминдорони калон кор мекарданд ва бо пардохти андоз ё қисме аз ҳосил ухдадориҳои худро иҷро менамуданд. Рушди обёрӣ, густариши зироаткорӣ, истифодаи чарогоҳҳои кӯҳӣ ва ташаккули ҳунармандии маҳаллӣ ба устувории иқтисодии минтақа мусоидат менамуд. Ин омилҳо заминаи муҳимми рушди минбаъдаи иҷтимоӣ ва фарҳангии Кӯлобро фароҳам оварданд.

Дар аҳди Сомониён ҳаёти иҷтимоии аҳолии минтақаи Кӯлоб дар асоси муносибатҳои анъанавии деҳот ва низоми ташаккули феодалӣ инкишоф меёфт. Ҷомеа ҳанӯз сохтори

мураккаби шаҳрӣ надошт ва аксарияти аҳолӣ дар деҳаҳо, маҳалҳои хурди истиқоматӣ ва хоҷагиҳои пароканда зиндагӣ мекарданд. Маҳалҳои истиқоматӣ асосан хурд ва пароканда буданд, вале дар баробари рушди заминдорӣ баъзе деҳаҳо тадриҷан густурда ва устувортар мегаштанд. Хонаҳо одатан аз хишти хом, санг ва маводи табиӣ сохта мешуданд, ки ба шароити иқлимии минтақа мутобиқ буданд.

Дар давраи Сомониён минтақаи Кӯлоб на танҳо ҳамчун воҳиди маҳаллии заминдорию аҳолинишин, балки ҳамчун минтақаи дорои аҳаммияти стратегии муайян низ арзёбӣ мегардид. Ин аҳамият пеш аз ҳама аз мавқеи ҷуғрофӣ, хусусияти релеф ва робитаҳои табиии он бо дигар минтақаҳои Хуросони Бузург бармеояд.

Релефи кӯҳистонии минтақаи Кӯлоб ба он хусусияти табиии муҳофизатӣ мебахшид. Кӯҳҳо ва водиҳои танг ҳаракати неруҳои душманона ё гурӯҳҳои берунаро душвор мегардонданд. Ин ҳолат минтақаҳоро дар шароити муайяни нисбатан амн нигоҳ медошт.

Ҳамин хусусият барои давлати Сомониён муҳим буд, зеро назорати минтақаҳои кӯҳӣ маънои назорати роҳҳои стратегӣ ва пешгирии нооромиҳои эҳтимолиро дошт. Дар сохтори давлати Сомониён минтақаҳои дурдаст тавассути намояндагони маҳаллӣ идора мешуданд. Кӯлоб низ дар доираи чунин низоми маъмурӣ қарор дошт ва тавассути ҳокимони маҳаллӣ ё намояндагони марказ идора мешуд. Ин системаи идоракунӣ имкон медод, ки давлат назорати нисбатан устувор бар минтақаҳои дурдаст дошта бошад ва робитаи марказ бо маҳалҳо нигоҳ дошта шавад.

Кӯлоб ҳамчун минтақаи пайвасткунанда дар паҳншавии фарҳанг, забон ва анъанаҳо низ нақши муҳим дошт. Роҳҳои робита имкон медоданд, ки таъсири фарҳангии умумии давлати Сомониён ба минтақаҳои кӯҳӣ низ расад. Ин раванд ба таҳкими ягонагии фарҳангӣ ва сиёсӣ мусоидат мекард, ки барои давлати Сомониён аҳаммияти бузург дошт. Аҳаммияти стратегии минтақаи Кӯлоб дар замони Сомониён аз маҷмуи омилҳои ҷуғрофӣ, иқтисодӣ ва маъмурӣ вобаста буд.

Мавқеи гузаргоҳӣ, нақши иқтисодӣ ва хусусияти кӯҳистонӣ онро ба минтақаи муҳимми робитаҳои дохилидавлатӣ табдил дода буд. Ин омилҳо ба устувории низоми давлатдории Сомониён ва рушди ҳамгироии минтақаҳо мусоидат мекарданд.

Дар давлати Сомониён Кӯлоб ҳамчун воҳиди муҳимми ҷуғрофӣ, иқтисодӣ ва иҷтимоӣ тадриҷан ташаккул ёфта, дар низоми умумии давлатдории тоҷикон мавқеи муайян пайдо кард. Гарчанде ин минтақа маркази бузурги сиёсӣ ё маъмурии мустақил набуд, вале бо сабаби мавқеи мусоиди ҷуғрофӣ ва захираҳои табиӣ дар рушди дохилии давлат саҳми назаррас гузошт. Умуман давраи Сомониён барои минтақаи Кӯлоб марҳалаи муҳимми ташаккул ба ҳисоб меравад, зеро дар ҳамин давра асосҳои рушди минбаъдаи иқтисодӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангии он гузошта шудаанд.

Ҳамин тавр, Кӯлоб дар доираи низоми маъмурии давлати Сомониён шомил буд ва на танҳо ҳамчун минтақаи кишоварзӣ, инчунин аз марказҳои тиҷорат ва ҳунармандӣ низ маҳсуб мешавад. Дар зимн Беленитский А. М менависад: «Шаҳрҳои минтақаҳои ҷанубӣ, аз ҷумла Хуталон, ҳамчун марказҳои тиҷорат ва ҳунармандӣ фаъолият мекарданд» [2, 388].

Вазъи сиёсӣ дар даврони Сомониён барои минтақаи Кӯлоб марҳалаи устувор ба ҳисоб рафта, ин минтақа дар ҳайати як давлати муттамарказ қарор дошта, аз низоми умумии идоракунӣ, амнияти нисбӣ ва рушди робитаҳои дохилидавлатӣ баҳра мебурд. Гарчанде ки он маркази сиёсӣ набуд, вале ҳамчун як қисми муҳимми сохтори давлатӣ дар таъмини суботи манотиқи шимоли Хуросони Бузург нақши муайян дошт ва заминаи рушди минбаъдаи таърихии худро дар ҳамин давра гузошт.

Ҳамин тавр, таҳқиқоти анҷомдода нишон медиҳад, ки минтақаи Кӯлоб дар асрҳои IX–X яке аз марказҳои муҳимми таърихӣ ва фарҳангии Хуросони Бузург ба шумор мерафт. Мавқеи ҷуғрофии мусоид, захираҳои табиӣ ва роҳҳои тиҷоратӣ

боис гардидаанд, ки ин минтақа дар равандҳои иқтисодию иҷтимоии давра нақши назаррас бозад.

АДАБИЁТ

1. Бартольд В. В. *Туркестан в эпоху монгольского нашествия /Сочинения. Т.1.* - Москва: Наука, 1963. С.114-237.
2. Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. - Л.: Наука, 1973. - 388 с.
3. Ғафуров Б. Ғ. Тоҷикон: таърихи қадимтарин, қадим ва асрҳои миёна. – Душанбе: Ирфон, 1998. – 476 с.
4. Литвинский Б. А. (отв. ред.). Археологические работы в Таджикистане. Вып. IX (1961 год). - Душанбе: Изд-во АН Таджикской ССР, 1964. - 139 с.
5. Негматов Н. Н. Государство Саманидов. - Душанбе: Ирфон, 1977. 320с.
6. Пирумшо Ҳ. Давлати Сомониён дар тарозуи таърихнигорӣ. – Душанбе: «Дониш», 2020. - 437 с.
7. Тиллоев С. Хатлонзамин на Великом Шелковом пути/С.С.Тиллоев. - Душанбе: «Дониш», 2013, -160 с.
8. Саидумаров, С. С. Ҳифзи фарҳанги маънавии миллӣ дар замони рушди унсурҳои постмодернизм (таҳлили фалсафӣ-иҷтимоӣ) /С. С. Саидумаров, Ф. Р. Раҷабализода/Илм ва амният. – 2025. – No. 4(14). – P. 46-51. – EDN DXPIAA.
9. Саидумаров, С. С. Маънавиёти миллӣ - моҳият ва сохтори он (таҳлили иҷтимоӣ - фалсафӣ)/С. С. Саидумаров /Паёми Донишгоҳи омӯзгорӣ. Бахши илмҳои фалсафа, ҳуқуқ ва сиёсатшиносӣ. – 2025. – No. 3 (19). – P. 59-64. – EDN TMZNBA.
10. Шарифзода А. Қ. Ганҷинаи дирҳамҳои сомонии Кӯлоб ҳамчун сарчашмаи таърихӣ. – Душанбе. 2019. – 179 с.

МИНТАҚАИ КӮЛОБ ДАР АСРҲОИ IX – X

Ин мақола ба омӯзиши таърих, чуғрофӣ ва раванди омӯзиши ёдгориҳои минтақаи Кӯлоб дар асрҳои IX - X бахшида шудааст. Дар таҳқиқот мавқеи чуғрофӣ, шароити табиӣ, рушди хоҷагидорӣ, сохтори иҷтимоӣ ва равандҳои сиёсӣ дар давраҳои мухталифи асримиёнагӣ мавриди баррасӣ қарор гирифтаанд. Инчунин нақши давлати Сомониён ва дигар сулолаҳои минбаъда дар ташаккули ҳаёти иҷтимоӣ - чуғрофии минтақа таҳлил карда шудааст.

Дар мақола ба масъалаи чуғрофиёи таърихии минтақаи Кӯлоб, заминдорӣ, ҳунармандӣ, муносибати тиҷоратӣ таваҷҷуҳ карда шудааст.

Натиҷаҳои таҳқиқот собит месозанд, ки минтақаи Кӯлоб дар асрҳои IX - X ҳамчун як воҳиди муҳимми фарҳангӣ ва чуғрофӣ ташаккул ёфта, дар рушди равандҳои таърихии минтақа нақши муайян доштааст.

Калидвожаҳо: *Кӯлоб, воҳидҳои маъмурӣ, минтақа, пайдоиш, ёдгориҳо, ҳунармандӣ, бозёфтҳо, иқтисод, чарогоҳ мавзеи кӯҳӣ, манбаҳои таърихӣ.*

КУЛЯБСКИЙ РЕГИОН В IX – X ВЕКОВ

Данная научная работа посвящена изучению истории, географии и процесса исследования памятников Кулябского региона в IX-X веках. В исследовании рассматриваются географическое положение, природные условия, развитие хозяйства, социальная структура и политические процессы в различные периоды средневековья. Также анализируется роль государства Саманидов и последующих династий в формировании социально-экономической жизни региона. В статье рассматриваются вопросы исторической географии Кулябского региона, землевладения, ремесленничества и торговых отношений.

Результаты исследования доказывают, что Кулябской регион сформировался как важная культурно-географическая единица в IX-X веках и сыграл определенную роль в развитии исторических процессов в регионе.

Ключевые слова: *Куляб, административные единицы, регион, происхождение, памятники, ремесло, находки, экономическое положение, горные пастбища, горная местность, исторические источники.*

KULOB REGION IN THE IX TH – X TH CENTURIES

This research study examines the history, geography, and research into monuments in the Kulyab region from the 9th–10th centuries. The study examines the geographic location, natural conditions, economic development, social structure, and political processes during various periods of the Middle Ages. It also analyzes the role of the Samanid state and subsequent dynasties in shaping the socioeconomic life of the region.

The articIe discusses the historical geography of the kulob region, as well as issues of landownership, handicrafts, and trade relations.

The results of the study demonstrate that the Kulyab region emerged as an important cultural and geographical unit in the 9th–10th centuries and played a significant role in the development of historical processes in the region.

Keywords: *Kulyab, administrative units, region, origin, monuments, crafts, finds, economy, mountain pastures, highlands, historical sources, result, archeology.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Ёрхонзода Оятулло Ёрхон - унвончӯйи шуъбаи таърихи навтарини Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ, ассистенти кафедраи фанҳои ҷомеашиносии Донишгоҳи техникии Тоҷикистон ба номи академик М. С. Осимӣ, 734042, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Душанбе, хиёбони академикҳо Раҷабовҳо, 10. Тел.: (+992) 918-91-77-30.

Сведения об авторе: Ёрхонзода Оятулло Ёрхон - соискатель отдела новейшей истории Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАНТ, ассистент кафедры общественных наук Таджикского технического университета имени академика М. С. Осими, 734042, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект академиков Раджабовых, 10. Тел.: (+992) 918-91-77-30.

Information about the avtor: Yorkhonzoda Oyatullo Yorkhon - applicant for the Department of Contemporary History of the Institute of History, Archeology and Ethnography named after A. Donish NANT. -Assistant of the Department of Social Sciences, Tajik Technical University named after Academician M. S. Osimi, 734042, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Academicians Rajabov Avenue, 10. Tel.: (+992) 918-91-77-30.

УДК: 791.4+792 (091) (575.3) (470+571)

САҲМИ ФЕДЕРАТСИЯИ РОССИЯ ДАР ОМОДА КАРДАНИ МУТАХАССИСОНИ БАЛАНДИХТИСОСИ ТЕАТР ВА СИНАМОИ ТОҶИК (СОЛҲОИ 1946 -1989)

ДУМАЕВА А. Р.,
Донишгоҳи давлатии Хуҷанд ба номи академик Бобоҷон Ғафуров

Дар солҳои мавҷудияти Иттиҳоди Шуравӣ Россия барои Тоҷикистон мутахассисони соҳаҳои театр ва синаморо пайваста омода менамуданд. Доир ба ин масъала дар монографияи З. З. Богуманова таҳти унвони «На пути культурного взаимо-обогащения» [3], дар китоби «Дружба и сотрудничество Таджикистана с братскими Республиками в условиях развитого социализма»[4] низ сухан рафтааст. Инчунин дар монографияи Ҳабибулло Тоатов бо номи «Расцвет культуры села Советского Таджикистана (70-е годы XX в.)» [11], китоби Абдуллоев С. А. «Илм ва фарҳанги Тоҷикистон дар нимаи аввали қарни XX» [1], монографияи Набиев В. М. «Во имя дружбы и сотрудничество»[9], ҷилди шашуми китоби «История таджикского народа»[5] маълумоти бунёдӣ низ оварда шудааст.

Тавре маълум аст, ки фарҳанг ҳамчун як мавҷуди зинда ҳамеша дар ҳоли рушду такомул ва навгароист, хоса фарҳанги тоҷик дар даврони Шуравӣ дучори таҳаввули амиқе гашт, тоҷикон соҳиби театрҳои касбӣ, филармония, оркестрҳои созию овозӣ, операю балети миллӣ ва ғайраҳои дигар гардиданд.

Яқинан, наметавон бидуни шинохти таърихии ҳар даврe ба моҳияти маънавию ҳунарии ҷомеа расид ва усулан таърихи ҳар замон пайванди ногусастанӣ ба ҳам дорад ва ҳамаи онҳо мукаммали ҳамдигаранд, муҳим шинохти сиёсию фарҳангии он ва дарки фарозу фурудҳои ақидавию фикриаш аст. Маҳз даврони Шуравӣ баробари тоҷикон намояндагони миллатҳои дигар хидмати арзандае дар пешбурди фарҳанги миллати поси хотирдори мо кардаанд ва заҳмати эшон шукуҳу шаҳомат ва азамати тамаддунамонро афзуд. Чашмпӯшӣ аз ин воқеият айни адолат нест. Аз ин рӯ, ин афрод дар баробари намояндагони миллатамон, ки дар пешрафти мусиқӣ, рақс, ҳунари тасвирию меъморӣ, театр, кино, сирк, драматургия, табъу нашр ҳиссагузоранд, муаррифӣ мешаванд [2, 4].

Бо дар назардошти аҳаммият ва муҳиммияти мавзуъ хостем, ки масъалаи мазкурро мавриди баррасӣ қарор диҳем. Назар ба нигоштаи академик Бобоҷон Ғафуров «...соли 1941 дар шаҳри Сталинобод (Душанбе) дар бинои аз ҷиҳати сохт беҳамто, Театри давлатии академии опера ва балети Тоҷикистон кушода шуд...».

Академик Бобоҷон Ғафуров фикри худро идома дода менависанд: «Ин комёбиҳои беназири халқи тоҷик дар соҳаҳои хоҷагидорӣ, маданияту сохтмон, пеш аз ҳама ин натиҷаи дӯстии сталинии халқҳост, ки асоси онҳо рӯзҳои даргири Инқилоби Кабири Сотсиалистии Октябр, рӯзҳои инқилоби Шуравӣ дар Бухоро ва рӯзҳое, ки меҳнаткашони Тоҷикистон бо ёрии Артиши Сурхи қаҳрамон босмачиёну кӯрбошиёнро торумор мекарданд, гузошта шуда буданд. Инҳо натиҷаи ёрии бародарони халқҳои дигари ИҶШС ва ҳамзамон натиҷаи ғамхориву ёрии ҳамарӯзаи Кумитаи Марказии Ҳизби Коммунистии Умумиттифоқии Ҳукумати Шуравӣ ва рафиқ Сталин ба халқи тоҷик буд [1].

Театрро ба халқи тоҷик Инқилоби Октябр эҳдо намуд. Вале ин маънои онро надорад, ки тоҷикон то инқилоб театри худро надоштанд.

26 июни соли 1946 котиби якуми КМ ҲК (б) Тоҷикистон Бобоҷон Ғафуров ва муовини раиси Шурои вазирони ҶШС Тоҷикистон Мазаев А. фармонро «Доир ба ташкили дастаи русии ҳисоби хоҷагӣ дар назди Театри вилоятии мусиқавӣ - драмавии ба номи Абулқосим Лоҳутӣ» имзо намуданд [1, 277-278].

Барои ташкили гурӯҳи мазкур Россияи Шуравӣ ба Тоҷикистони Шуравӣ ёрии амалии худро расонид. «Агар соли 1924 дар мамлакат ҳамагӣ 1 студияи синамо амал мекард, ин шумора соли 1983 ба 1272 адад расид» [10,13]. Ин гуна дастовардҳо дар натиҷаи ёрии ҷумҳуриҳои бародарӣ ба вуҷуд омаданд. Санъати кинои тоҷик низ корҳои зиёдеро ба анҷом расонид. Солҳои 1946 - 1950 Киностудияи «Тоҷикфилм» зиёда 200 киножурнал ва 9 филми кӯтоҳ ба навор гирифта, ҳамзамон 46 филми бадеиро ба забони тоҷикӣ баргардонида буд. Дар саҳнаи театр қаҳрамонии ҷанговарон намоиш дода мешуд.

Соли 1942 Театри академии опера ва балети ба номи Садриддин Айнӣ ба кор шуруъ кард. Соли 1943 Театри фронтӣ таъсис ёфта, артистонаш байни ҷанговарону маъюбони госпиталҳо ба таври пайваста баромадҳо мекарданд.

Дар шароити ҷанг аҳаммияти санъати кино хело баланд буд. Ҳанӯз тирамоҳи соли 1941 ба шаҳри Душанбе Киностудияи «Союздетфилм» кӯчонида шуд ва якҷоя бо Киностудияи «Тоҷикфилм» якчанд филм эҷод кард. Нахустин филм дар барои иштироки тоҷикписарон дар фронт таҳти унвони «Фарзандони ту, Тоҷикистон!» (1943) офарида шуд [12, 76].

Соли 1949 дар шаҳри Москва Даҳаи адабиёт ва санъати тоҷик гузаронида шуд. Дар ин даҳрӯза ҳунармандони рус боварӣ пайдо намуданд, ки ҳунарпешаҳои тоҷик метавонанд, ки дар оянда номдор шаванд. Аз ин лиҳоз, ба омӯзонидани онҳо шуруъ намуданд. Дар ин чорабинӣ тамошобинон нахустин маротиба бо истеъдоди Лутфӣ Зоҳидова ошноӣ пайдо намуданд. Дар ин давра Ҳанифа Мавлонова низ яке аз беҳтарин ҳунарпешаҳои опера шинохта шуда буд.

Дар солҳои 40 –ум ва 50-ум даҳҳо ҳунармандони тоҷик дар миқёси ИҶШС ва берун аз он ном баровардand. Аз соли 1949 Ҳукумати Россияи Шуравӣ ташкили курсҳои омӯзиширо барои ҳунармандони тоҷик ба роҳ монд. Ин ҳолат имкон дод, ки маҳорати касбии ҳунармандони тоҷик рӯз аз рӯз боло равад [7, 265].

Ба саҳнаи театри тоҷик пасу пеш Г. Бақоева, С. Тӯйбоева, Ҳ. Раҳматуллоев, М. Қосимов, А. Бурҳонов, М. Ҳалимов, Л. Латифов, А. Азимова ва дигарҳо омаданд. Дар ташаккул ёфтани театри касбии тоҷик саҳми коргардонҳо ва бастакорони рус – Е. Мителман, А. Ленский, С. Баласанян ва дигарон хеле калон аст.

Солҳои 1959-1965 дар ҷумҳурӣ 7 театри касбӣ, 11 театри халқӣ фаъолият мекард. Ба гурӯҳҳои ҳаваскори бадеӣ зиёда аз 30 ҳазор нафар ҷалб шуда буд. Аз моҳи октябри соли 1959 дар доираи коллективҳои санъати худфаъол театрҳои халқӣ низ таъсис ёфтанд [5, 218-219].

Дар давраи Шуравӣ Тоҷикистон ва РСФСР дар соҳаи театр ҳамкориҳо мекарданд. Ин даврароба се марҳала ҷудо кардан мумкин:

1. Солҳои 1940-1950 солҳои ҷанг ва барқарорсозӣ.

а). Интиқоли театрҳои Шуравӣ: Дар солҳои ҶБВ якчанд театрҳои шаҳрҳои Москва ва Ленинград ба Ҷумҳурии Тоҷикистон кӯчонида шуданд. Масалан, Театри комедияи шаҳри Ленинград солҳои 1941-1943 дар шаҳри Душанбе фаъолият кард. Ин ба боз ҳам баланд шудани сатҳи касбии театрҳои тоҷик таъсири мусбии худро расонд.

б). Омода кардани кадрҳо: аз соли 1941 дар шаҳри Душанбе Омӯзишгоҳи мусиқии (баъдан ба номи Аҳмад Бобоқулов) кушода шуд. Беҳтарин мутахассисони рус – коргардонҳо, балетмейстрҳо, рассомон барои дарс додан омаданд.

в). Саҳнаҳои муштарак: асарҳои классикони бузурги русзабон: «Ревизор»-и Гогол, «Бегуноҳ гунаҳкорон»-и Николай Островский бо тарҷума ба забони тоҷикӣ дар Театри давлатии драмавии ба номи А. Лоҳутӣ ба саҳна гузошта шуданд.

2. Солҳои 1960-1970 давраи рушди театри миллӣ.

а). Студияи тоҷикӣ дар ГИТИС: Аз соли 1951 дар назди ГИТИС-и шаҳри Москва студияи тоҷикӣ амал мекард. То соли 1970 садҳо нафар ҳунарпеша, коргардон ва саҳнаорои тоҷик дар шаҳрҳои Москва, Ленинград, Тошканд таҳсил мекарданд. Коргардонони маъруфи тоҷик Ҳоҷиқул Раҳматуллоев, Фаррух Қосимов дар Русия таҳсил карда буданд.

б). Даҳаи адабиёт ва санъати тоҷик дар шаҳри Москва: солҳои 1941, 1957, 1967 дар Москва даҳрӯзаҳои санъати тоҷик баргузор гардид. Театри опера ва балети ба номи Садриддин Айнӣ операҳои «Комде ва Мадан», Шуриши Восеъро дар саҳнаи Театри калон намоиш дод.

в). Мутахассисони рус дар Тоҷикистон: коргардонҳо Д. Липков, А. Волгов, балетмейстер К. Музаффаров, дирижёр Л. Кауфман солҳои зиёд дар театрҳои Тоҷикистон кор карда, мактаби касбии миллиро ташкил доданд.

3. Солҳои 1980-1990 авҷи ҳамкориҳо.

1. Сафари ҳунарӣ: Театри ба номи Московскийи Москва, Театри бадеии Москва ва Театри ба номи Вахтангов мунтазам ба шаҳри Душанбе сафарҳои ҳунарӣ доштанд. Театри ба номи Лоҳутӣ ва Театри опера ва балети тоҷик дар шаҳрҳои Москва, Ленинград ва Сибир баромад мекарданд.

Намоишҳои муштарак: Драматургҳои рус дар мавзуъҳои мухталиф ба забонҳои тоҷикӣ асарҳо менавиштанд ва баръакс. Масалан намоишномаи «Рустам ва Сухроб» бо коргардонии Б. Покровский дар шаҳри Москва таҳия шуд.

Ҷашнвораҳо: аз соли 1967 ҷашнвораи умумииттифоқии театрҳои ҷавон дар шаҳри Душанбе баргузор мегардид, ки дар он ҳайатҳои эҷодӣ аз РСФСР ҳамеша иштирок мекарданд.

То соли 1990 дар Ҷумҳурии Тоҷикистон 14 театри касбӣ фаъолият мекард. Қариб ҳамаи онҳо бо ёрии бевоситаи мутахассисони рус ташкил ёфта буданд. Мактаби актёрӣ, коргардонӣ ва саҳнаороии тоҷик маҳз дар ҳамкорӣ бо театрҳои Русия ба вуҷуд омад.

Дар сиёсати Ҳизби коммунистӣ фаъолияи театр ҳамчун як соҳаи санъат мавқеи марказиро иҷро мекард. Маҳз театр барои синфи коргару деҳқон тимсоли ойинаи пурҷилое буд, ки ояндаи дурахшони Давлати Шуравиро нишон медод.

Аз замонҳои қадим халқи тоҷик дорои ҳунари сиркӣ бошад ҳам, танҳо солҳои 60-уми асри XX сирки касбии миллӣ ташаккул ёфт. Соли 1968 бо қарори Вазорати фарҳанги ҷумҳурӣ дар шаҳри Душанбе Сирки тоҷик ташкил ёфт ва 22 апрели соли 1970 бори нахуст барномаи мукаммали худро намоиш дод. Ҳунармандони сирк инчунин дар кишварҳои хориҷӣ баромад намуда, ҳунари халқи тоҷикро ба мардуми чаҳон муаррифӣ мекарданд.

Солҳои 60-ум давраи ташаккул ва авҷи Сирки касбии тоҷик ба ҳисоб меравад. Соли 1963 бо қарори Шурои Вазирони ҶШС Тоҷикистон Ансамбли миллии Сирки тоҷик дар назди Филармонияи Тоҷикистон таъсис ёфт, ки асосгузораш Ҳошим Абдуллоев – аввалин коргардони Сирки тоҷик, Ходими хизматнишондодаи санъати Тоҷикистон буд.

Кинои тоҷик бо филмҳои «Ман бо духтаре вохӯрдам», «Қисмати шоир», «Коваи оҳангар», «Рустам ва Сӯҳроб» шинохта шуд. Номи Борис Кимёгаров ҳамчун коргардон дар ҷаҳон машҳур гардид. Филми «Қисмати шоир» дар кинофестивали Қоҳира (1960) ҷойи аввалро гирифт ва соҳиби Ҷоизаи «Уқоби тиллоӣ»-и фестивал шуд.

Филми мазҳакавӣ - мусиқии «Ман бо духтаре вохӯрдам» дар 60 мамлакати ҷаҳон намоиш дода шуда, соли 1958 дар Кинофестивали мамлакатҳои Осиё ва Африқо ба Ҷоизаи «Гулдони калон» сазовор гардид. Солҳои 50-ум филмҳои «Дохунда» ва «Одамони кишвари офтобӣ» ба навор гирифта шуданд [8,175].

Барномаҳои театрҳои Тоҷикистон бо намоишҳои нав ғанӣ гардиданд. Театри опера ва балети ба номи Садриддин Айнӣ, Театри академӣ -драмавии Тоҷикистон ба номи А. Лоҳутӣ намоишномаи Ғанӣ Абдулло «Туфон», операи «Пӯлод ва Гулрӯ»-и Ш. Сайфиддинов, «Шӯриши Восеъ»-и С. Баласанян, намоишномаи «Рӯдакӣ»-и С. Улуғзода, балети «Диловар»-и Ленский ва даҳҳо асарҳои дигарро ба саҳна гузоштанд, ки нақшҳои асосиро М. Қосимов, С. Туйбоева, Х. Назарова ва Т. Фозилова бозидаанд. Артистони Филармонияи давлатии Тоҷикистон, Театри опера ва балети ба номи Садриддин Айнӣ, аз ҷумла Малика Собирова, Ашӯра Носирова, Лутфӣ Зоҳидова, Ҳанифа Мавлонова, Лутфӣ Кабирова, Аҳмад Бобоқулов бо ҳунари волои худ машҳур гардиданд [14,234-235].

Дар таърихи фарҳанги тоҷик Даҳаи адабиёт ва санъати тоҷик дар шаҳри Москва (Москва, моҳи апрели соли 1957), Фестивали умумиҷаҳонии ҷавонону донишҷӯён (Москва, соли 1957) ҷашни 1100 - солагии А. Рӯдакӣ (1958), 25-солагии Ҷумҳурии Шуравии Сотсиалистии Тоҷикистон (1954) воқеаҳои бузург буданд [8, 176-177].

Дар солҳои 60-уми асри гузашта бо ёрии Россияи Шуравӣ дар соҳаи навори филмҳои синамоӣ дар Тоҷикистон дигаргуниҳои ҷиддӣ ба вуҷуд омаданд. Дар ин солҳо асосан филмҳои ҳуҷҷатӣ ва бадеӣ ба навор гирифта мешуд [5, 418].

Театри тоҷик низ инкишоф меёфт. Се омил барои инкишофи театри тоҷик ҳамаҷониба мусоидат намуда буд:

1. Саривақт ҷудо шудани маблағ аз ҷониби ҳукумат.

2. Ёрии мамлакатҳои бародарӣ, хосатан Россия барои омода кардани мутахассисони соҳаи театр ва синамо.

3. Ташкили чорабиниҳо ва озмунҳои фарҳангӣ - фароғатӣ.

Санъати солҳои 60-80-уми халқи тоҷик сифатан ва мазмунан ғанӣ гардид. Як зумра ҷавонони боистеъдод дар соҳаи санъати овозхонӣ, рассомӣ асарҳои пурмазмун офариданд. Дар ҷумҳурӣ кушода шудани Театри ҷавонони ба номи Маҳмудҷон Воҳидов (соли 1971) ва ташкил ёфтани дастаҳои бадеӣ дар назди Филармонияи давлатӣ, радио ва телевизион низ воқеаи муҳимми фарҳангӣ буд. Соли 1973 театрҳои ҷумҳурӣ зиёда 60 драммаҳо аз эҷодиёти драматургҳои машҳури рус ба саҳна гузоштанд [6].

Ҳунарпешагони рус бо супориши КМ ҲК (б) ба Ҷумҳурии Тоҷикистон омада, дар самти боз ҳам баланд бардоштани маҳорати ҳунармандони тоҷик саҳми бузург гузоштанд. Дар натиҷаи ташкили чунин иқдомҳо ҳунармандони ҷавон ба камол расиданд. Соли 1971 нахустин маротиба дар Тоҷикистон студияи миллии ҳунарпешаҳо ташкил ёфт. Дар ин ҷо ҳунармандони ояндаи саҳнаи театр ва синамои тоҷик аз Ҳунарпешаи халқии ИҶШС Сергей Бондарчук сабақ мегирифтанд [4, 135].

Дар деҳоти Тоҷикистон низ санъати театр ва кино бо ёрии Россияи Шуравӣ ва дигар ҷумҳуриҳои бародарӣ инкишоф меёфт. Дар деҳот аз ҳисоби шавқмандон дастаҳои ҳаваскорон ташкил карда мешуданд.

7 июли соли 1972 маҷлиси умумиҷумҳуриявии намояндагони фарҳанги ноҳия ва деҳот доир гардид, ки дар он масъалаҳои марбут ба баланд бардоштани хизматрасонӣ ба заҳматкашон ва омода кардани мутахассисон ҳаллу фасл шуд [11, 97]. Солҳои 1971 – 1972 дар ноҳияҳои вилояти Ленинобод (ҳозира Суғд) 21 клубҳои нав ифтитоҳ гардид.

Агар соли 1960 дар ноҳияҳо 366 студияи синамо ба 7 млн нафар дар як сол хизмат мерасонд, пас ин нишондиҳанда соли 1976 ба 761 нафар расид, ки ба 16 млн нафар дар як сол хизмат намуданд [11, 112-113].

Дар натиҷаи омода кардани мутахассисони маҳаллӣ сол то сол сифати барномаҳои театрӣ боло рафт. Театри ҷумҳуриявии мусиқӣ ва мазҳакаи Тоҷикистон ба номи А. С. Пушкин соли 1975 дар маҷмуъ 218 сафарҳои ҳунарӣ анҷом дод, ки онро 76 ҳазор нафар тамошо карданд [11, 115].

Дар зарфи солҳои 1981-1989 дар саҳнаи театрҳо 165 спектаклҳои нав намоиш дода шуданд [8, 178].

Дар давраи Шуравӣ кинои тоҷик маҳз бо ёрии бевоситаи киностудияҳои Русия ва мутахассисони рус ташаккул ёфт, ки ин марҳала ба се давр тақсим мешавад:

1.Солҳои 1940-1950: давраи ташаккул ва замони ҷанг;

2.Студияи «Тоҷикфилм»- соли 1930 ҳамчун «Тоҷиккино» таъсис ёфт. Вале, маҳз дар солҳои 40-ум бо ёрии «Мосфилм» ва «Ленфилм» ба студияи мукаммал табдил ёфт;

3.Интиқоли «Союздетфилм»: соли 1941 киностудияи «Союздетфилм» аз шаҳри Москва ба шаҳри Сталинобод кӯчонида шуд. Коргардонҳои маъруф С. Юткевич, Л. Кулешов ва ҳунарманд Н. Черкасов дар Ҷумҳурии Тоҷикистон кор карданд. Ин падидаи нодир як мактаби бузурги эҷодӣ барои синамогарони ҷавон маҳсуб мешуд. Филми «Шоир ва Шоҳ» соли 1941-аввалин кори муштараки синамогарони рус ва тоҷик маҳсуб меёбад;

4.Филмҳои мустанад: дар солҳои ҷанг бо ёрии филмбардорони рус 12-филми хуҷҷатӣ: «Тоҷикистон», «Писари Тоҷикистон» ба навор гирифта шуд. Солҳои 1960 - 1970: «Мавҷи тоҷикӣ» ва авҷи кинои миллӣ ин даврароро «давраи тиллоии кинои тоҷик» меноманд, ки сабаби он дастгирии Институти умумииттифоқии давлатии кинематографистон ва «Мосфилм» маҳсуб меёфт.

Аз соли 1954 дар ВГИК – и шаҳри Москва, яъне Институти умумииттифоқии давлатии кинематографистон «Студияи тоҷикӣ» кору фаъолият мекард. Соли 1969 бинои нави «Тоҷикфилм» сохта шуд. Соли 1970 «Тоҷикфилм» дар як сол чор филми бадеӣ мебароварад [13,110].

Коргардонҳои маъруфи рус В. Мотилл, В. Дорман дар Тоҷикистон филм гирифтанд. Филмҳои «Одами пӯсти палангинапӯш» соли 1961, «Рустам ва Сӯҳроб» 1971-1989 ба навор гирифта шуд, ки дар рафти он ҳунармандони шаҳри Москва фаъолона иштирок карданд [13,110-113].

Мавзуъҳои миллӣ. Сенаристҳои «Мосфилм» дар мавзуъҳои «Шоҳнома», «Восеъ», «Комде ва Мадан» намоишномаҳо навиштанд. Филмҳои «Қисмати шоир» 1959 ва инчунин «Достони Рустам» 1971 дар микёси Иттиҳоди Шуравӣ ва хориҷа ҷоизаҳо гирифтанд.

Ҳамин тавр, Федератсияи Россия солҳои 1946 – 1989 дар самти омода кардани мутахасисони касбӣ дар соҳаҳои театр ва кино дар ҶШС Тоҷикистон саҳми беандоза бузург дорад. Се нуқтаи муҳим: омода кардани ҳунармандони театр ва синамо, ёрии молиявӣ ва гузаронидани рӯзҳои фарҳангӣ боиси пешрафти театр ва синамо дар Тоҷикистон гардидааст.

АДАБИЁТ

1. Абдуллоев С. А., Илм ва фарҳанги Тоҷикистон дар нимаи аввали қарни XX (аз рӯйи маводи таърихии шаҳру навоҳиҳои шимоли ҷумҳурӣ). Хуҷанд – 1998. – 344 с.

2. Арбобони фарҳанги тоҷик: Донишнома/Муаллиф - мураттиб Ёрмуҳаммади Сучонӣ. – Душанбе, 2017. 866 с.

3. Богуманова З. З. На пути культурного взаимообогащения. – Душанбе: Дониш, 1988. 124 с.

4. Богуманова З.З. Дружба и сотрудничество Таджикистана с братскими республиками СССР в условях развитого социализма (1959-1975 гг). Душанбе: Дониш, 1982, 166 с.

5. История таджикского народа. Том VI (Новейшая история). – Душанбе: «Империал - групп», 2011. – 688 с.

6. Коммунист Таджикистана, 1975, 4 февраля.

7. Лукницкий П. Н. Тоҷикистон (тарҷумаи М. Шукуров ва А. Маниёзов) Нашриёти давлатии Тоҷикистон. Сталинобод 1959, 480 с.

8. Набиева Роҳат Абдуваҳҳобовна, Зикриёев Файзӣ Боқиевич, Зикриёева Малика Файзиевна. Таърихи халқи тоҷик. Нашри дуюм. - Душанбе: Собириён, 2010, 328 с.

9. Набиев В. М. Во имя дружба и сотрудничество. Худжанд. Нури маърифат, 2018. – 240 с.

10. Советский Таджикистан – за 60 лет. Душанбе. Ирфон, 1984. - 352 с.

11. Тоатов Ҳ. Расцвет культуры село Советского Таджикистана (70-е годы XX в.). Издательство Ношир: Худжанд – 2007. – 168 с.

12. Фузайлов А., Исомаддинов Ҷ., Таърихи навини Тоҷикистон (дастури таълимӣ). Хуҷанд, 2005. 148 с.

13. Ашӯров Ғ. «Киносанъати Тоҷикистон». -Душанбе: Дониш, -1990 (дар бораи ҳамкории «Тоҷикфилм» ва «Мосфилм»), с.45-120.

14. Энсиклопедияи советии тоҷик. Ҷилди 7, с.234-235 (моддаи Сирк).

15. Нуров Н. «Театри касбии тоҷик». 1988, с.162-165.

САҲМИ ФЕДЕРАТСИЯИ РОССИЯ ДАР ОМОДА КАРДАНИ МУТАХАССИСОНИ БАЛАНДИХТИСОСИ ТЕАТР ВА СИНАМОИ ТОҶИК (СОЛҲОИ 1946 - 1989)

Дар ин мақола саҳми Федератсияи Россия дар самти омода кардани мутахассисони баландихтисоси театр ва синамои тоҷик дар солҳои 1946 – 1989 баррасӣ шудааст. Бояд гуфт, ки театр ва синамо як ҷузъи ҷудонашавандаи фарҳанги Шуравӣ ва муосир ба ҳисоб мераванд ва раванди омода кардани мутахассисони ин соҳаҳои ҳаёти фарҳангӣ дар мақола ба роҳ муайян шудааст. Мавзуи таҳқиқшаванда дорои аҳаммияти калони илмию амалӣ мебошад.

Дар раванди навиштани мақола ба масъалаи рушди соҳаҳои театр ва синамо дар ҶШС Тоҷикистон дар солҳои 1946-1989 таваҷҷуҳи махсус дода шудааст. Муаллиф бо истифода аз маводи мавҷуда масъалаи мазкурро таҳқиқ намудааст. Барои расидан ба инқилоби маданӣ дар ҶШС Тоҷикистон саҳми Федератсияи Россия басо калон аст. Мутахассисони номдори соҳаи фарҳанги Россия ба Тоҷикистон омада малака ва маҳорати худро ба мутахассисони маҳаллӣ меомӯзониданд. Ҳамасола Ҳукумати Тоҷикистон садҳо нафарро барои таҳсил ба Россия мефиристонид.

Калидвожаҳо: *театр, синамо, мутахассисон, Федератсияи Россия, Тоҷикистон, фарҳанг, санъат, ҳамкорӣ.*

ВКЛАД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПОДГОТОВКЕ ВЫСОКОКЛАССИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ТАДЖИКСКОГО ТЕАТРА И КИНО (1946 – 1989 гг.)

В данной статье наглядно показан вклад Российской Федерации в подготовку высококвалифицированных специалистов таджикского театра и кино в 1946–1989 годах. Следует отметить, что театр и кино являются неотъемлемой частью советской и современной культуры, и в статье проводится исследование процесса подготовки специалистов в этих сферах культурной жизни. Следует отметить, что тема исследования имеет большое научное и практическое значение. Учитывая важность темы, автор ее изучил и обсудил.

В процессе написания статьи особое внимание было уделено развитию театра и

кино в Таджикской ССР в 1946–1989 годах. Автор попытался исследовать этот вопрос на имеющихся материалах.Следует напомнить, что вклад Российской Федерации, как братской республики, в достижение Культурной революции в Таджикской ССР очень велик. Известные специалисты в области русской культуры приехали в Таджикистан, чтобы обучить своим навыкам местных специалистов.

Ключевые слова: *театр, кино, специалисты, Российская Федерация, Таджикистан, культура, искусство, сотрудничество.*

CONTRIBUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION TO THE TRAINING OF HIGHLY QUALIFIED SPECIALISTS OF TAJIK THEATER AND CINEMA (1946-1989)

This article highlights the contribution of the Russian Federation in training highly qualified specialists for Tajik theater and cinema during the years 1946–1989. It should be noted that theater and cinema clearly demonstrate the cultural development of the Soviet Union and are considered an integral part of the training process for specialists in these fields, moving towards cultural education. It is worth mentioning that the article sets a path for further research. The subject of the research is of great scientific and practical importance. Taking into account the importance of the topic, the author has made it a subject of study and review.

In the process of writing the article, special attention was paid to the development of theater and cinema in the Tajik SSR during the years 1946–1989. The author has made every effort to use materials to investigate this issue. It should be noted that for the cultural revolution in the Tajik SSR, the contribution of the Russian Federation, as a brotherly republic, is very significant. Renowned experts in the field of Russian culture came to Tajikistan to teach their skills and techniques to local specialists. Every year, the government of Tajikistan sends hundreds of people to study [in Russia].

Keywords: *theater, cinema, specialists, Russian Federation, Tajikistan, culture, art, cooperation.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Думаева Азиза Расулҷоновна - унвончӯйи кафедраи таърихи халқи тоҷик, омӯзгори кафедраи ҳуқуқшиносии МДТ «ДДХ ба номи академик Б. Ғафуров. Телефон: (+992) 920-01-57-53.

Сведения об авторе: Думаева Азиза Расулджоновна - соискатель кафедры история таджикского народа, преподаватель юридической кафедры ГОУ «ХГУ имени академика Б. Гафурова (+992) 920-01-57-53.

Information about the author: Dumaeva Aziza Rasulzhonovna - Applicant at the Department of the Tajik People; Lecturer at the department of Law, State Educational Istitution «Khujand State University named after Academician B. Gafurov». (+992) 920-01-57-53.

УДК: 32 (091) 575.3

ҲОДИСАҲОИ ФЕВРАЛИИ СОЛИ 1990 ДАР ДУШАНБЕ ВА ТАЪСИРИ ОНҲО БА ШИДДАТ ГИРИФТАНИ ВАЗЪИ СИЁСӢ ДАР ТОҶИКИСТОН

НАЗРИЗОДА Д. Ҳ.,
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон

Ҳодисаҳои фоҷиаборе, ки моҳи феврали соли 1990 дар шаҳри Душанбе рух доданд, аз рӯйи миқёс, сатҳи хушунат ва паёмадҳои иҷтимоиву сиёсӣ дар таърихи навини Тоҷикистон ҷойгоҳи хосса доранд. Дар бознигарии таърихӣ онҳо ҳамчун яке аз омилҳое арзёбӣ мешаванд, ки ба муқовимати баъдинаи ҷанги таҳмилии шаҳрвандӣ дар ҷумҳурӣ замина гузоштанд. Дар заминаи равандҳои бухронӣ дар охири солҳои 1980 ва аввали солҳои 1990 ин ҳодисаҳо аксаран ҳамчун дорои унсурҳои таъсири муташаккилона тафсир мегарданд, ки ин ҳолат баҳсҳои пойдорро доир ба хусусият ва механизмҳои авҷгирии онҳо ба миён овардааст.

Вазъи иҷтимоиву сиёсии ИҶШС дар ин давра бо афзоиши таниш дар ҷумҳуриҳои иттифоқӣ тавсиф мешуд. Сиёсати бозсозӣ, ки соли 1985 эълон гардид,

бо тағйироти амиқи ниҳодинаӣ ва иҷтимоӣ ҳамроҳ буд. Номувофиқӣ ва зиддиятнокии ислоҳот, сустшавии идоракунӣ ва тағйири механизмҳои пешини назорат боиси фаъолшавии ҳаракатҳои ҷудоиталабона, афзоиши ихтилофҳои байниқавмӣ ва сар задани низоъҳои шадид дар як қатор минтақаҳои кишвар гардид. Дар чунин шароит истифодаи Қувваҳои Мусаллаҳ барои ба эътидол овардани вазъ дар Қафқоз ва Осиёи Миёна ба як ҷузъи амалияи умумии буҳронии умумииттифоқӣ табдил ёфт.

Дар ҳамин замина ҳодисаҳои феврали соли 1990 дар шаҳри Душанбе на танҳо бо шиддати бетартибиҳо ва харобиҳо, балки бо таъсири онҳо ба шуури ҷамъиятӣ ва динамикаи сиёсӣ дар ҷумҳурӣ фарқ мекарданд. Як қатор манбаъҳо ба мавҷудияти унсурҳои ташкилии муайян ва кӯшиши истифода аз вазъи баамаломада барои беобрӯ сохтани роҳбарияти ҶШС Тоҷикистон ишора мекунанд. Ҳамзамон, дараҷаи муташаккилона будани ҳодисаҳо, нақши гурӯҳҳои гуногуни иҷтимоиву сиёсӣ ва масъулият барои истифодаи силоҳи оташфишон ҳамоно мавриди баҳси илмӣ боқӣ мемонад.

Тибқи маълумоти соли 1989, дар шаҳри Душанбе 590,9 ҳазор нафар зиндагӣ мекарданд: тоҷикон – 39,13 %, русҳо – 32,37 %, намояндагони дигар миллатҳо – 28,5 % [4].

Барои таҳлили воқеъбинонаи ҳодисаҳо зарур аст, ки онҳо дар пайдарпайии хронологӣ баррасӣ шаванд. Пас аз рӯйдодҳои 13–20 январи соли 1990 дар шаҳрҳои Боку ва дар Душанбе овозаҳо паҳн шуданд, ки гӯё 2–5 ҳазор гурезагони арманӣ ба Душанбе омадаанд ва ба онҳо бенавбат манзили истиқоматӣ ҷудо карда мешавад. Ҳамзамон хабар паҳн шуд, ки гӯё дар Арманистон нисбат ба кумакҳои башардӯстонаи фиристодашуда аз Тоҷикистон беэҳтиромӣ зоҳир шудааст [1,81].

25 январи соли 1990 як корманди масъули КМ ҲКИШ ба котиби КМ ҲК Тоҷикистон А. Д. Дадабоев дар бораи омадани эмиссарҳои озарбойҷонӣ ба ҷумҳурӣ бо мақсади таблиғоти зиддиарманӣ хабар дод. Ин иттилоъ ба мақомоти ҳифзи ҳуқуқ ирсол гардид, аммо тадбирҳои муносиб андешида нашуданд. Шореҳи ТАСС В. Пономарёв навишта буд: «Дар ноҳияҳо «фиристодагон» аз Боку пайдо шуданд. Барои даъватҳои иғвобарангез бист нафар боздошт гардид. Ҳанӯз дар моҳи январ онҳо дар ин ҷо хокро нарм ва тухми душманӣ пошида буданд» [17].

Аз охири моҳи январ ташвиқот барои баргузории гирдиҳамоиҳои ғайриқонунӣ идома дошт; тибқи маълумоти тафтишот, дар ин раванд намояндагони алоҳидаи руҳониён, гурӯҳҳои ҷиноятӣ ва Ҳаракати мардумии (ҲМ) «Растохез» фаъолият нишон доданд. 26 январ фаъолони ҲМ «Растохез» назди бинои КМ ҲК Тоҷикистон гирдиҳамоӣ баргузор намуда, истеъфои роҳбарият ва ҷорӣ намудани Қонуни забонро талаб карданд [25].

Шаби 10 феврал дар маҳаллаи Зарафшон ғорату харобкориҳои манзили шаҳрвандони миллаташон арманӣ ба қайд гирифта шуд. Ба ВКД хабарҳо дар бораи эҳтимоли авҷ гирифтани таниш ворид гардиданд.

11 феврал дар назди бинои Шурои Олии ҷумҳурӣ гирдиҳамоие бо иштироки тақрибан 2500 кас баргузор шуд. Сипас иштирокчиёни гирдиҳамоӣ ба назди бинои КМ ҲК Тоҷикистон ҳаракат карданд. Қ. Маҳкамов, ки он вақт котиби якуми КМ ҲК Тоҷикистон буд, баъдан қайд кард: «Ин вақте ба амал омад, ки қушунҳои дохилӣ ба Озарбойҷон фиристода шуда буданд. Ин ҷо ҳеҷ кас набуд. Дар Душанбе ҳамагӣ 48 милитсионер буд» [9].

В. В. Петкел фарзияи дигар меорад. Ба гуфти ӯ чун субҳи 11 феврал садҳо нафар дар назди бинои Шурои вазирон гирдиҳам омаданд, ӯ ба вазири корҳои дохилӣ занг зада, аз номи бюрои КУ ҲК Тоҷикистон супориши фавран ҷудо кардани дусад

кормандро барои мустаҳкам кардани ҳифзи биноҳои ҳукуматӣ ва ҳизбӣ мерасонад ва гирдиҳамомадагон неруи милитсияро дида, ба тарафи бинои КМ ҳаракат карданд [15,37].

Маводи тафтишот нишон медиҳад, ки дар шаҳр тақрибан 300 нафар корманди милиса ва 300 нафар хизматчии ҳарбии гарнизон мавҷуд буд; қӯшунҳои дохилӣ ба Кавказ фиристода шуда буданд [1,86]. Дар ҷараёни гирдиҳамоии 11 феврал талаботи хориҷ кардани гурезагони арманӣ ва ҳалли масъалаҳои иҷтимоӣ садо дод. Роҳбарият шарҳ дод, ки шумораи гурезагон кам буда, ба онҳо манзил ҷудо нашудааст. Вале вазъият танишнок боқӣ монд, миёни гирдиҳамомадагон суханони таҳдидомез садо медоданд.

Дар баромади худ дар Пленуми XVII Кумитаи Марказии ҲК Тоҷикистон котиби дуюми Кумитаи шаҳрии ҳизби шаҳри Душанбе Рашид Олимов изҳор дошт, ки дар он гирдиҳамоӣ «издиҳом пеш аз рафтан, якдилона, вале на ҳама, балки як гурӯҳ, тахминан 150 нафар, гуфтанд: «Хунрезӣ» («Кровопролитие»). Пас маълум мешавад, ки аллакай ҳамон вақт дар байни ҷавонони наврас, ки аксарияти мутлақи онҳо душанбегӣ набуданд, чунин дастур вуҷуд доштааст» [3,96]. Ин далелро ҳамчунин шоҳиди дигар – Нур Табаров, вазири фарҳанги ҷумҳурӣ низ тасдиқ кард: «Ниҳоят, баъди ба даст омадани мувофиқа оид ба ташкили комиссия барои равшан кардани ҳолатҳои омадани гурезаҳои арманӣ, ҷавоне, ки издиҳомро роҳбарӣ мекард, гуфт: «Агар ин нобакорон (ман бо нармӣ мегӯям) то пагоҳ он чиро, ки мо талаб дорем, анҷом надиҳанд, «хунрезӣ» ташкил мекунем» [11].

Ҳамон рӯз роҳбарияти ҷумҳурӣ ба сохторҳои иттифоқӣ мурочиат намуд; ба Душанбе гурӯҳи «Алфа»-и КАД ИҶШС омад. Шом ҷаласаи бюрои КМ ҲК Тоҷикистон баргузор гардид, ки дар он вазъияти ҷумҳурӣ муҳокима шуд.

Субҳи 12 феврал бюрои КМ ҲК Тоҷикистон вазъро дар пойтахт дубора баррасӣ кард; дар бораи баргузории ҷаласа на Президиуми Шурои Олӣ ва на Шурои Вазирон огоҳ карда нашуданд [10]. Соати 14:30 ҷаласаи президиуми Шурои Вазирон оғоз ёфт, ки ба сабаби гирдиҳамоӣ дар назди бинои КМ ҲК Тоҷикистон қатъ гардид.

Ҳамон рӯз гурезагони арманӣ ва қисми шаҳрвандони қаблан сокини шаҳр буда (ҳамагӣ 223 нафар) тасмим гирифтанд ҷумҳуриро тарк кунанд ва дар фурудгоҳ дар гусели онҳо намояндагони роҳбарияти шаҳр ва қозии мусулмонони ҷумҳурӣ Ҳ. А. Тураҷонзода ҳузур доштанд [16]. Аммо иттилоъ дар бораи парвози онҳо ба воситаҳои ахбори омма расонида нашуд. Ба гуфтаи сардори фурудгоҳ А. М. Забровский, илова ба парвозҳои муқаррарӣ, ҳафт парвози изофӣ ба Ереван анҷом дода шуд. «Дар ҳамон рӯзи аввал гурезаҳои қафқозӣ, сипас хоҳишмандон аз ҳисоби аҳолии маҳаллии арманиро кӯчондем. Кумитаи махсуси ҷамоаи арманӣ фаъолият мекард» [14] Комиссия санаторияҳо, истироҳатгоҳҳо ва хобгоҳҳои як қатор маҳалҳоро санҷида, набудани гурезагони арманиро дар онҳо тасдиқ кард [21,407].

Соати 15 дар назди бинои КМ ҲК Тоҷикистон тақрибан 6–7 ҳазор нафар ҷамъ омад [1,83]. Ба майдон 150 нафар хизматчиёни қӯшунҳои дохилӣ расиданд, ки аз Кавказ баргашта буданд.[1] Гирдиҳамоии номуташаккилона оғоз гардид, ки дар он талаботи баромадани роҳбарони ҳизб ва ҳукумат, пеш аз ҳама котиби якуми КМ

[1] 12 феврал бо супориши вазири корҳои дохилии ИҶШС В. В. Бакатин дар посух ба мурочиати Қ. Маҳкамов 150 нафар аз ҳисоби хизматчиёни қӯшунҳои дохилии ҷумҳурӣ ба шаҳри Душанбе баргаштанд ва аз фурудгоҳ ба майдони назди КМ ҲК Тоҷикистон фиристода шуданд, ки дар он ҷо мардум барои гирдиҳамоии навбатӣ ҷамъ меомаданд.

ҲК Тоҷикистон Қаҳҳор Маҳкамов садо медод. Шумораи ҷамъомадагон босуръат меафзуд.

Қ. Маҳкамов баъдтар ба хотир овард, ки он рӯз гирдиҳамомадагон нақлиёти мусофирбари шаҳриро қарор дода, одамонро ба майдон мефиристоданд [9]. Дар шароити афзоиши таниш роҳбарият дарҳол ба назди гирдиҳамомадагон набаромад. Дар Гузориши Комиссияи Президиуми Шурои Олӣ зикр гардидааст, ки «кормандони ҳифзи тартиботи ҷамъиятӣ бо истифода аз чӯбдастҳои резинӣ гирдиҳамомадагонро аз назди бинои КМ ақиб ронданд, ки ин амал боиси хашмгин шудани намоишгарон гардид; баъзеи онҳо ба самти кормандони ҳифзи тартиботи ҷамъиятӣ санг ва ашёи дигар партоб кардан гирифтанд» [21,409].

Дар давоми барҳӯрдҳо соати 15:30 - 15:40 истифодаи силоҳи оташфишон оғоз шуд. Муфаттиши прокуратураи ҷумҳурӣ Солеҳҷон Ҷураев дар ин бора чунин гуфт: «Тафтишот дақиқ муайян кард, ки соати 15:27, то баромадани Қаҳҳор Маҳкамов ба назди гирдиҳамомадагон, аллакай ба Беморхонаи ёрии таъҷилии Душанбе маҷруҳон оварда шуда буданд ва ҷароҳатҳо аз силоҳи оташфишон буданд» [6].

Ба андешаи Қаҳҳор Маҳкамов, яке аз сабабҳои шиддатёбии вазъ дар майдон ҳалокати ҷавоне буд, ки ӯро қурбонии амалҳои неруҳои қудратӣ медонистанд. «Ман аз тирезаи утоқи кориам, ки ба ҷониби чойхонаи «Роҳат» менигарист, дидам, ки бо УАЗ-462-и болояш кушода ҷасади ҳамон ҷавонро оварданд. Баъд ошӯб оғоз шуд» [9].

Ҳамин тариқ, гирдиҳамоии ғайриқонунӣ ба бетартибиҳои оммавӣ табдил ёфт, кӯшишҳои ҳамла ба биноҳои КМ ва Вазорати хоҷагии об, ғорат ва оташзании бино сурат гирифтанд.Барои парокандасозии издиҳом резиндастҳо ва гази ашковари «Черёмуха» истифода гардиданд, аммо бинобар нокифоя будани қуввaҳо ин тадбирҳо самараи назаррас надоданд. Соати 16:20 ба майдон воҳидҳои иловагии милиса омаданд [25].

Бетартибиҳо ба кӯчаҳои ҳамшафат паҳн шуданд. Мағозаҳо, нуқтаҳои хизматрасонӣ, кинотеатр, биноҳои бонкҳо ва нақлиёт хароб ва осеб диданд. Ба ҳаёт ва саломатии шаҳрвандон хатари воқеӣ пеш омад. Соати 20 бо кумаки воҳидҳои ҳарбӣ майдон аз издиҳом холӣ карда шуд, аммо бетартибиҳо дар маҳаллаҳои истиқоматӣ паҳн гардиданд. Қисмҳои гарнизон барои ҳифзи иншооти дорои аҳаммияти стратегӣ истифода мешуданд. Роҳбарияти ҷумҳурӣ амалан имкони назорати фаврии вазъро аз даст дод.

Шоми 12 феврал бо Фармони Президиуми Шурои Олии ҶШС Тоҷикистон дар шаҳри Душанбе вазъи фавқулода ва соати комендантӣ аз 22:00 то 6:00 ҷорӣ гардид; комендант вазири корҳои дохилӣ Маҳмадаёз Навҷувонов таъйин шуд [13].

Дар минтақаи фурудгоҳ аввалин гурӯҳҳои худмуҳофизат ба вуҷуд омаданд [7]. Барои таъмини режими вазъи фавқулода ба Душанбе неруҳои иловагии Қӯшунҳои дохилӣ, Воҳидҳои сарҳадӣ ва Қуввaҳои Мусаллаҳи ИҶШС ворид карда шуданд [8,23]. Бо дархости шифоҳии Қ. Маҳкамов ва Ғ. Паллаев вазири мудофиаи ИҶШС Дмитрий Язов фармон дод, ки қисмҳои Округи ҳарбии Туркистон ба шаҳри Душанбе ворид шаванд. Дар маҷмуъ 1068 нафар хизматчии ҳарбӣ, ва 14 феврал боз 790 нафар десантчӣ ворид гардиданд [21,425]. Шаби 12 ба 13-уми феврал ба Душанбе воҳидҳои дивизияи десантии Витебск расиданд.

13 феврал, сарфи назар аз режими вазъи фавқулода, бетартибиҳо қисми зиёди шаҳрро фаро гирифтанд. Аксари корхонаҳо, муассисаҳои таълимӣ ва хизматрасонӣ фаъолияти худро қатъ карданд.

Воҳидҳои ҳарбӣ қисми марказии шаҳрро таҳти назорат гирифтанд, аммо ин ба нияти як қисми аҳолӣ барои дубора ҷамъ омадан назди бинои КМ ҲК Тоҷикистон

таъсир накард. Субҳи 13 феврал гурӯҳҳои одамон, новобаста аз манъи чорабиниҳои оммавӣ, боз ба майдони назди КМ омаданд. Тақрибан соати 10:00 хизматчиёни ҳарбӣ, ки биноҳоро муҳосира карда буданд, бо истифода аз техника ва тирпаррониҳои огоҳкунанда издиҳомро аз майдон дур карданд. Бо вуҷуди ин, бетартибиҳо идома ёфтанд: кушташудагон ба қайд гирифта шуданд, як қатор объектҳои савдо ғорат ва оташ зада шуданд. Издиҳом барои муддате майдонро тарк кард, аммо баъдан мардум дубора ба марказ ҷамъ омадан гирифт ва шумораашон босуръат афзуд. Дар минтақаи бозори «Баракат» гурӯҳи ҷавонон чанд нуқтаи сабзавотфурӯшӣ ва муассисаҳои хӯрокворирo оташ заданд. Роҳбарияти ҷумҳурӣ дар вазъияти ниҳоят душвор қарор гирифт [24].

Соати 13:30 издиҳоми чандҳазорнафарӣ боз майдони назди бинои КМ ҲК Тоҷикистонро пур кард. Ин дафъа хизматчиёни ҳарбӣ силоҳ истифода накарданд; қисми онҳо бо ҷамъомадагон ба гуфтугӯ ворид мешуданд. Дар натиҷа неруҳо ба тарафи бино ва ҳавлии дохилии КМ ақиб бурда шуданд, баъзе иштирокчиёни гирдиҳамоӣ ба болои зиреҳпӯшҳо (БТР) баромаданд. Тарафи ҳукуматӣ ба гузаштҳо рафт: дар яке аз БТР-ҳо баландгӯяк насб гардид, ки имкон дод гирдиҳамоӣ дар шакли нисбатан муташаккилона оғоз шавад. Яке аз аввалин суханронҳо коргар С. Мастонзод буд.

Дар ҷараёни гирдиҳамоӣ «масъалаи арманӣ» ба ҷойи дуюм гузашт ва талаботи пешгузошта асосан хусусияти сиёсӣ гирифт. Даъватҳо ба истеъфои роҳбарияти ҷумҳурӣ, ба ҷавобгарӣ кашидани ашхосе, ки ба гирдиҳамомадагон тир кушода буданд, таъсиси ҳукумати муваққатӣ, озод намудани шаст нафар боздоштшудагон, баргузор кардани «ҷаноза» барои кушташудагон дар майдон ва ғайраҳои дигар садо медоданд. Ба таври қатъӣ истеъфои котиби якуми КМ ҲК Тоҷикистон Қаҳҳор Маҳкамов, Раиси Президиуми Шурои Олии ҶШС Тоҷикистон Ғоибназар Паллаев, Раиси Шурои вазирон Иззатулло Ҳаёев ва як қатор роҳбарон талаб карда мешуд. Ҳамзамон ҳолатҳои таҳқир ва рафтори таҷовузкорона ба қайд гирифта мешуд; дар сурати иҷро нашудани талабот таҳдиди идомаи хунрезӣ ва бетартибиҳои оммавӣ, интиқом садо медод [8,24].

Як ҳолати муҳим дар ин рӯз пайдоиши унсурҳои идоракунии ташкилии гирдиҳамоӣ буд. Аз ҷумла, муовини раиси ҲМ «Растохез» А. Холиқов (А. Холиқзода) нақши барандаро иҷро намуд, ки дар натиҷа гирдиҳамоӣ хусусияти нисбатан идорашаванда гирифт. Бо мақсади пешгирии хунрезӣ ӯ пешниҳод кард, ки аз ҳисоби иштирокчиёни гирдиҳамоӣ ва намояндагони ташкилотҳои ҷамъиятиву сиёсӣ гурӯҳи корӣ таъсис дода шавад; ин пешниҳод ҷонибдорӣ ёфт. Баъдан прокурори ҷумҳурӣ Г. С. Михайлин дар ҷаласаи парламент изҳор дошт, ки гирдиҳамомадагон бо иштироки аъзои раёсати «Растохез» ба ташкили «Кумитаи мардумӣ»[1] оғоз намуданд, то талаботи ултимативии ғайриқонуниро ба роҳбарияти ҷумҳурӣ расонанд ва бо роҳи таҳдид, фишори равонӣ ва идомаи хушунат роҳбариятро водор созанд, ки фавран истеъфо диҳад [25].

То шом иштирокчиёни гирдиҳамоӣ номи Б. Б. Каримов - муовини Раиси Шурои Вазирони ҶШС Тоҷикистон, раиси Кумитаи банақшагирии давлатиро ҳамчун «пешвои дилхоҳи давлатӣ» садо зада, баромади ӯро талаб карданд [8,24]. Бо

[1] Ин «Кумитаи мардумӣ» дар нашрияҳо баъзан бо назардошти шумораи ибтидоии аъзояш ҳамчунин «Кумитаи 17» номида мешуд. Дар санадҳои расмӣ ва маводи тафтишот бошад, номҳои дигар низ истифода шудаанд - «Кумитаи коргарӣ», «Кумитаи муваққатӣ», «Кумитаи муваққатии мардумӣ». Дар протоколи маъруфи дар бораи истеъфо дар матни тоҷикии он «Созмони мардумӣ» зикр шудааст, дар матни русӣ бошад - «Народный комитет» омадааст.

хоҳиши гирдиҳамомадагон ва бо иҷозати Қ. Маҳкамов Б. Каримов дар назди гирдиҳамомадагон сухан гуфта, даъват кард, ки мушкилот тавассути музокирот ҳал карда шаванд. Дар ҷараёни гуфтугӯ ба ӯ рӯйхати ҳайати «кумитаи мардумӣ» иборат аз 17 нафар, ки номи худи ӯро низ дар бар мегирифт, супурда шуд [21,430]. Баъдан ин рӯйхат ба Қ. Маҳкамов пешниҳод гардид; ҳамзамон Б. Каримов хабар дод, ки «мардум мехоҳад» ӯ роҳбарии «Кумитаи муваққатии мардумӣ»-ро ба уҳда гирад [8,25].

Сарфи назар аз ҷорӣ будани ҳолати фавқулода, мардум аз гӯшаву канорҳои шаҳр ба марказ ҷамъ омаданд. Бахше аз онҳо қасди иштирок дар маросими «ҷаноза»-и ҳалокшудагонро доштанд, ки қарор буд назди бинои КМ ҲК Тоҷикистон баргузор шавад. Бо сабаби қатъи ҳаракати нақлиёти шаҳрӣ, мардум пиёда ҳаракат намуда, аз миёни ҳалқаҳои низомӣ мегузаштанд. Дар натиҷаи тиркушоии низомиён чанд нафар ҳалок ва теъдоди дигар захмӣ шуданд.

Азбаски баргузории маросими «ҷаноза» иҷозат дода нашуд, ҷамъомад ба гирдиҳамоӣ табдил ёфт ва боз талаботи асосӣ – истеъфои роҳбарияти ҷумҳурӣ садо дод [22].

Ҳамзамон дар бинои КМ ҳизб музокирот ва баҳсҳои шадид миёни «Кумитаи мардумӣ» ва гурӯҳи «Ваҳдат», аз як тараф ва роҳбарияти Ҳизби коммунист ва Ҳукумати ҷумҳурӣ аз ҷониби дигар ҷараён доштанд. Ҳадафи гуфтушунидҳо иҷрои талаботи гирдиҳамомадагон, яъне истеъфои се роҳбари ҳизб ва ҷумҳурӣ буд [21,399].

Дар натиҷаи музокироти тулонӣ, ки то бегоҳ идома ёфтанд, бо мақсади пешгирии хунрезӣ ва амалҳои тахрибкорона Қ. Маҳкамов, Ғ. Паллаев ва И. Ҳаёев бо намояндагони «Кумитаи мардумӣ» протокол оид ба танзими вазъро ба имзо расониданд. Дар банди аввали протокол, бо дарназардошти вазъи шадиди ба амал омада ва ҷиҳати ҷилавгирӣ аз хунрезии минбаъда, истеъфои онҳо тибқи қонунҳои амалкунанда эълон гардид [18,358].

Тибқи банди дуюм, рӯзҳои 15–17 феврали соли 1990 дар саросари ҷумҳурӣ рӯзҳои мотам эълон шуданд. Банди сеюм истифодаи теъдоди маҳдуди неруҳои Артиши Шуравӣ ва Қушунҳои дохилиро барои ҳифзи объектҳои муҳимми давлатӣ пешбинӣ намуд [18,359].

Пас аз имзои протокол, муовини Раиси Шурои вазирон, раиси Кумитаи давлатии банақшагирии ҷумҳурӣ ва ҳамзамон раиси «Кумитаи мардумӣ» Бӯрӣ Каримов ҳамроҳи вазири фарҳанг Нур Табаров ба ҳуҷраи кориаш бозгашта, тавассути телефони ҳукуматӣ як қатор шахсони масъулро даъват намуданд ва ба онҳо протокол оид ба истеъфои роҳбарияти ҳизбу ҳукуматро пешниҳод карданд. Б. Каримов аз муовини Раиси Президиуми Шурои Олии ҶШС Тоҷикистон У. Усмонов дархост намуд, ки фармон дар бораи озод намудани И. Ҳаёев аз вазифаи Раиси Шурои вазирон ва таъйини худ ба ин мансаб содир гардад [21,432].

Шоми ҳамон рӯз Қ. Маҳкамов, Ғ. Паллаев ва И. Ҳаёев тариқи телевизион ба мардум мурочиат карда, оид ба вазъи Душанбе иттилоъ доданд, аҳолиро ба оромӣ даъват намуданд ва изҳор доштанд, ки дар сурати мусоидат ба қатъи хунрезӣ омодаанд истеъфо диҳанд. Пас аз интишори ин иттилоъ, нооромӣ тадриҷан коҳиш ёфта, издиҳом пароканда гардид.

Шаби 14 ба 15 феврал маҷлиси фаъолони ҳизбӣ-хоҷагии шаҳри Душанбе баргузор шуд, ки дар он аъзои КМ ҲК Тоҷикистон низ иштирок доштанд. Маҷлис қарорҳои Пленуми XVI-ро ҷонибдорӣ ва ба роҳбарияти ҷумҳурӣ изҳори дастгирӣ кард, пешниҳод намуд, ки рӯзҳои 15–17 феврали соли 1990-ро рӯзҳои мотами умумӣ

эълон гарданд. Ҳамзамон, изҳороти телевизионии роҳбарон дар бораи истеъфо ҳамчун иқдоме, ки ба қарорҳои пленум мутобиқат надорад, арзёбӣ гардид [20].

Баъдан, 3 марти соли 1990 Пленуми васеи XVIII КМ ҲК Тоҷикистон баргузор гардида, тадбирҳои аввалиндараҷаи ба эътидол овардани вазъ ва омодагӣ ба Анҷумани XXI ҲК Тоҷикистонро баррасӣ кард. Масъалаи дуюм дар Пленуми васеъи XVIII КМ ҲК Тоҷикистон шунидани иттилои бюрои КМ оид ба натиҷаҳои санҷиши изҳороти узви бюрои КМ, Раиси Шурои вазирони ҶШС Тоҷикистон И. Ҳ. Ҳаёев буд [19,184].

Яке аз ҳаракатҳои намоёни ин давра ҲМ «Растохез» буд, ки дар бораи таъсисаш моҳи сентябри соли 1989 изҳор дошта буд. Ба гуфтаи роҳбарони он, фаъолони ҳаракат аз 13 феврал ба рӯйдодҳо ҳамроҳ шуда, ҳашт нафар ба ҳайати «Кумитаи мардумӣ» шомил гардиданд.

Дар ҷараёни рӯйдодҳои февралӣ механизмҳои сафарбаркунии берун аз чаҳорчӯби институтсионалӣ санҷида шуданд. Ташкили дастаҳои худмуҳофизат ибтидо хусусияти муҳофизатӣ дошт: сокинон дар шароити аз амалан даст рафтани назорати давлатӣ хонаҳо, корхонаҳо ва шаҳракҳоро посбонӣ мекарданд. Аммо худи далели ташаккули чунин гурӯҳҳо ба як падидаи нав табдил ёфт. Ҷомеа ба ин натиҷа расид, ки дар вазъияти буҳронӣ амният на аз ҷониби сохторҳои давлатӣ, балки тавассути гурӯҳҳои худташкилшуда таъмин мегардад.

Агар дар баҳманмоҳи соли 1990 чунин гурӯҳҳо бо воситаҳои дастрас – лом, арматура, чӯб ва монанди ин мусаллаҳ мешуданд, дар даврaҳои минбаъдаи буҳрон онҳо ба истифодаи силоҳи оташфишон гузаштанд. Бо ин заминаи иҷтимоӣ, ташкиливу равонӣ барои ташаккули отрядҳои мусаллаҳ фароҳам гардид.

Маҳз аз муҳити ҳамин гурӯҳҳои худташкилшуда, инчунин аз ҳисоби сохторҳои фаъолшудаи динӣ ва ҷиноятӣ, ки миёнашон ҷавонон зиёд буданд, соли 1992 неруҳои мусаллаҳи тарафҳои муқобил ташаккул ёфтанд. Гурӯҳҳое, ки ибтидо ҳамчун василаи ҳимояи маҳаллӣ пайдо шуда буданд, ба пояи низои мусаллаҳона табдил ёфтанд. Аз моҳи майи соли 1992 дар Душанбе ва дигар минтақаҳо ҳам аз ҷониби мухолифин ва ҳам аз ҷониби ҷонибдорони сохти конститутсионӣ ташаккули воҳидҳои сершумори мусаллаҳ ва штабҳо оғоз гардид. Ҳамин тавр, робитаи мустақими ниҳодинаӣ ва иҷтимоӣ байни моҳи феврали соли 1990 ва ҷанги таҳмилии шаҳрвандии солҳои 1992–1997 мушоҳида мешавад.

Рӯйдодҳои февралӣ марҳалаи санҷиши механизмҳои фишори сиёсӣ берун аз расмиёти мавҷудаи институтсионалӣ гардиданд. Ташкили «Кумитаи мардумӣ», пешниҳоди талаботи ултимативӣ, кӯшиши ҳалли масъалаҳои кадрӣ берун аз тартиби муқарраршуда, инчунин озод намудани боздоштшудагон таҳти таҳдиди идомаи хушунат аз гузариш ба шаклҳои нави таъсири сиёсӣ шаҳодат медоданд.

Маҷмуи ин ҳолатҳо – тамаркузи талабот ба иваз намудани роҳбарият, ҳамоҳангсозӣ тавассути сохторҳои алтернативӣ ва кӯшиши расмигардонии қарорҳои кадрӣ – аз мавҷудияти унсури ташкилкунанда дар рушди буҳрон шаҳодат медиҳад. Дар ин замина изҳороти Қаҳҳор Маҳкамов ва дигар шахсони мансабдор дар бораи мавҷудияти неруҳое, ки пушти рӯйдодҳои февралӣ меистоданд, ба мантиқи умумии равандҳои рухдода мувофиқ меояд. Ба арзёбии Қ. Маҳкамов, ин неруҳо баъдан тирамоҳи соли 1991 ба қудрат расиданд, аммо дар шароити муқовимати соли 1992 онро нигоҳ дошта натавонистанд.

Яке аз хусусиятҳои хоси рӯйдодҳои февралӣ ҷалби фаъолонаи ҷавонони таҳсилкунанда – хонандагони мактабҳо, омӯзишгоҳҳои касбӣ-техникӣ ва донишҷӯён буд. Бо ин тартиб, буҳрони сиёсӣ ба қишри фаъолтарин ва ҳассостарини ҷомеа таъсир расонд.

Чораҳои пешгирикунандае, ки пас аз моҳи феврал андешида шуданд, натиҷаи устувор надоданд. Тавре рӯйдодҳои минбаъда нишон доданд, неруҳои мухолиф ҷалби муҳити донишҷӯёнро ба фаъолияти сиёсӣ идома доданд. Ҷавонон дар таъсиси ташкилотҳои нав, аз ҷумла Иттиҳоди ҷавонони озод, инчунин дар маъракаҳои гирдиҳамоии солҳои 1991–1992 иштирок намуда, дар шиддатёбии минбаъдаи муқовимат нақши назаррас бозиданд.

Рӯйдодҳои февралӣ барои обрӯи ҷамъиятии ҷумҳурӣ ва муносибатҳои байниэтникӣ паёмадҳои манфӣ доштанд. Гарчанде онҳо дар заминаи овозаҳо дар бораи ҷудо кардани манзил ба гурезагони арманӣ оғоз ёфта буданд, дар баъзе нашрияҳо баъдан ба онҳо хусусияти зиддирусӣ нисбат дода мешуд, ки ба мазмун ва динамикаи воқеии рӯйдодҳо мутобиқат надошт.

Тафсирҳое, ки бар пояи далелҳои таҳрифшуда ё санҷиданашуда асос меёфтанд, ба шаклгирии стереотипҳои устувор мусоидат карданд. Аллакай дар давраи Истиқлол дар баъзе доираҳои сиёсӣ берун аз ҷумҳурӣ масъалаи «генотсиди русҳо» матраҳ гардид, ки дар маводи тафтишотӣ тасдиқи ҳуҷҷатӣ надоштанд.

Рӯйдодҳои февралӣ яке аз омилҳои суръат гирифтани муҳоҷирати аҳолии русзабон гардиданд. Ин боиси коҳиши иқтидори кадрӣ дар соҳаҳои саноат, идоракунӣ ва бахши иҷтимоӣ шуда, ба рушди иҷтимоию иқтисодии ҷумҳурӣ дар солҳои минбаъда таъсири манфӣ расонд.

Воситаҳои ахбори омма дар рушди буҳрон нақши дуҷониба бозиданд. Дар шароити афзоиши таниши сиёсӣ ҷалби онҳо ба раванди сиёсӣ ба таври назаррас суръат гирифт. Аллакай солҳои 1990–1992 ва сипас дар давраи ҷанги таҳмилии шаҳрвандӣ қисми роҳбарон ва рӯзноманигорон амалан ҳамчун иштирокчиёни фаъоли муқовимати сиёсӣ баромад мекарданд ва як қатор нашрияҳо аз лиҳози муҳтаво самти возеҳи мухолифатӣ гирифтанд.

Бо ин тартиб, ВАО аз абзори иттилоърасонӣ тадриҷан ба омили сафарбаркунии сиёсӣ ва ташаккули афкори ҷамъиятӣ табдил ёфтанд, ки ба динамикаи равандҳои ҷамъиятиву сиёсӣ таъсири мустақим мерасонд.

Масъалаи омили беруна дар пленумҳои КМ ҲК Тоҷикистон ва дар нашрияҳое, ки бар асоси маводи мақомоти ҳифзи ҳуқуқ таҳия мешуданд, баррасӣ гардид. Таъсири беруна шартан ба ду гурӯҳ ҷудо мешуд. Ба гурӯҳи аввал шахсоне мансуб дониста мешуданд, ки аз дигар ҷумҳуриҳои ИҶШС омада, ба барангехтани таниш манфиатдор буданд, аз ҷумла фиристодагони махфие, ки овозаҳоро дар бораи гурезагони арманӣ ва гӯё тақсими ғайринавбатии манзил паҳн мекарданд. Ба гурӯҳи дуюм неруҳои берун аз ИҶШС нисбат дода мешуданд, ки ба онҳо эҳтимоли манфиатдорӣ дар бесуботсозии вазъ, аз ҷумла дар заминаи идеяҳои давлатдории исломӣ нисбат дода мешуд.

Пайванди мустақими ҳуҷҷатӣ тасдиқшудаи гурӯҳи дуюм бо рӯйдодҳои февралӣ ошкор нагардид. Бо вуҷуди ин, равандҳои сиёсӣ дар Афғонистон, Эрон ва дигар кишварҳои минтақа ба ҷаҳонбинии як қисми аҳолии Тоҷикистон, бахусус онҳое, ки таҷрибаи иқомат дар ин кишварҳоро доштанд, таъсир мерасонд, ки ин ба муҳити динӣ ва ҷамъиятӣ низ таъсиргузор буд.

Моҳи феврали соли 1990 лаҳзае гардид, ки низоми давлатӣ амалан инҳисори идоракунии буҳронро аз даст дод. Пайдоиши отрядҳои худмуҳофизат, фаъолшавии руҳониён, ҷалби ҷавонон ва сохторҳои ҷиноятӣ аз бозтақсимшавии марказҳои таъсир ва тағйири фазои сиёсӣ шаҳодат медод. Маҳз ҳамин унсурҳо баъдан ба ҷузъи таркибии муқовимати фарохтар табдил ёфтанд.

Дар ҷараёни рӯйдодҳои февралӣ механизмҳои фишори берун аз институтҳо санҷида шуданд, сохторҳои алтернативии таъсир шакл гирифтанд ва

самти иваз намудани роҳбарият муайян гардид. Нопурра мондани тафтишот ва набудани посухҳои мукаммал дар бораи ташкилкунандагони рӯйдодҳо ва ташаббускорони истифодаи силоҳ барои баҳсҳо замина боқӣ гузошт, аммо хусусияти рушди буҳрон аз табиати низомманд ва амиқи он шаҳодат медод.

Ҳамин тавр, рӯйдодҳои феврали соли 1990 дар шаҳри Душанбе бояд на ҳамчун як хурӯҷи ҷудогонаи норозигии ҷамъиятӣ, балки ҳамчун марҳалаи ибтидоии буҳрони тулонии ҷамъиятиву сиёсӣ, ки ба муқовимати мусаллаҳона ва ҷанги шаҳрвандии солҳои 1992–1997 оварда расонд, баррасӣ шаванд. Аҳаммияти онҳо бо он тағйироти сохторие муайян мегардад, ки дар низоми ҳокимият, шуури ҷамъиятӣ ва механизмҳои сафарбаркунии сиёсӣ ба вуҷуд оварданд.

АДАБИЁТ

1. Абдуллоев Н. Ҳ. Воқеаҳои февралӣ: моҳият, хосиятҳои асосӣ ва нерӯҳои пешбар /Н. Ҳ. Абдуллоев. – Душанбе: Истеъдод, 2013. – 168 с.

2. Внеочередной XVII пленум ЦК Компартии Таджикистана 15-16 февраля 1990 г. (Стенографический отчет). – Душанбе: Ирфон, 1990. – 136 с.

3. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности [Ресурси электронӣ]. – Реҷаи дастрасӣ: http:/www.demoscope.ru /weekly/2019/0829/biblio03.php (санаи мурочиат: 19.01.2026).

4. Давлатов Н. Кто стоял за февральскими событиями? Интервью с бывшим руководителем следственной бригады Прокуратуры СССР по расследованию февральских событий С. Джураевым/Н. Давлатов, М. Мамадшоев/Азия-Плюс, 2012, 10 феврал.

5. Дадашев С. Наведём порядок сами, решили работники Таджикского управления гражданской авиации/С. Дадашев/Коммунист Таджикистана, 1990, 21 феврал.

6. Камолов С. Противостояние. /С. Камолов. – Душанбе: Ватанпарвар, 2008. – 92 с.

7. Каххор Махкамов: «Впервые говорю…»/[Ресурси электронӣ]. – Реҷаи дастрасӣ: http://www.toptj.com /News/2014/05/26/kakhkhor_makhkamov_vpervye_govoryu (санаи мурочиат: 11.01.2026).

8. Латифи О. Кто виновен в Душанбинской трагеди?. Исповедь майора КГБ/О. Латифи/ Жизнь, 1992, №10(114), март.

9. Махкамов Л., Н. Т. Табаров: «Мне не в чем себя винить»/Л. Махкамов/Комсомолец Таджикистана, 1990, 26 сентябр.

10. О введении чрезвычайного положения и комендантского часа на территории города Душанбе. Указ Президиума Верховного Совета Таджикской ССР от 12 февраля 1990 г. // Коммунист Таджикистана, 1990, 13 феврал.

11. Озун С. Душанбе, 16 февраля/С.Озун, Л. Усич/Коммунист Таджикистана, 1990, 17 феврал.

12. Петкель В. В. Антитеррор и контрразведка. В органах госбезопасности от Сталина до Горбачева/В. В. Петкель. – СПб: Гангут, 2005. – 206 с.

13. Пленум ЦК Компартии Таджикистана/Коммунист Таджикистана, 1990, 15 феврал.

14. Пономарев В. Колокола надежды/В. Пономарев/Правда, 1990, 10 май.

15. Протоколи машваратии байнитарафайни роҳбарияти чумҳурӣ ва созмони мардумӣ аз 14.02.1990 ш. Душанбе/Хокирох. Кровавый февраль (правда и ложь). М.: Интрансдорнаука, 2015. – С. 358-359.

16. Расширенный XVIII пленум ЦК Компартии Таджикистана 3 марта 1990 г/ Стенографический отчет. – Душанбе: Ирфон, 1990. – 184 с.

17. Резолюция партийно-хозяйственного актива г. Душанбе «О протоколе совместного заседания руководства республики с народным комитетом, избранным митингующим народом 14 февраля 1990 года», состоявшегося ночью 15 февраля/Вечерний Душанбе, 1990, 15 феврал.

18. Сообщение комиссии Президиума Верховного Совета Таджикской ССР по проверке событий 12-14 февраля 1990 г. в г. Душанбе от 29 августа 1990 г./Хокирох. Кровавый февраль (правда и ложь). – М.: Интрансдорнаука, 2015. – С. 397-446.

19. Суннатулло С. Баҳманмоҳ: Кумитаи 17. С. Суннатулло / Фараж, 2008, 8 феврал.

20. Суннатулло С. Хомӯшии Маҳкамов ва илтиҷои Латифӣ / С. Суннатулло / Фараж, 2008, 8 феврал.

21. Февральские события: расследование продолжается (Сообщение прокурора республики Г. С. Михайлина о ходе расследования февральских событий 1990 года в г. Душанбе на четвертой сессии Верховного Совета Таджикской ССР (15 декабря 1990 г.) /Коммунист Таджикистана, 1991, 16 январ.

22. Хроника /Коммунист Таджикистана, 1990, 18 март.

23. Шаропов С. Ш. К событиям февраля/С. Шаропов/Вечерний Душанбе, 1990, 14 июн.

ҲОДИСАҲОИ ФЕВРАЛИИ СОЛИ 1990 ДАР ДУШАНБЕ ВА ТАЪСИРИ ОНҲО БА ШИДДАТ ГИРИФТАНИ ВАЗЪИ СИЁСӢ ДАР ТОҶИКИСТОН

Мақола ба таҳлили ҳодисаҳои февралии соли 1990 дар шаҳри Душанбе ва таъсири онҳо ба шиддат гирифтани вазъи сиёсӣ дар Тоҷикистон бахшида шудааст. Муаллиф заминаҳои иҷтимоӣ, иқтисодӣ ва сиёсиеро баррасӣ менамояд, ки боиси сар задани нооромиҳо гардиданд. Таваҷҷуҳи асосӣ ба омилҳои дохилӣ, фаъолшавии неруҳои сиёсӣ, нақши овозаҳо ва заъфи идоракунии давлатӣ равона шудааст. Нишон дода мешавад, ки ҳодисаҳои мазкур танҳо эътирози иҷтимоӣ набуда, балки марҳалаи нав дар ташаккули муқовимати сиёсӣ ба шумор мерафтанд.

Дар мақола робитаи байни воқеаҳои февралӣ ва раванди минбаъдаи радикализатсияи муҳити сиёсӣ таҳлил карда мешавад. Муаллиф ба хулоса меояд, ки ин ҳодисаҳо ба тағйири фазои ҷамъиятӣ, афзоиши нобоварӣ миёни гурӯҳҳои сиёсӣ ва заифшавии сохторҳои давлатӣ мусоидат намуданд. Ҳамин равандҳо дар маҷмуъ ба амиқ гардидани бухрони сиёсӣ ва фароҳам омадани шароити муқовиматҳои баъдӣ замина гузоштанд.

Калидвожаҳо: *ҳодисаҳои февралии 1990, вазъи сиёсӣ, бухрони сиёсӣ, муқовимати сиёсӣ, ҳолати фавқулода, гирдиҳамоиҳои оммавӣ, руҳониёни исломӣ, ҳизбҳои мухолифин, гурӯҳҳои ҷиноятқор, тундгарой.*

ФЕВРАЛЬСКИЕ СОБЫТИЯ 1990 ГОДА В ДУШАНБЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОБОСТРЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Статья посвящена анализу февральских событий 1990 года в городе Душанбе и их влияния на обострение политической ситуации в Таджикистане. Автор рассматривает социальные, экономические и политические предпосылки, приведшие к возникновению массовых беспорядков. Особое внимание уделяется внутренним факторам, активизации политических сил, роли слухов и слабости государственного управления. Показано, что данные события представляли собой не только форму социального протеста, но и новый этап в формировании политического противостояния.

В статье анализируется связь между февральскими событиями и последующей радикализацией политической среды. Делается вывод о том, что эти события способствовали изменению общественной атмосферы, росту недоверия между политическими группами и ослаблению государственных структур. В совокупности данные процессы углубили политический кризис и создали предпосылки для дальнейшей эскалации противостояния.

Ключевые слова: *февральские события 1990 года, политическая ситуация, политический кризис, политическое противостояние, чрезвычайное положение, массовые митинги, исламское духовенство, оппозиционные партии, преступные группы, радикализация.*

THE FEBRUARY 1990 EVENTS IN DUSHANBE AND THEIR IMPACT ON THE ESCALATION OF THE POLITICAL SITUATION IN TAJIKISTAN

The article analyzes the February 1990 events in Dushanbe and their impact on the escalation of the political situation in Tajikistan. The author examines the social, economic, and political preconditions that led to the outbreak of mass unrest. Particular attention is paid to internal factors, the activation of political forces, the role of rumors, and weaknesses in state governance. It is shown that these events were not merely a form of social protest but marked a new stage in the formation of political confrontation.

The article explores the connection between the February events and the subsequent radicalization of the political environment. It concludes that these developments contributed to changes in the public atmosphere, increased distrust among political groups, and weakened state institutions. Taken together, these processes deepened the political crisis and created conditions for further escalation of confrontation.

Keywords: *February 1990 events, political situation, political crisis, political confrontation, state of emergenc, mass rallies; Islamic clergy, opposition parties, criminal groups, radicalization.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Назризода Давлаталӣ Ҳайдар - Донишгоҳи миллии Тоҷикистон, номзади илмҳои таърих, докторанти кафедраи муносибатҳои байналхалқӣ. Суроға: 734025, шаҳри Душанбе, Ҷумҳурии Тоҷикистон, хиёбони Рӯдакӣ,17. E-mail: 1211.2020.navra.vara@gmail.com.

Сведения об авторе: Назризода Давлатали Хайдар - Таджикский национальный университет, кандидат исторических наук, докторант кафедры международных отношений. Адрес: 734025, г. Душанбе, Республика Таджикистан проспект Рудаки,17. E–mail: 1211.2020.navra.vara@gmail.com.

Information about the author: Nazrizoda Davlatali Haidar - Tajik National University, Candidate of Historical Sciences, Doctoral Student at the Department of International Relations. Address: 734025, Dushanbe, Republic of Tajikistan, Rudaki Avenue, 17. E–mail: 1211.2020.navra.vara@gmail.com.

УДК: 32 (091) (575.3)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И МНОГОПАРТИЙНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН (1991–2000 ГГ.)

АКРАМОВ М. И.,
Институт истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАНТ

Период с 1991 по 2000 год стал для Республики Таджикистан временем глубоких политических, социальных и экономических трансформаций. После обретения независимости 9 сентября 1991 года, страна вступила на путь формирования национального государства, что потребовало переосмысления всей роли политической системы Таджикистана, её общественной структуры, построения правовой системы, а также создания условий для развития демократических институтов государства. Особое значение в этом процессе приобрели становление гражданского общества и формирование многопартийной системы.

Гражданское общество и многопартийность являются ключевыми элементами демократического государства. Гражданское общество представляет собой совокупность негосударственных, независимых структур и организаций, действующих на основе свободы объединения, самодеятельности и самоуправления. Многопартийность, в свою очередь, является политическим выражением идеологического и политического плюрализма, позволяя различным социальным группам участвовать в политической жизни страны.

В советский период коммунистическая идеология определяла сущность монолитного гражданского общества и единого партийно - демократического централизма.

До распада СССР в Таджикистане, как и на всей территории бывшего Советского Союза, гражданское общество существовало и развивалось в рамках марксистско - ленинской идеологии построения справедливого общества, где сущностью государственной политики являлись социальное равенство, государственная собственность на средства производства, коммунистическая мораль и научная философия. Общественная жизнь определялась коммунистической идеологией, а все общественные организации - такие как профсоюзы, комсомол, пионерия, женские советы - следовали принципам демократического централизма - подчинения меньшинства большинству, выборности органов. Они являлись структурами, выполнявшими функции идеологической пропаганды и звеньями командно - административного управления во всех сферах жизни советского общества.

Политическая система была однопартийной. Постановления и директивы КПСС - являлись выражением воли трудового народа. Однако к концу 1980-х годов

в общественно - политической и экономической сфере страны начались крупные преобразования. Причинами необходимости проведения социально - экономических и политических преобразований являлись стагнация экономики, рост национального самосознания народов союзных республик, разрыв связи села и города, проявление политической партийной элиты как обособленного слоя общества и её самоотстранение от основной массы народа. Ухудшение экономической ситуации, снижение уровня жизни и пропаганда западных средств массовой информации о преимуществах капиталистического способа производства порождало массу идей в обществе о реформировании всех сфер общественно-политической и экономической жизни страны.

Западные спецслужбы вели подрывную антисоветскую пропаганду, разжигали межнациональную рознь в союзных республиках СССР, направленную на формирование в общественном сознании ксенофобских настроений.

Таджикская ССР являлась особым объектом западных спецслужб для внесения инакомыслия в умы людей. Укоренелые исламские традиции, политическая незрелость в отдалённых провинциальных районах Таджикистана, влияние афганского фактора, откуда поступала идеологическая пропагандистская литература и идеи, способствовали центробежным тенденциям и идеологическому расколу в обществе. Другими рупорами антикоммунизма были радиостанции «Голос Америки», ВВС, «Радио Свобода» и радио «Свободная Европа». Данные радиостанции вещали на всех языках союзных республик и пропагандировали ценности с учётом ментальности той или иной республики с целью порождения инакомыслия и внесения раскола в советское общество.

Для Таджикистана особенно чувствительным вопросом являлись национальный и религиозный вопросы, на что делала упор западная пропаганда через своих союзников на ближнем и среднем Востоке. В период перестройки, в республике начали проявляться признаки пробуждения национального самосознания и рост либеральных и националистических идей в противовес коммунистической идеологии. Под влиянием этих факторов в Таджикистане стали формироваться первые независимые общественные движения и политические организации. Одним из факторов, ведущих к децентрализации власти в стране, стала отмена 14 марта 1990 года шестой статьи Конституции СССР, закреплявшая руководящую и направляющую роль Коммунистической партии Советского Союза.

Первым политическим объединением в Таджикистане вполне отвечавшем духу времени, стала организация «Ру ба ру», созданная по инициативе ЦК ЛКСМ Таджикистана. Политический центр этой группы находился в столице республики г. Душанбе. Члены объединения «Ру ба ру» критически анализировали выступления партийных и государственных руководителей и открыто высказывали свое мнение в средствах массовой информации. Под влиянием этой организации в 1989-1990 гг. в областях, городах и районах Таджикистана возникли подобные общественные объединения – «Ошкоро», «Эхёи Худжанд», «Дирафши Ковиён» и т.п. Были созданы также такие движения и общества, как «Бохтар», «Самарканд», «Куруши Кабир», «Сугдиён», «Вахдат», «Пайванд» и др. [5,440].

Членами этих общественных организаций были преподаватели высших, средних специальных учебных заведений и общеобразовательных школ, работники культуры, печати, литературы, сферы торговли и обслуживания. Из этих организаций наиболее политизированным было объединение «Ошкоро», которое, в отличие от Коммунистической партии, было сторонницей политического плюрализма, многопартийности и требовало от руководства республики, чтобы оно учитывало права регионов и допустило возможность участия их представителей в государственном управлении [5,441].

В эти годы также были созданы такие организации, как «Лаъли Бадахшон», «Ҳисори Шодмон», «Меҳри Хатлон», «Зарафшон», «Истаравшан», «Ватан», «Самарканд», «Худжандиён», «Ҳамдилон», «Носири Хисрав» и др. Большинство из этих организаций появились в условиях, когда политические разногласия в обществе достигли предела.

Создания подобных обществ, при отсутствии чёткой политической программы, декларируемых якобы о защите интересов жителей этих регионов на деле ухудшали общественно-политическую нестабильность в республике. Однако по существу, эти начинания свидетельствуют о том, что в общественном сознании в Таджикистане возобладал стереотип местничества и регионализма [5,441].

В эти годы создавались также общества и культурные центры национальных меньшинств, проживающих в Таджикистане, например еврейское общество «Ховерим», Общество армянской диаспоры, Ассоциация корейцев Таджикистана, Ассоциация советских корейцев и т.п.

Главную роль в формировании мировоззрения, политических навыков и умения изложить позицию членов своей организации сыграла политическая группа «Ру ба ру». Но к началу 1990 г. она постепенно уступила свои позиции новому народному движению «Растохез» и в январе 1990 года прекратила свое существование. Движение «Растохез» отражало мнения различных слоев общества в духе политического плюрализма.

Политическое противостояние на выборах 1990 года завершилось крахом, так называемых демократических сил. Но, несмотря на это, в результате выборов президента Таджикской ССР 1990 года, около четверти народных депутатов Верховного Совета составили представители религиозно-демократического блока.

К началу 1990-х на волне демократических изменений были созданы, но официально не зарегистрированы в министерстве юстиции первые политические партии, выступившие в противовес существующей коммунистической партии власти - Демократическая партия Таджикистана (ДПТ) и Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ).

Тысяча девятьсот девяносто первый год был годом активизации политических событий, периодом начала политических митингов на площадях, политических голодовок, периодом легализации политических партий. Официально были зарегистрированы Демократическая партия Таджикистана (21 июня 1991 г.) и Партия исламского возрождения Таджикистана (4 декабря 1991 г.).

Большое значение для дальнейшего развития демократии и гласности сыграло объявление государственного суверенитета.

24 августа 1990 года вторая сессия Верховного Совета Республики Таджикистан (двенадцатого созыва) приняла Декларацию о суверенитете Таджикской ССР [2]. В условиях выхода из СССР и отсутствия поддержки из союзного центра, где события развивались аналогичным образом по дискредитации Коммунистической партии, Таджикистан столкнулся с жёсткой конкуренцией вновь появившихся внутренних политических сил.

Появление новых политических партий и общественных организаций стало важным этапом в формировании гражданского общества, поскольку они выражали интересы различных социальных групп. Все они в той или иной мере выступали против Коммунистической идеологии и ратовали за реформы в общественно-политической и экономической жизни Таджикистана. Однако их деятельность вызвала ожесточённое сопротивление со стороны коммунистов, что привело к обострению политической борьбы.

Распад СССР и провозглашение независимости Таджикистана в 1991 году открыли путь к созданию суверенного государства, но одновременно обострили внутренние противоречия. Политическая борьба между коммунистами, демократами и исламистами переросла в вооружённый конфликт, который перерос в полномасштабную гражданскую войну, длившуюся с 1992 по 1997 годы.

В этот период развитие гражданского общества и многопартийности было практически парализовано. Государственные институты утратили контроль над ситуацией, а общество оказалось расколотым по регионам, кланам и идеологическим доктринам.

Однако даже в условиях войны продолжали функционировать некоторые элементы гражданского общества. Например, на уровне махалли (соседских общин) сохранялись традиционные формы самоуправления, такие как хашар (совместный труд) и джамомад (общее решение по местным вопросам). Эти институты, хотя и не были формально политическими, играли важную роль в поддержании социальной сплочённости.

Ключевым событием этого периода стало подписание 27 июня 1997 года Общего соглашения о мире и национальном согласии между правительством Республики Таджикистан и Объединённой таджикской оппозицией (в которую входили ПИВТ, Лаъли Бадахшон, Союз свободной молодёжи). Это соглашение положило конец войне и открыло путь к политическому примирению.

Предпосылки становления и развития гражданского общества в Таджикистане, прежде всего, связаны с избранием 16 ноября 1992 года на 16 сессии Председателем Верховного совета Таджикистана Эмомали Рахмона, а так же принятие новой конституции страны 6 ноября 1994 года, которая провозгласила республику как демократическое, светское, унитарное, правовое государство. Согласно принятой конституции, в Таджикистане общественная жизнь развивалась на основе политического и идеологического плюрализма. «Общественные объединения и политические партии создавались и действовали в рамках Конституции и законов. Создание и деятельность общественных объединений и политических партий, пропагандирующих расовую, национальную, социальную и религиозную вражду или призывающих к насильственному свержению конституционного строя, и организация вооруженных групп запрещались» [7].

В рамках мирного процесса были внесены изменения в Конституцию, в частности, в статью 28, которая закрепила право граждан на создание политических партий, в том числе религиозных и демократических. Это стало важным шагом в развитии многопартийности.

В 1999 году на референдуме были приняты поправки, разрешающие создание партий с религиозной идеологией, что позволило ПИВТ участвовать в выборах. В 2000 году состоялись парламентские выборы, в которых приняли участие шесть политических партий. Три из них – Народно - демократическая партия Таджикистана (НДПТ), Коммунистическая партия и Демократическая партия получили места в Маджлиси намояндагон (нижняя палата парламента) [8,228].

Таким образом, к началу 2000-х годов в стране была оформлена многопартийная система. По численности и представительству в органах власти правящей партией стала Народно-Демократическая партия Таджикистана (НДПТ), возглавляемая президентом Эмомали Рахмоном.

Как известно, в достижении мира и национального согласия в республике, огромная заслуга принадлежит Президенту Э. Рахмону. Он стремился усилить центральную власть и укрепить политическую ситуацию в государстве путем определения функций и позиций политических партий, массовых общественных организаций, объединений, добивался того, чтобы они прилагали свои усилия для объединения всех слоев населения, способствовали в решении проблем экономического и культурного развития страны [4,480].

Общественно-политическая жизнь Таджикистана на начальном этапе формирования гражданского общества переживала этап формирования многопартийности и политики плюрализма. Прогрессивные среди них партии и движения шли по пути демократизации, вовлекая в свою орбиту все слои народа, все общественно-политические организации, в том числе женские и молодежные. Многопартийность общественно-политической жизни Таджикистана являлась требованием времени и исходила из сущности Конституции республики. Между тем, необходимо было решить вопрос о том, какие из существующих политических организаций следует поддержать, а какие ликвидировать [5,480].

С 2000 года начался этап институционального развития, неправительственных организаций (НПО) и политических партий. В этот период наблюдался рост числа НПО, особенно в сфере образования, здравоохранения, прав человека и экологии.

Следуя принципам международного права, Республика Таджикистана и его руководство в сотрудничестве с международными организациями, такими как – Организация объединённых наций, Азиатский банк развития, Программа развития ООН, Организация по сотрудничеству в Европе, Международный банк реконструкции и развития, а также под эгидой Евросоюза, оказывало всемерную поддержку НПО, что вносило большой вклад в деле развития гражданского общества.

В 1998 году были приняты законы «Об общественных объединениях» и «О политических партиях», которые регламентировали порядок создания, регистрации и деятельности таких организаций. Эти законы содержали демократические нормы и на практике использовались для реализации гражданских прав и свобод человека и гражданина в Республике Таджикистан. Этот факт свидетельствовал о решимости Республики Таджикистана следовать принципам международного права и стать полноправным актором международного сообщества.

Ключевым шагом в легализации политического плюрализма стало принятие основополагающих законов о политических партиях и общественных объединениях.

Закон «О политических партиях» от 13 ноября 1998 года № 680 был - первым в истории независимого Таджикистана нормативным актом, регулирующим создание, регистрацию и деятельность политических партий [4]. В нём закреплялось право граждан на создание партий, их участие в выборах, а также финансирование из государственного бюджета (в размере 50 сомони на каждого зарегистрированного члена партии) [4].

К началу 2000-х годов в Таджикистане были зарегистрированы следующие политические партии:

1. Народно-демократическая партия Таджикистана (НДПТ) - правящая партия, основанная в 1994 году.

2. Коммунистическая партия Таджикистана (КПТ) - правопреемница КПСС (основана в 1924г.)

3.Демократическая партия Таджикистана (ДПТ) - одна из оппозиционных партий, выступала за либеральные реформы (основана в 1991 г.).

4. Партия исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) - была основана в 1990 году, легализована - 4 декабря 1991 года. 29 сентября 2015 году Верховный суд Республики Таджикистан признал ПИВТ террористической организацией, и её деятельность была запрещена Министерством юстиции Республики [10].

5. Социалистическая партия (основана в 1996 г.).

6. Социал-демократическая партия (основана в 2002 г.).

7. Аграрная партия (основана в 2006 г.).

8. Партия экономического развития Таджикистана (основана в 2006 г.).

Среди различных партий и объединений наиболее популярной является Народно-

демократическая партия Таджикистана (НДПТ). Она была образована 10 декабря 1994 г. В ноябре 1998 г. НДПТ насчитывала 20 000 членов. В марте 1998 г. Президент Эмомали Рахмон стал членом этой партии, а затем был выбран ее председателем.

В 1995г. членами Парламента Таджикистана были 5 членов НДПТ, а в 2000 г. – 33. НДПТ считало себя политической партией парламентского типа, имеющей целью объединение всех граждан Республики Таджикистан, независимо от языка, национальной принадлежности, социального происхождения, политических убеждений, для создания в стране правового, демократического, светского государства. НДПТ считало, что разнообразие культур, языков и религий является бесценным сокровищем народа Таджикистана [5,481].

В развитии гражданского общества важную роль имели неправительственные организации, осуществляющие деятельность в развитии в областях социально - экономической жизни страны.

Закон «Об общественных объединениях» от 23 мая 1998 года № 644

установил порядок создания НПО, их правовой статус и обязанности[3].

закрепил право граждан на создание неправительственных организаций (НПО), благотворительных фондов, профессиональных союзов и иных форм гражданской инициативы. В нём предусматривалась упрощённая регистрация НПО, что способствовало росту гражданской активности.

Эти законы создали правовую базу для функционирования гражданского общества и политического плюрализма.

Начиная с 1991 года количество НПО в республике Таджикистан ежегодно увеличивалось. Так, с 1991г. по 1996 г. в Таджикистане были официально зарегистрированы 6 неправительственных организаций. В 2000 году их стало 70.

К началу 2000-х году в стране действовало более 3000 негосударственных организаций [9,187], из них: 35% - в сфере образования, 25% в сфере - здравоохранения, 15% в сфере-прав человека, 10% в сфере-экологии. Так же негосударственные организации вели работу в сферах, касающихся - вопросов молодёжи, гендерной проблемы, культуры и других областей общественной жизни [13,44].

К началу 2000 годов численность женских неправительственных организаций в Республике Таджикистан составляло около 300 [5,482]. Женские НПО в своей деятель-ности способствовали активному вовлечению женщин в демократических преобразованиях. Также шла работа по повышению правового сознания женщин и девушек, привлечение к активному участию в социально – экономическом и культурном развитии страны. НПО привлекали к участию женщин в делах бизнеса и предпринимательства, мотивировали участие женщин в развитие науки, литературы и искусства, в направлении нравственного воспитания молодежи. В конечном итоге задачей женских НПО являлось защита прав и интересов женщин и девушек и установление гендерного равноправия [5,484].

Примерами активного участия в формировании гражданского общества в Таджикистане были такие неправительственные организации как "Ассоциация молодых юристов Таджикистана", основанная в 1998 году. Она проводила мониторинг выборов, правовые консультации и обучение активистов, "Центр по правам человека и демократии". Данная организация проводила тренинги по повышению правовой грамотности населения с целью снижения уровня правового нигилизма и повышения правовой активности граждан. С 2001 года организация публиковала ежегодные доклады о состоянии прав человека в стране. Фонд «Агроинициатива» с 2003 года оказывало консалтинговую поддержку фермеров и сельские кооперативы в Хатлоне и Согде [14,87].

Период с 1991 по 2000 год стал для Республики Таджикистан временем глубоких социально-политических трансформаций. Распад Советского Союза положил начало процессу формирования независимого государства, что потребовало перестройки всей политической системы, включая становление гражданского общества и развитие многопартийности. Эти процессы проходили на фоне острого внутреннего конфликта, экономического кризиса и поиска новой национальной идентичности. В этих условиях становление демократических институтов стало не просто политической задачей, но вопросом стабильности и выживания государства.

Гражданское общество и многопартийность - ключевые элементы демократического политического режима. Гражданское общество представляет собой совокупность негосударственных объединений, действующих на основе свободы слова, собраний, ассоциаций и инициативы граждан. Многопартийность, в свою очередь, обеспечивает политический плюрализм, конкуренцию идей, а также легитимность власти через выборы.

Период 1991- 2000 годов стал для Республики Таджикистан временем радикальных перемен, в ходе которых формировалась новая политическая реальность. Несмотря на тяжёлые испытания - распад СССР, гражданскую войну, экономический кризис, - именно в эти годы были заложены первые основы гражданского общества и многопартийной системы.

Процесс их становления проходил неравномерно и противоречиво. В 1991 -1992 гг. произошёл всплеск политической активности: появились первые независимые партии (ДПТ, ПИВТ), общественные движения и дискуссионные клубы. Однако стремление деструктивных сил радикально настроенных исламских фундаменталистов вооружённым путём прийти к власти привело к военно - политическому кризису и вооружённому конфликту.

Гражданская война 1992-1997 годов не уничтожила, а трансформировала институты гражданского общества. В условиях разрушения государственных структур ключевую роль сыграли новые политические силы, проявившие конструктивный подход в решении социально - экономических и политических проблем в Республике Таджикистан.

В 1998 - 2000 гг. начался этап институционализации. Были приняты законы «О политических партиях» и «Об общественных объединениях», проведены выборы, зарегистрированы десятки НПО.

К началу 2000-х годов в Таджикистане сформировалась инфраструктура гражданского общества: действовали независимые СМИ, правозащитные организации, образовательные инициативы.

Таким образом, к 2000 году Таджикистан прошёл путь от раскола и войны к политическому миру и признанию плюрализма. Гражданское общество и многопартийность стали полноправными институтами, сохранились и заложили основу для будущих преобразований. Их развитие стало залогом успешного развития гражданского общества и плюрализма мнений, на основе, которой развивалась система многопартийной структуры государственной власти, развитие демократических принципов, гражданской инициативы и уважения к правам человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гафуров К., Умаров Х. Таджикистан в XX веке: о роли личности в новейшей истории и коренные задачи государства. - Душанбе, 1999. -59 с.
2. Заявление «О государственном суверенитете Республики Таджикистан»/Маҷмуаи қонунҳои Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Ҷ. 1. – С.10-11.
3. Закон РТ «Об общественных объединениях» от 23.05. 1998. - № 644.
4. Закон РТ «О политических партиях» от 13.11.1998. - № 680.
5. История таджикского народа. - Том VI. Под редакцией Р. Масова. - Душанбе: Дониш, 2011. – 688 с.

6. Каримов Ш.Т. Роль НПО в формировании гражданского общества в Таджикистане -Душанбе, 2004. – 371 с.

7. Конституция Республики Таджикистан [электронный ресурс] /Министерство юстиции Республики Таджикистан. URL: https://minjust. ww.tj / library/ constitution _ rus. pdf. Дата обращения: 06.02.2026.

8. Курбонов Ш. Д. Становление и развитие гражданского общества в Республике Таджикистан/ Сборник международной конференции «Инновационный потенциал молодёжи: гражданственность, профессионализм, творчество». – Екатеринбург, 2020. – 554 с.

9. Министерство юстиции РТ. Отчёт о НПО за 2000 год. -187с.

10. Политические партии Республики Таджикистан [электронный ресурс]// Министерство юстиции Республики Таджикистан. URL: https://minjust. ww.tj /library/ constitution_ rus. pdf. Дата обращения: 06.02.2026.

11. Рахмонов А. К. Особенности становления гражданского общества в Таджикистане: Дисс. ...канд. политич. наук. Душанбе. -2007. -147 с.

12. Рахмонов Э. Ш. Таджикистан: десять лет независимости, национального единства и созидания - Т.1. - Душанбе, 2001-512 с. - Т. 2. - Душанбе, 2001 – 512 с. - Т. 3. - Душанбе, 2001. - 704 с.

13. ПРООН. National Human Development Report 2007: Empowerment and Participation. - Душанбе, 2007. - P. 44.

14. Холмуродова М. Б. Таърихи раванди оштии миллии тоҷикон дар ҷанги шаҳрвандӣ (солҳои 1991-2001): Дисс. ...канд. историч. наук. Душанбе. - 2017. -173 с.

15. 15.Фонд «Агроинициатива». Отчёт о деятельности за 2008. - Худжанд, 2009. - 237с.

16. 16.Шарипов Х. Б. Социально-политические факторы формирования и развития гражданского общества в Таджикистане: автореф. канд. …юрид. наук. - Душанбе, 2002. -56 с.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И МНОГОПАРТИЙНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН (1991–2000 ГГ.)

В данной статье проанализированы основные предпосылки и процесс становления гражданского общества в Республике Таджикистан в период с 1991 по 2000 годы. Становление и развитие гражданского общества в Республике Таджикистан включает в себя эволюцию политических партий независимых общественных организаций и объединений, деятельность которых должна была быть направлена на формирование демократической формы государственного правления.

Автор в своей статье поэтапно раскрывает в динамичном историческом развитии весь ход политической и общественной трансформации структуры общественных отношений и государственного управления. Сквозь призму сложных исторических событий, отягощённых распадом единой централизованной системы государственного управления СССР, политическим и военным противостоянием в годы гражданской войны, необходимо было найти решения консолидации таджикского народа и установления подлинно демократических основ государственного устройства.

Автор раскрывает роль руководства страны, в процессе демократизации общественных отношений исходя из решений создания многопартийной системы и подлинно демократических принципов государственного устройства.

Важное значение в создании гражданского общества в Таджикистане сыграли неправительственные организации, способствовавшие развитию институтов общественной жизни Таджикистана. Проекты НПО реализовывались в различных сферах жизни и деятельности граждан республики, способствовали становлению институтов прав человека, реализовывали проекты по решению гендерной проблемы, повышения уровня медицинского обслуживания, поддержки развития фермерских хозяйств и других наиболее важных сфер социально-экономической жизни страны.

Ключевые слова: *гражданское общество, плюрализм мнений, неправительственные организации, Республика Таджикистан, Конституция. политические партии, социально - экономическое развитие, государство, государственная власть, демократические принципы, гражданская инициатива, Президент Республики Таджикистан, закон.*

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY AND MULTIPARTIES IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN (1991–2000)

This article analyzes the main prerequisites and development of civil society in the Republic of Tajikistan from 1991 to 2000. The formation and development of civil society in the Republic of Tajikistan includes the evolution of political parties, independent public organizations, and associations, whose activities were aimed at establishing a democratic form of government.

In this article, the author reveals step by step the entire course of political and social transformation in the structure of social relations and public administration within a dynamic historical development. Through the prism of complex historical events, aggravated by the collapse of the unified centralized system of public administration in the USSR and

the political and military confrontation during the civil war, it was necessary to find solutions to consolidate the Tajik people and establish a truly democratic foundation for government.

The author explores the role of the country's leadership in the process of democratizing public relations, based on decisions to establish a multi-party system and truly democratic principles of government.

Nongovernmental organizations played a vital role in the creation of civil society in Tajikistan, contributing to the development of public institutions in Tajikistan. NGO projects were implemented in various spheres of life and activity, facilitating the development of human rights institutions, addressing gender issues, improving healthcare, supporting the development of farms, and other key areas of the country's socioeconomic life.

Keywords: *Civil society, pluralism of opinion, non-governmental organizations, the Republic of Tajikistan, the Constitution. Political parties, socio-economic development, state, state power, democratic principles, civil initiative, the President of the Republic of Tajikistan, law.*

ТАШАККУЛ ВА РУШДИ ҶОМЕАИ ШАҲРВАНДӢ ВА БИСЁРҲИЗБӢ ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН (1991 - 2000)

Дар ин мақола заминаҳои асосӣ ва рушди ҷомеаи шаҳрвандӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон аз соли 1991 то 2000 таҳлил шудаанд. Ташаккул ва рушди ҷомеаи шаҳрвандӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон таҳаввули ҳизбҳои сиёсӣ, созмонҳои мустақили ҷамъиятӣ ва иттиҳодияҳоро дар бар мегирад, ки фаъолияташон барои таъсиси шакли демократии ҳукумат равона шуда буд.

Дар ин мақола, муаллиф тамоми раванди тағйироти сиёсӣ ва иҷтимоиро дар сохтори муносибатҳои иҷтимоӣ ва идоракунии давлатӣ дар доираи рушди динамикии таърихӣ қадам ба қадам ошкор мекунад. Аз нигоҳи рӯйдодҳои мураккаби таърихӣ, ки бо фурӯпошии низоми ягонаи марказонидашудаи идоракунии давлатӣ дар ИҶШС ва муқовимати сиёсӣ ва низомӣ дар давраи ҷанги тахмилии шаҳрвандӣ шиддат гирифтанд, пайдо кардани роҳҳои ҳалли масъалаҳо барои муттаҳид кардани мардуми тоҷик ва таъсиси пояи воқеан демократии ҳукумат зарур буд.

Муаллиф нақши роҳбарияти кишварро дар раванди демократикунонии муносибатҳои ҷамъиятӣ, ки бар асоси қарорҳо дар бораи таъсиси низоми бисёрҳизбӣ ва усулҳои воқеан демократии ҳукумат қабул шудаанд, меомӯзад.

Созмонҳои ғайриҳукуматӣ дар таъсиси ҷомеаи шаҳрвандӣ дар Тоҷикистон нақши муҳим бозида, ба рушди муассисаҳои давлатӣ дар Тоҷикистон саҳм гузоштанд. Лоиҳаҳои созмонҳои ғайриҳукуматӣ дар соҳаҳои гуногуни ҳаёт ва фаъолият амалӣ карда шуданд, ки ба рушди муассисаҳои ҳуқуқи башар, ҳалли масъалаҳои гендерӣ, беҳтар кардани сатҳи хизматрасонии тиббӣ, дастгирии рушди хоҷагиҳои деҳқонӣ ва дигар соҳаҳои ҳаёти иҷтимоию иқтисодии кишвар ҳамаҷониба мусоидат карданд.

Калидвожаҳо: *ҷомеаи шаҳрвандӣ, плюрализми афкор, созмонҳои ғайриҳукуматӣ, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Конститутсия, ҳизбҳои сиёсӣ, рушди иҷтимоию иқтисодӣ, давлат, ҳокимияти давлатӣ, принсипҳои демократӣ, ташаббуси шаҳрвандӣ, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон, қонун.*

Сведения об авторе: Акрамов Муртазо Иномович - кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша НАНТ. Телефон:(+992) 907-14-43-65. E-mail: akramov.murtazo@mail.ru

Information about the author: Akramov Murtazo Inomovich - Senior Researcher of Historical Sciences, researcher of the Institute history, archeology and ethnography named after A. Donish of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Phone: (+992) 907-14-43-65. E-mail: akramov. murtazo@mail.ru

Маълумот дар бораи муаллиф: Акрамов Муртазо Иномович – номзади илмҳои таърих, ходими калони илмии шуъбаи таърихи навтарини Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ. Телефон: (+992) 907-14-43-65. E-mail: akramov.murtazo@mail.ru

УДК: 82-1+78 01/08 (575.3)

ЖАНР «КАСИДАХОНИ» В ТАДЖИКСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

РАХИМЗОДА К. С.
ГОУ «Таджикский государственный институт культуры и искусств им. М. Турсунзаде»

Среди иранских народов, включая таджиков, с древнейших времён существовал цикл религиозных обрядов и праздников, преимущественно посвящённых деяниям пророка Мухаммада и его сподвижников (Фатима, Али, Хасан, Хусейн). Религиозные праздники органично вошли в культурную традицию таджикского народа и в различных формах сохраняются до настоящего времени.

Касидахони[1] в целом представляет собой особую музыкально-культурную традицию Центральной Азии, выполняющую функции социальной консолидации. В Таджикистане наряду с религиозными песнопениями функционируют различные музыкально-поэтические жанры, такие как «касида» (посвящение), «наът» (восхваление пророка Мухаммада), «муноджот» (молитвенные обращения к Аллаху), «мадхия», а также суфийские обрядовые практики «зикр» и другие [1].

Указанные жанры реализуются с учётом специфики ритуалов и региональных традиций различных частей республики. Исполнение религиозных текстов может осуществляться как с инструментальным сопровождением, так и без него, в сольной или ансамблевой форме.

Жанр касиды (араб. ***qasīda*** — «посвящение») представляет собой древнюю поэтическую форму (религиозное или философское стихотворение), включающую от 20 до 200 строк и преимущественно имеющую дидактическую или религиозную направленность. Касиды исполняются мужчинами - касидахонами[2]. Нередко они рассматриваются как средство терапевтического воздействия посредством голоса [7].

В современный период *касидахони* сохраняется в Таджикистане главным образом в Памирском регионе и Хатлонской области. Данный жанр характеризуется чёткой тематикой и целевой установкой. Он функционирует преимущественно в рамках народной поэзии и религиозной практики, в частности в обрядовой деятельности бахши, народных лекарей и табибов.

Следует отметить, что *касидахони* стала относительно легитимной формой религиозного самовыражения в указанных регионах, несмотря на то что музыкальные исполнения в традиционном исламском богословии нередко воспринимаются как сомнительные или даже запретные. В разные исторические периоды отдельные исламские богословы рассматривали подобные локальные практики как отклонение от «истинного» ислама, однако в народной среде данный вид песнопения продолжал устойчиво существовать.

---

[1] ***Касидахони*** - музыкально-ритуальное исполнение касиды, поэтического жанра в классической восточной литературе.

[2] ***Касидахон*** – (слово состоит из двух частей: касида – поэтический жанр; -хон (от перс. -тадж. *хондан* - «читать, исполнять, петь») - это исполнитель касид, то есть человек, который поёт или декламирует касиды в религиозно-ритуальном или духовном контексте.

Касидахон - исполнитель и чтец *касид* - представляет собой исключительно мужскую профессиональную категорию, число носителей которой в настоящее время крайне ограничено. Основной сферой их деятельности является чтение *касид* больным людям. Главным средством воздействия выступает голос чтеца, оказывающий влияние на психоэмоциональное и нравственное состояние пациента. При этом в текстах, как правило, отсутствуют магические или сакральные формулы.

В репертуаре *касидахонов* преимущественно используются произведения таджикско-персидских поэтов-классиков. Основное воздействие обусловлено не столько вербальным содержанием, сколько тембром голоса и мелодикой исполнения. Чтец не декламирует текст, а распевает его, что свидетельствует о глубоко укоренённой в таджикской культуре традиции вокального воздействия.

Функционально *касиды* подразделяются на лечебно-ритуальные и сценические. Рассмотрим наиболее распространённые виды данного музыкально-поэтического жанра на современном этапе.

Одним из наиболее известных является «касидаи Бурда»[1], широко распространённая по всей территории Таджикистана. «Касидаи Бурда» представляет собой обширный поэтический текст, который читается больному с целью устранения негативного духовного воздействия.

«Касыда аль-Бурда» - поэма, написанная на арабском языке имамом аль-Бусири в VII веке по хиджре, посвящённая восхвалению пророка Мухаммада. Название «бурда» (букв. «плащ») связано с преданием, согласно которому пророк Мухаммад во сне набросил свой плащ на аль-Бусири в знак одобрения, после чего тот исцелился от паралича (*фалач*). Поэма относится к жанру хвалебных од.

Другой тип – сценическая разновидность *касидахони* представлен в практике народных певцов. Так, в репертуаре Народного артиста Таджикистана Хусейна Насриддинова наряду с традиционными песнями присутствовали произведения в жанрах *касиды и кисса*, исполняемые как с музыкальным сопровождением, так и без него, в песенном стиле «яккахони».

Яккахони (*яккафарёд*) - один из песенных стилей таджикской традиционной музыки. В Гиссарской долине он также известен под названиями «хиргохи» и «хонакохи». Данный стиль представляет собой сольное пение без инструментального сопровождения и отличается многообразием локальных школ и исполнительских традиций.

Яккахони, как правило, носит хвалебно-молитвенный характер (*муноджот*) и обращён к Богу. В качестве текстовой основы используются *дубайти, рубаи*, реже *газели*. По своим художественным признакам этот стиль сопоставим с жанрами «катта-ашула» (Ферганская долина, Республика Узбекистан) и «фалаки дашти» (юг Таджикистана, Хатлонская область).

Особое значение в *яккахони* придаётся голосу. Исполнители данного стиля обладали, как правило, сильными, высокими и мощными голосами. В таджикской и узбекской традиции для обозначения подобного вокального тембра использовалось эстетическое определение «садои довуди» - «голос пророка Довуда», легендарного персонажа, чьё пение, согласно преданию, обладало завораживающей силой.

---

[1] ***«Касида аль-Бурда»*** **(араб. Qaṣīdat al-Burda, полное название: «Аль-Кавакиб ад-Дуррия фи Мадх Хайр аль-Бария» – «Сияющие звезды в восхвалении Лучшего из творений»). Автор: Имам аль-Бусири. Это знаменитая религиозная поэма XIII века, посвящённая восхвалению пророка, Мухаммад. Она считается одной из самых известных поэм в исламской духовной поэзии и широко читается и исполняется в мусульманском мире.**

Это выражение стало устойчивой художественной характеристикой выдающегося певца.

Генезис песенного стиля *яккахони* до настоящего времени остаётся недостаточно изученным. В научных исследованиях XX века было установлено, что его формирование происходило в контексте духовно-религиозной практики. По свидетельствам мастеров искусства и поэтов, *яккахони* изначально было тесно связано с суфийской традицией. Так, Х. Насриддинов (1919-2016) исполнял в этом стиле *касиды и киссы* (в частности «Султон ҷам-ҷама») для ограниченного круга слушателей - суфиев и образованных представителей общества - в закрытых собраниях (***маҳфил***), носивших мистический характер. В его репертуар входили *касиды* на стихи Мавлави и шейха Саади, Санои, Аттора. В «золотом фонде» таджикского радио сохранилась запись произведения «Қумринома» (иначе - «қасида-нома») в его исполнении. Насриддинов по праву считался одним из наиболее известных исполнителей *касиды*, отличаясь исключительной памятью, позволявшей ему воспроизводить наизусть многочисленные стихи и газели таджикско-персидских классиков.

Яккахони исторически было характерно для долинных и открытых ландшафтов. Данный песенный стиль получил наибольшее распространение в Гиссарской и Кулябской долинах Республики Таджикистан, где, в отличие от городской традиции песнопения, сформировались особые формы бытования, обусловленные локальными правилами и географическими условиями. В XX веке в результате трансформации многих традиционных жанров *яккахони* постепенно приобрело черты светского концертного искусства.

В музыкальном наследии бадахшанцев значительное место занимают повествовательные произведения, близкие к эпическим формам и обладающие различным функциональным назначением. Как правило, они отражают не только исторические события в широком смысле, но и охватывают все основные стороны жизни народа. Их образно-смысловая структура отличается богатством и многообразием, поскольку включает хвалебные, героические, траурные и элегические произведения [9].

На Памире музыкально-поэтический жанр *касиды*, в частности, исполняется как составная часть жанра *мадхия* в рамках религиозных праздников (Рамазан), на традиционных мужских собраниях по пятницам, а также во время жертвоприношений. *Касидахони* активно используется в обрядовой практике бахши, народных лекарей и табибов.

Мусульмане Памира выражают свою религиозную идентичность, в том числе посредством музыкального исполнения, несмотря на существующие в исламской традиции противоречивые взгляды на допустимость музыки. Этот вопрос на протяжении всей истории мусульманского мира являлся предметом богословских и социальных дискуссий.

В Ишкашимском районе Бадахшанской области Республики Таджикистан, в кишлаках Горон и Вахан, а также в Афганском Бадахшане (кишлак Султан-Ишкашим) данный жанр обозначается термином «касида». В Шугнане и Рушане он известен под названием «маддох» (*мадхияхони*[1]) и структурно состоит из пяти частей.

Таким образом, *касидахони* - исполнение религиозных гимнов в поэтической форме - на Памире представляет собой уникальный синтез музыки, поэзии, богословия и ритуала. Данная практика функционирует как форма духовного опыта,

[1] ***Мадхияхони*** – музыкально - поэтическое произведение.

способствующая формированию коллективной идентичности и сохранению социальной памяти.

По свидетельству мастера Муаллибшоева Олуча Бахтоваршоева (1967 г. р.), жителя Рошткалинского района Горно Бадахшанской втономной области Республики Таджикистан, солиста Государственного ансамбля «Фалак» Государственного комитета по телевидению и радиовещанию Республики Таджикистан, *касидахони*, как правило, исполняется в сольной или групповой форме и сопровождается игрой на традиционных музыкальных инструментах, прежде всего на рубобе. Исполнительская структура включает пять частей, каждая из которых обладает символическим ритмико-мелодическим значением:

1. ***Бам -*** медленное и мягкое вступление, символизирующее вхождение души в человеческое тело (на стихи Аттора);
2. ***Бам-у зер*** (***паст-о баланд***) - чередование низких и высоких регистров, отражающее движение души к своему истоку (на стихи Гаёси);
3. ***Хайдари (уфар)*** - переход от медленного к ускоренному темпу, символизирующий руководство Имама на пути к гнозису (***ма'рифат***) (на стихи Муини);
4. ***Фалак -*** инструментальное соло на рубобе, символизирующее духовное общение с ангелом Джабраилом посредством высоких регистров;
5. ***Ситойиш*** - заключительная часть (на стихи Мавлави), в которой символически выражается воссоединение души с Богом [3].

Несмотря на высокую культурную значимость, научное изучение *касидахони* на Памире в советский и постсоветский периоды оставалось крайне ограниченным. Основными причинами этого являлись труднодоступность региона вследствие сложных географических условий, а также религиозная цензура в СССР, ограничивавшая исследование сакральных практик. Тем не менее, отдельные аспекты данной традиции были рассмотрены в трудах российских и таджикских учёных.

По мнению Х. Дарвозиевой, календарно-народные праздники таджиков отличаются ярко выраженной местной спецификой. В своей диссертации «Ҷашну маросимҳои анъанавӣ-тақвимии тоҷикони Рӯшон» («Традиционные и календарные праздники таджиков Рушана») [5,4] она обосновывает актуальность темы рядом ключевых положений.

1. Этнографические особенности рушанских таджиков, включая их праздники и обряды, до сих пор отдельно не изучались.
2. Возрождение национальных традиций является важным направлением внутренней политики Таджикистана.
3. Некоторые зарубежные авторы продвигают ненаучные взгляды на этногенез жителей Горного Бадахшана, приписывая им отдельный этноним, что противоречит истории.
4. Исследование поможет выявить исчезающие и утраченные традиции рушанцев, требующие сохранения.
5. Его результаты будут способствовать возрождению и охране этнокультурного наследия таджикского народа.

Так, И. И. Зарубин в 1920 -1930-е годы занимался сбором музыкальных инструментов и фиксацией образцов песенного фольклора; Н. Миронов в труде «Музыка таджиков» (1940) опубликовал первые записи музыки Памира, основанные на материалах I Всетаджикского слёта певцов, музыкантов и танцоров в Сталинабаде; М. С. Андреев (1953) описал *касидахони* в контексте похоронных обрядов [2, 6, 9].

Современные таджикские и зарубежные исследователи рассматривают *касидахони* преимущественно в контексте народной культово-ритуальной практики. Так,

Р. Абдуллаев во втором разделе монографии «Культово-ритуальная музыка и её классификации» определяет предмет культовой музыки как изучение жанров и норм культовых действий, их формообразующих принципов и музыкальной структуры с позиций музыковедения [1].

Он относит жанры культово-ритуальной обрядности к сфере изустно-профессиональной музыки, выделяя такие формы, как *азан, мавлуд, зикр, таъзия*, а также духовные песни религиозно-лирического содержания — *яккахони, хонакои, календари, муноджот*, представляющие собой разновидности сольного пения [1, 270].

Хайдармамад Таваккалов, местный исследователь, в диссертационном исследовании «Традиции исполнения мадхии в Бадахшане» осуществляет систематическое описание музыкальных репертуаров различных регионов и раскрывает ритуальное значение *касидахони*, уделяя особое внимание её функционированию в религиозных церемониях [10].

Таджикский искусствовед, театровед и этнограф Н. Нурджанов, опираясь на материалы многочисленных экспедиций на Памир, выявил ряд специфических черт традиционной музыкальной культуры региона. В частности, он отмечает, что в рамках народной культово-ритуальной практики в Бадахшане сформировались устойчивые традиции песнопений, исполняемых по случаю праздников, в которых ключевое место занимают жанры *касиды и мадхии* [8,18].

Дарвозиева в третьем подразделе третьей главы (3.3.) диссертации под названием «Маросимҳои марг ва азодори» («Ритуалы смерти и траура) [5] подробно описывает весь поминальный процесс с точки зрения различных исторических этапах, и на примере анализа ученых с этнографической точки зрения обращает внимание на такие моменты ритуала, как исполнения танца Пойамал (5, 141) и пения «фалаки мотами» (5, 144) в доме усопшего, который называют «гамхона».

По мнению исполнительницы традиционных песен Бадахшана Сохибы Давлатшоевой [4], *касидахони* обычно начинается после ритуала «чарогравшан» («зажигание свечи»), совершаемого на современном этапе на второй день похоронных церемоний[1]. Обряд включает чтение текста «Кандильнама» или «Чарогнома» в процессе подготовки фитиля из хлопка, после чего халиф - местный религиозный лидер - зажигает свечу и продолжает чтение.

В настоящее время музыка *касидахони* и её тексты являются неотъемлемой частью повседневной религиозной жизни исмаилитов Памира. Они функционируют как особый духовный язык, посредством которого верующие соотносят себя с Богом, Пророком, имамами и их современным духовным лидером. *Касидахони* выступает способом осмысления бытия, жизненных трудностей и феномена смерти. Памирцы нередко обозначают эту практику как «зикр-и худованд» («поминание Бога»), однако она отличается от классического исмаилитского зикра, который представляет собой молчаливую медитацию с внутренним произнесением имён Бога, Пророка и имамов при переборе чёток.

Таким образом, изучение *касидахони* с позиций этномузыкологии и медицинской антропологии позволяет выявить механизмы воздействия музыки на процессы исцеления и подтверждает её значимость как интегральной части религиозной практики таджиков, демонстрируя, каким образом музыка, молитва и поэзия образуют целостный феномен исцеляющего ритуала.

[1] Раньше исполняли на третий день.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаев Р. **Обряд и музыка в контексте культуры Узбекистана и Центральной Азии**. – Ташкент, 2006. – 336 с.
2. Андреев М.С. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-Дарьи). Выпуск 1. -Сталинабад, 1953. - 247 с.
3. Беседа с Муаллибшоевым Олуча (25.10.2025, в ТГИКИ им. М. Турсунзаде). Архив автора.
4. Беседа с Заслуженной артисткой Республики Таджикистан Сохибы Давлатшоевой (12.12.2025 г.). Архив автора.
5. Дарвозиева Ҳ. Ш. Ҷашну маросимҳои анъанавӣ - таҳвимии тоҷикони Рӯшон. Диссертатсия барои дарёфти дараҷаи илмии номзади илмҳои таърих аз рӯйи ихтисоси 07.00.07 - мардумшиносӣ, этнология ва антропология. - Душанбе, 2024. - 185 с.
6. Зарубин И. И. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков: Материалы и заметки по этнографии горных таджиков: Долина Бартанга. – Петроград: [б. и.], 1917 (тип. Рос. акад. наук). – 148 с.
7. Ибн Сина А. Канон врачебной науки: В 5 т. - Ташкент, 1956 – 1960.
8. Карорматов Ф., Нурджанов Н. Музыкальное искусство Памира. Кн. 1. - М: Музыка, 1978. – 256 с.
9. Карорматов Ф., Нурджанов Н., Кабилова Б. Музыкальное искусство Памира. Кн. 3. – Бишкек: ОсОО "V.R.S. Company", 2010. – 616 с.
10. Миронов Н. Музыка таджиков. – Сталинобад: ТаджГНИ, 1932. – 96 с.
11. Таваккалов Х. Традиции исполнения Мадхия в Бадахшане: дис. на соис. уч. степ. канд. филол. наук. - Душанбе, 2006. – 165 с.

ЖАНР «КАСИДАХОНИ»В ТАДЖИКСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

В статье рассматривается жанр касидахони в музыкально-ритуальной культуре таджиков. Анализируется его место в системе культово-обрядовой практики Бадахшана, региональные особенности бытования, исполнительские формы и символическая структура. Подчёркивается синкретический характер касидахони как явления, объединяющего музыку, поэзию, богословие и ритуал.

На основе полевых материалов, устных свидетельств исполнителей и анализа научных источников показано, что касидахони выполняет функции религиозного самовыражения, формирования коллективной идентичности и социальной памяти, а также выступает как практика духовного и психоэмоционального воздействия, связанная с представлениями об исцелении.

Отмечается недостаточная степень изученности данного жанра в советский и постсоветский периоды и обосновывается его значимость для этномузыковедческих и междисциплинарных исследований.

Ключевые слова: *Памир, Бадахшан, исмаилизм, культово-ритуальная музыка, этномузыковедение, музыкальная символика.*

ЖАНРИ «ҚАСИДАХОНӢ» ДАР ФАРҲАНГИ МУСИҚИИ ТОҶИК

Дар мақола жанри қасидахонӣ дар фарҳанги мусиқӣ - маросимии тоҷикон баррасӣ мешавад. Ҷойгоҳи он дар низоми амалияҳои мазҳабӣ ва маросимии Бадахшон, хусусиятҳои минтақавии мавҷудият, шаклҳои иҷро ва сохтори рамзии он таҳлил мегардад. Хусусияти синкретикии қасидахонӣ ҳамчун падидае таъкид мешавад, ки мусиқӣ, шеър, илоҳиёт ва маросимро ба ҳам мепайвандад.

Дар асоси маводи саҳроӣ, шаҳодатҳои шифоҳии иҷрокунандагон ва таҳлили манбаъҳои илмӣ нишон дода мешавад, ки қасидахонӣ вазифаҳои худифодакунии динӣ, ташаккули ҳувияти ҷамъиятӣ ва хотираи иҷтимоиро иҷро мекунад, инчунин ҳамчун амалияи таъсири рӯҳонӣ ва психоэмотсионалӣ баромад намуда, бо тасаввуроти марбут ба шифо иртибот дорад.

Ҳамчунин дараҷаи нокифояи омӯзиши ин жанр дар даврaҳои Шуравӣ ва пасошуравӣ қайд гардида, аҳаммияти он барои таҳқиқоти этномузикологӣ ва байнисоҳавӣ асоснок карда мешавад.

Калидвожаҳо: *Помир, Бадахшон, исмоилия, мусиқии маросимӣ-мазҳабӣ, этномузикология, рамзшиносии мусиқӣ.*

THE GENRE OF «QASIDAKHONI»IN TAJIK MUSICAL CULTURE

The article examines the genre of qasidakhoni within the musical and ritual culture of the Tajiks. It analyzes its place in the system of cult and ceremonial practices of Badakhshan, as well as its regional characteristics, performance forms, and symbolic structure.The study emphasizes the syncretic nature of qasidakhoni as a phenomenon that combines music, poetry, theology, and ritual.

Based on field materials, oral testimonies of performers, and the analysis of scholarly sources, the article demonstrates that qasidakhoni performs functions of religious self-expression, the formation of collective

identity, and social memory. It also acts as a practice of spiritual and psycho-emotional influence associated with beliefs about healing.

The paper notes the insufficient level of scholarly attention given to this genre during the Soviet and post-Soviet periods and substantiates its significance for ethnomusicological and interdisciplinary research.

Keywords: *Pamir, Badakhshan, Ismailism, cult-ritual music, ethnomusicology, musical symbolism.*

Сведения об авторе: Рахимзода Карорматулло Самандар - кандидат искусствоведения, доцент кафедры искусствоведения и теории музыки Таджикского государственного института культуры и искусств им. М. Турсунзаде, e-mail: karomat_rahimov@mail.ru Телефон:(992) 985-75-25-94.

Information about the author: Rakhimzoda Karomatullo Samandar - candidate of art history, associate professor of the department of art history and music theory, Tajik State Institute of Culture and Arts named after M. Tursunzade, E-mail: karomat_rahimov@mail.ru Телефон:(992) 985-75-25-94

УДК: 378:62 (575.3)

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ: ЗНАЧИМОСТЬ И ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

ХОЛЗОДА Ш. И.,
Таджикский национальный университет

Преобразования и противоречия в реальное время, а также постоянное развитие новой техники и технологий заставляют нас критически задуматься о вкладе университетов, особенно технических университетов, об их значении в системе высшего образования страны. Так как техническое мышление, прогресс в науке и технике серьезно зависят от правильного регулирования системы образования по специальностям технического направления и производственной деятельности научно-образовательных центров.

Независимо от этого, лозунг периода глобализации и деглобализации обосновывается в том, что нация или государство добиваются прогресса, если имеют огромную информацию о фундаментальных и технических науках и могут применять их на практике. Поэтому место технических направлений в системе высшего образования Таджикистана играет важную роль. Определение достижений и успехов, недостатков и недочётов, и в то же время показывающие пути и средства их прогресса, способствуют развитию других сфер современного общества Таджикистана.

Каждый этап исторического развития имеет свои особенности, а экономический прогресс разных периодов неразрывно связан с прогрессом и развитием науки и техники. Стоит отметить, что изучение фундаментальных и технических наук занимает важное место в цивилизации народов. С незапамятных времен человечество создавало различные виды техники для и облегчения своей трудовой деятельности.

Термин «техника» происходит от греческого слова «*τεχνικός*», что означает «навык, ремесло и искусство», а понятие «технология» представляет собой совокупность методов и инструментов, которые используются для достижения желаемого результата.

Иными словами, технология тесно связана с применением достижений науки и техники или совокупностью науки и производства. Из этого следует, что человечество использовало свое индивидуальное мастерство и искусство для достижения желаемого результата и стало свидетелем различных открытий.

Исследователями Первым инженером в истории человечества, был назван учёный Древнего Египта Имхотена (около 2700 г. до н. э.) [22, 77]. Ученые и исследователи условно разделили развитие технических знаний на пять основных периодов, связанных с развитием общества: [6, 13-14].

1. Приборостроение (до инженерства); 2. Механизация (появление простых технических знаний); 3. Машиностроение (возникновение самостоятельной области науки и человеческой деятельности); 4. Автоматизация (развитие технических наук); 5. Кибернетика (новый уровень развития человеческой цивилизации, т.е. цифровизация общественного производства). 6.Кибернетизация (внедрение кибернетики и информационно-цифровых технологий в производстве). Из приведённой классификации следует, что каждый уровень развития технических наук выводил человечество на новый уровень. Поэтому все независимые страны стараются укрепить материально-техническую базу и интеллектуальную мощь технических университетов и сохранить их независимость в быстро меняющихся условиях современного мира. Так как, благодаря университетам человечество добилось большого прогресса. По данным Международной ассоциации университетов, находящейся под контролем ЮНЕСКО, в мире насчитывается 18 400 университетов, а это означает, что университеты влияют на все сферы человеческой деятельности. С момента своего возникновения (средневековья) учреждения высшего профессионального образования претерпели значительные изменения и на протяжении своей истории прошли через несколько форм развития.

Не секрет, что первые университеты были созданы в средние века, и на научном языке их называют либеральной моделью. Основной целью этой модели было обучение культурным достижениям, развитие мудрости и духовности, создание интеллектуальной элиты общества [19,142-150]. В результате, средневековые университеты смогли представить публике культуру, основанную на религиозной мысли. Если учесть все характеристики средневековых университетов, то его можно назвать первой моделью.

Второй этап развития университетов относится к XVII-XVIII векам. В то же время точные и технические науки отделились от других наук и, как основное средство возникновения и развития технического мышления у европейских народов, достигли замечательных успехов. Правящие круги европейских стран осознали, что для развития всех социальных отраслей необходимы различные специалисты, обладающие развитым техническим интеллектом. Для реализации этой цели стали создавать отраслевые университеты, разрабатывать и совершенствовать новую научную программу подготовки и учебное пособие, что создало благоприятную основу для формирования технического мышления. Таким образом, в XIX веке в Европе появились две модели университетов – немецкая и французская.

Модель немецкого университета в основном занималась реализацией идей исследователя Вильгельма фон Гумбольдта, которые заключали в себе три основных принципа:

1. Знания приобретают ценность, когда они приносят практическую пользу;

2. Прикладные науки должны прокладывать путь другим наукам;

3. Любое образование должно иметь этический аспект [17].

Позже эту модель переняло большинство стран мира, в частности, Россия, а затем она распространилась и на Советский Союз. Сущность этой модели проявлялась в том, что профессора и преподаватели вузов должны были заниматься исследованиями, то есть считались учителями-исследователями.

Французская модель образования отличалась оригинальными чертами:

1. Все люди по своей природе мудры, и это их естественное право на защиту личности;

2. Интерес является основополагающим в процессе просветления, и каждый человек находится на правильном пути;

3. Интересы отдельных людей должны приводить к прогрессу для всех;

4. Восстановление индивидуальных свобод и прав должно быть основой всех действий государства [10].

В даный же период французы пытались подготовить специалистов в этой области, в частности инженеров, поскольку интеллектуальный труд был основой прогресса общества. Таким образом, в общих чертах, если описать и отобразить обе университетские модели, то становится понятно, что создается сочетание науки и образования, учитывается благоприятная среда для инновационной деятельности и подготовки профессиональных специалистов с учетом требований рынка [13, 344-353].

Исследование показывает, что экономическое развитие и потребность общества в новых технологиях в начале XX века заложили основу для потери своих позиций классической модели, и это можно наблюдать, прежде всего, на примере американских университетов. В этот период университеты уже использовали всевозможные новые методы подготовки профессиональных специалистов, чтобы занять видное положение на рынке труда. Американским ученым удалось исследовать положительные и отрицательные стороны деятельности университетов.

Одним из исследователей в этой области является Торстейн Веблен, считающий, что законы диалектического развития истории не дают хороших результатов в современной университетской модели и что следует использовать план бесконечной эволюции [18,152].

Он предлагает модель идеального университета, который следует назвать «Союз благородных ученых». Два основных аспекта деятельности университета – научные исследования и обучение студентов – должны быть неразрывно связаны. По мнению Веблена, передача знаний ученых прошлого и обучение нового поколения должны быть конечной целью университетов [2, 382].

По мнению другого представителя этой модели А. Флекснер, идеальный университет должен иметь мощную материально-техническую базу, то есть лаборатории, оснащенные новой технологией. При этом, для определения позиции университетов важно уделять больше внимания нескольким вопросам: научным исследованиям, научно-техническим достижениям, социальным проблемам и подготовке научных кадров [18, 67].

Правительство Таджикистана проделало значительную работу по дальнейшему укреплению позиций страны в сфере базового образования. После обретения независимости (1991 год) в Республике Таджикистан были проведены реформы в сфере образования, в результате которых были построены и открыты учебные заведения, укреплена материально-техническая база образовательных учреждений, при этом особое внимание уделялось инновационной направленности образования, комплексному совершенствованию учебного процесса и повышению качества образования.

К сожалению, несмотря на принятые правительством меры, по понятным причинам в стране разразилась гражданская война [16; 3]. В результате военных действий система высшего образования страны была разрушена, а сфера образования развалена. Дефицит и недостатки в этой области с каждым днем становились все серьезнее. Война разрушила одну пятую часть школ страны и лишила образования

тысячи детей и молодежи, которые стали вынужденными переселенцами, беженцами или испытали на себе прямые последствия войны. В ходе конфликтов набор студентов в высшие учебные заведения сильно сократился [14, 112].

Несмотря на тяжелую и сложную политическую и экономическую ситуацию, правительство страны инициировало создание университетов и институтов в разных частях страны, что увеличило количество обучающихся студентов и способствовало просвещению населения. В частности, в условиях рыночной экономики подготовка специалистов профессионально-технического направления и обеспечение предприятий страны специалистами, приобрели большее место в системе высшего образования страны. По этому вопросу Президент Республики Таджикистан заявил в августе 1995 года, что «Образование должно как можно скорее сломать старые стереотипы, открыть путь к пониманию демократического общества, к новой политической культуре, к рыночному образованию населения. Чем скорее мы откажемся от наших старых и стереотипных представлений об образовании, тем скорее мы приблизим образование к мировым стандартам» [12].

Фактически в нашей стране возникла необходимость изменить систему образования и адаптировать ее к мировым стандартам. Потому что образовательная система классических университетов потеряла свои позиции даже в XXI веке. Кроме того, он принял конкретные меры по содействию развития интеллектуальных ресурсов, обзору приоритетных направлений науки и их применению для решения важных экономических и социальных задач. В республике усиление научно-технической мощи считается одним из необходимых условий укрепления экономики и реализации инновационных целей стратегического развития[15,49].

В целях внедрения кредитной системы образования возникла необходимость пересмотра стандарта высшего профессионального образования, и он был принят в новой редакции под названием «Стандарт высшего образования Республики Таджикистан» (со 2 ноября 2011, № 502) [16, 31]. На основании этого нормативно-правового документа высшие профессиональные учебные заведения страны обязаны разработать государственный стандарт по всем специальностям образовательного учреждения.

По мнению экспертов отрасли, несмотря на то, что студенты общеобразовательных учреждений разделены по направлениям, энтузиазм и увлеченность абитуриентов и студентов техническими науками все же меньше. До создания Национального испытательного центра при Президенте Республики Таджикистан эта проблема не была видна. Однако сегодня данная проблема наблюдается чаще из-за отсутствия интереса абитуриентов к вузам технического направления по сравнению с другими направлениями. Результат отчета этого центра показал, что количество успешных абитуриентов в учебных заведений первого кластера (по кластерам) в 2015 году составило всего 64,91%. Согласно плану приема в 2015 году в 1-й кластер было отобрано 10 698 человек, тогда успешно прошли 6 944 абитуриента.

В 2016 году выполнение плана приема в 1-м кластере было равно 83,6 процента, однако наблюдения показали, что в этом году выполнение плана приема в 4-м кластере достигло 90,38 процента [5]. Все это свидетельствует о том, что фактически высшие технические университеты переживают кризис системы высшего образования страны. Такое отсутствие интереса абитуриентов к техническим специальностям и большое количество институтов и ВУЗов этой сферы приводит к нехватке студентов в вузах и к проблемам в образовательной и научной среде страны. При этом общество, особенно Республика Таджикистан, нуждается в развитии всех видов наук и квалифицированных специалистах в различных областях.

Следует обратить внимание на то, что в 2014-2015 учебном году согласно плану поступления в Таджикский технический университет имени М. С. Осими планировалось набрать на обучение 2105 студентов, однако по подсчетам Национального центра тестирования при Президенте Республики Таджикистан студентами стали лишь 1411 абитуриентам. В бюджетном секторе количество студентов достигло 618 человек, с учетом президентской квоты (97,3%) и контрактных групп оно достигло 841 человека (57%). В целом выполнение плана приема студентов составило 67,0%. Ректор этого вуза пояснил данную ситуацию и заявил, что «Если в вуз принималось более 700 абитуриентов, с ними заключался контракт, и в бюджет вуза ежегодно добавлялось более 4 миллионов сомони. «К сожалению, из-за небольшого приема в Технический университет сложилась ситуация, когда почти 100 преподавателей уволились с работы из-за финансовых проблем» [8].

Из этого следует, что у учащихся общеобразовательных учреждений республики возрастает потребность в разъяснениях и теоретических, и практических пособиях по всем наукам. Потому что некоторые абитуриенты сталкиваются с проблемами при выборе специальности и не знают сути выбранной специальности. Если они правильно поймут положение и систему научных знаний, они не ошибутся в выборе специальности и профессии. Необходимо разъяснить место технических наук и их пользу среди выпускников общеобразовательных учреждений.

Одним из ученых, анализировавших вопрос о месте технических наук в системе научного знания, является Ю. С. Мелещенко. По его мнению, технические науки смешаны с естественными и социальными науками, поскольку сама по себе техника является социоприродным явлением. Кроме того, он подчеркивает, что техническое знание находится между цепью естественного и социологического знания [9, 108-110].

Другие исследователи, изучавшие этот вопрос, это ученые С. В. Шухардин и И. А. Негодаева. Например, С. В. Шухальдин, классифицируя науки, особое внимание уделял взаимосвязи науки, техники и производства и месту технологической науки в этом контексте [24,12]. По мнению исследователя, материальным миром считается не только природа, но и искусственные технические объекты, поскольку все они приняли такую форму в процессе изучения естественных и технических наук. Вот и получается, что С. В. Шухардин оценивал технические науки как систему «наука-производство».

И. А. Негодаев выделяет три основных аспекта при классификации наук:

-Наука как часть труда, специфическая область человеческой деятельности, целью которой является создание знаний;

- Наука как систематическая система знаний – продукт человеческой деятельности;

- Наука, как духовная сила созидания, является непосредственной силой созидания в обществе.

Исследователь объяснил взаимосвязь технических наук и в подробности описал три их аспекта [11, 21-43].

Существуют и другие способы взаимодействия естественных и технических наук через исторические научные данные. Историко-научный анализ материала показывает, что определенные объекты оказывают положительное влияние на развитие технических и естественных наук. В качестве примера можно привести гидротехнические сооружения, гидроэнергетику и инженерную геологию.

Связь между техническими и естественными науками также входит в их задачи, ведь конечная цель естествознания понять сущность явлений и найти их законы, поэтому основная цель технических наук использовать эти законы. Аналогичным образом можно

наблюдать влияние технических и естественных наук на уровень использования их научных методов.

Васильев И. Г. высказывает следующие соображения о соотношении технологической науки и социологии: «Связь между ними объективна и гарантирует процесс общественного производства» [4,224]. Как исторический процесс они находятся в серьезной зависимости от взаимоотношений, поскольку техника необходима человеку для удовлетворения общественных потребностей, а технические науки, в свою очередь, зависят от творческой деятельности человека. В процессе взаимодействия технические знания положительно влияют на развитие общественного сознания.

По мнению другого исследователя Шеменева Г. И., естественно-социальной основой науки считается взаимосвязь технических и общественных наук [23, 35-36]. Другой учёный В. В. Чешев считает, что создание искусственного пространства происходит двумя способами: сначала с учетом потребностей общества создаются технологии; во-вторых, новая техника создается в результате усовершенствования более простых технологий [20, 97].

Из вышеизложенного ясно, что хотя технические науки неразрывно связаны с естественными и общественными науками, каждая из них занимает свое положение в системе наук, а их конечная цель служение на благо общества. История показывает, что любое общество, развившее современные науки на необходимом уровне и правильно наладившее обмен различными науками (естествознанием, техническими науками и общественными науками), это общество ждет значительное развитие.

Эффективная и влиятельная деятельность вузов также во многом зависит от активности преподавателей. Согласно требованиям времени, основными задачами профессоров и преподавателей технических институтов и университетов является не только воспитание современных специалистов, но и развитие и улучшение каждого университета. Необходимо, чтобы преподаватель таких учреждений был активен на производстве, поскольку он должен понимать связь между теоретическими и практическими знаниями в данной области. Исследования, проводимые ими, должны быть актуальными и экономически выгодными [7,114-124].

Сегодня в большинстве стран мира государство не финансирует университеты. Профессорско-преподавательский состав пополняет бюджет университета и повышает свой уровень жизни за счет научно-исследовательских программ. То есть новая модель технических университетов требует наличия у них самодостаточной инновационной материально-технической базы. Точнее, технические университеты должны быть центром сбора всех талантов и интеллектуалов, и они должны быть в состоянии прогнозировать научную мощь не только десятилетий, но и пятидесяти лет рынка труда и соответствующим образом готовить продовольствие.

Для создания таких университетов, прежде всего, необходим высокоскоростной Интернет и суперкомпьютеры, чтобы сотрудники и студенты могли создавать и управлять специальными хабами с помощью компьютерных программ. Одной из основных особенностей университетов следующего поколения является использование искусственного интеллекта, то есть некоторые методы управления и аттестации студентов должны быть реализованы с помощью искусственного интеллекта, чтобы снизить субъективизм.

Даже некоторые эксперты прогнозируют, что образование в будущих университетах станет индивидуализированным, поскольку часть профильных и вспомогательных предметов будет носить общепрофессиональный характер. В ближайшем

будущем дистанционное образование укрепит свои позиции, и студенты и преподаватели разных регионов смогут обсуждать любые научные вопросы и создавать единую бизнес-систему, единое творческое поле и единую прибыль [1, 82-90].

Если выделить системы высшего технического образования в Республике Таджикистан в соответствии с вышеупомянутой моделью, то они соответствуют третьей модели, характеристики которой следующие:

- Для повышения международного рейтинга технических университетов им следует принять благотворные меры;

- Благоприятные условия для преподавания и научных исследований и укрепление материально-технической базы своих лабораторий;

- Обновление образовательных стандартов и программ специальностей, связанных с развитием науки и технологий;

- При Министерстве образования и науки страны будет создан Центр будущего технических профессий; - Самое главное – наладить обмен и повышение международной квалификации преподовательского состава учителей.

Следует заметить, что из комплексного анализа моделей университетов в соответствии с принципом историчности стало ясно, что с течением времени университеты столкнулись с огромными изменениями. Поэтому нам следует экспериментально реализовать четвертую модель в одном из технических университетов страны, а затем реализовать ее положительные стороны и достижения в других вузах.

В современных постиндустриальных условиях технические университеты приобрели новый инновационный характер общества, поскольку через них страны получают большее влияние и обеспечивают свой экономический и технологический прогресс. С какими бы проблемами ни сталкивалось человечество, в конце концов оно обращается к сфере образования, поэтому сфера образования является ключевой сферой во все времена и должна опережать многие области как минимум на десять лет, поскольку она предсказывает социальное существование и пути прогресса. Поэтому в сфере образования, особенно в системе высшего образования страны, следует использовать конкретные научные методы и определять успехи и неудачи в данной сфере.

По мнению российского ученого В. Ф. Шаповалова, успешное развитие любого государства в конечном итоге зависит от уровня использования, совместимости общества с современными технологиями и их роли в ходе научно-технической революции [21,109]. Поэтому мы должны направить культуру использования и склонность молодого поколения к любопытству и открытиям в нашем национальном сознании и уме, чтобы мы могли двигаться вперед уверенными шагами.

Таким образом, в данный период для развития технического образования предпринят ряд мер. Например:

- Разработка и утверждение нормативных правовых документов, регулирующих сферу;

- Открытие высших технических институтов и университетов;

- Открытие филиалов зарубежных технических университетов в стране;

- Прохождение подготовки преподавателей с ученой степенью в зарубежных странах;

- Создание факультетов технических направлений во всех институтах и высших университетах страны.

Комплексное исследование технических тенденций в университетах и институтах системы высшего образования страны показало, что фактически в анализируемый период они не идут в ногу со временем. Хотя правительство страны стремится улучшить

образование и подготовить квалифицированных специалистов, но к сожалению, в этом существуют ещё нерешенные проблемы.

К примеру:

- типовые образцы и учебные планы;
- совпадение специальностей и неконкурентоспособность специалистов в данной области;
- повторение учебных предметов и исключение профильных предметов из учебных планов;
- отсутствие материально-технической базы и связи теоретических и практических знаний;
- нехватка специалистов (кандидатов наук или профессоров) по некоторым специальностям;
- прохождение курсов повышения классификации преподавателей за рубежом и обмен опытом;
- ограничение спроса на рынке труда на специалистов отрасли и отсутствие рабочих мест по некоторым специальностям и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова, М. А. Природа и человек: эко ориентированные стратегии практик современного образования/М. А. Александрова, Н. А. Лисовская, О. Т. Лойко/Природа и общество: Технологии обеспечения продовольственной экологической безопасности. – М.: МАКС Пресс, 2016. – С. 82-90.
2. Белая Г. В. Управление образовательным процессом в педагогическом университете: теория и практика: дисс... д-ра пед. наук /Белая Галина Викторовна. – Оренбург, 2002. -382 с.
3. Бушков В. И. История гражданской войны в Таджикистане/ В. И. Бушков, Д. В. Микульский. – М., 1996. – 310 с.
4. Васильев, И. Г. Технические и общественные науки/И. Г. Васильев/Специфика технических наук. – М., 1974. – 224 с.
5. Действующий архив Национального центра тестирования при Президенте Республики Таджикистан. Годовой отчет 2015-2016. - Л.1.
6. Дятчин Н. И. Современные проблемы науки в машиностроении: учебное пособие/Н. И. Дятчин. – Барнаул, 2005. – 166 с.
7. Карпов А. О. Университет 3.0 - социальные миссии и реальность/А. О. Карпов/Социологические исследования. – 2017. – №9. – С.114-124.
8. Кодири Х. Хайдар Одинаев: НЦТ предоставил ТТУ наименьшее число студентов/Х. Кодири /Джумхурият. – 2015. – 17 январ (на тадж. языке).
9. Мелещенко Ю. С. Техника и закономерности её развития [Текст]/Ю. С. Мелещенко. – Л., 1970. – 246 с.
10. Меньшиков В. М. Развитие образования в Западной Европе в XVII-XVIII вв. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:/www.portal-slovo.ru/pedagogy/41983.php (дата обращения 11.08.2023).
11. Негодаев, И. А. Технические науки в системе современного научного знания / И. А. Негодаев /Научно - техническая революция. Общетеоретические вопросы. – М., 1979. – С. 21-43.
12. Омузгор – 1995. – 5 мая (на тадж. языке).
13. Пономарева, О. Н. Роль современных моделей университетов в формировании человеческого капитала /О. Н. Пономарева/Региональная общественная организация «Центр инновационных технологий и социальной экспертизы». – 2019. – № 5. – С. 344-353.
14. Рахмон Э. Независимость Таджикистана и возрождение нации / Э. Рахмон. – Душанбе, 2006. – Т.1. – 346 с.
15. Рахмонов А. А., Расулов А. Б., Кадыров К. Ф., Афзалов Х. С. Вчера и сегодня образования Республики Таджикистан [Текст] /А. А. Рахмонов [ва г.]. – Душанбе, 2011. – 106 с (на тадж. языке).
16. Рахмонов Э. Ш. Таджикистан: на пути к демократии и цивилизованному обществу/ Э. Ш. Рахмонов. – Душанбе, 1996. - 117 с (на тадж. языке).
17. Скрипник К. Д. Великая Хартия университетов и исторические основания ее принципов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/30243/1/iurp-2015-135-06.pdf (дата обращения 12.07. 2023).

18. Степанова С. Н. Трансформация «идеи университета» в эволюционирующем образовательном пространстве: дисс... канд. филос. наук/Степанова Светлана Николаевна. – Томск, 2010. – 152 с.

19. Строгецкая Е. В. Динамика институциональной модели университета в условиях социокультурных изменений [Текст]/Е. В. Строгецкая/Вестник СПбГУ. – 2015. – Вып.3. – С.142-150.

20. Чешев В. В. Техническое знание как объект методологического анализа/В. В. Чешев. – Томск, 1981. – 166 с.

21. Шаповалов В. Ф. Основы философии. От классики к современности: учебное пособие для ВУЗов /В. Ф. Шаповалов. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. – 576 с.

22. Шаповалов Е. А. Общество и инженер: философско-социологические проблемы инженерной деятельности/Е. А. Шаповалов. – Л., 1984. – 183 с.

23. Шеменев Г. И. Философия и технические науки/Г. И. Шеменев. -М., 1979. -С. 35-36.

24. Шухардин С. В. Развитие технических наук. Общетеоретические вопросы/С. В. Шухардин//Развитие технических наук.Общетеоретические вопросы. -М.,1979. -143 с.

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ: ЗНАЧИМОСТЬ И ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВА

В статье автор анализирует вопрос значимост и технического направления в высшем образовании и влияние его на развитие общества. Цель статьи - исследование истории становления и развития ВУЗов технического направления и рассмотрение изменений, произошедших по направлениям технических знаний. Источниковую базу статьи составляют официальные государственные документы, такие как Постановление Правительства Республики Таджикистан в области образования, текущие архивные документы Министерства образования и науки Республики Таджикистан, Технического университета им. М. Осими и труды отечественных и зарубежных исследователей, которые непосредственно освещают историю деятельности ВУЗов технического направления. Показано, что в годы независимости в Республике Таджикистан были предприняты значительные усилия по улучшению образования населения и системы высшего образования, особенно технического.

Ключевые слова: *Республика Таджикистан, технические ВУЗы, кредитная система, развитие, общество, стратегия развитие, система образования, законы, государственная программа, университет.*

НАҚШ ВА АҲАММИЯТИ САМТҲОИ ТЕХНИКӢ ДАР НИЗОМИ ТАҲСИЛОТИ ОЛӢ ВА ТАЪСИРИ ОНҲО БА РАВАНДҲОИ РУШДИ ҶОМЕА

Дар мақола муаллиф масъалаи аҳаммияти самтҳои техникӣ дар таҳсилоти олӣ ва таъсири онҳо ба рушди ҷомеаро таҳлил менамояд. Ҳадафи асосии мақола омӯзиши таърихи ташаккул ва рушди муассисаҳои таҳсилоти олии дорои самти техникӣ, инчунин баррасии тағйироте мебошад, ки дар самтҳои донишҳои техникӣ ба вуҷуд омадаанд. Пояи манбаъҳои мақола аз ҳуҷҷатҳои расмии давлатӣ иборат аст, аз ҷумла қарорҳои Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон дар соҳаи маориф, ҳуҷҷатҳои бойгонии ҷории Вазорати маориф ва илми Ҷумҳурии Тоҷикистон, маводи Донишгоҳи техникии Тоҷикистон ба номи академик М. С. Осимӣ, инчунин асарҳои муҳаққиқони ватанӣ ва хориҷӣ, ки бевосита ба таърих ва фаъолияти муассисаҳои таҳсилоти олии самти техникӣ бахшида шудаанд. Нишон дода мешавад, ки дар солҳои Истиқлол дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои беҳтар намудани сатҳи маърифати аҳолӣ ва низоми таҳсилоти олӣ, бахусус дар самти техникӣ, тадбирҳои назаррас андешида шудаанд.

Калидвожаҳо: *Ҷумҳурии Тоҷикистон, донишгоҳҳои техникӣ, низоми кредитӣ, рушди ҷомеа, стратегияҳои рушд, низоми маориф, қонунҳо, барномаи давлатӣ, донишгоҳ.*

TECHNICAL FIELDS IN HIGHER EDUCATION: SIGNIFICANCE AND IMPACT ON SOCIETAL DEVELOPMENT

In this article, the author analyzes the significance of technical fields in higher education and their impact on societal development. The aim of the article is to examine the history of the formation and development of higher education institutions specializing in technical disciplines, as well as to consider the changes that have occurred within technical fields of knowledge. The source base of the study consists of official state documents, including resolutions of the Government of the Republic of Tajikistan in the field of education, current archival materials of the Ministry of Education and Science of the Republic of Tajikistan, documents

from the M. S. Osimi Technical University, as well as works by domestic and foreign researchers directly devoted to the history and activities of technical higher education institutions. It is shown that during the years of independence, the Republic of Tajikistan has made significant efforts to improve public education and the system of higher education, particularly in the technical sphere.

Keywords: *Republic of Tajikistan, technical universities, credit system, development of society, development strategy, education system, laws, state program, university.*

Сведение об авторе: Холзода Шерали Ибодулло – преповадатель Таджикский национальный университет, **Адрес:** 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, пр. Рудаки, 17. Тел: 918-20-28-10; E. mail: kholovsherali8@gmail.com

Information about the author: Kholzoda Sherali Ibodullo – Lecturer at the Tajik National University, Tel: 918-20-28-10; Address: 17, Rudaki Avenue, Dushanbe, Republic of Tajikistan, 734025. E.mail: kholovsherali8@gmail.com.

УДК: 906.6 (575.3)

ЯХСУ – НОВАЯ НИЖНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА В ТАДЖИКИСТАНЕ[1]

ХУДЖАГЕЛДИЕВ Т. У., ШАРИПОВ А. Ф.,
Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша

Основная часть стратифицированных нижнепалеолитических памятников Центральной Азии сосредоточена на юго-западе Таджикистана, в восточной части Афгано-Таджикской депрессии. Она представлена открытыми стоянками, приуроченными погребенным почвам в водораздельным лёссово-почвенных образованиях эолового происхождения. Учитывая особенности и значимость подобных архео-логических объектов, В. А. Рановым для этой группы был предложен термин «лёссовый палеолит», который в настоящее время прочно закрепился в мировой палеолитической литературе [6, 140; 11, 200; 15, 25; 16, 731]. Их значимость состоит в том, что они являются ценным хронологическим репером, указывающим на время раннего заселения региона древним человеком [9, 188-189].

Лёссово-почвенные отложения на юго-западе республики встречаются покровно на водораздельных поверхностях, склонах, речных террасах и пролювиальных конусах выноса. В сентябре 2025 г. на территории лёссового плато Ховалинг силами международной геоархеологической экспедиции был исследован лёссово-почвенный разрез на восточном склоне хребта Кугитек, водораздела рек Яхсу и Обимазар, в котором был обнаружен культурный слой нижнепалеолитической стоянки (рис. 1). В исследованиях участвовали сотрудники Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, Института географии Российской академии наук (г. Москва) и факультета географии и океанологии Нанкинского университета (Китай).

В предыдущие годы в верховьях р. Яхсу были обнаружены всего лишь две палеолитические стоянки. В 1969-1970 гг. В. А. Рановым проводились раскопки стоянки Шугноу, где верхний горизонт (горизонт 0) представлен мезолитическим материалом, а нижние горизонты (1-4) отнесены к верхнему палеолиту [3, 38; 5, 56; 10, 12]. Стоянка среднего палеолита была открыта одним авторов статьи в 2017 г. в долине реки Обишур, левого притока р. Яхсу. Находки выявлены в лёссово -почвенном разрезе у села Гофилабад и приурочены первому педокомплексу, возраст которого по корреляции с МИС 5 находится в интервале 127-71 тыс. лет назад [13, 266].

Обе стоянки играют важную роль в понимании культурной динамики развития среднего и верхнего палеолита и в построении культурно-хронологических схем развития человеческих сообществ в Центральной Азии. Многослойная стоянка Шугноу является одной из немногих стратифицированных памятников верхнего палеолита в Центральной Азии, при этом материалы ее нижних горизонтов тесно

[1] Статья написана на основе проекта «История таджикского народа», раздел «Археология Таджикистана (от каменного века до позднего средневековья)», государственный регистрационный номер РБ0121TJ1212.

связаны с переходными пластинчатыми индустриями в финально-среднепалео-литических комплексов. Материалы же стоянки Гофилабад позволили выделить еще один вариант мустьерской культуры в регионе – бифасиальный.

Исследованный в 2025 г. разрез Яхсу представляет собой участок в форме обрыва с очень крутым склоном, в плане линия обрыва слабовогнутая, протяженностью около 1 км. Вершина разреза возвышается над руслом реки Яхсу на 450 м и имеет абсолютную отметку 1987 м над уровнем моря. На южном склоне расположен перевал (отм. 1950 м), через который проходит дорога, соединяющая Ховалинг с Шугноу (рис. 1). В верхней части обнажения (200 м) залегают слои лёссов и палеопочв, в нижней части, вплоть до русла реки Яхсу, наблюдаются выходы скальных пород. На фоне лёссов желтовато-серого цвета, формировавшихся при холодном и сухом климате, хорошо просматриваются полоски палеопочв (педокомплексов) коричневого или темно-коричневого цвета, формировавшиеся в условиях теплого и влажного межледникового климата (рис. 2). Некоторые палеопочвы состоят из серии полигенетических подпочв, отражающих климатические изменения в течение одного межледникового периода и формирующих педокомплексы (ПК). В профиле обнажения Яхсу выявлено 10 ПК мощностью около 2-2,5 м, переслаивающихся толщами лёссов. Таким образом, многократная цикличность переслаивания лёссов и педокомплексов в исследованном разрезе Яхсу отражает чередование холодных (ледниковых) и теплых (межледниковых) периодов на протяжении примерно 800 тыс. лет [14, 402].

Вероятность обнаружения следов обитания древнего человека в педокомплексах, формировавшихся в более благоприятных климатических условиях, значительно выше, чем в толще лёссов. Зачистки поверхности педокомплексов не дали результатов. Два инситных артефакта были обнаружены в одной из траншей, заложенных по всей толще лёссового обнажения в рамках почвенно-геологических исследований разреза. Эта траншея прорезала толщу 5-го ПК, что послужило основанием для закладки раскопа на этом участке крутого склона в южной части разреза (рис. 2). Формирование этого педокомплекса проходило в межледниковый период, при теплом и влажном климате.

Раскоп шириной 3 м имел глубину 4,5-5,1 м и площадь около 10 м^2. Верхняя часть раскопа вскрыла 2-х метровую толщу лёсса, ниже залегали слои очень плотного суглинка светло- и темно-коричневого цвета общей мощностью 2,4-3 м. В основании педокомплекса отмечена карбонатная корка толщиной около 20 см, залегающая с большим наклоном с юга на север. В культуросодержащем слое, приуроченном к верхней 1,5-метровой толще ПК, было обнаружено 32 каменных артефакта, костный материал отсутствовал. Распределение артефактов в культуросодержащем слое не демонстрирует чёткой концентрации в пределах одного жилого горизонта – ни по площади раскопанного пространства, ни по вертикали, что характерно для лёссового палеолита. Тем не менее, залегание археологического материала в пределах одного педокомплекса позволяет рассматривать его как единый индустриальный комплекс. «Рассеянное» распространение находок отражает особенности формирования культурного слоя в условиях кратковременного посещения человеком данной местности, происходившего в течение длительного периода освоения территории в межледниковье.

В коллекции представлены нуклеус, отщепы (11 экз.), одна пластина, фрагменты сколов (11 экз.), крупные обломки галек (4 экз.) и мелкие неопределимые фрагменты (4 экз.) (рис. 3). Для расщепления камня древний человек использовал

речную гальку, о чем свидетельствуют следы галечной корки на нуклеусе, заготовках и обломках. Сырьевой материал в неограниченном количестве имелся в русле реки Яхсу, а также в выходах Дарвазского конгломерата на западном склоне водораздела. При необходимости люди могли выбирать гальку нужной породы в русле р. Оби Мазар, расположенной в 5 км к западу от стоянки.

Первичное расщепление камня на стоянке представлено единственным нуклеусом радиального типа, изготовленным из речной гальки (7,5×7×3,5 см). Ударной площадкой служила естественная поверхность гальки. Рабочая поверхность нуклеуса представлена негативами мелких отщепов, в центральной части рабочей поверхности в результате схождения сколов образовался выпуклый участок. На одной из стадий расщепления нуклеус был переоформлен, для чего часть объёма была удалена посредством отвесных сколов, нанесённых с рабочей поверхности. Однако дальнейшего использования сформированной площадки не зафиксировано (рис. 3, *1*). У большинства отщепов ударные площадки и часть их дорсальной поверхности покрыты галечной коркой, лишь один экземпляр имеет ударную площадку, оформленную двумя конвергентными сколами. Из пяти крупных отщепов один массивный, с негативами радиальных сколов на дорсальной поверхности и двугранной ударной площадкой, может быть отнесён к леваллуазским (рис. 3, *3*). Одним экземпляром представлена пластина в виде полупервичного скола с остроконечной формой и тонким сечением (рис. 3, *4*). Крупные обломки галек, из которых изготовлены орудия, в основном покрыты природной коркой (рис. 4, *1, 2*).

Орудийный инвентарь представлен пятью экземплярами. Несмотря на малочисленность, он демонстрирует разнообразие форм и методов вторичной обработки. Рубящее орудие оформлено на обломке гальки трапециевидной формы, на прямом и остром рабочем лезвии которого просматривается утилизационная ретушь, с одного края лезвие укорочено серией отвесных сколов, пятка выровнена отвесными сколами (рис. 4, *1*). Одно скребловидное орудие изготовлено на крупном обломке гальки треугольной формы, при этом рабочий элемент оформлен в средней части выпуклого края (рис. 4, *2*). Рабочий край скребковидного орудия сформирован мелкой полукрутой ретушью на скошенном дистальном крае крупного отщепа (рис. 4, *3*). Из широкого среднего отщепа изготовлен нож, у которого по всей длине выпуклого острого края прослеживается мелкая утилизационная ретушь, обушком же служила лентовидная ударная площадка с естественной поверхностью (рис. 4,4). К орудиям также отнесен фрагмент с участком бифасиальной ретуши и прилегающим к нему участком с двумя отвесными сколами (рис. 4, *5*). Слабый набор орудий связан со спецификой хозяйственной деятельности на данной стоянке, функционировавшей как временная (эфемерная) остановка охотников и собирателей.

Использование как отщепов, так и обломков галек в качестве заготовок типично для памятников лёссового палеолита, где адаптация к местному сырьевому ресурсу играла важную роль при выборе технологии. Каменная индустрия стоянки отражает единство с ассамбляжами стоянок лёссового палеолита из педокомплексов 4 и 6 лёссово-почвенных разрезов Таджикистана как по технике расщепления камня, так и по составу орудийного набора. Особенности первичного расщепления и состав орудийного набора каменной индустрии стоянки Яхсу соответствуют технико-типологическим характеристикам раннепалеолитических галечных индустрий. Нуклеус представлен галечным типом, при его расщеплении предварительная подготовка рабочей поверхности не проводилась. Среди орудий устойчивые

формы отсутствуют. Вместе с тем в коллекции, полученной в ходе раскопок, проявляется улучшение качества заготовок, увеличивается количество удлиненных сколов, а некоторые формы близки к пластинчатым.

В целом коллекция археологического материала, полученная в 2025 г. на стоянке Яхсу, несмотря на малочисленность, позволяет отнести этот технокомплекс к раннепалеолитическим индустриям лёссового палеолита Таджикистана. Стоянка относится к группе стоянок, отличительной особенностью которых является четкая культурно-хронологическая привязка. Возраст стоянки определяется по стратиграфической позиции 5-го ПК и приуроченного к ней культурного слоя. По корреляции этого педокомплекса с 13-й изотопно-кислородной стадией Мирового океана (МИС 13) он датируется в пределах 528-474 тыс. лет назад [2,106]. Значимость подобных памятников «лёссового палеолита» состоит в том, что стратиграфическая позиция каждого педокомплекса в лёссово-почвенных разрезах обеспечивает достоверное датирование содержащегося в ней археологического материала.

Каменная индустрия новой стоянки Яхсу характерна для каратауской археологической культуры нижнего палеолита на юге Таджикистана, отличительной особенностью которой является использование техники обивки и слабое проявление более прогрессивной леваллуазской техники расщепления камня [17, 7]. Хотя в целом расщепление и обработка орудий отличается грубостью и незавершенностью типов, в коллекции Яхсу отмечены удлиненные пластинчатые сколы, производство которых можно принять как инновационные элементы в развитии этой культуры. Таким образом, материалы новой стоянки отражают смешанный технологический уровень, включающий отдельные элементы леваллуазской техники, что может указывать на раннюю стадию её внедрения.

В настоящее время исследованный комплекс в Яхсу возрастом 528-474 тыс. лет назад вновь подтверждает, что в плейстоцене территория юго-западного Таджикистана наиболее интенсивно заселялась именно в этот период. Археологический материал этого возраста наиболее полно представлен в индустриях стоянок, связанных с 5-м педокомплексом разрезов Лахути-I, Лахути-IV, Оби Мазар, Оби Мазар (оползень) [7, 55; 8, 21]. Единичные находки in situ в этом педокомплексе обнаружены в разрезах Лахути-II, Хонако-I, Хонако-II, Чашманигаре, Кайрубаке, Дараиаспон, а также в Кульдаре [12, 95], Общая коллекция находок данного периода насчитывает около 3,5 тыс. артефактов. В индустриях этих стоянок первичное расщепление характеризуется отсутствием подготовки поверхности нуклеус перед расщеплением, ядрища с подготовленной площадкой представлены единичными экземплярами. Первичное расщепление представлено радиальной, долечной и примитивной параллельной техникой. Значительную часть коллекции составляют «дольки» и «клинья», а также манупорты и отходы производства (осколки, обломки). Орудийный набор включает чопперы, скребла, зубчато-выемчатые орудия и атипичные скребки. На стоянке Лахути-1, расположенной в соседней с р. Яхсу долине – на правом берегу р. Оби Мазар, В. А. Ранов отмечал слабое проявление леваллуазской технологии при расщеплении камня, а каменную индустрию исследователь классифицирует как галечную с тейякско-клектонскими технико-типологическими элементами [16, 736]. Каменная индустрия из 5-го педокомплекса является самой многочисленной и лучше всего представленной среди материалов лёссового палеолита Таджикистана. Большое количество местонахождений и археологического материала периода межледниковья 528 - 474 тыс. лет назад свидетельствует о существовавшей тогда особой палеогеографической обстановке, благоприятной для проживания людей.

Полученные в ходе исследований сезона 2025 г. материалы новой стоянки лёссового палеолита, первой нижнепалеолитической стоянки в долине р. Яхсу, позволяют существенно расширить наши представления о культурно-хронологической последовательности каменных индустрий лёссового палеолита Таджикистана и о характере каменной индустрии возрастом около 0,5 млн. лет. Стоянка Яхсу, как и другие стоянки лёссового палеолита, рассматривается не как базовый лагерь *Homo erectus*, а как временная остановка небольших групп охотников и собирателей на приводораздельных участках. Значимость подобных стоянок обусловлена точной стратиграфической позицией культуросодержащего слоя в педокомплексе лёссового разреза, что позволяет достоверно фиксировать хронологию и культурный контекст обнаруженных артефактов. Особая ценность открытия новой стоянки Яхсу заключается в возможности расширить ареал распространения каратауской нижнепалеолитической культуры на восток, что имеет важное значение для понимания миграционных путей расселения древних людей в Центральной Азии. Анализ же почвенных образцов, полученных по всей высоте профиля обнажения, позволит существенно расширить знания о специфике природных условий и влиянии климатических изменений на процессы раннего освоения человеком верховий р. Яхсу в интервале 0,1-0,8 млн. лет назад.

В настоящее время на основании археологических и палеогеографических данных проведена реконструкция нескольких коридоров миграции *Homo erectus* в Евразии, один из которых проходил по территории Центральной Азии, в направлении Прикаспия и Сибири. Ярким свидетельством этого служат многочисленные раннепалеолитические стоянки лёссового палеолита Таджикистана, указывающими на его территорию как на транзитную для миграций *Homo erectus* [1, 4; 4, 176], что вновь подтвердили результаты исследований 2025 года на стоянке Яхсу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анойкин А. А., Рыбалко А. Г., Худжагелдиев Т. У., Сосин П. М., Шарипов А. Ф., Курбанов Р. Н. Лахути - IV – новая стоянка лёссового палеолита в Таджикистане /Археология, этнография и антропология Евразии. – Т. 51, № 2. – Новосибирск, 2023. – С. 3–13.

2. Додонов А. Е. Четвертичный период Средней Азии: Стратиграфия, корреляция, палеогеография. – М.: ГЕОС, 2002. – 250 с. – (Тр. ГИН РАН; Вып. 546).

3. Колобова К. А., Кривошапкин А. И., Шнайдер С. В., Рудая Н. А., Худжагелдиев Т., Филимонова Т. Г., Шуньков М. В. Шугноу: верхний палеолит на подступах к Памиру. – Новосибирск, Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2017. – 200 с.

4. Курбанов Р. Н., Идрисов И. А., Сосин П. М., Павленок К. К., Рыбалко А. Г., Худжагелдиев Т. У., Кулакова Е. П., Кулаков С. А., Очередной А. К., Зейналов А. А., Таймагамбетов Ж. К., Анойкин А. А. Новые данные о возрасте стоянок ашельского времени на Кавказе и в Центральной Азии /Тр. VII (XXII) Всероссийского археологического съезда, Красноярск, 6-10 октября 2025 г. Том 1. – Красноярск, СФУ, 2025. – С. 175-177.

5. Ранов В. А. Шугноу – многослойная палеолитическая стоянка в верховьях р. Яхсу (раскопки 1969-1970 гг.) /Археологические работы в Таджикистане / АН Тадж.ССР. Ин-т истории им. А. Дониша. – М., 1973. – Вып. X (1970 г.). – С. 42-61.

6. Ранов В.А. Имеет ли право на существование термин «лёссовый палеолит»? /Четвертичный период. Палеонтология и археология: К XXVIII Междунар. геол. конгр (Вашингтон, 1989). – Кишинев, 1989. – С. 137-145.

7. Ранов В. А. Каменный век /История таджикского народа. – Душанбе, 1998. – С.45-123. – Т. 1: Древнейшая и древняя история.

8. Ранов В. А. Лёссово-почвенная формация южного Таджикистана и лёссовый палеолит/ Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 2000. – Вып. XXVII. – С. 21-49.

9. Ранов В. А., Амосова А. Г. Работы отряда по изучению каменного века в 1984 г. /Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе, 1993. – Вып. XXIV (1984 г.). – С. 172-216.

10. Ранов В. А., Никонов А. А., Пахомов М. М. Люди каменного века на подступах к Памиру: (Палеолитическая стоянка Шугноу и её место среди окружающих памятников)/Acta archaeologuca Capratica /Academian Scientiarum Polonica. Collegium Cracoviense. – Krakov, 1976. – Wol. 16. – S. 5-20.

11. Ранов В. А., Шефер Й. Лёссовый палеолит /Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2. – С. 20-32.

12. Худжагелдиев Т. У., Анойкин А. А., Рыбалко А. Г., Курбанов Р. Н. Геоархеологические исследования памятников «лёссового палеолита» в долине р. Оби-Мазар весной 2021 г. /Археологические работы в Таджикистане. – Душанбе: ООО «Шохин-С», 2023. – Вып. XLIV. – С. 93-110.

13. Худжагелдиев Т. У., Колобова К. А., Шнайдер С. В., Кривошапкин А. И. Первое свидетельство бифасиальной технологии в среднем палеолите Таджикистана/Между Гоббсом и Руссо. Первобытная война. – Stratum plus. – СПб. -Кишинев-Одесса-Бухарест, 2019. – №1. – С. 265-277.

14. Шарипов А. Ф., Худжагелдиев Т. У., Анойкин А. А., Сосин П. М., Намиер Н., Ванг С., Курбанов Р. Н. Яхсу – новый памятник палеолитической культуры в Таджикистане//Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2025. – Т. XXXI. – С. 402 - 408.

15. Ranov V. A. The loessic paleolith: A new term in Paleolithic terminology/Current Research in the Pleistocene. – Vol. 4. – Main, 1987. – P. 25-26.

16. Ranov V. A. The «Loessic Palaeolithic» in South Tadjikistan, Central Asia: Its industries, chronology and correlation /Quarternairy Science Reviews. – 1995. – Vol. 14. – P. 731-745.

17. Ranov V. A. Loess-paleosol formation of Southern Tajikistan and the loess Palaeolithic/Praehistoria. – 2001. – Vol. 2. – P. 7-27.

ЯХСУ - НОВАЯ НИЖНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА В ТАДЖИКИСТАНЕ

В статье приводятся результаты работы международной геоархеологической экспедиции в 2025 г. по исследованию лёссово-почвенного разреза Яхсу в Ховалингском районе, где выявлена и раскопана новая стоянка нижнего палеолита. В культурном слое 5-го педокомплекса, сформировавшемся в межледниковый период в условиях теплого и влажного климата, обнаружено 32 каменных артефакта.

Каменная индустрия представляют следующие категории: нуклеус, пластина, отщепы и обломки галек. К орудиям отнесены нож, скребковидное и скребловидное орудия, рубящее орудие и фрагмент с бифасиальной ретушью. Технико-типологические характеристики каменной индустрии соответствуют раннепалеолитическим галечным традициям. Возраст стоянки, определенный по корреляции 5-го педокомплекса с 13-й изотопно-кислородной стадией Мирового океана (МИС 13), датируется 528-474 тыс. лет назад.

Материалы стоянки отражают смешанный технологический уровень с элементами леваллуазской техники расщепления камня, что свидетельствует о ранней стадии ее внедрения. Стоянка Яхсу рассматривается как кратковременная остановка небольших групп охотников и собирателей. Её значение связано с расширением ареала каратауской нижнепалеолитической культуры на восток и подтверждением существования миграционных коридоров *Homo erectus* через территорию современного Таджикистана.

Ключевые слова: лёссовый палеолит, стоянка, Яхсу, палеопочва, педокомплекс, каменная индустрия, каратауская культура, галечная технология расщепления.

ЁХСУ – МАСКАНИ НАВКАШФШУДАИ ПАЛЕОЛИТИ ПОЁН ДАР ТОҶИКИСТОН

Дар мақола натиҷаҳои кори экспедитсияи байналмилалии геологӣ -бостоншиносии соли 2025 оид ба таҳқиқи буриши зардхоки Ёхсу дар ноҳияи Ховалинг оварда шудаанд, ки дар он ҷо як маскани нави палеолити поёнӣ ошкор гардидааст. Дар қабати мадании маҷмуи хоки қадими 5-ум, ки дар давраи байнияхбандӣ дар шароити иқлими гарм ва намнок ташаккул ёфтааст, 32 бозёфти сангӣ ба даст омад.

Дар маҷмуи ашёи сангӣ бозёфтҳо аз намудҳои зерин иборатанд: нуклеус, тахтачасанг, парахаҳо ва шикастпораҳои сангҳои дарёӣ. Олоти меҳнат чунин намудҳоро дар бар мегиранд: корд, олоти харошакмонанд ва харошаки белчамонанд, бурранда ва як шикастпора бо ретуши бифасиалӣ. Хусусиятҳои техникӣ - типологии маҳсулоти ашёи сангӣ ба анъанаҳои пора кардани санги палеолити поён мувофиқат мекунанд. Маскан, ки аз рӯйи мутобиқати маҷмуи хоки қадими 5-ум бо марҳалаи 13-уми изотопӣ-оксигении Уқёнуси ҷаҳонӣ (MIS 13) муайян гардид, 528-474 ҳазор сол қидмат дорад.

Маводи маскан сатҳи омехтаи технологиро бо унсурҳои техникаи пора кардани санги намуди леваллуа инъикос мекунанд, ки аз марҳалаи ибтидоии ҷорӣ шудани он шаҳодат медиҳад. Маскани Ёхсу ҳамчун қароргоҳи кӯтоҳмуддати гурӯҳҳои хурди шикорчиён ва ҷамъоварандагон баррасӣ мешавад. Аҳаммияти он ба густариши ҳудуди маданияти палеолити поёнии Қаратоғ ба самти Шарқ ва тасдиқи мавҷудияти роҳҳои муҳоҷирати *Homo erectus* тавассути қалamрави Тоҷикистон иртибот дорад.

Калидвожаҳо:*палеолити зардхокӣ, бошишгоҳ, Ёхсу, хоки қадим, педокомплекс, саноати сангӣ, маданияти Қаратоғ, технологияи пора кардани санги дарёӣ.*

YAKHSU – A NEW LOWER PALEOLITHIC SITE IN TAJIKISTAN

The article presents the results of the 2025 international geoarchaeological expedition investigating the loess–paleosol section of Yakhsu in the Khovaling District, where a new Lower Paleolithic site was discovered and excavated. In the cultural layer of the 5th pedocomplex, formed during an interglacial period under warm and humid climatic conditions, 32 stone artefacts were found.

The lithic industry includes the following categories: a core, a blade, flakes, and pebble fragments. The tools comprise a knife, scraper-like implements, a side-scraper-type tool, a chopping tool, and a fragment with bifacial retouch. The techno-typological characteristics of the lithic industry correspond to Early Paleolithic pebble traditions. The age of the site, determined by correlating the 5th pedocomplex with Marine Isotope Stage 13 (MIS 13), is dated to approximately 528-474 thousand years ago.

The materials from the site reflect a mixed technological level with elements of the Levallois stone-knapping technique, indicating an early stage of its adoption. The Yakhsu site is interpreted as a short-term camp of small groups of hunter-gatherers. Its significance lies in the eastward expansion of the Karatau Lower Paleolithic culture and in confirming the existence of migration corridors of *Homo erectus* through the territory of present-day Tajikistan.

Keywords: *loess Paleolithic, site, Yakhsu, paleosol, pedocomplex, stone industry, Karatau culture, pebble technology.*

Рис. 1. **Общий вид лёссового разреза Яхсу. Местоположение стоянки указано стрелкой.**

Рис. 2. **Раскоп в 5-м педокомплексе лёссового разреза Яхсу.**

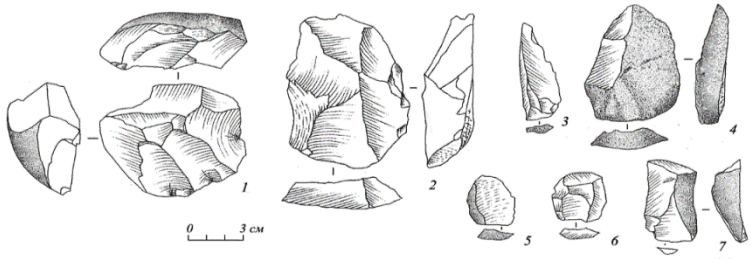


Рис. 3. **Каменная индустрия стоянки Яхсу: 1 – нуклеус, 2 – отщеп леваллуа, 3 – пластинчатый отщеп, 4 – пластина, 5 -7 – отщепы.**

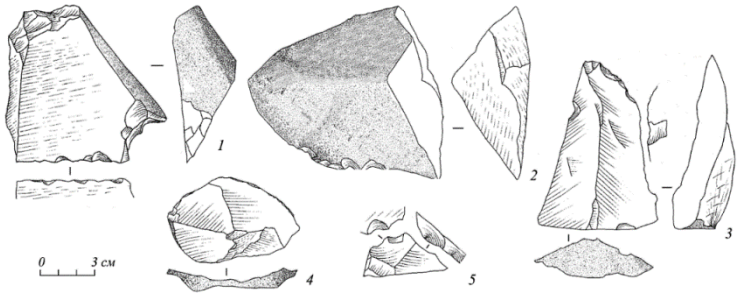


Рис. 4. **Орудийный набор стоянки Яхсу: 1 – рубящее орудие, 2 – скребловидное орудие, 3 – скребковидное орудие, 4 – нож, 5 – обломок с ретушью.**

Маълумот дар бораи муаллифон: Хуҷагелдиев Тура Урунович – ходими пешбари илмии шуъбаи бостоншиносии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ. Тел. (+992) 987-59-69-87. E-mail: turaurun59@mail.ru. **Шарипов Абдулло Фатҳуллоевич** – ходими хурди илмии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ. Тел. (+992) 553-99-85-85. E-mail: abdullo.sharipov.1985@mail.ru.

Information about the authors: **Khudjageldiev Tura Urunovith** – research scientific of the Department of archaeology of the A. Donish Institute of history, archaeology and ethnography of National Academy of Sciences of Tajikistan. Tel. (+992) 987-59-69-87. E-mail: turaurun59@mail.ru. **Sharipov Abdullo Fathulloevith** – research scientific of Institute of history, archaeology and ethnography of National Academy of Sciences of Tajikistan. Тел. (+992) 553-99-85-85. E-mail: abdullo.sharipov.1985@mail.ru.

УДК: 930.85 (571) (091).01

УНИКАЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ТАДЖИКИСТАНА ПЕРИОДА ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ В КОЛЛЕКЦИЯХ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ДРЕВНОСТЕЙ ТАДЖИКИСТАНА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ДАТИРОВКИ

ХОДЖАЕВА Н. ДЖ.
Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

Таджикистан – регион с богатым историко-культурным наследием, где на протя-жении тысячелетий взаимодействовали зороастрийская, буддийская, эллинистическая и исламская культурные традиции. Их многослойное влияние отражено в археологических памятниках, которые служат ключевым источником для реконструкции истории региона. Значительная часть найденных артефактов хранится в коллекциях Национального музея древностей Таджикистана при Институте истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук. За годы существования музей стал ведущим центром

изучения и сохранения археологического наследия страны. В 2026 году он отмечает 25-летие своей деятельности, что позволяет подвести итоги накопленного исследовательского опыта.

После обретения Таджикистаном государственной независимости 9 сентября 1991 года археология приобрела особое значение для формирования национальной исторической идентичности. Системное документирование и анализ археологических материалов стали ключевым инструментом осмысления исторического прошлого страны. Активное международное сотрудничество способствовало внедрению современных полевых и лабораторных методов, включая радиоуглеродный и палеоботанический анализ, а также публикации результатов исследований в международных научных изданиях, что обеспечило эффективную интеграцию таджикской археологии в глобальное научное пространство и повысило её видимость на международной арене.

С 1991 г. исследования охватили практически всю территорию страны – Хатлонскую и Согдийскую области, районы республиканского подчинения и Горно-Бадахшанскую автономную область. В результате раскопок выявлены памятники разных эпох – от палеолитических стоянок до античных и средневековых городских центров, включая зороастрийские погребальные комплексы и эпиграфические памятники на древнегреческом и бактрийском языках.

В статье анализируются отдельные экспонаты Национального музея древностей, выявленные после 1991 г.: каменная мужская статуэтка из погребений Гелота (6 км к северо-западу от г. Куляба, Хатлонская обл.), надписи на древнегреческом и бактрийском языках, серебряная монета царя Гелиокла (145-130 гг. до н. э.), крышка каменного сосуда и две амфоровидные подвески с коралловой сердцевиной и золотыми ручками из городища Тахти Сангин (Кубодиёнский р-он, Хатлонская обл.), а также росписи тюльпанов и маков и перстень-печать с черным сардониксом из раннесредневекового Пенджикента (Пенджикентский р-он, Согдийская обл.).

Эти находки имеют значительную ценность для уточнения религиозной принадлежности древних жителей региона, а также для реконструкции хронологии исторических процессов, включая формирование этнических и культурных особенностей таджикского этноса.

Для ряда артефактов уже существуют публикации [8, 39-74, рис. 38-39; 14, 131-158; 28, 93-113; 37; 21, 9-23 и др.], однако по некоторым исследования либо отсутствуют, либо выполнены фрагментарно: материалы введены в научный оборот частично, без комплексного анализа контекста и сопоставления с предыдущими исследованиями. Часто публикации ограничиваются описанием и датировкой, при этом теоретико-методологические аспекты остаются недостаточно раскрытыми. Это подчёркивает необходимость комплексного исследования, позволяющего систематизировать имеющиеся данные и уточнить их историко-культурное значение.

Цель исследования – комплексно изучить археологические находки периода независимого Таджикистана с упором на их теоретико-методологическое осмысление. В работе рассматриваются изображения на крышке каменного сосуда, фрагменты живописи, перстень из Пенджикента, а также статуэтка из Гелота и амфоровидные подвески из Тахти-Сангин и других объектов. Такой подход позволяет раскрыть культурное и религиозное значение находок, уточнить хронологические рамки и оценить их вклад в историко-этническое развитие региона, включая Центральную Азию.

АНТРОПОМОРФНАЯ СТАТУЭТКА ИЗ ПОГРЕБЕНИЯ ГЕЛОТ – ДАРНАЙЧИ

Одним из самых интересных артефактов эпохи бронзы (посл. четверть III тыс. – нач. II тыс. до н.э.), пополнивших коллекцию Национального музея древностей Тажикистана после 1991 г., является каменная статуэтка мужчины (рис. 1.), найденная в 2008 г. в женском погребении 2 раскопа 6 из могильника Гелот (в 6 км к северо-западу от г. Куляба Хатлонская обл.), относящегося к сапалли - джаркутанскому этапу сапаллинской земледельческой культуры [7, 108 и114].

При интерпретации значения данной находки важно учитывать общую археологическую картину Южного Таджикистана в эпоху бронзы. На протяжении длительного времени в пределах этого региона отсутствовали надёжно датированные памятники раннего и среднего этапов бронзового века, которые можно было бы сопоставить с периодами Намазга IV – ранней Намазга V (3000-2500 лет до н.э.), хорошо известными по материалам Туркменистана. Вместе с тем в научной литературе закрепилось предположение о том, что формирование первых оседлых поселений на юге Таджикистана следует отнести к III тыс. до н. э. [40, 281-283].

Ситуация начала меняться после археологических исследований могильников Гелот, Фархор и Дарнайчи. До проведения этих работ сведения о памятниках Бактрийско - Маргианского археологического комплекса (БМАК) на территории Таджикистана оставались крайне ограниченными. Раскопки названных объектов существенно расширили источниковую базу, характеризующую ранние земледельческие культуры южной части региона. Полученные материалы свидетельствуют о существовании здесь оседлых поселений уже в III тыс. до н. э., а также позволяют уточнить представления о характере контактов и взаимодействия между земледельческими и степными культурными традициями в середине III – начале II тыс. до н. э. [9, 103-143; 10, 91-118; 24, 119-126; 5, 39-47; 6, 47-66; 3; 8, 2018 и др.].

Обнаруженная в Гелоте статуэтка представляет собой фигуру мужчины. Её высота составляет 13,2 см, а ширина плеч – 8,2 см. Нижняя часть выполнена в форме усечённого конуса. Основание скульптуры имеет овальную форму (8 × 5,7 см) и служит опорой для всей фигуры. Голова округлая (4 × 4 см) с чётко выделенным прямым носом, подбородком и губами, складывающимися в лёгкую улыбку. Рот обозначен небольшим углублением, уголки губ слегка приподняты. Глаза большие, миндалевидные, с детально проработанными бровями и глазными яблоками. Переход от головы к плечам плавный, шея короткая, плечи широкие. Руки расположены на поясе: большие пальцы слегка приподняты и соприкасаются, остальные сжаты в кулак.

Тщательно выполнены уши и причёска: лоб и уши не закрыты волосами, ушные раковины и мочки имеют эллипсовидную форму. Волосы прямые, прорезаны тонкими углублёнными линиями, на концах собраны в косу и свернуты в валик на затылке [9, 116; 8, 63-64, рис. 38-39]. По положению рук можно заключить, что фигура изображает мужчину в молитвенной позе.

Сравнительный анализ подобных статуэток из Месопотамии, а именно из древних городов - государств Урука (4000-3100 гг. до н.э.) [32, No 24] на юге Ирака, Мари (III-II тыс. до н.э.), расположенного на востоке современной Сирии, недалеко от границы с Ираком и области Диала раннединастийного периода (2900-2350 гг. до н.э.) [33, 1, Tf. 24, a, d; Tf. 30, a, b], в долине реки Дияла, которая протекает через восточный Ирак и частично примыкает к западному Ирану, позволил исследователям прийти к заключению, что по стилю исполнения (широкие плечи, широко рас-

ставленные руки, изображение лица с «улыбающимися губами» и большими глазами миндалевидной формы) эту фигуру можно сопоставить с месопотамской пластикой раннединастийного времени [9, 116-118; 8, 64-65].

Иконографический тип статуэтки из Гелота демонстрирует также заметные сходства с глиняными фигурами в молитвенной позе из некрополя А в Шахдаде (Восточный Иран). У этих фигур плечи широкие, а руки сложены на груди или поясе, что делает их торс визуально близким к гелотской статуэтке [35, No 1479, 3432, 3520]. В то же время, фигурка из земледельческого могильника Гелота не имеет прямых аналогий среди памятников БМАК. Тем не менее, некоторые черты сходны с пластикой этого региона: детальная проработка глаз, формы ушных раковин и причёски напоминает женскую фигуру на серебряном навершие булавки из Гонура (Туркменистан) [25, 78, рис. 3], на бронзовых булавках из разграбленных могил Северного Афганистана [39, Tf. 70], а также в памятниках Сапаллитепа [1, 76, табл. 40] и Джаркутана (Узбекистан) [2, табл. 34,6].

Сравнительный анализ статуэток из Гелота, месопотамских святилищ и изображений на навершиях булавок из памятников БМАК показал, что характерные жесты пальцев рук обычно встречаются у фигур жрецов и молящихся [9, 116-117; 8, 64-65]. По нашему мнению, статуэтка из Гелота представляет жреца. Особенно интересно, что она была найдена в женском погребении. В древневосточной пластике такие фигуры чаще всего не являются портретами конкретного человека, а показывают обобщённый образ молящегося. Пол изображения, таким образом, не обязательно соответствует полу погребённого. Вероятно, статуэтка выполняла функцию символического «вечного молящегося», действующего как посредник между человеком и божеством. Она могла служить культовым знаком, воплощающим идею непрерывной молитвы и обеспечивающим защиту умершей. С учётом богатого инвентаря – многочисленных бусин, посуды и бронзовых предметов – можно предположить, что погребённая имела определённое отношение к культовым практикам или ритуальной сфере.

Находка каменной статуэтки в Гелоте демонстрирует заметное влияние западных, в частности месопотамских, образцов на культурные представления бактрийского общества. Этот факт подтверждает вывод П. Амье о значимой роли Элама в формировании бактрийской цивилизации. Как отмечает исследователь, «границы сферы влияния Элама, изначально сосредоточенной в Восточном Иране, продвинулись до Бактрии» [31, 135]. Процесс культурного проникновения Элама в Бактрию осуществлялся через Восточный Иран и Северный Афганистан, что указывает на широкие и устойчивые культурные связи между отдалёнными регионами.

Таким образом, открытие нового крупного древнеземледельческого центра в III тыс. до н. э. на территории Южного Таджикистана свидетельствует о том, что уже в середине – второй половине III тыс. до н. э. здесь происходили активные миграционные процессы, проявлявшиеся в тесных контактах местного населения с представителями культур из других регионов. До настоящего времени Южный Таджикистан рассматривался исследователями преимущественно как окраина относительно основных центров древневосточной цивилизации. Однако новые археологические находки позволяют рассматривать эту территорию как один из значимых центров земледельческой культуры, оказавших влияние на формирование БМАК.

НАХОДКИ ИЗ ТАХТИ САНГИНА

Городище Тахти Сангин, расположенное на юге Таджикистана, на берегу Амударьи (авест. vaŋhuiiå dāitiiaiiå-, vaŋhuuī dāitī- – Вахви-Датия; др.греч. Ὦξος – Окс; араб. جيحون – Джайхун), у слияния рек Пяндж и Вахш, является одним из наиболее значимых археологических памятников Центральной Азии. Археологические исследования памятника в период государственной независимости позволили уточнить хронологию Тахти Сангина и установить, что город был основан 2500 лет назад, в конце V века до н. э. [34, 9-11; 16, 25-26, 31-33; 27, 230-255]. Здесь функционировал крупный культовый комплекс, включавший храм Окса, который в древности являлся важным религиозным и культурным центром не только Бактрии, но и всего региона. Сегодня Тахти Сангин рассматривается как важный источник для изучения культурных традиций, религиозных представлений и исторического развития ахеменидской, эллинистической и кушанской Бактрии. Раскопки постсоветского периода (с 1998 г.), с использованием методов стратиграфического анализа, детальной фиксации архитектурных элементов и системного изучения находок, позволили уточнить топографию городища, выявить новые стратиграфические горизонты и дать более точную оценку его культурной и культовой роли [см. 27, 2023]. Как и в ходе предыдущих исследований, на памятнике были обнаружены уникальные артефакты, пополнившие коллекцию Национального музея древностей Таджикистана. Рассмотрим некоторые из них.

Археологам хорошо известно, что значимые находки на раскопках встречаются крайне редко. Обнаружение свидетельств древней письменности, таких как надписи, представляет собой не только редкое событие, но и важный научный результат, способный существенно расширить знания о культуре и истории древних обществ. Эти находки становятся итогом многолетнего, систематического и целенаправленного труда исследователя, включающего как тщательный анализ археологического материала, так и методическую работу на самом памятнике.

Подобные открытия выпадают лишь немногим специалистам. Среди археологов, сумевших зафиксировать такие артефакты, выделяются А. П. Дружинина, возглавлявшая раскопки на памятнике Тахти Сангин в 1998-2010 гг., и Т. Худжагельдыев, который руководит работами на этом памятнике в последние годы. Эти примеры показывают, что ценные научные результаты возникают закономерно в рамках системного и осмысленного археологического поиска.

Тахтисангинский отряд Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ под руководством А. Дружининой в 1998-2010 гг. выявил четыре посвятительные надписи на древнегреческом языке, в которых встречается гидроним «Окс» (др.греч. Ὦξος) [38, 196-199; см. 27, 130-136]. Одна из этих надписей, полностью сохранившаяся в верхней части литейной формы (рис. 2), была раскопана в 2007 г. [17, 116-119, рис.6-7; 26, 29] и в настоящее время экспонируется в Музее. Надпись датируется периодом от второй четверти II в. до н. э. до второй половины I в. н. э. [см. 27, 2023: С. 134-135, сн. 6] и содержит текст:

«Иромоис, сын Немиска, держатель (или под.) печати, посвятил Оксу котел из семи талантов (бронзы) согласно обещанию» [19, 117].

Остальные надписи хранятся в музейных фондах. Во всех надписях упоминается гидроним «Окс», что подтверждает, что храм был посвящен реке Амударья. У населения Бактрии Амударья ассоциировалась с авестийской богиней Ардвисурой Анахитой (авест. Arəduuī-sūrā Anāhitā, ср.-перс. Анахид, фарси, тадж. Нахид), которую бактрийцы называли Вахшу (Wakhš(ō)) [27, 191-192].

Таким образом, надписи, локализованные на территории храма и выполненные на древнегреческом языке, могут рассматриваться как часть ритуальной практики и свидетельство использования греческой письменности в культовой сфере региона.

В 2022 г. археологическим отрядом Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ под руководством Т. У. Худжагельдиева на городище Тахти-Сангин, к востоку от храма Окса, был обнаружен фрагмент известкового камня с греческой надписью [22, 83, рис. 1; 30, 117-118; 26, 78] (рис. 3), относящейся к кушанскому периоду. По мнению П. Б. Лурье, на этом фрагменте присутствует бактрийское слово, значение которого определяется как «вода» [22, 86]. Эта находка является первой надписью на бактрийском языке в эпиграфическом материале Тахти Сангина и имеет важное значение для изучения взаимодействия греческой и бактрийской письменностей в регионе.

Систематизация надписей по хронологии и типу позволяет проследить трансформацию эпиграфической практики в храмовом комплексе и оценить степень проникновения греческой письменной традиции в культовую сферу Тахти Сангина. Эти данные подчеркивают закономерность получения значимых научных результатов в ходе целенаправленного и систематического археологического исследования памятника, а также позволяют связать храмовую традицию с религиозными представлениями бактрийцев о реке Амударья как о воплощении божественного начала Вахшу/Ардвисуры Анахиты.

Следует выделить ещё один уникальный артефакт из Тахти Сангина. Речь идёт о крышке каменного сосуда [13, 225, рис. 2; 14, 131-158; 26, 70] (рис. 4), обнаруженной в 2003 г. археологическим отрядом А. П. Дружининой в южной части города и датируемой III-II вв. до н. э. Крышка изготовлена из серо-чёрного сланца, украшена инкрустацией из тонких каменных пластин и резьбой; борт разделён на два узких и одно широкое орнаментальное поле, при этом центральное широкое поле занимает зооморфный фриз с парами лошадей и газелей, а узкие поля инкрустированы треугольниками из красной яшмы, светло-желтого стеатита и синего ляпис-лазурита. Между ручкой крышки и треугольной полосой проходят три концентрических желобка. Вес и материал изделия исключают использование его как пиксиды, поэтому сосуд имел, вероятнее всего, ритуальное назначение и использовался в церемониях, связанных с храмом Окса [28, 105]. Семантика орнамента и зооморфных изображений указывает на культовый характер предмета, связанный с культом плодородия, отражая религиозные представления населения Северной Бактрии, которое даже после греческого завоевания сохраняло верность древней религии – зороастризму.

Особого внимания заслуживают две подвески амфоровидной формы с коралловой сердцевиной и жемчужной вставкой, снабжённые золотыми изогнутыми ручками, выполненными в виде стилизованных фигур рыб [17, 111, рис. 13.5; 18, 197, рис. 9.1-3; 26, 69]. Данные украшения датируются II – первой половиной I вв. до н.э. и были обнаружены в 2007 и 2008 гг. в ходе археологических исследований на территории площади перед храмом Окса в Тахти Сангине.

Высокий уровень ювелирного мастерства, тщательная обработка драгоценных материалов и продуманность композиционного решения позволяют рассматривать эти изделия как характерные образцы бактрийского ювелирного искусства эллинистического времени. Использование таких материалов, как коралл, жемчуг и золото, указывает не только на высокий статус подобных предметов, но и на широкие торгово-культурные связи Бактрии, обеспечивавшие поступление редких и престижных материалов (коралл и жемчуг) из различных регионов древнего мира.

Особый интерес представляет иконографический мотив рыб, использованный в оформлении ручек подвесок. К интерпретации данного образа обращалась О. Каландарова, предпринявшая семантический анализ этого декоративного элемента. По мнению исследовательницы, подобная символика может быть связана с зороастрийской религиозной традицией [20, 244]. В зороастрийских представлениях водная стихия занимала важное место в космологической системе, а связанные с ней образы нередко наделялись охранительной и жизнетворной символикой.

Контекст обнаружения подвесок – в непосредственной близости от культового пространства храма Окса – позволяет рассматривать их не только как украшения, но и как предметы, потенциально связанные с культовой практикой. Вполне вероятно, что подобные изделия могли выступать в качестве вотивных даров, приносимых в святилище. Такая интерпретация согласуется с многочисленными находками предметов высшего мастерства на территории храмового комплекса, которые являлись элементами культовых приношений.

В этом контексте использование образа рыб приобретает дополнительное значение, отражая сохранение и устойчивость религиозных представлений, восходящих к зороастрийской традиции. Даже в условиях активного культурного взаимодействия и проникновения эллинистических художественных влияний местная религиозная символика продолжала играть заметную роль в формировании художественного языка ювелирных изделий.

Таким образом, подвески из Тахти Сангина представляют интерес не только как высокохудожественные образцы бактрийского ювелирного искусства, но и как важный источник для изучения религиозной символики и культовых практик региона. Их анализ также демонстрирует сложность интерпретации археологических находок из храмового комплекса, где художественные, социальные и религиозные аспекты нередко переплетаются, что создаёт дополнительные трудности при определении их функционального назначения и культурной принадлежности.

Среди нумизматических экспонатов Национального музея древностей Таджикистана особое место занимает серебряная монета царя Гелиокла (145-130 гг. до н.э.) [15, 160-161, фото 10; 26, 66], обнаруженная Тахтисангинским археологическим отрядом в 2010 г. Диаметр монеты составляет 2,2 см. На лицевой стороне представлен профильный портрет царя Гелиокла, обращённый вправо; он изображён в диадеме и облачён в хламиду – плащ, характерный для воинов и странников [15, 161].

На оборотной стороне помещена фигура Зевса, изображённого в анфас и одетого в гиматий. В правой руке он держит пучок молний, а левая приподнята и опирается на скипетр. С левой стороны расположена надпись на греческом языке: «Басилеос Дикаиоу Хелиоклеус», что переводится как «(монета) справедливого царя Гелиокла» [15, 161]. В нижней части реверса, под надписью, также присутствует монограмма в форме буквы «дельта».

Данный экземпляр представляет значительную научную ценность, поскольку является первым хорошо сохранившимся образцом монеты этого правителя, поступившим в музейную коллекцию из контролируемых раскопок. Несмотря на то, что монеты Гелиокла известны нумизматике и встречаются в частных и музейных собраниях, хорошо сохранившиеся экземпляры, обнаруженные в надёжном археологическом контексте, остаются сравнительно редкими.

Монета обладает не только художественной ценностью, но и важным стратиграфическим значением: её присутствие в культурном слое площади перед храмом Окса позволяет уточнить хронологические рамки функционирования комплекса в позднеэллини-

стический период. В этом контексте находка становится уникальным экспонатом для музея, одновременно выступая как индикатор торгово-культурных связей Бактрии и материал для анализа экономических и политических процессов конца II в. до н.э.

Таким образом, серебряная тетрадрахма Гелиокла свидетельствует не только о высоком уровне мастерства бактрийских чеканщиков, но и служит важным источником сведений о культурно-историческом контексте функционирования храмового комплекса. При этом, как отмечает А.П. Дружинина, несмотря на общепринятую датировку его правления 145-130 гг. до н. э., находка новой монеты в храме Окса вновь ставит вопрос как о системе номиналов его чеканки, так и о возможном пересмотре хронологических рамок его царствования, включая вероятность более раннего периода правления [15, 161].

Таким образом, новые артефакты с городища Тахти Сангин, представленные в экспозиции Национального музея древностей Таджикистана, наряду с уже известными произведениями искусства, свидетельствуют о многогранном таланте и высоком профессионализме бактрийских мастеров, продолжавших и развивавших многовековые художественные традиции своих предшественников. Особое значение имеют находки, связанные с культовыми практиками, в том числе крышка каменного сосуда и амфоровидные подвески с изображением рыб, которые демонстрируют не только художественные достоинства, но и религиозно-семантическую наполненность.

Обнаружение подобных предметов вблизи храмового комплекса Окса подтверждает, что Тахти Сангин был важным центром религиозной жизни региона, где сохранялись и трансформировались зороастрийские представления о космологическом порядке и сакральной символике воды и животных. В этом контексте новые надписи с памятника – на древнегреческом и бактрийском языках – не только расширяют эпиграфическую базу Центральной Азии, но и позволяют исследовать культурное взаимодействие местной и эллинистической традиций.

В совокупности, археологический материал Тахти Сангина свидетельствует о значительной роли памятника в экономической, художественной и религиозной жизни Бактрии позднеэллинистического времени. Эти находки укрепляют представление о Тахти Сангине как о ключевом историко-культурном центре региона, обеспечивая новые возможности для анализа социального устройства, художественного мастерства и сохранения древних религиозных верований Центральной Азии.

НАХОДКИ ИЗ ДРЕВНЕГО ПЕНДЖИКЕНТА

В 2011-2012 гг. совместной археологической экспедицией Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша и Государственного Эрмитажа под руководством П. Б. Лурье и Ш. Курбанова были сняты фрагменты настенной живописи с изображением тюльпанов и маков в помещении 13 «Нижнего» дворца (VI в.) [23, 20, илл. 56-59, 61-66, 69-70; 37, 16-17; 12, 12] (рис. 5) эталонного памятника раннесредневекового города Центральной Азии - древнего Пенджикента. Два наиболее хорошо сохранившихся фрагмента росписей были подвергнуты реставрации и в настоящее время экспонируются в коллекции Национального музея древностей Таджикистана.

Следует отметить, что мотив тюльпанов встречается также в росписях обоих храмов древнего Пенджикента [11, 128; 36, 190, 193, fig. 4] и храме Джартепа II [4, 54-55, рис.102], в районе Варагсар недалеко от Самарканда (Республика Узбекистан), что свидетельствует о его широком распространении в согдийской художественной традиции. Семантике изображений тюльпанов автор статьи посвятил от-

дельное исследование, в котором подчёркивается, что «первые изображения тюльпанов в Центральной Азии зафиксированы в эпоху бронзы, когда на ее территории шел процесс формирования таджикского народа» [28, 32]. Праздник тюльпанов, аналогично праздникам Навруз, Тиргон, Мехргон и Сада, имел аграрно-земледельческий характер и входил в состав земледельческого календаря предков таджиков [28, 32-33].

Особый интерес представляет тот факт, что изображения тюльпанов могут рассматриваться как отголосок зороастрийских традиций, где растения и цветы нередко ассоциировались с жизненной силой, плодородием и космологическим порядком. В этом контексте росписи не только выполняли декоративную функцию, но и отражали религиозно-культовые представления населения Согда, интегрируя аграрные практики с символикой защиты и гармонии, характерной для зороастрийской культуры. Сопоставление визуальных мотивов росписей с древними обычаями празднования первого урожая демонстрирует, что художественное оформление дворцов и храмов Пенджикента было тесно связано с социально-религиозными практиками и служило инструментом сохранения культурной и религиозной памяти региона.

Особый интерес представляет ещё одна находка из городища древнего Пенджикента начала VIII в., обнаруженная в 2012 г. – уникальный перстень-печать со вставкой из чёрного сардоникса [21, 12; 12, 6]. На каменной вставке выбито изображение фигуры зороастрийского жреца в полный рост, держащего в руке факел с пламенем.

Перстень не только демонстрирует высокий уровень мастерства местных ювелиров, но и является важным источником для изучения религиозной символики раннесредневекового Согда. Изображение жреца с факелом может интерпретироваться как прямое свидетельство сохранения зороастрийских культовых практик и представлений о ритуальном огне, которые оставались значимой частью духовной жизни населения региона даже в VIII в.

Данная находка уникальна не только в художественном и материальном плане, но и с точки зрения культурно-религиозного контекста: перстень-печать, вероятно, использовался для официальных или религиозных целей, что подчёркивает роль личных атрибутов как носителей сакральной символики. В совокупности с другими артефактами древнего Пенджикента этот перстень подтверждает устойчивость зороастрийских традиций и их интеграцию в повседневную жизнь согдийского общества на протяжении столетий.

Комплексный анализ уникальных археологических находок, поступивших в коллекции Национального музея древностей Таджикистана после 1991 г., позволил существенно расширить источниковую базу изучения древней истории региона и по-новому осмыслить ряд ключевых проблем археологии Южной Центральной Азии. Научная новизна проведённого исследования заключается в комплексной интерпретации музейных предметов в широком культурно-историческом контексте, а также в уточнении хронологических и культурных параметров археологических процессов на территории современного Таджикистана. Исследование демонстрирует значимость археологических материалов, выявленных и изученных в период государственной независимости Республики Таджикистан, которые позволяют существенно пересмотреть представления о древнейшей истории региона и его роли в системе межкультурных связей древнего мира.

Особое значение имеет анализ статуэтки из Гелота, датируемой последней четвертью III тыс. – началом II тыс. до н. э. Данная находка фиксирует ранние формы ритуальной практики и свидетельствует о существовании развитых земледельческих сообществ на территории Южного Таджикистана уже в III тыс. до н. э. Тем самым археологические данные позволяют существенно удревнить хронологические рамки эпохи бронзы в этом регионе

и уточнить процесс формирования ранних оседлых культур. Статуэтка, вероятно изображающая молящегося или служителя культовой обрядности, отражает ранние религиозные представления и символику погребальных практик. Одновременно она демонстрирует культурные контакты местных сообществ с регионами Месопотамии и Восточного Ирана. Научно значимым результатом является подтверждение присутствия памятников Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) на территории современного Таджикистана, что существенно расширяет географию распространения данной культурной общности и позволяет рассматривать Южный Таджикистан как важный компонент культурных процессов раннего бронзового века.

Материалы из Тахти Сангина демонстрируют сложный синтез местных зороастрийских и эллинистических культурных традиций. Надписи на древнегреческом и бактрийском языках, содержащие упоминание гидронима «Окс», свидетельствуют о сакрализации Амударьи и её связи с культом божества водной стихии (Вахшу/Ардвисура Анахита). Крышка каменного сосуда и амфоровидные подвески отражают устойчивость зороастрийской символики, связанной с представлениями о плодородии, воде и животном мире. Использование редких материалов, таких как коралл и жемчуг, указывает на широкие торгово-культурные связи региона с различными центрами древнего мира. Серебряная монета царя Гелиокла позволяет уточнить хронологические границы функционирования храмового комплекса на Тахти Сангине и подтверждает включённость региона в экономическое и политическое пространство эллинистического мира. Вместе с тем данная находка вновь поднимает вопрос как о системе номиналов чеканки царя Гелиокла, так и о возможном пересмотре датировок его правления, включая вероятность более раннего периода царствования.

Археологические материалы из древнего Пенджикента (VI-VIII вв. н. э.) демонстрируют устойчивость и трансформацию зороастрийских религиозных традиций в согдийской среде. Фрагменты настенной живописи с растительными мотивами, связанными с земледельческой символикой, а также перстень-печать с изображением жреца и факела фиксируют сохранение культового значения огня и его интеграцию в социально-религиозную практику согдийского общества. Эти находки подтверждают преемственность сакральных представлений и их адаптацию в различных исторических условиях.

Таким образом, археологические находки, поступившие в коллекции Национального музея древностей Таджикистана в период государственной независимости, обладают высокой научной значимостью и существенно расширяют источниковую базу изучения древней истории региона. Их комплексный анализ позволил уточнить хронологию ряда археологических комплексов, выявить новые аспекты религиозных представлений и реконструировать характер культурных и торговых связей населения Южной Центральной Азии. Важнейшим научным результатом является установление присутствия памятников Бактрийско - Маргианского археологического комплекса на территории современного Таджикистана, а также существенное удревнение хронологических рамок эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Полученные данные позволяют рассматривать данный регион как важную зону формирования и взаимодействия древних культур. Вместе с тем анализ археологических материалов демонстрирует длительную устойчивость и преемственность зороастрийской религиозной традиции, основные элементы которой – культы воды, огня, плодородия и связанная с ними сакральная символика – сохранялись и трансформировались на протяжении многих столетий. Это свидетельствует о глубокой укорененности зороастрийской религиозной традиции в духовной жизни населения региона и её значительной роли в формировании культурных традиций Центральной Азии.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аскаров А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана/А. А. Аскаров. – Ташкент: «Фан», 1977. – 230 с.

2. Аскаров А. А., Абдуллаев Б. Н. Джаркутан/А. А. Аскаров. – Ташкент: «Фан», 1983. – 120 с.

3. Бобомуллоев С. Материалы Фархорской археологической экспедиции. Вып.1 /С. Бобомуллоев. – Душанбе: «Дониш», 2017. – 145 с.

4. Бердимурадов А. В., Самибаев М. К. Храм Джартеппа/А. В. Бердимурадов, М. К. Самибаев. – Ташкент: АН РУ, 1999. – 71 с.

5. Бобомуллоев С., Виноградова Н. М., Бобомуллоев Б. Некрополь Фархор – новый памятник эпохи средней бронзы Таджикистана /С. Бобомуллоев, Н. М. Виноградова, Б. Бобомуллоев /Изв. АН РТ. Отд. Общ. наук. – Душанбе, 2014. – № 3 (235). – С. 39-47.

6. Бобомуллоев С., Виноградова Н. М., Бобомуллоев Б. Раскопки могильника среднего бронзового века Фархор на юге Таджикистана С.Бобомуллоев, Н.М. Виноградова, Б.Бобомуллоев /ЗИИМК. – 2015. – № 5. – С. 47-66.

7. Виноградова Н. М., Кутимов Ю.Г. Богатое земледельческое погребение эпохи бронзы в Гелоте /Проблемы культурогенеза и культурного наследия. Сборник статей к 80-летию Вадима Михайловича Массона/Н. М. Виноградова, Ю. Г. Кутимов. – СПб.: «Инфо Ол», 2009. – С. 102-117.

8. Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г. Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи)/Н. М. Виноградова, Ю. Г. Кутимов. – М.: Институт востоковедения РАН, 2018. – 276 с.

9. Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Дж., Тойфер М. Археологические исследования могильников Гелот и Дарнайчи в 2010 году/Н.М. Виноградова, Ю. Г. Кутимов, Дж. Ломбардо, М. Тойфер /АРТ. – Душанбе, 2013. – Вып. XXXVI. – С. 91-118.

10. Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Дж. Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы на могильнике Гелот в 2008 году/Н. М. Виноградова, Ю.Г. Кутимов, Дж. Ломбардо/АРТ. – Душанбе, 2010. – Вып. XXXIV. – С. 103-143.

11. Воронина В. Л. Архитектурные памятники древнего Пенджикента /В. Л. Воронина /МИА. – 1953. – № 37. – С. 99-132.

12. Древний Пенджикент. Душанбе, 2025. 15 с. [тадж, рус, англ. яз.].

13. Дружинина А. П. Предварительные результаты исследования городища Тахти-Сангин и определение границ города эллинистического времени /А. П. Дружинина/АРТ. – Душанбе, 2004. – Вып. XXIX (2003 г.). – С. 224-236.

14. Дружинина А. П. Крышка каменной пиксиды с зооморфным фризом с городища Тахти Сангин. Новая находка на территории древней Бактрии /А.П. Дружинина/Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2004а. – № 3 (19). – С. 131-158.

15. Дружинина А. Археологические исследования городища Тахти Сангин в 2010 году /А. Дружинина/АРТ. – Душанбе, 2013. – Вып. XXXVI (2010 г.). – С. 143-180.

16. Дружинина А. Строительные элементы и объекты ахеменидского времени из храма Окса/А. Дружинина/Тахти Сангин как пример синтеза цивилизаций Востока и Запада. Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2500-летию городища Тахти Сангин (Душанбе, 4-6 октября 2023 г.). – Душанбе: Дониш, 2023. – С. 22-45.

17. Дружинина А. П., Худжагелдиев Т. У. Отчет о раскопках на площади храма Окса на городище Тахти Сангин в 2007 г. Продолжение работ в раскопах Храм №17 и №18/А. П. Дружинина, Т. У. Худжагелдиев/АРТмч. – Душанбе, 2009. – Вып. XXXIII (2007 г.). – С. 107-136.

18. Дружинина А., Инагаки Х., Худжагелдиев Т. Результаты археологических исследований на городище Тахти Сангин в 2008 г/А. П. Дружинина, Х. Инагаки, Т.У. Худжагелдиев /АРТ. – Душанбе, 2010. – Вып. XXXIV (2008 г.). – С. 191-216.

19. Иванчик А. И. Новые греческие надписи из Тахти Сангина и проблема возникновения бактрийской письменности/А. И. Иванчик/ВДИ. – 2011. – Вып. 4. – С. 110-131.

20. Каландарова О. К вопросу об амфоровидной серьге из Тахти -Сангина/О. Каландарова /Тахти Сангин как пример синтеза цивилизаций Востока и Запада. Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2500-летию городища Тахти Сангин (Душанбе, 4-6 октября 2023 г.). – Душанбе: Дониш, 2023. – С. 240-247.

21. Курбанов Ш. Ф., Косых А. М. Раскопки объекта XXVI в восточной части городища древнего Пенджикента/Ш. Ф. Курбанов, А. М. Косых/Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. – СПб., 2013. – Вып. XV. – С. 9-23.

22. Лурье П. Фрагмент кушанской монументальной надписи из Тахти Сангина / П. Лурье /Тахти Сангин как пример синтеза цивилизаций Востока и Запада. Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2500-летию городища Тахти Сангин (Душанбе, 4-6 октября 2023 г.). –Душанбе: Дониш, 2023. – С. 83-91.

23. Маршак Б. И., Распопова В. И. Дворец VI у подножия цитадели древнего Пенджикента/Б. И. Маршак, В.и. Распопова. – СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. – 80 с.

24. Нечвалода А. И. Палеоантропологические материалы из некрополей Гелот и Дарнайчи/А. И. Нечвалода/АРТ. – Душанбе, 2013. – Вып. XXXVI. – С.119-126.

25. Сарианиди В. И. Составные статуэтки из Бактрии и Маргианы/В.И. Сарианиди /ВДИ. – 1995. – № 1 (212). – С. 75-79.

26. Сокровища Тахти Сангина. Фотоальбом. Авторы-составители Ходжаева Н., Дружинина А., Додхудоева Л., Пулотов А. – Душанбе: Издательство «Бунёди адабии Айнӣ, 2025. – 80 с. [тадж, рус, англ. яз.].

27. Ходжаева Н. Дж. Тахти Сангин в истории и культуре Центральной Азии. – Душанбе: Дониш, 2023. – 318 с.

28. Ходжаева Н. Дж. Тюльпаны в согдийской живописи/Вестник Таджикского национального университета. 2025. № 8. С. 26-34.

29. Ходжаева Н. Дж. К вопросу о семантике изображений на крышке сосуда с Тахти Сангина/Народы и религии Евразии. Барнаул, 2025. Вып. 30. № 4. С. 70-93.

30. Худжагелдиев Т. У. Раскопки на Тахти Сангине в 2022-2023 гг/АРТ. – Душанбе, 2024. – Вып. XLV. – С. 111-153.

31. Amiet P. Antiquities of Bactria and Outer. Iran in the Louvre Collection. G.Ligabue, S.Salvatori (Eds). Bactria – an ancient oasis civilization from the sands of Afghanistan/P. Amiet. –Venedig: Erizzo, 1990. – P. 127-152.

32. Basmachi F. Treasures of the Iraq Museum/F. Basmachi. – Baghdad: Ministry of Information, 1975-1976. – 426 p.

33. Braun-Holzinger E.A. Frühdynastische Beter statuette/E.A. Braun-Holzinger. – Berlin; Mann Gebr, 1977. – 92 s. (Abhandl. der Deutschen Orient-Gesellschaft, Nr. 19).

34. Francfort H. -P. Takht-i Sangin: On the Pre-Hellenistic Finds /H.-P. Francfort/Тахти Сангин как пример синтеза цивилизаций Востока и Запада. Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2500-летию городища Тахти Сангин (Душанбе, 4-6 октября 2023 г.). – Душанбе: Дониш, 2023. – С. 6-22.

35. Hakemi A. Shabad. Archaeological Excavations of a Bronze Age Center in Iran. Transl. and ed. by S.M.S. Sajjadi/A. Hakemi. – Rome: IsMEO, 1997. – 721 p. (Reports and Memories. Vol. XXVII).

36. Marshak B.I., Raspopova V.I. Worshipers from the northern shrine of Temple II, Panjikent/B.I. Marshak, V.I. Raspopova/Bulletin of the Asia Institute. – 1994. – Vol. 8. – P.187-207.

37. Report on conservation work on wall paintings from the lower palace in Panjikent 2010-2012 /Materials on Panjikent Archaeological Expedition. Compiled by M. B. Gervais, P.B. Lurje. – St.Pb., 2013. – Fsc. XVI. – 40 p.

38.Rougemont G. Inscriptions grecques d'Iran et d'Asie centrale/G. Rougemont/Corpus Inscriptionum. Iranicarum. Part. II. Inscriptions of the Seleucid and Parthian periods and of Eastern Iran and Central Asia. Vol. I: Inscriptions in Non-Iranian Languages. Ed. by an International Committee. – London: SOAS, 2012. – 326 p.

39. Sarianidi V. Die Kunst des alten Afgahnistan/V. Sarianidi. – Leipzig: White Lotus Press, 1986. – 348 p.

40. Vinogradova N. Will the Monuments of the Middle Bronze Age be discovered on the Territory of Southern Tadjikistan?/SAA 2007. Vol. 1/N. Vinogradova. – Ravenna, 2013. – P. 281-283.

УНИКАЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ТАДЖИКИСТАНА ПЕРИОДА ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ В КОЛЛЕКЦИЯХ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ ДРЕВНОСТЕЙ ТАДЖИКИСТАНА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ДАТИРОВКИ

Статья посвящена уникальным археологическим находкам периода независимости Таджикистана, поступившим в коллекции Национального музея древностей. Рассмотрены каменная статуэтка из Гелота (III-II тыс. до н. э.), которая позволяет удревнить хронологические рамки эпохи бронзы на территории Южного Таджикистана и фиксирует ранние формы ритуальной практики, демонстрируя контакты местных сообществ с Месопотамией и Восточным Ираном; артефакты Тахти Сангина (надписи на древнегреческом и бактрийском языках, крышка каменного сосуда с зооморфным фризом, амфоровидные подвески с золотыми ручками, монета Гелиокла, II-I вв. до н. э.), фиксирующие синтез местных и эллинистических культурных традиций и связь с культом воды и плодородия; а также фрагменты настенной живописи с тюльпанами и перстень-печать из Пенджикента (VI-VIII вв. н. э.), свидетельствующие о сохранении и трансформации религиозных практик. Комплексный анализ материалов позволяет уточнить хронологию памятников, выявить социально-религиозные практики и культурные контакты региона, расширяет источниковую базу изучения Бактрийско-Маргианского комплекса и подтверждает длительную преемственность зороастрийской религиозной символики и традиций в Центральной Азии.

Ключевые слова: *Археологические находки, Таджикистан, Национальный музей древностей Таджикистана, Бактрийско - Маргианский археологический комплекс, Тахти Сангин, Гелот, древний Пенджикент, эпоха бронзы, зороастризм, ритуальные практики, религиозная символика, эпиграфика, ювелирное искусство, настенная живопись.*

БОЗЁФТҲОИ НОДИРИ БОСТОНШИНОСИИ ТОҶИКИСТОН ДАР ДАВРАИ ИСТИҚЛОЛИ ДАВЛАТӢ ДАР МАҶМУАҲОИ ОСОРХОНАИ МИЛЛИИ БОСТОНИИ ТОҶИКИСТОН: МАСЪАЛАҲОИ ТАФСИР ВА САНАГУЗОРӢ

Мақола ба бозёфтҳои нодири бостоншиносӣ, ки дар замони Истиқлоли давлатии Тоҷикистон ба маҷмуаҳои Осорхонаи миллии бостонӣ ворид шудаанд, бахшида шудааст. Дар он муҷассамаи сангӣ аз Ғелот (ҳазораҳои III-II то м.), ки имкон медиҳад ҳудудҳои хронологии давраи биринҷӣ дар қаламрави Ҷанубӣ Тоҷикистон қадимитар гардонида шаванд ва шаклҳои ибтидоии амалияҳои маросимиро собит менамояд, инчунин тамосҳои ҷомеаҳои маҳаллиро бо Байнаннаҳрайн ва Эрони Шарқӣ нишон медиҳад, мавриди баррасӣ қарор гирифтааст; ҳамчунин бозёфтҳои Тахти Сангин (навиштаҷот ба забонҳои юнонии қадим ва бохтарӣ, сарпӯши зарфи сангӣ бо нақшҳои зооморфӣ, овезаҳои амфорашакл бо дастакҳои тиллоӣ, тангаи Гелиокл, асрҳои II-I то м.), ки синтези анъанаҳои фарҳангии маҳаллӣ ва эллинистиро инъикос намуда, иртибот бо парастиши об ва ҳосилхезиро нишон медиҳанд; инчунин порчаҳои наққошии деворӣ бо тасвирҳои лола ва ангуштарин - муҳр аз Панҷакенти қадим (асрҳои VI-VIII м.), ки аз ҳифз ва тағйири амалияҳои динӣ шаҳодат медиҳанд, таҳлил

шудаанд. Таҳлили мураккаби ин мавод имкон медиҳад хронологияи ёдгориҳо дақиқтар гардад, амалияҳои иҷтимоӣ ва динӣ ва робитаҳои фарҳангии минтақа ошкор карда шаванд, пойгоҳи манбаъшиносии омӯзиши маҷмааи бостоншиносии Бохтару Марғиёна васеъ гардад ва давомнокии тулонии анъанаҳо ва рамзгузории динии зардуштӣ дар Осиёи Марказӣ тасдиқ карда шавад.

Калидвожаҳо: *бозёфтҳои бостоншиносӣ, Тоҷикистон, Осорхонаи миллии бостонии Тоҷикистон, маҷмааи бостоншиносии Бохтару Марғиёна, Тахти Сангин, Ғелот, Панҷакенти қадим, давраи биринҷӣ, зардуштия, амалияҳои маросимӣ, рамзгузории динӣ, эпиграфика, санъати заргарӣ, наққошии деворӣ.*

UNIQUE ARCHAEOLOGICAL FINDS OF TAJIKISTAN DURING THE INDEPENDENCE PERIOD IN THE COLLECTIONS OF THE NATIONAL MUSEUM OF ANTIQUITIES OF TAJIKISTAN: ISSUES OF INTERPRETATION AND DATING

The article is devoted to unique archaeological finds from the period of Tajikistan's independence, now housed in the National Museum of Antiquities of Tajikistan. It examines the stone figurine from Gelot (late 3rd-early 2nd millennium BCE), which refines the chronological framework of the Bronze Age in southern Tajikistan and documents early forms of ritual practice, reflecting contacts between local communities and Mesopotamia and Eastern Iran. The study also discusses the artifacts from Takhti-Sangin, including inscriptions in Ancient Greek and Bactrian, an inlaid stone vessel lid with a zoomorphic frieze, amphora-shaped pendants with golden handles, and a coin of Heliocles (2nd-1st centuries BCE), which illustrate the synthesis of local and Hellenistic cultural traditions and the association with the cult of water and fertility. In addition, wall painting fragments with tulips and a seal ring with black sardonyx from Penjikent (6th-8th centuries CE) demonstrate the preservation and transformation of religious practices. A comprehensive analysis of these materials allows for the refinement of monument chronologies, identification of socio-religious practices and cultural contacts in the region, expands the source base for the study of the Bactria-Margiana Archaeological Complex, and confirms the long-term continuity of Zoroastrian religious symbolism and traditions in Central Asia.

Keywords: *Archaeological finds, Tajikistan, National Museum of Antiquities of Tajikistan, Bactria-Margiana Archaeological Complex, Takht-i Sangin, Gelot, Ancient Penjikent, Bronze Age, Zoroastrianism, ritual practices, religious symbolism, epigraphy, jewelry art, wall painting.*

Сведения об авторе: Ходжаева Наргис Джомиевна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник Национального музея древностей Таджикистана Института истории, археологии и этнографии Национальной академии наук Таджикистана. Адрес: Республика Таджикистан, 734025, г. Душанбе, ул. Академиков Раджабовых 7. Тел.: (+992) 918-64-91-85; E-mail: rangha@mail.ru

Маълумот дар бораи муаллиф: Хоҷаева Наргис Ҷомиевна – доктори илмҳои таърих, ходими калони илмии Осорхонаи миллии бостонии Тоҷикистон Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон. Суроға: Ҷумҳурии Тоҷикистон, 734025, ш. Душанбе, кӯчаи Академикҳо Раҷабовҳо 7. Тел.: (+992) 918 - 64 – 91- 85; E-mail: rangha@mail.ru

Information about the author: Khojaeva Nargis Jomievna, Doctor of History, Senior Researcher of the National Museum of Antiquities of Tajikistan of the A.Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: Republic of Tajikistan, 734025, Dushanbe, 7 Academikov Rajabovykh str. Tel.: Тел: (+992) 918 - 64 - 91 - 85; E-mail: rangha@mail.ru

ИЛЛЮСТРАЦИИ

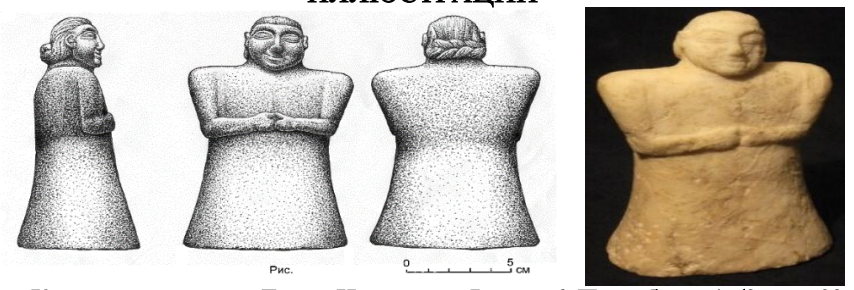


Рис. 1. Каменная статуэтка. Гелот. Некрополь. Раскоп 6. Погребение 1. (8, рис. 38-39).

Рис. Надпись на древнегреческом языке на литейной форме. Тахти Сангин. Глина. Вторая половина II в. до н.э. (26, с. 29).

Рис. 3. Подвески в виде амфор с ручками рыбами. Тахти Сангин. Золото, жемчуг, коралл. II- нач. I вв. до н.э. (26, с. 64).

Рис. 4. Монета с изображением Гелеокла I. Тахти Сангин. Серебро. 145-130 гг. до н.э. (26, с. 61).

Рис. 5. Настенная живопись. Изображение тюльпанов и маков. Древний Пенджикент. Нижний дворец (Кайнар). Помещение 13. V-VII вв. н.э. (37, С. 16 - 17).

Рис. 6. Перстень с изображением зороастрийского священника. Золото, сердолик. Древний Пенджикент. Объект 26. Конец VII – нач. VIII вв. н.э. (12, с. 6).

УДК: 902:575.17

АРХЕОГЕНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗЦА ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ ТУТКАУЛ

АСРОРИ Ш. Д.,
Государственное учреждение «Национальный музей» Исполнительного аппарата Президента Республики Таджикистан

Процесс неолитизации Центральной Азии остаётся одним из наименее изученных этапов в истории древних популяций Евразии. В отличие от Европы и Передней Азии, где переход к производящему хозяйству сопровождался масштабными демографическими процессами и почти полной сменой генофонда местных охотников-собирателей, горные районы современного Таджикистана демонстрируют иную траекторию развития. Особый интерес к этой теме также связан с тем, что Центральная Азия долгое время оставалась слабо представленной в крупных палеогенетических исследованиях, несмотря на её ключевое положение между Восточной и Западной Евразией.

На данный момент наблюдается дефицит археогенетических данных по неолиту Таджикистана, единственные результаты были получены благодаря найденным антропологическим образцам из неолитического поселения гиссарской культуры Туткаул, открытой А. П. Окладниковым в 1956 году и доработанной в течении шести полевых сезонов археологической спасательной программой под руководством В.А. Ранова (1963, 1965–1969 гг.) [1, 2].

Несмотря на ограниченность антропологических материалов, пригодных для археогенетических исследований, полученные образцы позволили провести первое генетическое исследование неолитического населения Таджикистана. Эти данные заложили основу для реконструкции генетического облика неолитических популяций региона и способствовали формированию более целостного представления о его ранней истории. Вместе с тем следует отметить, что выводы носят предварительный характер и требуют дальнейшего подтверждения по мере накопления новых данных.

Археогенетические данные из Туткаула (Туткаул-1/TTK001) датируемые ок. 6000–6400 гг. до н. э. были впервые опубликованы в работе К. Поста (Posth et al., 2023), посвящённой древним популяциям Евразии, и в настоящем исследовании используются для анализа популяционно-генетической специфики неолитического населения гиссарской культуры [4]. Образец был найден в районе слияния реки Вахш и ручья Дараи Осиё, примерно в 70 км к юго-востоку от Душанбе и стал первым прямым источником по биологической истории неолитического населения Таджикистана [2].

Появление археогенетических данных из поселения Туткаул позволяют впервые реконструировать биологическую историю неолитического населения южной части Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Эти материалы открывают возможность рассмотреть Таджикистан не только как периферийную зону неолитического мира, но и как самостоятельный центр формирования особого «центральноазиатского неолитического профиля», отличного как от анатолийско-европейской, так и от иранской моделей неолита.

Результаты аутосомного анализа образца из Туткаула продемонстрировали интересное сочетание генетических компонентов, с большей долей компонента древних северных евразийцев, что радикально отличает наш случай от синхронных неолитических популяций Ирана и Анатолии. Это ставит под сомнение универсальность «западного» сценария неолитизации и требует пересмотра представлений о путях культурных и биологических трансформаций в регионе [4].

Анализ Y-хромосомного и митохондриального ДНК свидетельствует о долговременном сохранении палеолитического субстрата вплоть до позднего неолита, что позволяет рассматривать Таджикистан как один из ключевых изолированных регионов древних евразийских линий. Таким образом, данное и подобные исследования имеют значение не только для региональной археологии, но и для общей теории популяционной устойчивости в условиях культурной трансформации.

По данным лаборатории Family Tree DNA – линия Y-хромосомы индивида из Туткаула относится к гаплогруппе Q-Y6846 (филогенетический путь: Q1-L472 > Q1b-M346/L56 > Q-Y2659 > Q-Z5902 > Q-Y6802) [12]. Данная линия входит в состав древнего североевразийского кластера гаплогруппы Q, восходящего к популяциям верхнего палеолита Сибири [5].

Одна из ранних параллельных ей ветвей Q-YP3966, зафиксирована у неолитических популяций Восточной Сибири и Прибайкалья. Рассмотрим археогене-тические образцы из этой ветви: «Afontova Gora 102» (ок. 3949–3712 до н.э.), «Kamenka 10900» (ок. 4400–2750 до н.э.), «Rasputino 13679» (ок. 5731–5635 до н.э.), «Fofonovo 12961» (ок. 5883–5720 до н.э.). Общий предок этой линии датируется ок. 8900 до н.э., тогда как более глубокий узел Q-M346 – ок. 19 000 до н.э., что отражает формирование данной макрогаплогруппы ещё в позднем палеолите [6,7].

При этом линии Туткаула Q-Y6802 и Q-YP3966 представляют собой разошедшиеся ветви, происходящие от общего североевразийского источника, но не связанные прямой линией преемственности [12].

Внутри субклада Q-Y6802 наблюдается широкая география уже в неолите и энеолите. В Восточной Европе она представлена ветвью Q-Y54688, археогене-тические образцы: «Sakhtish 181» (ок. 4222–3945 до н.э.), «Sakhtysh 8417» (ок. 4342–4248 до н.э.), связанными с волосовской культурной общностью. К близкой линии относится Q-Y49391, выявленная у индивида из Хвалынска (ок. 4331–4073 до н.э.), что демонстрирует присутствие данной гаплогруппы в раннеэнеолитических популяциях Восточной Европы [6,7].

Существенно, что в эпоху ранней и средней бронзы фиксируется дальнейшее распространение производных линий Q-Y6802 в степной и лесостепной зоне. В частности, образец «Chelyabinsk 1017» (ок. 1931–1749 до н.э.), подтверждает присутствие данной линии в степных популяциях бронзового века [9]. Дополнительно, ветвь Q-FT380500 (ок. III тыс. до н.э.) прослеживается в более широком контексте евразийских миграций [12].

Новые данные также показывают присутствие родственных линий в афанасьевской культурной среде и сопредельных регионах Алтая и Енисея: «Saint Petersburg 48» (ок. 2878–2636 до н.э.), «Saint Petersburg 49» (ок. 2617–2472 до н.э.), «Yenisey 47» (ок. 2837–2498 до н.э.), «Uzunchul 20541» (ок. 2860–2578 до н.э.) [8; 9; 10]. Эти находки указывают на участие носителей гаплогруппы Q в формировании ранних скотоводческих обществ Центральной Азии. Кроме того, фиксация родственной линии в культуре шнуровой керамики – «Droužkovice 1» (ок. 2872–2633 до н.э.) - свидетельствует о проникновении отдельных ветвей данного кластера в Центральную Европу [11].

Таким образом, линия Q-Y6802 демонстрирует непрерывную, но мозаичную историю: от неолитических популяций Восточной Европы и Сибири до степных обществ бронзового века и даже центральноевропейских культурных комплексов. Это согласуется с моделью широкой, но нерегулярной дисперсии носителей древнего североевразийского компонента.

Что касается современных данных, по информации YFull, носители производных линий Q-Y6802 выявлены в Венгрии, России, Великобритании, Армении, Китае (у сарыкольских таджиков), а также на Ближнем Востоке [13]. Дополнительно следует отметить наличие современной линии Q-Y148504 (ок. 9100 до н.э.) в Иране, что отражает южное направление распространения данной макроклады [14].

Особый интерес представляет образец из Таджикистана Q-Y147574 (ERS2478524), опубликованный в работе «The First Horse Herders and the Impact of Early Bronze Age Steppe Expansions into Asia» [9]. Его присутствие подтверждает, что линии, связанные с Q-Y6802, проникли в Центральную Азию не позднее бронзового века и, вероятно, сохранялись в регионе вплоть до исторического времени.

Совокупность данных позволяет интерпретировать носителя из Туткаула как часть древней, глубоко укоренённой североевразийской линии, сформировавшейся ещё в позднем палеолите (Q-M346), диверсифицировавшейся в неолите (Q-Y6802 и параллельные ветви) и широко распространившейся в эпоху бронзы - от Сибири и Алтая до Восточной и Центральной Европы. Присутствие как древних, так и современных представителей этой линии в Центральной Азии, включая Таджикистан и сопредельные регионы Ирана и Китая, указывает на долговременную генетическую преемственность и сложные миграционные процессы, связывающие сибирские, степные и иранские популяционные массивы.

Митохондриальная линия U7, выявленная у образца Туткаул-1, дополняет эту картину по женской линии. Данная гаплогруппа относится к западно-евразийскому кругу и ранее была зафиксирована у неолитических и энеолитических групп Кавказа и Иранского плато, а также у древнего населения Таримского бассейна. Это указывает не только на локальную преемственность, но и на включённость населения Туткаула в более широкий круг ранних евразийских популяций, связанных общим древним генетическим наследием [4].

Палеогенетические данные из памятника Туткаул (ок. 6000–6200 гг. до н. э.) позволяют по-новому взглянуть на процессы неолитизации горных районов Таджикистана. В пространстве главных компонент образцы занимают обособленное положение между мезолитическими охотниками-собирателями Каспийского региона и группами, связанными с древними северными евразийцами. Такое распределение указывает на сохранение локального мезолитического субстрата и отсутствие прямой генетической связи с анатолийскими и иранскими центрами раннего земледелия.

Моделирование происхождения на основе аутосомного анализа туткаульского образца показывает, что примерно на 73,13% его генетический профиль связан с компонентом древних северных евразийцев, представленным в верхнем палеолите Сибири на памятниках Мальта и Афонтова гора. Вклад, связанный с кавказскими охотниками-собирателями и иранским неолитом, составляет примерно 19,5%, тогда как доля компонента, родственного древним южноазиатским охотникам-собирателям, оценивается в 6%.

Соотношение компонентов, которое мы видим, заметно отличается от структуры, наблюдаемой у синхронных популяций Ирана и Анатолии, где вклад компонента северных евразийцев либо выражен слабо, либо появляется только в более поздние периоды.

Примечательно, что неолитический образец из Туткаула не показывает схожесть по аутосомному анализу компонент с более поздним населением энеолитического Таджикистана (Саразм, образцы: I4290 и I4910). Несмотря на географическую близость памятников, генетический профиль древнего населения территории современного Таджикистана в неолите и энеолите был неоднородным. Если неолитический образец из Туткаула демонстрирует практически полное отсутствие анатолийского земледельческого компонента и отражает локальную основу с минимальным западным влиянием, то более поздние саразмские образцы показали западноевразийское происхождение, с доминацией компонента кавказских охотников-собирателей и иранским неолитом с небольшой долей анотолийских земледельцев. Это может говорить о том, что переход к элементам неолитического образа жизни в регионе происходил не через массовые миграции с запада, а через культурные контакты [4, 9].

Таким образом, выше рассмотренные данные указывают на сложный и мозаичный процесс заселения региона: формирование местных популяций происходило не по единой линии миграции, а через сочетание локальной преемственности и разновременных притоков населения из различных западноевразийских источников.

В целом, на сегодняшний день, полученные данные позволяют говорить о формировании в горных районах Таджикистана особого варианта неолитического населения, для которого были характерны преобладание компонентов северных евразийцев и иранского неолита, охотничье-собирательская основа хозяйства и высокая степень генетической изоляции. Такая модель заметно отличается от классических сценариев неолита Западной Евразии, где переход к земледелию сопровождался почти полной заменой местных популяций.

В более широком контексте результаты согласуются с концепцией так называемого «внутреннего азиатского коридора», в рамках которой Центральная Азия рассматривается как зона медленных и мозаичных демографических изменений. Как показывают исследования последних лет, в то время как Европа уже в раннем неолите пережила радикальную генетическую трансформацию, горные регионы Таджикистана сохраняли относительную стабильность генетической структуры на протяжении нескольких тысячелетий. Существенные сдвиги в генофонде фиксируются здесь лишь в IV–III тыс. до н. э., с началом притока степных групп, связанных с кругом ямных и шнуровых культур, а также популяций, ассоциируемых с цивилизацией Окса (Бактриано-Маргианский археологический комплекс).

Таким образом, палеогенетические данные из Туткаула позволяют рассматривать неолит Таджикистана не как периферийное отражение западноевразийских процессов, а как самостоятельный путь развития, основанный на сохранении древнего палеолитического субстрата и ограниченной интеграции внешних элементов. Это делает гиссарскую культурную традицию одним из ключевых регионов для понимания многообразия неолитических траекторий в Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Окладников А. П. Исследования памятников каменного века Таджикистана/Труды Таджикской археологической экспедиции. –М–Л., 1958. – Т. 3. – С. 11–71.

2. Ранов В. А., Коробкова Г. Ф. Туткаул – многослойное поселение гиссарской культуры в Южном Таджикистане /Советская археология. – 1971. – № 2. С. 133–147.

3. Кияткина Т. П. Материалы к палеоантропологии Таджикистана. –Душанбе: Дониш. – 1976. – С. 1–187.

4. Posth C., Yu H., Ghalichi A. et al. Palaeogenomics of Upper Palaeolithic to Neolithic European hunter-gatherers /Nature. – 2023. – Vol. 615, № 7950. – P. 117–126.

5. Karafet T. M., Mendez F. L., Sudmant P. H. et al. Improved phylogenetic resolution and rapid diversification of Y-chromosome haplogroup in the Northwest Pacific region/BMC Evolutionary Biology. – 2014. – Vol. 14. – P. 1–5.

6. Zeng T., Wang L., Zhang H. et al. Micro-evolutionary dynamics and genetic history of Silk Road populations in Central Asia/Nature Communications. –2025. –Vol. 16, № 1. – P. 42-58.

7. Allentoft M. E., Sikora M., Refoyo-Martínez A. et al. Population genomics of post-glacial western Eurasia/Nature. –2024. –Vol. 625, № 7994. – P. 301-311.

8. Lazaridis I., Alpaslan-Roodenberg S., Rohland N. et al. The genetic history of the Southern Arc: A comprehensive analysis of Holocene populations from the Caucasus to Central Asia // Science. – 2025. – Vol. 387, № 6742. – P. 12-31.

9. Narasimhan V. M., Patterson N., Moorjani P. et al. The formation of human populations in South and Central Asia /Science. – 2019. – Vol. 365, № 6457. – P. 1-15.

10. Wohns A. W., Wong Y., Anthony N. M. et al. A unified genealogy of modern and ancient genomes /Science. – 2022. – Vol. 375, № 6583. – P. 1-11.

11. Papac L., Ernée M., Dobeš M. et al. Dynamic changes in genomic and social structures in third millennium BCE Central Europe /Science Advances. – 2021. – Vol. 7, № 35. – P. 1-18.

12. FamilyTreeDNA. Y-DNA гаплодерево Q-Y6846 [Электронный ресурс]. - URL: https://discover.familytreedna.com/y-dna/Q-Y6846/tree (дата обращения: 15.01.2026).

13. YFull. YTree: Q-Y6802 [Электронный ресурс]. URL: https:/www.yfull.com/tree/Q-Y6802/ (дата обращения: 16.01.2026).

14. FamilyTreeDNA. Y-DNA Haplogroup Q-Y148339 [Электронный ресурс]. - URL: https:/discover.familytreedna.com/y-dna/Q-Y148339/tree (дата обращения: 16.01.2026).

АРХЕОГЕНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕОЛИТИЧЕСКОГО ОБРАЗЦА ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ ТУТКАУЛ

В статье представлен сравнительно-аналитический разбор археогенетических данных неолитического Таджикистана на основе материалов стоянки Туткаул. Целью исследования является интерпретация генетических данных в широком евразийском контексте с привлечением как древних, так и современных сравнительных выборок. Применяется сопоставление результатов палеогенетических исследований, данных филогенетических реконструкций и материалов из других регионов Евразии. Сравнительный анализ демонстрирует длительную преемственность и сложную мозаичную структуру генетических связей. Полученные результаты позволяют рассматривать неолит Таджикистана как самостоятельную модель развития, отражающую особую роль региона в системе древних популяционных взаимодействий Евразии.

Ключевые слова: *археогенетика, неолит Таджикистана, Туткаул, неолитизация, Евразия, популяционная генетика.*

ТАҲЛИЛИ ГЕНЕТИКАИ БОСТОНИИ НАМУНАИ НЕОЛИТӢ АЗ ЁДГОРИИ ТУТҚАВУЛ

Дар мақола таҳлили муқоисавӣ - таҳлилии маълумоти генетикаи бостонии аҳолии неолити Тоҷикистон дар асоси маводи ёдгории Тутқавул пешниҳод мегардад. Ҳадафи таҳқиқ тафсири маълумоти генетикӣ дар заминаи васеи Авруосиёӣ бо ҷалби намунаҳои муқоисавии қадима ва муосир мебошад. Дар таҳқиқот муқоисаи натиҷаҳои таҳқиқоти палеогенетикӣ, маълумоти бозсозии филогенетикӣ ва маводи дигар минтақаҳои Авруосиё истифода шудааст. Таҳлили муқоисавӣ идомадории дарозмуддат ва сохтори мураккаби мозаикии робитаҳои генетикиро нишон медиҳад. Натиҷаҳои ба даст омада имкон медиҳанд, ки

неолити Тоҷикистон ҳамчун модели мустақили рушд арзёбӣ гардад, ки нақши хоси минтақаро дар низоми робитаҳои генетикии аҳолии қадимаи Авруосиёро инъикос менамояд.

Калидвожаҳо: генетикаи бостонӣ, неолити Тоҷикистон, Тутқавул, неолитишавӣ, филогенетика, Авруосиё, генетикаи аҳолӣ.

ARCHAEOGENETIC ANALYSIS OF A NEOLITHIC SAMPLE FROM THE TUTKAUL SETTLEMENT

This article presents a comparative analytical study of archaeogenetic data on the Neolithic population of Tajikistan based on materials from the Tutkaul site. The aim of the study is to interpret genetic data within a broad Eurasian context using both ancient and modern comparative datasets. The research employs a comparison of paleogenetic results, phylogenetic reconstructions, and data from other regions of Eurasia. The comparative analysis reveals long-term continuity and a complex mosaic structure of genetic relationships. The obtained results make it possible to consider the Neolithic of Tajikistan as an independent model of development, reflecting the specific role of the region within the system of ancient Eurasian population interactions.

Keywords: *archaeogenetics, Neolithic of Tajikistan, Tutkaul, neolithization, phylogenetics, Eurasia, population genetics.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Асрорӣ Шерзод Далерович – сармутахассиси шуъбаи бостоншиносӣ ва сиккашиносии Муассисаи давлатии «Осорхонаи миллии Тоҷикистон»-и Дастгоҳи иҷроияи Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон. Суроға: 734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, шаҳри Душанбе, хиёбони Исмоили Сомонӣ, хонаи 11. ORCID: https://orcid.org/0009-0002-2551-5230, E-mail: asrori@bk.ru

Сведения об авторе: **Асрори Шерзод Далерович** – главный специалист отдела археологии и нумизматики Национального музея Таджикистана. Адрес: 734025, Республика Таджикистан, город Душанбе, проспект Исмоили Сомони, дом 11. ORCID: https:// orcid.org/0009-0002-2551-5230, E-mail: asrori@bk.ru

About the author: **Asrori Sherzod Dalerovich** – Chief Specialist of the Department of Archaeology and Numismatics of the National Museum of Tajikistan. Address: 11 Ismoili Somoni Ave., Dushanbe, 734025, Republic of Tajikistan. ORCID: https://orcid.org/0009-0002-2551-5230, E-mail: asrori@bk.ru

УДК: 572.9 (575)

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ ВЕЛИКОГО ХОРАСАНА В XVI – XVII ВВ. (ИСТОРИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ)[1]

НАВРУЗБЕКОВ М. Н.,
Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ

Период XVI-XVII вв. в этнической истории северных регионов Великого Хорасана является одним из наиболее сложных в демографическом и этнокультурном отношении. Именно в эту эпоху происходили масштабные миграционные процессы, оказавшие существенное влияние на этническую и антропологическую карту региона.

[1] Мақола дар асоси лоиҳаи таърихи халқи тоҷик (асри III-ибтидои асри XX), рақами қайди давлатӣ 0121TJ121 навишта шудааст.

Как показывают антропологические данные, антропологический облик населения северных регионов Великого Хорасана формировался в результате длительного исторического процесса, обусловленного многовековым взаимодействием древнего оседлого населения и пришлых групп различного происхождения [5,166-173],[6-7],[10-13]. Несмотря на значительные имеющиеся данные, антропологический состав населения северных регионов Великого Хорасана периода позднего Средневековья остаётся недостаточно изученным. В этой связи отражение данного вопроса, в определённой степени, восполнит существующие пробелы в изучении антропологического состава населения региона.

Основная цель данной статьи заключается в определении антропологического состава населения северных регионов Великого Хорасана в XVI–XVII вв. на основе антропологических источников, выявлении преобладающих антропологических типов, а также оценке роли миграционных процессов в формировании населения региона.

Известно, что в XVI-XVII вв. на территории северных регионов Великого Хорасана происходили сложные этнополитические процессы, сопровождавшиеся миграциями и интенсивными межэтническими контактами, что оказало существенное влияние на антропологический состав населения. В рассматриваемый период, как и в предшествующие эпохи, в регионе взаимодействовали оседлые, кочевые и полукочевые культурно-хозяйственные традиции, различавшиеся не только особенностями хозяйственной деятельности, языка и культуры, но и антропологическим обликом [5,166-173].

К оседлому населению относились преимущественно ираноязычные народы, прежде всего таджики, с древнейших времён населявшие городские центры и земледельческие оазисы Великого Хорасана. Основу их хозяйственной деятельности составляли земледелие, торговля и ремесло. Кочевые и полукочевые группы были представлены главным образом тюрко-монгольскими народами, населявшими степные и предгорные районы, пригодные для пастбищного скотоводства [8]. Взаимодействие оседлого и кочевого населения в XVI-XVII вв. оказало влияние на этнические и расогенетические процессы в северных регионах Великого Хорасана.

Одним из важных процессов этого исторического периода была интенсивная миграция различных этнических групп, включая кочевые даштикипчакские (узбекские) племена. Кочевые узбеки, появившиеся на территории северной части Великого Хорасана во второй половине XV-XVI вв. постепенно переходили к оседлому образу жизни. В период миграции кочевых узбеков и их расселения в населенных районах наблюдался процесс смешения различных кочевых племен как между собой, так и с местным населением центральноазиатских оазисов. Уже к концу XVI века в Бухарском ханстве согласно данным письменным источников, проживали три группы насления: оседлые земледельцы – «деҳнишин», полуоседлые «қишлоқнишин» и кочевые «саҳронишин» [14, 89].

По сведениям В. В. Бартольда, в первой половине XVI в. население Хорезма состояло из кочевых узбеков, туркмен и оседлого сартского населения [1,186]. Постепенно пришлые племена ассимилировались с местным населением, известным под названием «чагатай», утрачивая родоплеменную идентичность. Показательно, что в конце XVI в. население Бухарского ханства подразделялось на «чагатаев» («тюрков-чагатаев») и таджиков, тогда как к концу XVII в. источники фиксируют уже деление на узбеков и таджиков [14,90]. Это свидетельствует о постепенной трансформации этнической структуры региона и утрате прежнего значения термина «чагатай».

Аналогичные процессы наблюдались и в Хорезме, где термин «чагатай», обозначавший значительную часть населения в XVII в., со временем утратил своё широкое употребление и сохранился лишь как название отдельных групп узбекского населения. Изменилось и значение термина «сарт»: если ранее им преимущественно обозначали таджикское население, то в XVI-XVII вв. он стал применяться к городскому и сельскому населению Мавераннахра, Ферганской долины, Ташкентского оазиса и Хорезма, независимо от языка общения - тюркского или таджикского [1, 189].

По данным антропологических исследований, в XVI-XVII вв. в отличие от предшествующих эпох в антропологическом составе населения северных регионов Великого Хорасана наблюдались определённые изменения. В частности в данный период возрастает доля монголоидного компонента, что, вероятно, было связано с притоком многочисленных тюрко-монгольских кочевых групп из Дашти Кыпчака в земледельческие оазисы региона [2], [6-7], [10-14]. О масштабах вторжения и расселения тюркоязычных, прежде всего узбекских, племён на территории Великого Хорасана свидетельствуют как письменные, так и антропологические источники.

В произведении «Маджму ат-таварих» Сайф ад-Дина Ахсикенти, написанном в XVI веке в Фергане, упоминаются 92 узбекских племени (или рода кочевников — «илатийа»). О существовании традиционного деления на 92 рода вплоть до XVIII века свидетельствуют также упоминания их числа в поэтических произведениях поэта XVII века Турди. Следовательно, традиция подразделения на 92 племени сложилась не позднее XVI века, и, вероятно, восходит к более раннему времени [4,75-76].

О значительных масштабах продвижения тюрко-монгольских кочевых групп в пределы региона свидетельствуют письменные источники начала XVI века. В частности, «Та'рихи Рашиди» и другие хроники содержат сведения о многочисленных войсках Шайбанихана и его преемников, включавших десятки тысяч воинов, а также о привлечении кочевого населения из различных районов Дашти Кипчака [8,175]. По мнению ряда исследователей, численность переселенцев, сопровождавших Шайбанидов в северную часть Великого Хорасана, могла достигать 240-360 тыс. человек, что свидетельствует о масштабности миграционных и военно-политических процессов рассматриваемого периода [8,176].

Следует отметить, что вторжение даштикипчакских племён под предводительством Мухаммада Шайбаниханана территории Великого Хорасана в XVI в. было обусловлено комплексом социально-экономических и политических факторов. К числу основных причин массового переселения кочевых групп в земледельческие районы региона следует отнести не только военные завоевания, но и стремление к овладению новыми пастбищами и ресурсами, а также междоусобные войны между правителями Темуридов и последовавшее ослабление их государства [4, 91-93], [8,174-177].

Взаимодействие оседлого и кочевого населения в XVI-XVII вв. отчётливо также прослеживается в антропологических материалах. Их анализ свидетельствует о гетерогенном составе населения северный регион Великого Хорасана в рассматриваемый период. Наряду с местными европеоидными антропологичес-кими типами в этот период появляются группы с выраженными монголоидными признаками. Однако, согласно исследованиям Т.К. Ходжайова, несмотря на увлечение доли монголоидного компонента, население региона в XVI-XVII вв. сохраняло антропологическую преемственность с населением предшествующих эпох, включая

период монгольского завоевания. По мнению исследователя, последствия монгольского завоевания и переселения даштикипчакских узбекских племён не привели к существенной смене антропологического типа населения региона [10,96-97], [13,151-152].

В трудах Л. В. Ошанина также затргивается проблема влияния миграционных процессов XVI-XVII вв. на формирование антропологического состава насления. Он подчёркивал, что процесс уселения монголоидного компонента в северной части Великого Хорасана начался задолго до прихода кочевых узбекских племён в регион, восходит к предшествующему образованию первого Тюрского каганата VI в. Разделяя антропологические и языковые ппроцессы исследователь отмечает, что в языковом отношении не оказано существенного влияния на антропологический облик местного населения. По его мнению, пришлые тюрко-монгольские группы, обладавшие более выраженными монголоидными чертами, частично растворились среди многочисленного местного европеоидного населения.

В связи с этим Л. В. Ошанин исключал резкое изменение антропологического состава населения северной части Хорасана с приходом узбекских племён в XVI в., рассматривая их один из компонентов в составе населения региона. Тем не менее он считает, что отдельные группы пришлых кочевников, особенно осевшие в долинах Зарафшана, Кашкадарьи и Сурхандарьи, долгое время сохраняли специфический физический облик, близкий к смешенному монголоидно-европеоидному антропологическому типу [6,16-20, [7].

Как показывают антропологические данные XVI-XVII вв., в составе местного населения, как и в предшествующие эпохи, преимущественно преобладали две европеоидные антропологические комплексы: раса Среднеазиатского (памиро-ферганский тип) и средиземноморского типов [11,25-31]. Наряду с ними в регионе фиксировался смешанный монголоидно-европеоидный антропологический комплекс, обозначаемый в литературе как южносибирский тип [2, 307-313].

Раса Среднеазиатского Междуречья в рассматриваемый период являлась доминирующим антропологическим комплексом региона. Для неё были характерны брахикрания (круглоголовость), средние размеры головы и лица, а также резко выступающий нос с высокой переносицей. В отдельных районах, особенно на равнинных территориях, к указанным признакам добавлялась незначительная монголоидная примесь. В горных районах северной части Великого Хорасана данный антропологический тип сохранялся в относительно чистом виде, без выраженной монголоидной примеси. Данный процесс весьма отчетливо проявляется как в палеоантропологических, так и в соматологических материалах.

В Средней Азии к расе Среднеазиатского Междуречья относятся современные таджики и узбеки, однако у узбеков отмечается значительная примесь монголоидных признаков, принесенных тюркскими, и монгольскими племенами на территорию Междуречья из северной полосы региона [6,15-19].

В XV-XVII вв. раса Среднеазиатского Междуречья в основном была широко распространена в горных районах, а также среди населения таких городов, как Бухара, Самарканд и Худжанд [12,77-83].

Краниологические материалы с территории Горана (XIII-XVI вв.) и Вахана (XIV-XVI вв.) (ГБАО, Таджикистан) полученные Ю.Г. Рычковым на сегодняшний день являются единственными сериями, которые позволят дать антропологическую характеристику горных таджиков. Указанные материалы относятся к горному варианту расы Среднеазиатского Междуречья, для которого характерно отсутствие монголоидной примеси [9, 148-150]. По сравнению с более ранними черепами XIII

в. из зороастрийского кладбища Фринкента под Самаркандом, отражающим краниологические особенности местного ираноязычного населения, исследуемые черепа отличаются большей грацильностью и характеризуются меньшими размерами мозговой коробки, несколько менее высоким и более широким лицом, а также широким, менее резко выступающим носом [2,282].

Краниологическая серия из ташкентского кладбища Шейхантаур (XV-XIX вв), исследованная частично В.П. Матвеевым, частично В.Я. Зезенковой, а позднее В.В. Гинзбургом представляет население равнинных районов северной части Великого Хорасана относится к расе Среднеазиатского Междуречья с незначительной монголоидной примесью [2, 268-269],[6,35-36]. Данная серия отражают процесс оседания монголоидных племён и их смешения с местным населением, проис-ходивший в XVI-XVII вв.

Средиземноморский (европеоидный) антропологический тип характеризовался более узким лицом и сравнительно грацильным строением черепа. В XVI-XVII вв. он преобладал среди городского населения, в частности в Термезе, Хорезме и на юге современного Туркменистана. В целом городское население в большой степени сохраняло выраженное европеоидные черты [12,77-82].

Южносибирский антропологический тип (в более ранней литературе-туранской) сформировался в результате метисации пришлого кочевого и местного населения, сочетая в себе признаки монголоидной и европеоидной рас. Для него были характерны брахикефалия (круглоголовость), более уплощённое, высокое и широкое лицо, а также умеренно выступающий нос. От классических монголоидных типов данный антропологический комплекс отличается более высокой переносицей [2,307-312].

Можно подчеркнуть, что степень выраженности признаков данного антропологического типа варьировала в зависимости от географического ареала и интенсивности межэтнических контактов. Наиболее широкое распространение он получил среди пришлого и кочевого населения северо-западных районов северной части Великого Хорасана.Исследователи связывают его распространение в регионе именно с миграциями тюрко-монгольских и кипчакских племён. Среди современных народов Средней Азии к данному антропологическому типу преимущественно относятся казахи, киргизы и каракалпаки. Кроме того, в качестве антропологической примеси его признаки фиксируются у отдельных групп узбеков, сохранивших родоплеменное деление, а также у восточных и северных туркмен [2], [6-7], [10-14].

Таким образом, в XV-XVII вв. на складывание антропологического состава населения северных регионов Великого Хорасана существенное влияние оказывали этнодемографические и миграционные процессы, обусловленные активным взаимодействием местного (оседлого) и пришлого (кочевого) населения. В рассматриваемый период, в условиях активного переселения тюрко-манильских, прежде всего даштикипчакских узбекских племён, фиксируются определённые изменения в антропологической структуре региона, в частности усиление монголоидного компонента среди отдельных групп населения.

Однако как демонстрируют антропологические данные кардинальных изменений в составе населения не происходило. Местное оседлое население, прежде всего таджики, продолжало выступать носителем европеоидных антропологических комплексов. В XVI-XVII вв. среди таджиксого населения преобладала раса Среднеазиатского Междуречья, наиболее полно сохранившая свои исконные черты в горных регионах. Пришлое население было представлено преимущественно коче-

выми и полукочевыми группами, в антропологическом облике которых доминировал южносибирский антропологический тип. Признаки смешения с данным антропологическим компонентом фиксировались в отдельных районах исследуемого региона.

Антропологические исследования показывают, что миграционные процессы XVI-XVII вв. сопровождались не только изменением этнического состава населения, но и процессами антропологического смешения, а также активным культурным взаимодействием между местным оседлым и пришлым кочевым населением. Однако антропологические данные свидетельствуют о сохранении местным населением северных регионов Великого Хорасана преемственности с населением предшествующих исторических эпох. Данный факт указывает на ведущую роль автохтонного компонента в формировании антропологического состава населения региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бартольд В. В. Сочинения: в 9 т. - Т.5: Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М.: Наука, 1968. – 759 с.

2. Гинзбург В. В., Трофимова Т. А. Палеоантропология Средней Азии. - Москва: Наука, 1972. - 372 с.

3. Дубова Н. А. Формирование антропологического состава населения Северного Таджикистана. - М.: Старый сад, 1996.-272с.

4. Камол Х. (Хамза Камол). История вторжения кочевых племён Дашти Кипчака в Мавераннахр и Хорасан (XVI в.)/Х. Камол. -Душанбе: Дониш, 2012. -408 с.

5. Наврузбеков М. Н. Влияние миграционных процессов на антропологический состав населения Мавераннахра в эпоху развитого средневековья/Муаррих. -Душанбе: «Ганҷи хирад», 2024. -№ 4(40). -С.166-173.

6. Ошанин Л. В., Зезенкова В. Я. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии: сб. статей. – Ташкент: Издательство Академии наук УзССР, 1953. – 163 с.

7. Ошанин Л.В. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. - Т. I-III. - Ереван, 1957-1959.

8. Пирумшоев Х., Камол Х., Саидов А. История взаимоотношения оседлого и кочевого населения в средневековье и новое время (политика, экономика, культура).- Душанбе: Дониш, 2025. - 491с.

9. Рычков Ю. Г. Антропология и генетика изолированных популяций (древние изоляты Памира). – М.: Изд-во Московского ун-та, 1969. – 222 с.

10. Ходжайов Т. К. Краткие итоги изучения антропологии Средней Азии в связи с проблемами этногенеза узбекского народа/Материалы к этнической истории населения Средней Азии/отв. ред. В. П. Алексеев. – Ташкент: Фан УзССР, 1986. – 156 с.

11. Ходжайов Т. К. Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья (Антропологические исследования). -Ташкент: Фан, 1987. -207 с.

12. Ходжайов Т. К. Антропология Средней Азии/Российский журнал физической антропологии. – 2023. – №1. – С. 19–105. DOI: 10.33876/2782-5000/2023-5-1.

13. Ходжайов Т. К. Краткие итоги антропологического изучения Средней Азии/ЭО. - 2000. - № 2.-С.124-137.

14. Ходжайов Т. К. Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы: Автореф. дис....д-ра ист. наук. - М., 1981 - 44 с.

15. Шаниязов К.-Ш. Некоторые вопросы этнической динамики и этнических связей узбеков в XIV–XVII вв./Материалы к этнической истории населения Средней Азии/отв. ред. В.П. Алексеев. – Ташкент: Фан УзССР, 1986. – 156 с.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ ВЕЛИКОГО ХОРАСАНА В XVI–XVII ВВ. (ИСТОРИЧЕСКИЕ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Статья посвящена изучению антропологического состава населения северной части Великого Хорасана в XVI-XVII вв. Особое внимание уделяется этнополитическим процессами и миграциям, происходившим в позднесредневековый период на территории региона. Опираясь на исторические и

антропологические данные, автор анализирует процессы ассимиляции и этнокультурной интеграции между автохтонными и пришлыми группами населения. Выявлено, что несмотря на интенсивные миграционные процессы и расселения новых групп, в позднесредневековый период сохранялась антропологическая и этнокультурная преемственность населения.

Ключевые слова: *Великий Хорасан, миграция, население, Дашти Кипчак, антропологический тип, раса Среднеазиатского Междуречья, средиземноморский тип, южносибирский тип.*

ТАРКИБИ АНТРОПОЛОГИИ АҲОЛИИ МАНОТИҚИ ШИМОЛИИ ХУРОСОНИ БУЗУРГ ДАР АСРҲОИ XVI–XVII (МАЪЛУМОТИ ТАЪРИХӢ ВА АНТРОПОЛОГӢ)

Мақола ба таҳқиқи таркиби антропологии аҳолии манотиқи шимолии Хуросони Бузург дар асрҳои XVI-XVII бахшида шудааст. Таваҷҷуҳи махсус ба равандҳои этносиёсӣ ва муҳоҷират, ки дар минтақа дар охири асрҳои миёна ба амал омаданд, зоҳир карда шудааст. Муаллиф дар асоси маълумоти таърихию антропологӣ равандҳои омехташавӣ ва ҳамгироии фарҳанги этникиро байни гурӯҳҳои аҳолии бумӣ ва омада мавриди таҳлил қарор додааст. Муайян карда шуд, ки сарфи назар аз равандҳои пуршиддати муҳоҷират ва маскуншавии гурӯҳҳои навомада ворисияти антропологӣ ва этнофарҳангии аҳолӣ дар охири асрҳои миёна нигоҳ дошта мешуд.

Калидвожаҳо: *Хуросони Бузург, муҳоҷират, аҳолӣ, Дашти Қипчоқ, навъи антропологӣ, нажоди Моваруннаҳрӣ, навъи баҳримиёназаминӣ, навъи ҷанубисибирӣ.*

ANTHROPOLOGICAL COMPOSITION OF THE POPULATION OF THE NORTHERN REGIONS OF GREATER KHORASAN IN THE XVI th-XVII th CENTURIES (HISTORICAL AND ANTHROPOLOGICAL DATA)

This article examines the anthropological composition of the northern part of Greater Khorasan in the XVIth-XVIIth centuries. Particular attention is paid to the ethnopolitical processes and migrations that took place in the region during the late medieval period. Drawing on historical and anthropological data, the author analyses the processes of assimilation and ethno-cultural integration between indigenous and immigrant population groups. It has been found that, despite intense migration and the settlement of new groups, anthropological and ethnocultural continuity among the population was maintained during the late medieval period.

Keywords: *Greater Khorasan, migration, population, Kipchak Steppe, anthropological type, Central Asian Interfluve race, Mediterranean type, South Siberian type.*

Маълумот дар бораи муаллиф: Наврузбеков Маснав Ниёзмамадович - ходими илмии шуъбаи мардумшиносии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ, E-mail: n-masnav83@mail.ru

Сведения об авторе: Наврузбеков Маснав Ниёзмамадович - научный сотрудник отдела этнографии Института истории, археологии и этнографии им.А. Дониша НАНТ. Адрес: 734025 Душанбе, проспект Рудаки 33, Республики Таджикистан, E-mail: n-masnav83@mail.ru

Information about the author: Navruzbekov Masnav Niyozmamadovich, - Research Associate of the Department of Ethnography of the A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan. Address: 734025 Dushanbe, Rudaki Avenue 33, Republic of Tajikistan, E-mail: n-masnav83@mail.ru

УДК: 391 (091) (575.31)

КОСТЮМ ТАДЖИКОВ ГОРНЫХ РАЙОНОВ ВЕРХНЕГО ЗЕРАВШАНА В XIX–XX ВВ. КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СИСТЕМА: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

ХАКИМОВА З. Г.,
Технологический университет Таджикистана
КАРИМОВА З. Ш.,
Государственный институт изобразительного искусства и дизайна Таджикистана

Если исходить из того, что художественное выражение не ограничивается сферой «изобразительного искусства», а включает производство устойчивых визуальных форм (силуэт, фактура, ритм, цветовые контрасты) в повторяемых практиках, то костюм следует рассматривать как одно из наиболее ёмких полей культурной семиотики. Центральноазиатский материал, однако, накладывает существенные ограничения: ранние предметные комплексы практически не сохранились, музейные коллекции, как правило, не восходят глубже конца XIX в., а даже «богатая» одежда (например, придворные халаты) чаще относится к позднему времени. Вследствие этого реконструкции неизбежно опираются на поздние фиксации и вторичные описания. Данное обстоятельство принципиально, поскольку задаёт пределы обсуждения «древности формы» и требует различать художественную архаику как исследовательскую интерпретацию и архаику как источниковый факт.

В рамках таджикского мира XIX-XX вв. особое значение имеют горные регионы, где традиция, с одной стороны, характеризуется высокой инерционностью (обусловленной природно-географическими и социальными факторами), а с другой – чувствительно реагирует на внешние воздействия (административные преобразования после включения в состав Российской империи, последующая советская модернизация, развитие инфраструктуры, переселенческие процессы и изменение режимов публичности). Горный материал позволяет проследить функционирование костюма одновременно как «домашней художественной практики» и как социального документа. В этом контексте фундаментальное значение имеют полевые исследования советского периода, прежде всего работы З. А. Широковой[11] о женской одежде горного Таджикистана, а также корпус материалов по верховьям Зеравшана, собранный в ходе обследований 1958-1966 гг. [5, 21].

Источниковедческая база по таджикскому костюму XIX-XX вв. неоднородна как по типам фиксации, так и по исследовательской перспективе. Для корректного анализа необходимо различать и сопоставлять, по меньшей мере, три регистра: дореволюционные описания, музейные коллекции (включая каталоги и дневники собирателей) и полевые материалы советского периода. Такое разграничение имеет принципиальное значение, поскольку каждый тип источника формирует собственное представление о костюме.

Дореволюционный корпус, особенно применительно к горным районам, во многом представлен наблюдениями лиц, впервые оказавшихся в регионе (военных,

топографов, административных служащих, естествоиспытателей), зачастую без знания языка и доступа к локальным контекстам. В результате описания нередко ограничиваются характеристикой материалов и перечнем предметов одежды. Подобные источники пригодны для фиксации наличия и внешнего облика предметов, однако значительно менее информативны в отношении семантики орнамента, норм ношения и разграничения повседневного, праздничного и обрядового костюма [11, 39-40].

Показательно, что А. П. Шишов, создавая ранний обобщающий очерк о таджиках, прямо указывает на недостаточность сведений о быте горного населения: имеющиеся данные, по его оценке, «дают слишком мало» для уверенных выводов. Значение этого замечания заключается не столько в «устаревании» работы, сколько в фиксации источникового дефицита начала XX в., что, в свою очередь, обозначает пределы ретроспективных реконструкций для XIX столетия [12, 110-111].

Музейно-коллекционный регистр обладает иной логикой репрезентации: он фиксирует вещи как материальные объекты, зачастую изолируя их от практик ноше-ния. Для верховьев Зеравшана ключевое значение имеют коллекции, собранные Среднеазиатской этнологической экспедицией 1926-1927 гг. и хранящиеся в Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера)[4,17-19]. Характерно, что в этих собраниях нередко лучше представлена повседневная одежда, отражающая распространённые практики, тогда как более ценные предметы могли сохраняться по иным траекториям. Р. Я. Рассудова подробно анализирует состав коллекций по различным волостям, их количественные параметры, а также подчёркивает значение сопровождающих дневников собирателей, фиксирующих технологии изготовления и связанные с одеждой обычаи, особенно в отношении детского костюма [4,23].

Наиболее репрезентативный массив данных формируют советские полевые и экспедиционные материалы. Коллективный труд о материальной культуре Верхнего Зеравшана демонстрирует институциональный характер исследований: «сплошное этнографическое обследование» по единой программе было направлено на получение сопоставимого материала для уточнения границ историко-культурных районов и создания картографических обобщений. В рамках такого подхода костюм рассматривается во взаимосвязи с другими элементами материальной культуры (жилищем, пищей, хозяйственными практиками), что определяет его описание как части целостной социально-экономической системы [3,184-185].

Особое значение имеет отчёт М.Р. Рахимова о Зеравшанской этнографической экспедиции 1958-1961 гг., представляющий собой «метадокумент», фиксирующий масштаб сбора данных (значительные объёмы текстовых материалов, иллюстраций и фотоснимков, а также формирование музейных коллекций). Эти количественные показатели позволяют объяснить, почему материалы 1960-х гг. дают возможность анализировать не только типологию костюма, но и его локальную вариативность, включая распространение отдельных элементов по микрорайонам [5, 54-55].

Наконец, в источниковую базу целесообразно включать тексты пограничных жанров (очерки, эссе, путевые заметки), которые, не подменяя этнографических исследований, фиксируют особенности социальной оптики позднесоветского периода: способы артикуляции локальных различий, тематические акценты и символизацию элементов быта. В этом отношении работа Аво Сузи «Матчо в разных измерениях» представляет интерес не как систематическое описание костюма, а как свидетельство восприятия и языкового конструирования региональных различий [7,156].

Художественная выразительность таджикского костюма формируется на пересечении трёх взаимосвязанных уровней: материально-технологического (ткань, красители, техники шитья), морфологического (крой, многослойность, способы драпировки и регулирования открытости/закрытости тела) и знакового (орнамент, ритмика отделки, украшения как элементы социального «синтаксиса»). В классической постановке проблемы, значимой для среднеазиатского материала, ткань выступает не как нейтральное «сырьё», а как индикатор ремесленных технологий и экономических связей: использование привозных тканей непосредственно указывает на их происхождение и торговые маршруты. Крой, в свою очередь, нередко сохраняет архаические черты и потому соотносится с вопросами этногенеза и происхождения этнографических групп. Наконец, костюм отражает не только социально-стратификационные различия, но и более устойчивые половозрастные деления, иногда сохраняющиеся в пережиточных формах. Подход, предложенный О. А. Сухаревой, продуктивен тем, что позволяет рассматривать костюм одновременно в контексте истории технологий и социальных структур [8,106].

В горных районах художественная организация костюма тесно связана с домашними промыслами и локальной экономикой. В условиях длительного сохранения самодостаточных техник (прядение, ткачество, шитьё, изготовление украшений) костюм становится основным полем проявления ремесленного мастерства. З. А. Широкова отмечает, что именно в одежде – в её цветовой гамме, орнаменте и системе украшений – наиболее отчётливо проявляются традиции и эстетические предпочтения. При этом костюм характеризуется двойственной динамикой: в целом он подвержен сравнительно быстрым изменениям, тогда как отдельные элементы способны сохранять устойчивые, в том числе архаические, формы. Данное сочетание устойчивости деталей и изменчивости целого формирует пространство художественной трансформации, в рамках которого меняются контексты и значения, но сохраняются устойчивые ритмы и мотивы [11,72].

Существенным для анализа является разграничение повседневного, праздничного и обрядового костюма, однако это деление не всегда совпадает с репрезентацией материала в музейных собраниях и публикациях. Музейная практика часто фиксирует прежде всего повседневную одежду как наиболее типичную, тогда как исследователь, ориентированный на художественную выразительность, обращается преимущественно к праздничным и обрядовым формам. В этом возникает методический риск – отождествление музейного «среза» с полной иерархией художественных регистров. Р. Я. Рассудова, анализируя коллекции 1926-1927 гг., подчёркивает ценность именно повседневной одежды, которая, в отличие от более ценных предметов, не сохранялась длительно и потому могла исчезнуть из последующего наблюдения. Следовательно, художественная выразительность костюма не совпадает с его музейной «представительностью» [4, 25].

Художественный аспект костюма проявляется не только в материальной форме, но и в режимах публичности тела: допустимости присутствия женщины в мужском пространстве, степени закрытости лица, правилах демонстрации украшений. Дореволюционные наблюдения, несмотря на внешнюю исследовательскую оптику, фиксируют значимые различия: в ряде горных сообществ отмечается открытость женского присутствия и отсутствие практики полного закрывания лица. Эти сведения, даже будучи обобщёнными, указывают на специфическую конфигурацию публичности, отличную от городских практик. Для художественного языка костюма это имеет прямые последствия: видимость лица, волос, украшений и элементов головного убора становится частью социальной репрезентации [11,77].

Реконструкция таджикского костюма XIX в. сталкивается с принципиальным ограничением: дефицитом ранних предметных комплексов. О. А. Сухарева подчёркивает, что

исследователь располагает значительно меньшими возможностями по сравнению с регионами с развитой музейной традицией: коллекции старой одежды, как правило, не выходят за пределы конца XIX в., а даже наиболее ценные образцы редко датируются ранее середины столетия. Это обстоятельство не умаляет значения поздних собраний, но задаёт пределы точности при реконструкции более ранних этапов [8, 109; 9,14-15].

Отсюда следует, что художественные характеристики костюма XIX в. нередко реконструируются по материалам более поздней фиксации – через анализ сохраняющихся деталей при изменении материалов, каналов обмена и форм публичности. Дореволю-ционные описания и путевые заметки в этом контексте выполняют функцию свидетельств внешнего облика и социально различимых признаков, однако их информативность ограничена. Как отмечает З. А. Широкова, первые публикации, появившиеся после присоединения Средней Азии к России, зачастую носят общий характер и ограничиваются описанием материалов и перечислением предметов одежды. В художественном отношении такие источники фиксируют скорее наличие традиции, чем её внутреннюю структуру, что требует осторожного использования [11,60].

При обращении к региональной перспективе необходимо учитывать внутреннюю дифференциацию верховьев Зеравшана, которые уже в дореволюционный и раннесоветский периоды описываются как совокупность исторически сложившихся районов (Матча, Фальгар, Ягноб, Фан и др.). Каждый из них представляет относительно автономную среду хозяйственных и родственных связей, что непосредственно отражается на костюме. Художественный язык одежды в этих условиях формируется на уровне микрорайонов, определяясь доступностью материалов, локальными традициями отделки, климатическими условиями и нормами публичности. Следовательно, представление о едином типе костюма для всего региона без учёта внутренней дифференциации воспроизводит ограничения ранних источников [3, 192-193].

XIX век можно рассматривать как время, когда традиционный костюм уже сложился в устойчивый и внутренне упорядоченный комплекс, но после присоединения региона к Российской империи постепенно оказался вовлечён в сферу новых модных влияний [6, 22]. Эти изменения не имели резкого характера: архаические элементы не исчезали сразу, а со временем теряли прежнюю значимость. Поэтому происходившие преобразования следует понимать не как разрыв с традицией, а как её последовательную переработку, проявившуюся прежде всего в изменении художественных предпочтений – в выборе тканей и построении декоративной композиции [8, 110; 9,15-16].

Советский XX век существенно изменил не только материальную основу костюма, но и научную инфраструктуру его изучения. З. А. Широкова связывает трансформацию одежды с «бурными темпами» социалистического переустройства и повышением культурного уровня, отмечая, что в городах и среди интеллигенции европейские формы почти вытеснили национальный костюм, тогда как в сельской среде он сохранялся дольше. Эта динамика имела двойственный эффект: с одной стороны, традиция объективно сужала ареал живого бытования, с другой – усиливался исследовательский импульс к фиксации исчезающих форм, что во многом объясняет интенсивность полевых программ 1950-1960-х гг. [11,77].

Именно в 1950-1960-е гг. метод «сплошного обследования» превратил костюм в объект массовой документации и картографирования. В коллективном труде по материальной культуре Верхнего Зеравшана подчёркивается, что обследования 1958-1966 гг. охватывали жилище, одежду и пищу, а общий исследовательский замысел был связан с уточнением границ историко-культурных районов и подготовкой историко-этнографического атласа. Отсюда вытекает особый тип научного описания, в котором художественная сто-

рона костюма рассматривается в связи с расселением, хозяйственными практиками и микрорегиональными различиями. В такой оптике эстетические характеристики осмысляются через ареалы распространения деталей, степень устойчивости или изменчивости форм и их соотнесённость с соседними регионами [10,131-132].

Отчёт М. Р. Рахимова о Зеравшанской экспедиции 1958-1961 гг. представляет особую ценность, поскольку демонстрирует экспедицию как масштабный механизм производства данных. В нём перечислены участники, обозначены задачи выявления различий между микрорайонами, а также необходимость сбора материалов как о дореволюционном быте, так и о советском периоде; отдельно зафиксированы объёмы собранного материала: тысячи страниц текста, тысячи фотографий, сотни рисунков и значительное число экспонатов. Для анализа костюма как художественного выражения это обстоятельство принципиально, поскольку художественная форма здесь документируется серийно, что позволяет исследовать не отдельные выразительные детали, а динамику их распрост-ранения и исчезновения в условиях модернизационных процессов [5, 61-64].

Особое место в процессе культурных изменений занимало переселение горных групп на равнину. Изучение материальной культуры матчинцев, переселённых на целинные земли Дальверзина, открывает важную сравнительную перспективу: современный быт соотносится с прежним укладом, а полевые материалы, собранные в разные годы как в Старой, так и в Новой Матче, позволяют проследить эту динамику. В таком контексте костюм выступает не только показателем достатка или практического удобства, но и средством переноса привычных художественных норм в новую экологическую и социаль-ную среду. В переселенческом сообществе его художественный язык меняется под влиянием нового рынка тканей, иных социальных представлений и новых форм публичности, сохраняя при этом значение маркера памяти о горном происхождении [7,241;10,149].

Ещё одной важной чертой XX века стала музейно-сценическая кодификация костюма. З. А. Широкова прямо указывает на практическое значение своих исследований для художников театра, кино и телевидения, а также для домов моделей и ателье при создании новых фасонов «с учётом местных традиций». В этой формулировке отражён переход костюма из сферы повседневного бытования в сферу репрезентации: художественная система одежды начинает функционировать как нормативный набор образцов, пригодный для воспроизводства вне исходной среды. Подобная трансформация имеет двойственный характер: она способствует сохранению визуальных мотивов, хотя и в переработанном виде, но одновременно сглаживает локальные различия, поскольку сцена и экран требуют типологически ясного и легко считываемого образа [11,82].

Важное значение имеет и сохранённая в ранних экспедиционных материалах память о дореволюционных состояниях. Публикация ягнобских этнографических материалов, собранных в 1924-1927 гг., подчёркивает их уникальность и ценность первоисточника именно потому, что прежний уклад жизни оказался утрачен вследствие переселения. Этот сюжет методологически соотносится и с темой костюма: фиксация становится одним из последних каналов доступа к художественной норме, вытесняемой историческими изменениями. Хотя данный корпус посвящён не только одежде, он важен как напоминание о хрупкости традиционного уклада и о том, что художественная выразительность костюма нередко оказывается доступной лишь через архивные свидетельства [1, 40; 2, 84-85].

В заключение следует отметить, что костюм таджиков XIX-XX вв. выступает как форма художественного выражения не вопреки своей утилитарной функции, а именно через неё. Эстетические решения, воплощённые в ткани, отделке, орнаменте и композиции украшений, были органично включены в систему технологических возможностей, социальных норм и локальных культурных практик. Вместе с тем историческая динамика существенно изменяла формы проявления этой художественности. В XIX в. традиционный

костюмный комплекс сохранял относительную устойчивость, однако источниковая база по горным регионам остаётся фрагментарной, что ограничивает возможности его полной реконструкции и требует осторожного обращения как с дореволюционными описаниями, так и с более поздними фиксациями.

В XX в. наблюдается значительное расширение практик документирования: этно-графические экспедиции и методы «сплошного обследования» превращают костюм в объект систематической научной фиксации. Это позволяет выявлять локальные варианты, региональные особенности, а также прослеживать процессы исчезновения, сохранения и трансформации отдельных форм. Одновременно советская модернизация постепенно сужала пространство живого бытования традиционного костюма, особенно в городской среде. Переселения, изменение образа жизни и развитие сценической репрезентации способствовали переносу костюма из сферы повседневной практики в область культурной памяти, музейного хранения и кодифицированного художественного образца.

На уровне источников подобная динамика требует постоянной критической проверки и сопоставления различных типов материалов. Музейные комплекты 1920-х гг. фиксируют преимущественно повседневные и типологически устойчивые формы; полевые наблюдения 1950-1960-х гг. позволяют уловить живую изменчивость традиции; ранние обобщающие труды XX в. прямо указывают на недостаточность и неравномерность имеющихся данных. Только комплексное сопоставление этих источниковых регистров даёт возможность рассматривать таджикский костюм как целостную художественную систему, изменяющуюся вместе с культурными трансформациями, но не растворяющуюся в них полностью. В этом смысле он не может быть сведён ни к неизменной «традиции», ни к простому набору утилитарных предметов: костюм постоянно переопределяет границы между вещью, телом, эстетическим кодом и социальной видимостью.

ЛИТЕРАТУРА

1.Кондауров А. Н. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев/А. Н. Кондауров/Труды Института этнографии АН СССР. – М.; Л., 1940. – Вып. 1. – 80 с.

2.Кондауров, А. Н. Некоторые материалы по этнографии ягнобцев: (из результатов поездки в 1934 г.)/А. Н. Кондауров/Советская этнография. – 1935. – № 6. – С. 74-95.

3.Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана: сборник по материалам обследований 1958-1966 гг. /ред. А. К. Писарчик, Н. Н. Ершов; текст: А. С. Давыдов, М. А. Хамиджанова, З. А. Широкова. – Душанбе, 1973. – 296 с.

4.Рассудова Р. Я. Материалы по одежде таджиков верховьев Зеравшана (по коллекциям и записям А. Л. Троицкой и Г. Г. Гульбина, 1926-1927 гг.) /Р. Я. Рассудова/Сборник Музея антропологии и этнографии. – Л., 1970. – Т. 26: Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. – С. 16-51.

5.Рахимов М. Р. Зеравшанская этнографическая экспедиция 1958-1961 гг. /М. Р. Рахимов /Известия Отделения общественных наук АН Таджикской ССР. – 1963. – № 1 (32). – С. 51-66.

6.Сафарова З. Н. Трансформация этнокультуры таджиков в конце XIX – начале XX веков на примере городского костюма: автореф. дис. … канд. ист. наук: 5.6.1/З. Н. Сафарова. – Душанбе, 2022. – 24 с.

7.Сузи А. Матчо в разных измерениях. Таджикская свадьба: очерки/А. Сузи. – Душанбе: Адиб, 1989. – 288 с.

8.Сухарева О. А. Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в/О. А. Сухарева/ Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. – Л.: Наука, 1970. – С. 101-112.

9.Сухарева О. А. История среднеазиатского костюма: Самарканд (2-я половина XIX – начало XX в.)/О. А. Сухарева; Академия наук СССР, Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Москва: Наука, 1982. – 141 с.

10.Хамиджанова М. А. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошенные земли/М. А. Хамиджанова; отв. ред. Н. Н. Ершов, А. К. Писарчик. – Душанбе: Дониш, 1974. -181 с.

11.Широкова З. А. Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана/З. А. Широкова. – Душанбе: Дониш, 1976. – 204 с.

12.Шишов А. П. Таджики: этнографическое исследование/А. П. Шишов. – Алматы, 2006. – 392 с.

ЛИБОСИ ТОҶИКОНИ НОҲИЯҲОИ КӮҲИСТОНИ БОЛООБИ ЗАРАФШОН ДАР АСРҲОИ XIX - XX ҲАМЧУН НИЗОМИ ҲУНАРӢ: ТАҲЛИЛИ МАНБАЪШИНОСИИ КОЛЛЕКСИЯҲОИ ОСОРХОНАӢ ВА МАВОДИ ЭТНОГРАФӢ

Дар мақола либоси тоҷикони асрҳои XIX - XX ҳамчун шакли бознамоии ҳунарӣ таҳлил мешавад. Дар он технологияҳои истеҳсоли хонагӣ, низоми маҳаллии ранг ва нақшу нигор, меъёрҳои ҷинсию синнусолӣ ва роҳҳои таърихан тағйирёбандаи мубодилаи фарҳангӣ бо ҳам пайваст мегарданд.

Барои ноҳияҳои кӯҳистонӣ, аз ҷумла болооби Зарафшон заминаи сарчашмавӣ хусусияти нобаробар аст. Маълумоти тоинқилобӣ пароканда буда, бештар ба тавсифи берунии матоъҳо ва номбар кардани унсурҳои либос маҳдуд мешавад. Экспедитсияҳои Шуравии миёнаи асри XX баръакс усули «таҳқиқи фарогир»-ро ба роҳ монданд ва барои ҷамъоварии маводи акс, сабтҳои графикӣ ва коллексияҳои осорхонавӣ шароит фароҳам оварданд.

Муқоисаи ин гурӯҳҳои сарчашмавӣ ду раванди ҳамзамонро нишон медиҳад: устувории шаклҳо ва рамзҳои бадеӣ, инчунин тағйири вазифаҳои онҳо. Либос тадричан аз забони ҳаррӯзаи фарқиятҳои иҷтимоӣ ба шакли бознамоии осорхонавию саҳнавӣ ва ба нишонаи хотираи фарҳангӣ табдил меёбад. Ин раванд махсусан дар шароити муҳоҷират ва тағйири муҳити иҷтимоӣ равшан мушоҳида мешавад.

Калидвожаҳо: *тоҷикон, ноҳияҳои кӯҳӣ, болооби Зарафшон, либоси занона, коллексияҳои осорхонавӣ, мардумшиносии Шуравӣ, кӯчиш, нақшу нигор, таҳаввулоти фарҳангӣ.*

КОСТЮМ ТАДЖИКОВ ГОРНЫХ РАЙОНОВ ВЕРХНЕГО ЗЕРАВШАНА В XIX-XX ВВ. КАК ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СИСТЕМА: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

В статье таджикский костюм XIX-XX вв. рассматривается как форма художественной репрезентации. В нём соединяются технологии домашнего производства, локальные системы цвета и орнамента, гендерно-возрастные нормы и исторически меняющиеся каналы культурного обмена.

Для горных районов, включая верховья Зеравшана, источниковая база неравномерна. Дореволюционные свидетельства фрагментарны и чаще всего ограничиваются внешним описанием материалов и перечислением элементов одежды. Советские экспедиции середины XX в. сформировали метод «сплошного обследования», благодаря которому были собраны фотоматериалы, графические фиксации и музейные коллекции.

Сопоставление этих источников позволяет выявить двойную динамику костюма: устой-чивость форм и художественных кодов, при изменении их функций. Костюм постепенно переходит от повседневного «языка различий» к музейно-сценической и к символическим маркерам культурной памяти. Особенно заметен этот процесс в условиях переселений и изменения социальной среды.

Ключевые слова: *таджики, горные районы, Верхний Зеравшан, женская одежда, музейные коллекции, советская этнография, переселение, орнамент, культурная трансформация.*

TAJIK COSTUME IN THE MOUNTAINOUS REGIONS IN THE 19TH-20TH CENTURIESAS AN ARTISTIC SYSTEM: A IN THE CONTEXT OF CULTURAL TRANSFORMATIONS OF

The Tajik costume of the 19th-20th centuries should be considered not only as a set of garments, but also as a specific form of artistic representation. It reflects the interaction of home-production technologies, local systems of colour and ornament, gender and age norms, and historically changing channels of cultural exchange.

For mountainous regions, including the upper reaches of the Zeravshan Valley, the source

base is uneven. Pre-revolutionary evidence is fragmentary and is mainly limited to external descriptions of materials and the enumeration of clothing elements. By contrast, Soviet expeditions of the mid-20th century developed the method of «comprehensive survey», which enabled the accumulation of extensive photographic materials, graphic records, and museum collections.

The comparison of these source registers makes it possible to reveal the dual dynamics of costume: on the one hand, the stability of forms and artistic codes is preserved; on the other hand, their functions undergo transformation. Costume gradually moves from an everyday «language of differences» to forms of museum and stage representation, as well as to symbolic markers of cultural memory, especially under conditions of resettlement and changes in the social environment.

Keywords: Tajiks, mountainous regions, Upper Zeravshan, women's clothing, museum collections, Soviet ethnography, resettlement, ornament, cultural ransformation.

Маълумот дар бораи муаллифон: Ҳакимова Замира Ғайратовна - номзади илмҳои таърих, мудири кафедраи технологияи нассоҷии Донишгоҳи технологии Тоҷикистон. E-mail: zama_1984@list.ru. **Каримова Замира Шомуродовна -** номзади илмҳои фалсафа дар соҳаи дизайн (6D042100) дар Институти давлатии санъати тасвирӣ ва дизайни Тоҷикистон.

Information about the authors: Khakimova Zamira Gayratovna - Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer, Department of Technology of Textile Products, Technological University of Tajikistan. E-mail: zama_1984@list.ru.**Karimova Zamira Shomurodovna** – PhD doctoral student in the specialty 6D042100 «Design (Construction)» at the State Institute of Fine Arts and Design of Tajikistan.

УДК: 891.550

БОЗТОБИ МАРҲАЛАҲОИ ҶАНГИ ШАҲРВАНДИИ СОЛҲОИ 20-УМИ АСРИ ХХ-И ТОҶИКИСТОН ДАР ОСОРИ МУЛЛО ЭРКАЕВ[1]

МИРЗОШАРИФЗОДА Ҳ. М.,
Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ

Доктори илмҳои таърих, профессор Мулло Эркаев яке аз чеҳраҳои шинохтаи илму сиёсати Тоҷикистони Шуравӣ мебошад, ки ҳаёт ва фаъолияти худро сарфи омӯзиши таърихи давраи Шуравии Тоҷикистон намуда, дар таҳқиқи масъалаҳои таърихи барпо ва таҳкими Ҳокимияти Шуравӣ дар Тоҷикистон ва мубориза бар зидди ҳаракати алайҳи мардумии босмачиён саҳми бориз гузоштааст [8, 470].

Таҳқиқи ҷанги таҳмилии шаҳрвандии солҳои 20-уми асри ХХ дар Тоҷикистон яке аз мавзуъҳои ҳассос, печида ва муҳимми таърихнигории миллӣ ба ҳисоб меравад. Ин давра на танҳо бо бархӯрди низоми нав бо қишрҳои мухолиф, балки бо тағйироти амиқи вазъи сиёсӣ, иҷтимоӣ ва фарҳангӣ фарқ мекард. Таҳқиқи ин рӯйдодҳо бидуни такя ба осору пажуҳишҳои муҳаққиқони соҳибназар имконнопазир аст. Дар ин радиф профессор Мулло Эркаев мақоми хосса дорад, зеро мавсуф яке аз аввалин муҳаққиқоне мебошад, ки ба ин мавзуъ рӯ оварда, онро дар пояи асноду мадорики таърихӣ дар асарҳояшон «Разгром банду ставленника англо-американского империализма авантюриста Ибрагим-бека» [5], «В боях за Советский Таджикистан» [6], «История гражданской войны в Таджикистане» [3; 4], «Барпо ва мустаҳкам намудани Ҳокимияти Советӣ дар Тоҷикистон» [15] ва ғайраҳо

[1] Мақола дар асоси лоиҳаи «Таърихи халқи тоҷик» (асрҳои III - аввали асри ХХ) рақами қайди давлатӣ РБ № 0126TJ 01766 навишта шудааст.

таҳқиқ намуда, дар таърихнигории ватанӣ дар муайян намудани вазъи воқеии солҳои 20-уми асри гузаштаи Тоҷикистон саҳми босазое гузоштааст. Ҳамчунин хотироти ширкаткунандагони инқилоб ва ҷанги таҳмилии шаҳрвандӣ дар Тоҷикистон бо ибтикори Мулло Эркаев ва дигар муаллифон ба забонҳои русӣ ва тоҷикӣ солҳои 1958 ва 1961 ба нашр расидаанд [14, 8].

Профессор Рақиб Абулҳаев ба пажуҳишҳои дар заминаи таҳқиқи ҷанги таҳмилии шаҳрвандии Тоҷикистони солҳои 20-уми асри гузашта анҷомдодаи профессор Мулло Эркаев баҳои баланд дода, менависад, ки «Таҳқиқоти олим дар ҳоли ҳозир ягона асари маҷмуӣ перомуни ҷанги таҳмилии шаҳрвандӣ дар Тоҷикистон аст» [1, 6].

М. Эркаев бо талошҳои хастанопазир тавониста, ки бар мабнои манобеи бойгониҳо, хотироти иштирокчиён ва сарчашмаҳои мухталиф асари мукаммали таҳқиқотӣ ба вуҷуд оварад, ки то ба имрӯз аҳаммияти илмии худро нигоҳ медорад. Муҳаққиқ ҷанги шаҳрвандии Тоҷикистонро ба марҳалаҳо ҷудо карда, сабабҳо, равандҳо, омилҳои таъсиргузор ва натиҷаҳои онро бо таҳлили муфассал ва далелҳои раднопазир шарҳ медиҳад. Хусусан гирем, ҷойгоҳи мавсуф дар ташаккули тасаввуроти илмӣ оид ба ҳаракати босмачиён ва фарқгузорӣ миёни гурӯҳҳои сиёсии қудратталаб ва унсурҳои ғоратгар аҳаммияти вижаи худро доранд.

Зимнан бояд гуфт, ки дар матбуоти даврии солҳои охир роҷеъ ба ҷанги таҳмилии шаҳрвандии солҳои 20-уми асри гузашта дар Тоҷикистон мақолоти зиёде чоп шуданд, ки назар ва андешаҳои баъзе аз муаллифон дар арзёбии ҳодисоти он солҳо хилофи воқеияти таърихист. Аз ҷумла, дар бархе аз ин мақолот дар тавзеҳи калимаи «босмачӣ» аз ҳақиқат ба гумон рафта, дучори иштибоҳ шудаанд [2, 8-9]. Профессор Мулло Эркаев дар тавзеҳи вожаи «босмачӣ» зикр мекунад, ки ин истилоҳ то инқилоб низ мавриди истифода буд. Табақаи ҳокими он замон деҳқононеро, ки дар асари андозҳо ва маҷбуриятҳои зиёд аз заминҳои худ маҳрум гашта, муфлис шуда, даст ба шӯриш мезаданд, «босмачӣ» ном мебурданд [3, 267].

Профессор Мулло Эркаев ба вуҷудоӣ, шаклгирӣ ва фурӯпошии ҳаракат алайҳи давлати тозатаъсиси Шуравӣ дар Тоҷикистонро ба се марҳалаи асосӣ тақсим кардааст. Муҳаққиқ аз соли 1921 то нимаи аввали соли 1923-ро чун марҳалаи аввали ҷанги шаҳрвандӣ дар Тоҷикистон муайян намуда, ташхис мекунад, ки дар ин муддат ҷунбишҳои парокандаи дастаҳои босмачиён ба як неруи сиёсии қудратманд ба раҳбарии афсарони фирории Туркия Анварпошо ва Салимпошо (Хоҷа Самеъбий) табдил меёбанд [4, 278]. Сарварони Русияи Шуравӣ ба хубӣ эҳсос намуданд, ки таҳдиди Анварпошо бо лашкари тахминан 20 ҳазор нафара, ки дар Бухорои Шарқӣ гирд омада буд, на танҳо барои мавҷудияти низоми Иттиҳоди Шуравӣ дар Бухоро, балки барои тамоми сарзамини Осиёи Миёна хатари ҷиддӣ дорад. Анварпошо низ мақсади худро пинҳон намедошт, аз ин рӯ ӯ дар таърихи 19-уми майи майи соли 1922 аз Ҳукумати Шуравии Русия ба таҳдид талаб кард, ки дар ҳудуди Ҷумҳуриҳои Бухоро, Туркистон ва Хоразм давлати исломии таъсиснамудаи ӯро ба расмият шиносад ва дар муддати 15 рӯз қисмҳои Аскарони Сурхро аз ин сарзамин берун барад. Ин талабҳо дар таърих бо номи «таҳдидномаи Анварпошшо» маълум аст.

Ба далели камбуди манобеи лозим, менависад муҳаққиқ, - давлати Шуравӣ қодир ба эҷоди иқдомоти иқтисодӣ ва сиёсии густурда якҷо бо амалиёти низомӣ бар зидди душманони дохилӣ ва хориҷӣ барои ҷалби таваҷҷуҳи умумии мардум набуд [15, 214].

Аз ин рӯ, бино ба таҳқиқи М. Эркаев, ин замон ҳаракати босмачиён на танҳо тавассути норозиёни ҳокимият аз дасташон рафта, балки аз тарафи руҳоният ва кишоварзоне, ки ба таблиғоти босмачиён гӯш фаро медоданд, ҳимоя мешуд. То 1-

уми январи соли 1923 чаҳордаҳ дастаи босмачиён муташаккил аз 2290 саворанизом бо 5 пулемёт дар Бухорои Шарқӣ алайҳи Ҳукумати Шуро меҷангиданд [4, 383]. Аз ҷумла, дар ноҳияҳои Марказ ва Ҷануби Тоҷикистон, дар шаҳри Душанбе дастаҳои босмачиён бо сарварии Раҳмондодхо, ноҳияи Лақай бо фармондеҳии Иброҳимбек, Кӯлоб бо сарварии Ашӯртӯқсабо, Балҷувон бо роҳбарии Давлатмандбий, Қаротегин бо сарварии Фузайлмахсум, Дарвоз бо роҳбарии Эшони Султон, Файзобод бо фармондеҳии Ғаюрбек ва ғайраҳо бар зидди Ҳокимияти Шуроҳо ба мубориза бархостанд. Муҳаққиқ ба ин назар аст, ки дар марҳалаи аввал фаъолияти дастаҳои босмачиёни он замон ба нуқтаи авҷи худ расид, ки Усмонхоҷа Пӯлодхоҷаев - раиси Кумитаи Марказии иҷроияи Бухоро барои кумак ба Аскарони Сурх бо ҳайати 600-нафараи милитсия ба Бухорои Шарқӣ омада, 23 ноябри соли 1921 вориди Душанбе гардида, аммо хиёнат карда, ба босмачиён пайваст [3, 288].

Дар ин муддат Иброҳимбеки лақай бо дастаҳои харобкори худ борҳо бо Аскарони Сурх ҷангҳо кардааст. Аз ҷумла, ӯ бо 4 ҳазор ҷанговар аз 22 сентябр то 18 октябри соли 1921 Душанберо ба муҳосира гирифт, вале дар натиҷаи муқобилияти шадиди Аскарони Сурх ва ҷонибдорони ҳукумати нав ба Иброҳимбек муяссар нагардид, ки Душанберо ишғол кунад. Ҳайати фармондеҳони Армияи Сурх вазъияти буҳрониро ба назар гирифта, қувваҳои ососии худро ба муқобили дастаҳои Иброҳимбек сафарбар карда, дар нимаи дуюми соли 1922 ба вай як чанд зарбаи ҳалокатовар заданд [11, 280].

Барои Ҳукумати Шуравии Русия шикасти Анварпошо ва дастаҳои моҷароҷӯйи ӯ аз вазифаҳои муҳимтарин маҳсуб мегардид. Ба ин манзур қисмҳои зиёди Аскарони Сурх ба муқобили Анварпошо сафарбар шуда, 15 июни соли 1922 ҳуҷуми васеи Аскарони Сурх ба муқобили Анварпошо оғоз гардид. Дар ин ҷанг Анварпошо на танҳо талафоти зиёд дод, ҳатто посбонони шахсии вай ба аскарони сурх асир афтоданд. Қисмҳои Аскарони Сурх дар натиҷаи ҷангҳои шадид 18 июн Деҳнав ва Юрчӣ, 30 июн Регар, 1 июл Қаратоғ, 2 июл Ҳисор, 14 июл Душанберо аз босмачиён ва дастаҳои содиқ ба Анварпошо озод намуданд.

Анварпошо 4 августи соли 1922 дар деҳаи Обдара, ки дар миёни Ховалинг ва Балҷувон воқеъ буд, ба дасти Аскарони Сурх ба қатл расид.

Баъд аз шикасти дастаҳои Анвар ташкилоти ҳизбӣ ва ҳукуматии ҷумҳуриҳои Осиёи Миёна бо ёрии Кумитаи Марказии РК Партиявии (болшевикҳо) ва Ҳукумати Иттифоқ кори аз нав барқарор намудан ва тараққиёти хоҷагии халқро вусъат дода, муборизаро ба муқобили дастаҳои босмачиёне, ки ҳанӯз амал мекарданд, идома доданд. Барои комилан аз байн бардоштани босмачиён, мисли пештара, чораҳои ҳарбӣ - ҷазодиҳӣ дида мешуданд, вале акнун ин чораҳо бештар бо тадбирҳои сиёсӣ -иқтисодӣ ва оммавӣ - таблиғии органҳои ҳизбӣ ва Шуравӣ дар маҳалҳо пайваста гузаронда мешуд. Ин фаъолиятҳо барои аз дастаҳои босмачиён ҷудо намудани сокинони фиребхӯрда ва ҳарчи зудтар торумор намудани дастаҳои ғоратгар нақши муҳим бозид [1, 280].

Дар Ҷумҳурии Халқии Советии Бухоро босмачиён ҳанӯз неруҳои зиёд доштанд ва онҳо дар Бухорои Ғарбӣ, махсусан дар вилоятҳои Қашқадарё, Сурхондарё ва Бухорои Шарқӣ хеле ваҳшиёна рафтор менамуданд [7, 280].

Дар Бухорои Шарқӣ босмачиён ноҳияҳои Дарвозу Қаротегин ва қисми зиёди қаламрави вилоятҳои Кӯлоб, Қӯрғонтеппа, Ҳисор ва Шерободро дар ихтиёр доштанд. Баъд аз шикасти Анвар фармондеҳи дастаҳои босмачиён дар Бухорои Шарқӣ Иброҳимбек мансуб мешавад [9, 280].

Моҳи августи 1922 бо талаби Ҳукумати Англия ва дигар душманони Ҳукумати Шуроҳо дар Кобул бо ширкати фармондеҳони босмачиён, намояндагони Ҳукумати

Англия ва дигар давлатҳо дар ҳузури амир Олимхон маҷлиси машваратӣ доир гардид, ки масъалаи муттаҳид намудани дастаҳои босмачиёни Осиёи Миёнаро баррасӣ намуд. Бо мақсади мутмаин кардани ин ки босмачиён бо силоҳу лавозимоти ҷангӣ аз тарафи Англия таъмин карда мешаванд, ба маҳалҳо фиристодагони махфӣ ирсол шудаанд [12, 290].

Ташаббускорони маҷлиси машваратӣ амир Олимхон, Усмонҷон Пулодхӯҷаев ва Қориафандӣ бо иштироки намояндагони давлатҳои хориҷа дар Кобул тасмим гирифтанд, ки ҳуҷуми қувваҳои аксулинқилоб алайҳи Ҳукумати Шуроҳо дар Осиёи Миёна баҳори соли 1923 оғоз шавад. Ба ин манзур ба Осиёи Миёна фиристодаҳои махфӣ омаданд, то ки онҳо ҳамзамони ҳуҷуми дастаҳои Салимпошшо дар Бухоро, Туркистон ва Хива исёнҳои зидди давлатӣ барпо кунанд.

Барои барқарор намудани робита ва бо силоҳу дигар таҷҳизот таъмин кардани босмачиён ба Ҳиндустону Кошғар ва Машҳад намояндаҳои худро фиристоданд. Ин буд, ки ҳамзамони ба Бухорои Шарқӣ расидани Салим, ҳамсафони Анвар-Исмоил Хокӣ ва Аъзамбек бо 40 уштур силоҳ ва лавозимоти ҷангӣ аз Ҳиндустони Британиягӣ ба воситаи Дарвоз ба назди ӯ омаданд.

Қисмҳои Армияи Сурх боқимондаҳои дастаи Анварро дар Ховалинг ва Балҷувон нобуд карда, тирамоҳи соли 1922 барои торумор намудани дастаи Иброҳимбек ба кӯҳҳои Рангунтов рафта, ба неруҳои босмачиён чанд зарба ворид сохтанд, вале дар ин вақт дар Бухорои Шарқӣ Салим бо дастаи харобкораш пайдо шуд [11, 282]. Ӯ тирамоҳи 1922 бо дастаи худ аз сарҳад гузашта, ба Қалъаихум ва баъд бо ёрии Эшони Султон ба Ғарм, ба назди Фузайл Махсум омад. Дар ин вақт Эшони Султон ва Фузайл Махсум дар вилояти Ғарм бо ҳамдигар барои фармондеҳӣ рақобат доштанд, ки инро Салим ба манфиати худ истифода бурд.

Моҳи ноябри соли 1922 Фузайл Махсум Салимро ҳамчун вориси Анвар эътироф кард. Салим бо 500-600 нафар босмачиён бо ҳамроҳии бародарии Фузайл Махсум - Садод аз Қаротегин бо вилояти Кӯлоб омад [11, 282].

Марҳалаи дуюми ҷанги шаҳрвандиро профессор М. Эркаев марбут ба нимаи дуюми соли 1923 то охири соли 1924, замони муборизаи Ҳокимияти Шуроҳо бо дастаҳои Иброҳимбеки лақай медонад. Иброҳимбекро амири фирории манғит Олимхон, ки дар Кобул ба сар мебурд, ҳамаҷониба дастгирӣ менамуд ва барои ташвиқи ҳар чи бештари Иброҳимбек дар муборизаи алайҳи Ҳокимияти Шуроҳо ба ӯ унвони лашкарбоширо дод. Дар ин марҳала профессор Мулло Эркаев ба ин назар аст, ки неруи муҳофизон ва ҷонибдорони Ҳукумати Шуроҳо аз ҳисоби мардумони маҳаллӣ хеле зиёд шуд, ба ин сабаб босмачиён дар аксари задухӯрдҳо ба шикаст гирифтор мешуданд. Давлатҳое, ки ба ғалабаи босмачиён бовар доштанд, дар ин марҳала ноумед шуда, кумакҳои низомӣ ва молии худро ба босмачиён коҳиш медиҳанд. Бо нобудии дастаҳои асосии ҷангандаи босмачиён онҳо аз ҳаракати сиёсӣ-иҷтимоӣ ба дастаҳои ғоратгар табдил ёфта, ҳамчун неруи хатарнок ба Ҳокимияти Шуроҳо дар Осиёи Миёна аз байн мераванд. Ин марҳаларо профессор М. Эркаев ҳамчун марҳалаи анҷоми ҷанги шаҳрвандӣ дар Тоҷикистон номидааст [15, 215].

Дар самти муайян намудани марҳалаи сеюм, ки онро профессор М. Эркаев аз соли 1925 то миёнаҳои соли 1926 мушаххас кардааст, ба раванди ташаккули низоми навин дар Осиёи Миёна иртибот мегирад. Дар ин муддат дар натиҷаи тақсимоти миллӣ-ҳудудӣ дар Осиёи Миёна Ҷумҳурии мухтори Шуравии Сотсиалистии Тоҷикистон таъсис ёфта буд. Дар қаламрави Ҷумҳурии мухтори Шуравии Сотсиалистии Тоҷикистон моҳи январи соли 1925 аз ҳаракати як замон хатарноки босмачиён танҳо теъдоди каме аз руҳониён, сарватмандон ва касоне, ки бо сардо-

рони дастаҳои босмачиён муносиботи хешутаборию қабилавӣ доштанд, боқӣ монданд, ки 46 дастаи ғоратгари парокандаи онҳо дар ноҳияи Лақай, водиҳои Ҳисор ва Вахш фаъолият мекарданд [3,506].

Дар натиҷаи таблиғоти густурдаи Ҳукумати Шуро кишоварзон ва косибон аз суфуфи босмачиён хориҷ шуда, дастаҳои ихтиёрӣ созмон дода, бар зидди босмачиён меҷангиданд. Интиҳои соли 1925 таҳти фармондеҳии Иброҳимбек 12 дастаи иборат аз 400 нафар босмачиён боқӣ монд [4, 534]. Бо таҳкими пояҳои Ҳукумати Шуроҳо босмачиён заминаҳои иҷтимоии худро аз даст доданд. Шаби 21 июни соли 1926 Иброҳимбек бо 24 нафар наздиконаш аз тариқи мавзеи Бешкаппа ба Афғонистон фирор кард [4, 579] ва бо ҳамин раванди шикасти ҳаракати босмачиён дар Ҷумҳурии Тоҷикистон хотима меёбад [3,280-281; 15,216].

Роҷеъ ба рӯзи убури Иброҳимбек аз Амударё ба Афғонистон ихтилофи назар вуҷуд дорад. Профессор М. Эркаев, чуноне ки гуфта шуд, убури Иброҳимбек Амударёро шаби 21 июн зикр мекунад, аммо Камол Абдуллоев онро 23 июни соли 1926 медонад.

Хулоса, профессор Мулло Эркаев бо таҳқиқ ва баррасии тамоми асноду мадорики дар бойгониҳо мавҷуда ва ҳамчунин суҳбат бо ширкаткунандагони ҳаракати зидди босмачиён омилҳои вуқӯи ҷанги шаҳрвандӣ ва марҳалаҳои он, хусусиёти ҳаракати босмачиён ва сабабҳои муборизаи тӯлонӣ бо дастаҳои харобкор ва ғоратгари босмачиён дар Бухорои Шарқиро ба таври маҷмуӣ таҳқиқ намуда, дар замина хулосаҳои муҳимми илмӣ баровардааст.

АДАБИЁТ

1.Абулҳаев Р. Ёди муборизон. Маориф ва маданият. –Душанбе, - 1966.

2.Асрориён Ҷ. Китоби сурху сиёҳи тоҷик ё мо босмачизодаем? /СССР. – 2008. - № 7. С. 8-92.

3.Иркаев М. История гражданской войны в Таджикистане. Душанбе, 1963. -760 с.

4.Иркаев М. История гражданской войны в Таджикистане. Душанбе: Ирфон, 1971. - 696 с.

5.Иркаев М. Разгром банду ставленника англо-амерканского империализма авантюриста Ибрагим-бега. Автореферат дисс. на соискание учен. Степени канд. ист. наук. Сталинабад, 1953. -20 с.

6.Иркаев М., Ю. Николаев. В боях за Советский Таджикистан. Сталинабад: Таджикгосиздат, 1957. -134 с.

7.Кабутов Д., Пирумшоев Ҳ. Сабақи устод. Душанбе. -1966. -15 с.

8.Камол Ҳ. Бозтоби таърихи ҷанги шаҳрвандии солҳои 1921-1924-и Тоҷикистон осори профессор Мулло Эркаев /Муаррих. - 2021. 27-50.

9.Мирбобоев Ғ. Таҳқиқоти муҳим. Тоҷикистони Советӣ. -1996.

10.Ҳайдаров Х., Раҳимов У. Таҳқиқоти муҳими илмӣ оид ба таърихи ҷанги граждани дар Тоҷикистон. –Душанбе. - 1998. – 234 с.

11.Пирумшоев Ҳ. Ҷовидон дар ёдҳо. –Душанбе. -2000. - 165 с.

12.Энсиклопедияи Советии Тоҷик. Ҷ. 8. Душанбе. -1988. -200 с.

13.Эргашев Х. Мулло Эркаев - доктори фанҳои таърих. Сталинобод. – 1968.

14.Эркаев М. Барпо ва мустаҳкам намудани Ҳокимияти Советӣ дар Тоҷикистон. Душанбе: Ирфон, 1966. - 472 с.

15.Эркаев М. Барпо ва мустаҳкам намудани Ҳокимияти Советӣ. Сталинобод. - 1956. – 100 с.

БОЗТОБИ МАРҲАЛАҲОИ ҶАНГИ ШАҲРВАНДИИ СОЛҲОИ 20 - УМИ АСРИ ХХ -И ТОҶИКИСТОН ДАР ОСОРИ МУЛЛО ЭРКАЕВ

Муаллиф дар мақола қайд мекунад, ки таҳлили ҷойгоҳ ва саҳми профессор Мулло Эркаев дар таърихнигории ҷанги шаҳрвандии солҳои 20-уми асри ХХ дар Тоҷикистон бахшида шудааст. Мулло Эркаев ҳамчун яке аз муҳаққиқони барҷастаи таърихи ватанӣ, тамоми фаъолияти илмии худро ба омӯзиши амиқи ин давраи печидаву сарнавиштсоз равона намудааст. Муаллиф дар мақола нишон медиҳад, ки М. Эркаев ҷанги таҳмилии шаҳрвандиро ҳамчун падидаи мураккаби иҷтимоӣ - сиёсӣ баррасӣ карда, аввалин шуда онро ба марҳалаҳои муайян ҷудо намудааст.

Таҳқиқоти ӯ, ки бар асоси маводи бойгонии ватанӣ ва хориҷӣ анҷом ёфтааст, барои барқарорсозии воқеияти таърихии солҳои 1920-1924 аҳаммияти хоса дорад.

Асари бунёдии М. Эркаев «Таърихи ҷанги шаҳрвандӣ дар Тоҷикистон» яке аз аввалин таҳқиқоти маҷмуӣ дар ин самт буда, ҷараёни рӯйдодҳо, сабабҳои иҷтимоию иқтисодӣ, омилҳои сиёсӣ ва хусусиятҳои ҳаракати босмачиёнро бо назари густурда ва таҳлили илмӣ ифода мекунад. Муаллиф ишора мекунад, ки М. Эркаев дар баррасии ҳаракати босмачиён муносибати мутавозинро пеш гирифта, миёни ҷараёнҳои воқеан зиддишуавӣ ва гурӯҳҳои ғоратгар фарқ мегузорад.

Натиҷаҳои илмии М. Эркаев барои муҳаққиқони минбаъда заминаи муҳимми методологӣ фароҳам оварданд, ки дар ташаккули илми таърихнигории муосири ҷанги шаҳрвандии Тоҷикистон нуқтаи гардиш ба ҳисоб мераванд. Хулоса, профессор Мулло Эркаев дар самти таҳқиқи таърихи ҷанги таҳмилии шаҳрвандии солҳои 20-уми асри гузашта нақши муассир дошта, таҳқиқоти ӯ то имрӯз арзиши илмии худро нигоҳ доштааст.

Калидвожаҳо: *Мулло Эркаев, таърихнигорӣ, ҷанги шаҳрвандӣ, солҳои 20-ум, босмачиён, таҳқиқоти илмӣ, Тоҷикистон, ҳаракати зиддишуравӣ.*

ОТРАЖЕНИЕ ЭТАПОВ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 20 -Х ГОДОВ XX ВЕКА В ТАДЖИКИСТАНЕ В ТРУДАХ МУЛЛО ЕРКАЕВА

В статье автор отмечает, что анализ посвящен вкладу профессора Мулло Эркаева в историографию гражданской войны 1920-х годов в Таджикистане.

Мулло Эркаев, как один из выдающихся исследователей национальной истории, направил всю свою научную деятельность на глубокое изучение этого сложного и судьбоносного периода. Автор статьи отмечает, что М. Эркаев рассматривал гражданскую войну как сложное социально-политическое явление и одним из первых предложил её периодизацию. Его исследования, основанные на материалах отечественных и зарубежных архивов, имеют особое значение для восстановления исторической действительности 1920–1924 годов.

Фундаментальный труд М. Эркаева «История гражданской войны в Таджикистане» является одним из первых комплексных исследований в данной области. В нём он широко научно обоснованно освещает ход событий, социально-экономические причины, политические факторы и особенности басмаческого движения. Автор подчёркивает, что М. Эркаев в изучении басмачества придерживался взвешенного подхода, различая действительно антисоветские течения и грабительские группы.

Научные результаты М. Эркаева создали важную методологическую базу для последующих исследователей и стали поворотным моментом в формировании современной историографии гражданской войны в Таджикистане. В целом, статья показывает, что профессор Мулло Эркаев сыграл значительную роль в исследовании истории гражданской войны 1920-х годов, а его труды до сих пор сохраняют свою научную ценность.

Ключевые слова: *Мулло Эркаев, историография, гражданская война, 1920-е годы, басмачи, научные исследования, Таджикистан, антисоветское движение.*

REVIEW OF THE STAGES OF THE CIVIL WAR OF THE 20TH YEARS OF THE XX CENTURY IN TAJIKISTAN IN THE WORKS OF MULLO ERKAEV

The author notes in the article that the analysis is devoted to the place and contribution of Professor Mullo Erkaev in the historiography of the civil war of the 1920s in Tajikistan.

Mullo Erkaev, as one of the prominent researchers of national history, devoted his entire scholarly career to an in-depth study of this complex and decisive period. The author of the article emphasizes that M. Erkaev viewed the Civil War as a multifaceted socio-political phenomenon and was one of the first to introduce its clear periodization. His research, based on domestic and foreign archival sources, is of particular importance for reconstructing the historical reality of the years 1920–1924.

Erkaev's fundamental work, «The History of the Civil War in Tajikistan,» is one of the earliest comprehensive studies in this field. In it, he provides a broad and academically grounded analysis of the course of events, the socio-economic causes, political factors, and the specific features of the Basmachi movement. The author notes that Erkaev adhered to a balanced approach in examining the Basmachi, clearly distinguishing between genuinely anti-Soviet forces and purely bandit groups.

The scholarly findings of M. Erkaev created a significant methodological foundation for subsequent researchers and marked a turning point in the development of modern historiography of the Civil War in

Tajikistan. In conclusion, the article demonstrates that Professor Mullo Erkaev played an influential role in the study of the Civil War of the 1920s, and his research retains its scientific value to this day.

Keywords: *Mullo Erkaev, historiography, civil war, 1920s, Basmachi, scholarly research, Tajikistan, anti - Soviet movement.*

Мирзошарифзода Хангома Мирзошариф –докторант доктор PhDИнститута истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. **Адрес:** Республика Таджикистан, г. Душанбе; **Тел:** (+992) 935 -75-11-03. **E-mail:** nurullozodanurullozoda@gmail. com

Mirzosharifzoda Hangoma Mirzosharif - doctoral student, PhD, Department of the Institute of History, Archeology and Ethnography namedA. Donish National Academy of Sciences of Tajikistan. Adress: Republic of Tajikistan, Dushanbe; **Phone:** (+992) 935-75-11-03. **E-mail**: nurullozodanurullozoda@gmail.com

УДК: 7+39 (091) (575.3)

ИНСТИТУТИ ТАЪРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА МАРДУМШИНОСИИ БА НОМИ А. ДОНИШИ АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ ИЛМҲОИ ТОҶИКИСТОН ҲАМЧУН МАРКАЗИ ОМӮЗИШИ ҲУНАРИ ОРОИШӢ ВА АМАЛИИ ХАЛҚИ ТОҶИК

ҚОБИЛОВА Б. Т., САФАРОВА З. А.,
Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ

Бо ба даст омадани соҳибихтиёрӣ дар Тоҷикистон уфуқҳои наве барои омӯзиши таърих ва мероси моддӣ ва маънавии халқи тоҷик кушода шуд. Дар муқаддимаи китоби «Тоҷикон дар оинаи таърих», Асосгузори сулҳу Ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон таъкид кардааст, ки: «Миллати қадимаи тоҷик, ки дар тӯли мавҷудияти худ борҳо озмоишҳои сахтро аз сар гузаронидааст, имрӯз роҳи худро аз нигоҳи таърих бодиққат меомӯзад. Зеро таърих ба мо имкон медиҳад, ки ҳар як марҳалаи рушди миллат, пастиву баландиҳои он ва саҳми наслҳоро дар ганҷинаи моддӣ ва маънавии он, ҳам алоҳида ва ҳам дар маҷмуъ бубинем. Танҳо тавассути дарки гузаштаи таърихӣ ва худшиносии миллӣ ояндаи наслҳои навро муайян кардан мумкин аст» [23, 110].

Гузаштаи таърихӣ ва фарҳангии халқи тоҷик дорои анъанаҳои ғании санъати ороишӣ ва амалӣ мебошад. Шиносоии наздик ба ин соҳаи фарҳанги моддӣ ба кас имкон медиҳад, ки моҳияти мардумро дарк кунад, ба умқи руҳи онҳо назар кунад ва дар бораи орзуҳо, умедҳо, ҷаҳонбинӣ ва тасаввуроти онҳо дар бораи зебоӣ ва меҳрубонӣ маълумоти муфассал ба даст орад. Асарҳои санъате, ки аз ҷониби ҳунармандон офарида шудаанд, дар саросари ҷаҳон хеле маъмуланд ва як навъ шиноснома ва бе ягон шубҳа манбаи ифтихори Тоҷикистон мебошанд. Дар ин ҷо шаклҳои гуногуни санъати мардумӣ рушд мекунанд, ки бо зебогии хос, ҳамоҳангӣ ва аслии махсусияти худ фарқ мекунанд.

Ба омӯзиши таърих ва вазъи санъати ороишӣ ва амалӣ дар Тоҷикистон ҳамеша таваҷҷуҳи махсус дода мешуд. Асосҳои мактаби таҳқиқоти илмӣ ва бадеии осори санъати ороишӣ ва амалӣ ҳанӯз дар давраи Шуравӣ гузошта шуда буданд. Дар ин кор муҳаққиқони машҳур, ба монанди М. С. Андреев, И. И. Зарубин, Н. А.

Кисляков, Е. М. Пешерева, А. К. Писарчик, М. М. Дяконов, Г. А. Пугаченкова, О. А. Сухарева, Л. А. Чвир, Н. А. Белинская, Н. З. Юнусова, М. А. Рӯзиев, М. М. Ашрафӣ, Л. С. Айнӣ, Л. Н. Додхудоева, В. Г. Долинская, Э. М. Исмоилова ва дигарон нақши барҷаста доранд. Ҷанбаҳои алоҳидаи ин мавзуъ дар асарҳои илмии Н. А. Кисляков, З. А. Широкова, Н. Н. Ершова, М. А. Ҳамидҷонова ва дигарон инъикос ёфтаанд.

Аз ҷумлаи асарҳои нашршудаи ин давра, ки ҳамаи соҳаҳои санъати ороишӣ ва амалии тоҷиконро фаро мегиранд, таҳқиқоти санъатшинос М. А. Рӯзиев «Санъати ороишӣ ва амалии тоҷикон»-ро метавон қайд кард [26]. Ин рисола илова бар шарҳи мушаххасот ва таърихи мухтасари ҳар як соҳаи ҳунармандӣ, таҳлили амиқи назарияи ороиши миллиро пешниҳод мекунад ва дар замоне нашр шуд, ки Тоҷикистон дар шароити Истиқлоли давлатӣ қарор дошт.

Анъанаҳои илмӣ, ки дар давраи Шуравӣ ташаккул ёфта буданд, дар оғози асри XXI суръати бештар гирифтанд. Маркази асосии таҳқиқот оид ба масъалаҳои фарҳанг, бахусус санъати ороишӣ ва амалии халқи тоҷик ва нашри натиҷаҳои онҳо Шуъбаи таърихи санъат, инчунин, Шуъбаи этнология ва антропологияи таърихии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон мебошанд.

Дар шуъбаи таърихи санъат аз соли 2001 инҷониб ҳафт шумора аз маҷмуаи асарҳои илмӣ «Очеркҳо оид ба таърих ва назарияи фарҳанг ва санъати халқи тоҷик» омода ва нашр шудаанд, ки дар онҳо, дар баробари омӯзиши ҳама намудҳои санъати тоҷикон ва Тоҷикистон, таҳқиқоти масъалаҳои санъати ороишӣ ва амалӣ мавқеи махсусро ишғол мекунад [21]. Шумораи аввал, ки ба 545-солагии рассоми бузурги тоҷику форс Камолиддин Беҳзод бахшида шудааст, мақолаҳои Г. Майтдинова «Анъанаҳои таърихӣ дар таҳаввули либоси тоҷикӣ» [15,52-70], Н. Юнусова «Семантикаи баъзе нақшҳои ороишии гулдӯзии тоҷикӣ» [29,111-127], М. Рӯзиев «Ороиши геометрӣ дар хиштчинии ёдгориҳои меъмории асрҳои X-XII» [25,128-137] ва монанди инро дар бар мегирад.

Бояд қайд кард, ки ҳар яки ин асарҳо мавқеи хоси муаллифонро ифода карда, ҷустуҷӯйи равишҳои навро барои вазифаҳои таҳқиқотии масъалаи мушаххас инъикос мекунанд. Маводи дар тули чанд даҳсола, ки дар рафти экспедитсияҳои таърихи санъат ҷамъоварӣ шудаанд, имкон фароҳам овард, то равандҳои мураккаби ташаккул ва рушди фарҳанги тоҷик мавриди омӯзиш қарор дода шаванд.

Дар баробари корҳои таҳқиқотӣ Шуъбаи таърихи санъат ҳамасола як қатор конфронсҳо ва симпозиумҳои байналмилалиро оид ба мавзуъҳои гуногуни санъати миллӣ ташкил мекунад. Ин чорабиниҳо, одатан, бо солгардҳои таърихи фарҳанг ва адабиёти тоҷик ва чеҳраҳои барҷастаи онҳо бахшида мешаванд. Дар асоси ин чорабиниҳо маҷмуаҳои мақолаҳои илмӣ, аз ҷумла «Анъанаҳо ва идома дар фарҳанги тоҷик» (2013), «Санъати давраи Мир Сайид Алии Ҳамадонӣ» (2015), «Фарҳанги водии Ҳисор дар заминаи тамаддунҳои минтақавӣ» (2015), «Фарҳанги водии Ҳисор дар давраи Сомониён» (2015), «Анъанаҳои таърихӣ ва фарҳангии давраи Ҳаким Тирмизӣ ва аҳамияти онҳо дар тамаддуни ҷаҳонӣ» (2016), «Наҷмиддин Кавкабӣ ва анъанаҳои таърихӣ ва бадеии халқҳои Осиёи Марказӣ» (2018), «Таҳқиқоти фарҳанги қадим: дирӯз ва имрӯз» (2019), «Сомониён - як падидаи беназири таърихӣ дар тамаддуни ҷаҳонӣ» (2019), «Тоҷикистон дар раванди таърих: мушкилоти фарҳанг ва санъат» (2024) ва бисёр дигар маҷмуаҳо нашр шуданд. Дар ин маҷмуаҳо мақолаҳои алоҳида дар бораи санъати ороишӣ ва амалӣ шомил шуданд. Масалан, мақолаи «Ҳунар ва касбҳои тоҷикон дар илми этнографии давраи Истиқлолият»-и З. Юсуфбекова ва М. Шовалиева ба фаъолияти

истеҳсолоти ҳунармандӣ аз замонҳои қадим ва асрҳои миёна то имрӯз бахшида шудааст ва аз идомаи анъанаҳо шаҳодат медиҳад. Муаллифон бо тавсифи муфассали ҳунарҳои кулолгарӣ ва чӯбкорӣ, бофандагӣ, намадмолӣ ва коркарди пашм дар гузашта ба хулосае меоянд, ки дар марҳалаи муосир ҳама шароити зарурӣ барои рушди ҳунармандӣ, аз ҷумла ашёи хоми беназири маҳаллӣ, гилҳои махсус барои кулолгарӣ ва малакаҳои анъанавии истеҳсоли он, пашм, пахта, абрешим, пӯсти ҳайвонот, сангҳои нимқиматбаҳо, нуқра, чӯб ва муҳимтар аз ҳама, доираи васеи донишҳои мардумӣ, ки решаи чуқур дошта ба умқи асрҳо рафта мерасад, мавҷуданд [30, 691].

Дар мақолаи Муродалӣ Иброҳимов «Анъанаҳо, афзалиятҳо ва мушкилот дар рушди ҳунарҳои мардумӣ дар Тоҷикистон дар давраи Истиқлол» масъалаҳои рушди бофандагӣ, ороиши либос, қурокдӯзӣ, қолинбофӣ, ҳайкалтарошӣ, муҳрабофӣ, заргарӣ, коркарди бадеии чӯб, санг, кулолгарӣ ва нақшдӯзӣ таҳлил шудааст. Муаллиф бо баррасии вазъи ин соҳаҳо ба хулосае омадааст, ки дар солҳои Истиқлол Тоҷикистон барои эҳёи анъанаҳои аз байн рафтаи ҳунар ва ҳавасмандгардонии рушди онҳо дар муҳити нав қадамҳои қатъӣ гузоштааст. Татбиқи барномаи ҳифзи мероси ғайримоддии халқи тоҷик барои солҳои 2013-2020, ки дар доираи он корҳои назаррас анҷом шудаанд, ба як тадбири муассир барои рушди фарҳанги анъанавии тоҷик табдил ёфтааст. Ба ақидаи муаллиф, Асосгузори сулҳу Ваҳдати миллӣ – Пешвои миллат, Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон муҳтарам Эмомалӣ Раҳмон соли 2018-ро «Соли рушди сайёҳӣ ва ҳунарҳои мардумӣ ва солҳои 2019-2021-ро «Солҳои рушди деҳот, сайёҳӣ ва ҳунарҳои мардумӣ» эълон кард, ки ин сабаби эҳё ва густариши анъанаҳои ҳунармандӣ гардид. Дар натиҷа, марказҳои ҳунарҳои мардумӣ дар ҳар як шаҳру ноҳияи Тоҷикистон ба фаъолият оғоз карданд [8, 294].

Шуъбаи этнология ва антропологияи таърихии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш ба минтақаҳои гуногуни Тоҷикистон экспедитсияҳои этнографӣ анҷом медиҳад, ки ҷанбаҳои гуногуни фарҳанги моддии сокинони кишварро меомӯзанд, аз ҷумла ба идомаи анъанаҳои ҳунармандӣ дар маҳалҳои гуногуни кӯҳистони Тоҷикистон таваҷҷуҳи махсус медиҳанд. Гузориш дар бораи ин мавзуъ, ки аз ҷониби муҳаққиқони шуъба дар тӯли даҳсолаҳои охир ҷамъоварӣ шудааст, дар китоби «Истеҳсоли ҳунармандӣ дар Тоҷикистон (бар асоси таҳқиқоти саҳроӣ аз соли 2013-2017)» [3] инъикос ёфтааст. Шуъба мунтазам конфронсҳои илмӣ ва амалиро бахшида ба мероси илмии этнографҳои машҳур ва мушкилоти этнология дар Ҷумҳурии Тоҷикистон дар аҳди Шуравӣ ва пас аз Шуравӣ баргузор мекунад. Маводи ин конфронсҳо дар маҷмуаҳои «Мероси илмии З. А. Широкова ва мушкилоти омӯзиши санъати мардумӣ» (2021), «Антропология ва этнологияи халқи тоҷик: муҳаққиқон, лоиҳаҳо, экспедитсияҳо» (2024) ва «Таърихнависии этнологияи Тоҷикистон дар асрҳои XX - аввали асри XXI: нигоҳи нав ба мероси миллӣ» (2025) гирд оварда шудаанд. Дар ин маҷмуаҳо масъалаҳои марбут ба омӯзиши либосҳои анъанавӣ, ҳунарҳои мардумии тоҷикон, ҳифзи ҳувияти фарҳангии тоҷикон ва мероси фарҳангии онҳоро дар аввали асри XXI баррасӣ гардидаанд. Дар ин маҷмуа мақолаи Л. Додхудоева «Ҳуҷҷатҳои бойгонии Т. И. Мезурнова ҳамчун асоси таҳдиди таърихи рушди ҳунарҳои дастӣ дар Тоҷикистон дар асри XX», ки бар асоси маводи нашрнашудаи муҳаққиқ дар бораи таърихи рушди ҳунарҳои бадеӣ дар Тоҷикистон дар асри XX ва ниҳодина шудани матолиб ироа шудааст [4, 88-102].

Соли 2025 маҷмуаи мақолаҳо бар асоси маводи Конфронси байналмилалии илмии «Фарҳанги либоси тоҷикӣ», ки ба 100-солагии зодрӯзи З. А. Широкова ва Р. Я. Рассудова бахшида шудааст, нашр гардид. Дар ин маҷмуа мақолаҳо дар бораи

омӯзиши либоси халқӣ, унсурҳои таркибии он, ки ҳамчун нишонаҳои «миллат» дар худшиносии этникии тоҷикон ва рушди он дар шароити муосир хизмат мекунанд, гирдоварӣ шудаанд. Мунира Оқилова ва Руҳаё Каримова дар нигоштаҳои худ роҷеъ ба эҳёи либоси анъанавии тоҷикӣ ва нақшҳои он дар кори тарроҳони муосир ибрози назар мекунанд. Муаллифон бо омӯхтани гуногунии либоси анъанавии тоҷикӣ вобаста ба минтақа, нишонии онро таъкид мекунанд, ки дар ҳувияти фарҳангии мардум нақши ҳалкунанда дорад, зеро ороиш, нақшаи рангии он амиқе дорад, ки бо ҷаҳони атроф, табиат ва ҷаҳонбинии мардум алоқаманд аст [1, 87-109; 10, 152-158].

Таҳияи албомҳои тасвирӣ, ки матнҳои онҳо бо ду забон - русӣ ва англисӣ мураттаб шудаанд, барои оммавӣ кардани хусусиятҳои фарҳанг ва санъати тоҷик аҳаммияти вижа дорад. Дар ин самт, муҳаққиқони таърихи санъат Н. З. Юнусова ва Л. Н. Додхудоева таҳти роҳбарии академик Р. М. Масов корҳои муҳимро анҷом доданд, ки дар бораи санъати мардумии Тоҷикистон [19], инчунин минтақаи мушаххаси он - Помир [20] маълумот медиҳанд.

Масоили марбут ба ҳунарҳои ороишӣ ва амалӣ дар нашрияҳои Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш «Мероси ниёгон» ва маҷаллаи «Муаррих» инъикос ёфтаанд. Масалан, дар чанд шумораи маҷаллаи «Мероси ниёгон» мақолаҳои Г. Майтдинова дар бораи «Либосҳои аввали асримиёнагии аҷдоди тоҷик» [11; 12], «Абрешимҳои бадеӣ» [13; 14], мақолаҳои М. Рӯзиев «Кандакории чӯб ва гач», инчунин рамзияти нақшҳои онҳо [24] ба чоп расиданд.

Яке аз маъмултарин ҳунари ороишӣ дар байни мардуми тоҷик гулдӯзӣ аст, ки барои тахайюлоти эҷодии ҳунармандон фазои васеъ фароҳам меорад. Осонии нисбии иҷро гулдӯзиро дар тӯли таърих ба як ҳунари маъмул ва паҳншуда табдил додааст. Он завқ, орзуҳои эстетикӣ ва ҷаҳонбинии мардумро инъикос мекунад. Гулдӯзии мардумӣ бо композитсияҳои ҷолиб ва хос, шаклҳои мураккаб ва омезиши рангҳои мувофиқ тавсиф мешавад. Дар зиндагии анъанавии тоҷикон гулдӯзӣ қисми асосии ороиши либос ва хонаҳоро ташкил медиҳад.

Намудҳои асосии гулдӯзии миллӣ, рамз ва семантикаи нақши онҳо, дар асарҳои олимони Шуравӣ А. К. Писарчик, О. А. Сухарева, Н. З. Исаева, Юнусова ва З. А. Широкова ба таври муфассал таҳлил шудаанд. Анъанаҳои зардӯзии тоҷикӣ, ки бар асоси маводҳои Бухоро омода шуда буданд, аз ҷониби П. А. Гончарова ва Э. М. Пешерева омӯхта шудаанд.

Аз солҳои 1990 инҷониб муҳаққиқони Тоҷикистон, асосан, ба маъмулгардонии гулдӯзии миллӣ таваҷҷуҳ зоҳир карданд ва ин кор дар Пажуҳишгоҳи таҳқиқотии фарҳанг ва иттилоот мутамарказ шудааст. Саҳми кормандони ин пажуҳишгоҳ дар омодасозии маводҳое, ки гулдӯзии чаканро ҳамчун як шакли хоси ва ҳунарҳои мардумӣ ба рӯйхати ҷаҳонии мероси фарҳангии ғайримоддии ЮНЕСКО ворид мекунад, қобили қайд аст.

Хусусиятҳои ороишии либосҳои миллии тоҷикӣ дар асарҳои А. К. Писарчик, О. А. Сухарева, З. А. Широкова ва Р. А. Рассудова, С. П. Русяйкина, Ф. Д. Люшкевич ва дигарон инъикос ёфтаанд. Хусусиятҳои маҳаллии либоси тоҷикӣ бо талошҳои бисёре аз этнографҳо аз ҷиҳати илмӣ сабт шудаанд.

Дар солҳои аввали Истиқлоли Тоҷикистон ин кор бештар равнақ ёфт. Масалан, асари пурқимати З. А. Широкова дар бораи либоси тоҷикии охири асри XIX ва XX нашр шуд [28]. Соли 1992 бостоншинос ва таърихшиноси санъат Г. Майтдинова рисолаи худро дар бораи либоси Тохаристон дар аввали асрҳои миёна нашр кард [17]. Соли 2004 рисолаи дуҷилдаи ӯ дар бораи таърихи либоси тоҷикӣ нашр шуд. Баррасиҳои ин мавзуъ имкон медиҳанд, ки таҳаввулоти либос ва дигар

хусусиятҳои либосҳои миллии мардона, занона ва кӯдаконаро аз замонҳои қадим то нимаи асри XX пайгирӣ кунем [16]. Соли 2012 олимони ҷавон Н. Бобоҷонова ва Н. Ҳакимова рисолаеро дар бораи либоси анъанавии Хуҷанди асрҳои XIX-XX нашр карданд [2].

Соли 2018, М. Ф. Иброҳимов бо ҳаммуаллифии З. Н. Сафарова рисолаи «Таърихи либоси тоҷикӣ (охири асри XIX - аввали асри XXI)»-ро нашр кард [9].

Масъалаҳои марбут ба табдили либоси берунӣ дар асрҳои миёна ҳамчун яке аз ҷанбаҳои таҳаввулоти таърихии либоси мардумии тоҷик мавзуи рисолаи таҳқиқотии Д. К. Рачабов мебошад, ки он соли 2016 ҳимоя гардид [22].

Дар замони шуравӣ, дар Тоҷикистон як қатор муҳаққиқон асарҳоеро, ки ба матоъҳои бадеии тоҷикӣ бахшида шудаанд, нашр карданд, аз ҷумла асарҳои О. А. Сухарева, Н. А. Белинская, Н. Н. Ершов ва Н. О. Турсунов, Н. Исаева, Юнусова бисёр муҳимманд.

Соли 1996, Г. Майтдинова рисолаеро нашр кард, ки дар он масъалаҳои марбут ба анъанаҳои истеҳсоли матоъҳои бадеии Осиёи Марказӣ, ки дар асрҳои аввали миёна пайдо гаштаанд, баррасӣ шудаанд [18].

Корҳои М. Ф. Иброҳимов дар бораи таърихи ҳунарҳои бофандагии миллӣ, ки дар доираи рисолаҳои номзадӣ ва докторияи ӯ анҷом ёфтаанд ба мо имкон дод, то тасвири умумии пайдоиш ва рушди марҳала ба марҳалаи ҳунарҳои бофандагии мардуми тоҷикро аз нав баркарор кунем, асбобҳо ва технологияҳои қадимӣ ва анъанавии ин мардумро муайян кунем ва равандҳои рушди эволютсионии онҳоро омӯзем. Дар натиҷа, имкон пайдо шуд, ки навъ ва даврабандии ҳунарҳои бофандагии Осиёи Марказӣ тартиб дода шавад ва хусусиятҳои истеҳсоли анъанавии бофандагии тоҷик дар ҳама марҳалаҳои коркарди намудҳои гуногуни нах муайян гардид [5; 6; 7].

Масъалаи вазъи истеҳсоли матоъҳои абрӣ дар Хуҷанд, дар нимаи асри XIX ва XX дар рисолаи аспиранти кафедраи таърихи санъат Н. А. Ҳакимова мавриди баррасӣ қарор дода шудааст. Ин асар илова бар маводи таърихӣ, инчунин, таҳлили амиқи бадеии композитсияҳои ороишии матоъҳои Хуҷандро бо нақшҳои абрӣ дорадро низ муайян намуд [27].

Дар солҳои охир, тамоюлҳои алоҳида дар санъати ороишӣ ва амалии тоҷик мавзуи рисолаҳое шудаанд, ки дар Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониш дифоъ гардидаанд. Дар ин рисолаҳо ба фарзияҳои мухталиф, ки далелҳои таърихиро таҳриф мекунанд ва бо ин васила нақши тоҷиконро дар таърихи Осиёи Марказӣ маҳдуд мекунанд, посух дода шудааст. Ҷамъоварӣ, таҳлил ва таҳқиқи маводҳо дар бораи фарҳанги моддӣ ва маънавӣ, анъанаҳо, расму оинҳо ва маросимҳои тоҷикон асоси навиштани рисолаҳои «Таърихи рушди дӯзандагии тоҷикӣ дар нимаи аввали асри XV»-и Н. Бобоҷонова (2018), «Таърихи пайдоиш ва такмили бофандагии тоҷикӣ (ҳазорсолаи IV пеш аз милод - нимаи аввали асри XX)»-и С. Содиқова (2022), «Таърихи пайдоиш ва рушди косметика ва атриётҳои тоҷикӣ (ҳазорсолаи IV пеш аз милод - нимаи аввали асри XX)»-и З. Ҳакимова (2022), «Анъанаҳо ва унсурҳои ғайрианъанавӣ дар либоси таърихии тоҷикон»-и М. Қобилова (2022), «Табдилёбии этнофарҳанги тоҷикон дар охири асри XIX - аввали асри XX дар мисоли либоси шаҳрӣ»-и З. Сафарова (2022), «Тағйироти таърихии либоси миллии занон дар заминаи тағйироти этногенетикӣ дар Тоҷикистон (дар асрҳои XX-XXI)»-и Б. Саидова (2022) ва «Таҳаввулоти таърихии ҳунарҳои мардумӣ ва санъати мардумии тоҷик дар охири асри XIX - аввали асри XXI (дар асоси маводи Вилояти Мухтори Кӯҳистони Бадахшон)»-и Шоназар Ҷавҳари Муносиб (2025) гаштанд.

Ҳамин тариқ, дар Тоҷикистони соҳибистиқлол муҳаққиқон ба масъалаҳои марбут ба таърих, вазъияти муосир, рушди санъат ва ҳунархои мардумӣ, анъанаҳои нассоҷӣ ва дӯзандагӣ таваҷҷуҳи зиёд зоҳир кардаанд. Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон маркази асосии чунин таҳқиқот боқӣ мемонад.

АДАБИЁТ

1.Акилова М. Возрождение традиционной одежды таджиков в современном мире / Культура одежды таджиков. Материалы межд. научной конф. посвященной 100-летию со дня рождения З. А. Широковой и Р. Я. Рассудовой, Душанбе, 30 апреля, 2025 г. – С. 97-109.

2.Бободжанова Н., Хакимова Н. Традиционный костюм и покрой одежды Худжанда XIX - XX веков. – Худжанд, 2012.

3.Додхудоева Л.Н., Юсуфбекова З., Шовалиева М. Ремесленное производство Таджикистана (по материалам полевых исследований 2013-2017 гг.). – Душанбе, 2019. – 191 с.

4.Додхудоева Л. Архивные документы Т. И. Мезурновой как основа для реновации истории развития ремесленного производства Таджикистана XX века / Историография этнологии Таджикистана XX – начала XXI вв.: новый взгляд на национальное наследие. – Душанбе, 2025. – С.88-102.

5.Иброхимов М. Ф. Таджикский ремесленный текстиль: Словарь-справочник. – Душанбе: Ирфон, 2003. – 60 с.

6.Иброхимов М. Ф.Текстильные промыслы таджикского народа в конце XIX – начале XX в. – Душанбе: Ирфон, 2013. - 182 с.

7.Иброхимов М. Ф. Традиционное ткачество таджиков: История и технология. - Душанбе: Ирфон, 2006. – 210 с.

8.Иброхимов М. Традиции, приоритеты и проблемы развития народных промыслов Таджикистана эпохи независимости / Таджикистан в процессе истории: проблемы культуры и искусства. – Душанбе, 2024. – С.271-297.

9.Иброхимов М. Ф., Сафарова З. Н. История таджикского костюма (конец XIX – начало XXI века). - Душанбе, 2018. – 207 с.

10.Каримова Р. Традиционные мотивы в творчестве современных таджикских дизайнеров /Культура одежды таджиков. Материалы межд. научной конф., посвященной 100-летию со дня рождения З. А. Широковой и Р. Я. Рассудовой, Душанбе, 30 апреля, 2025. – С.152-158.

11.Майтдинова Г. Костюм раннесредневекового Кумеда/Мероси ниёгон, 1992, № 1. – С.55 – 58.

12.Майтдинова Г. Символика раннесредневекового костюма / Мероси ниёгон, 1995, № 2. – С.78-83.

13.Майтдинова Г. Художественные шелка Бактрии-Тохаристана / Мероси ниёгон, 1995, № 2. – С. 115-120.

14.Майтдинова Г. Согдийские художественные шелка/Мероси ниёгон, 1998, № 3. – С.59-68.

15.Майтдинова Г. Исторические традиции в эволюции таджикского костюма /Очерки истории и теории культуры таджикского народа. – Душанбе, 2001. – С.52-68.

16.Майтдинова Г. История таджикского костюма. – Душанбе, 2004. -Т.1. Генезис костюма таджиков: древность и раннее средневековье; Т. 2. Средневековый и традиционный костюм.

17.Майтдинова Г. Костюм раннесредневекового Тохаристана: история и связи. -Душанбе, 1992. -174 с.

18.Майтдинова Г. Раннесредневековые ткани Средней Азии. – Душанбе: Дониш, 1996. - 138 с.

19.Масов Р. М., Юнусова Н. З., Додхудоева Л. Н. Народное искусство Таджикистана (тадж., рус., англ.). – Душанбе, 2011. – 317 с.

20.Масов Р. М., Юнусова Н. З., Додхудоева Л. Н. Народное искусство Памира (рус., англ.). – Душанбе, 2009. – 173 с.

21.Очерки истории и теории культуры и искусств таджикского народа (Отв. редактор А. Раджабов). – Душанбе. – Вып. 1. - 2001; Вып. 2. – 2006; Вып. 3. – 2009; Вып. 4. – 2010; Вып. 5. – 2017; Вып. 6. – 2018; Вып. 7. – 2024.

22.Раджабова Д. К. Историческая эволюция народного костюма таджиков (трансформация верхней одежды): дисс. канд. ист. наук. – Душанбе, 2016. – 169 с.

23.Рахмон Эмомали. Таджики в зеркале истории / Таджики в зеркале истории. От арийцев до Саманидов. – Книга 1. – Душанбе: Ирфон, 2020. – С.110.

24.Рузиев М. Ура Тюбе – город мастеров / Мероси ниёгон, 1992, № 1. – С.59-64.

25.Рузиев М. Геометрический орнамент в кирпичной кладке памятников архитектуры X-XII вв./ Очерки истории и теории культуры таджикского народа. – Душанбе, 2001. – С. 128-137.

26.Рузиев М. Декоративно-прикладное искусство таджиков. – Душанбе, 2003. – 185 с.

27.Хакимова Н. А. Из истории шелкоткацких промыслов таджиков: развитие производства абровых тканей в Худжанде в середине XIX – XX веках. – Душанбе, 2016.

28.Широкова З. А. Таджикский костюм конца XIX – XX вв. – Душанбе: Дониш, 1993. – 199 с.

29.Юнусова Н. Семантика некоторых орнаментальных мотивов таджикской вышивки /Очерки истории и теории культуры таджикского народа. – Душанбе, 2001. – С.111-127.

30.Юсуфбекова З., Шовалиева М. Ремесла и промыслы таджиков в этнографической науке периода независимости / Таджикистан в процессе истории: проблемы культуры и искусства. – Душанбе, 2024. – С.673-694.

ИНСТИТУТИ ТАЪРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА МАРДУМШИНОСИИ БА НОМИ А. ДОНИШИ АМИТ ҲАМЧУН МАРКАЗИ ОМӮЗИШИ ҲУНАРИ ОРОИШӢ ВА АМАЛИИ ХАЛҚИ ТОҶИК

Мақола дар мисоли соҳаҳои мушаххас Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон ҳамчун марказ дар самти омӯзиш ва тарғиби мероси ғайримоддии халқи тоҷик муаррифӣ шудааст. Оид ба олимоне, ки дар бунёди мактаби омӯзиши ин анъанаҳо хишти аввал гузоштаанд, мухтасар маълумот дода шуда, вазъи ин масъала дар замони муосир таҳлил шудааст. Дар мақола махсусан, саҳми кормандони шуъбаи таърихи санъат ва шуъбаи мардумшиносӣ зикр шуда, дар ин зимн осори ба нашр расонидаи онҳо номбар шудааст. Муаллифон хулоса баровардаанд, ки Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи А. Дониши АМИТ имрӯз низ ҳамчун маркази асосии таҳқиқи ҳунари ороишӣ ва амалии тоҷикон боқӣ мемонад.

Калидвожаҳо: *тоҷикон, таърих, фарҳанг, санъат, санъати амалӣ, мардумшиносӣ, нассоҷӣ, либос, гулдӯзӣ, ҳунармандӣ*

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. А. ДОНИША НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКИСТАНА КАК ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ТАДЖИКСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ДЕКОРАТИВНО - ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА

В статье Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана представлен как центр изучения и популяризации нематериального наследия таджикского народа на примере конкретных регионов. Кратко изложена информация об учёных, заложивших основы школы изучения этих традиций, и проанализировано текущее состояние этого вопроса.

В статье особо отмечен вклад сотрудников отдел истории искусств и этнологии, а также перечислены их опубликованные работы. Автор делает вывод, что Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана и сегодня остаётся главным центром изучения таджикского декоративно-прикладного искусства.

Ключевые слова: *таджики, история, культура, искусство, прикладное искусство, этнография, текстиль, одежда, вышивка, ремесла.*

Сведения об авторах: Кобилова Бахринисо Туйчиевна - доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. Тел: (+992) 221-23-25. **Сафарова Зарнигор Аламовна** - соискатель отдела новейшей истории Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАНТ. Тел: (+992) 93-141-13-31.

THE A. DONISH INSTITUTE OF HISTORY, ARCHAEOLOGY, AND ETHNOGRAPHY OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF TAJIKISTAN AS A CENTER FOR THE STUDY OF TAJIK NATIONAL ARTS AND CRAFTS

This article presents the A. Donish Institute of History, Archaeology, and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan as a center for the study and popularization of the intangible heritage of the Tajik people, using specific regions as examples. It briefly describes the scholars who laid the foundations for the study of these traditions and analyzes the current state of this field.

The article particularly highlights the contributions of the staff of the Department of Art History and Ethnology and lists their published works. The author concludes that the A. Donish Institute of History, Archaeology, and Ethnography of the National Academy of Sciences of Tajikistan remains the main center for the study of Tajik arts and crafts.

Keywords: *Tajiks, history, culture, art, applied arts, ethnography, textiles, clothing, embroidery, crafts.*

Information about the authors: Bakhriniso Tuychievna Kobilova - Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher at the A. Donish Institute of History, Archaeology, and Ethnography of the National Academy of Sciences of Turkmenistan. Tel: (+992) 221-23-25. **Safarova Zarnigor Alamovna** - Postgraduate Student at the Department of Contemporary History at the A. Donish Institute of History, Archaeology, and Ethnography of the National Academy of Sciences of Turkmenistan. Tel: (+992) 93-141-13-31.

УДК: 520.86

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДАТЫ И ПАРАМЕТРОВ ЛУННОГО ЗАТМЕНИЯ, ПРЕДСКАЗАННОГО АХМАДОМ ДОНИШЕМ, ПО СВИДЕТЕЛЬСТВУ САДРИДДИНА АЙНИ

Р. БАХРОМЗОД, А. М. БУРИЗОДА,
Институт астрофизики НАН Таджикистана,
физико - технический институт им. С. У. Умарова НАН Таджикистана

Наблюдение и предсказание затмений Солнца и Луны занимало особое место в истории астрономии на территории Средней Азии и Ирана. Ещё средневековые таджикские учёные придавали этим явлениям большое значение как с научной, так и с культурно - религиозной точки зрения.

Уже в IX-X веках были составлены точные астрономические таблицы, позволявшие вычислять затмения; так, аль - Баттани (в Европе известный как Албатений) в своих таблицах зафиксировал ряд солнечных и лунных затмений и умел предсказывать их наступление.

В X веке Абу Райхан аль-Бируни не только теоретически объяснял природу лунных затмений, но и использовал их как точный научный инструмент. Он подробно исследовал причины и геометрию лунного затмения, лично наблюдал не менее пяти лунных затмений и фиксировал их фазы.

Особенно показательно лунное затмение 24 мая 997 года: находясь в Хорезме (город Кят/Кат), Бируни заранее договорился с другим таджикским астрономом Абу-л-Вафой ал-Буздjани, который вел параллельные наблюдения в Багдаде, и затем сопоставил результаты двух пунктов наблюдения.

Сравнение локальных времен и фаз затмения позволило вычислить разницу географических долгот между городами [1]. Это наглядный пример того, как затмения служили не только задачам небесной механики и проверки календарных расчетов, но и целям практической географии.

Наблюдение Бируни включала и другие датированные события: 20 февраля 1003 года в Джурджане он отметил начало и конец затмения; 15 августа 1003 года там же использовал звезды Насрин и Айюқ как опорные ориентиры измерений; 5 июля 1004 года в Хорезме фиксировал среднюю фазу; а в 1018 году в Газне зарегистрировал ночное начало затмения (около 7:30 вечера). В его трактовке лунное затмение происходит тогда, когда Луна входит в земную тень; поэтому «взятие» Луны начинается не «с запада», а с восточной стороны лунного диска.

Бируни подчеркивал, что земная тень, подобно тени дерева, простирается на большое расстояние, а сама Луна не излучает собственного света и сияет лишь отраженным солнечным: когда Земля оказывается между Солнцем и Луной, лунный свет «исчезает», что и воспринимается как «гирифтагӣ» [2]. Эти представления он иллюстрировал схемами (в частности, в «Китобут-тафхим ли авоили синоъати-т-танчим»), связывая качественное объяснение явления с измерительными задачами [3].

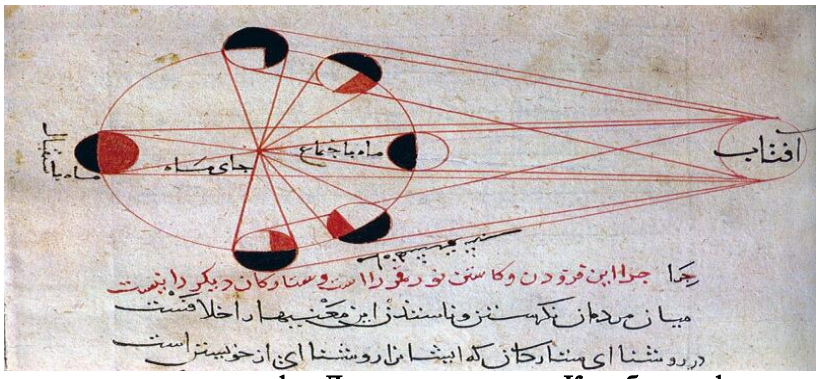


Рис. 1. Иллюстрация различных фаз Луны из рукописи «Китаб-ат-тафхим» аль-Бируни.

В последующие эпохи учёные региона продолжали традицию наблюдения затмений. Так, другой таджикский астроном Джамшид Гийас ад-Дин аль - Каши (Кашани, 1380 -1429) известен тем, что первое датированное событие его научной биографии – это наблюдение лунного затмения 2 июня 1406 года. Позже, уже работая в Самаркандской обсерватории Улугбека, аль-Каши участвовал в создании звёздных и планетных каталогов и таблиц. В его фундаментальном труде «Зидж-и Хакани» содержатся, помимо прочего, таблицы затмений и видимости Луны [4], что подтверждает высокий уровень развития астрономии в регионе. Улугбек и его сотрудники могли рассчитывать моменты затмений с большой точностью, а сами наблюдения затмений на обсерватории (основанной ~1420 г.) проводились систематически для уточнения теоретических моделей.

Таким образом, культура научного наблюдения затмений в таджикско-персидской традиции насчитывает многие столетия – от ученых Золотого века ислама (аль-Хорезми, аль-Бируни, Ибн Сина и др.) до эпохи аль-Каши и далее. Помимо научного интереса, затмения оставались и явлением народной культуры: их появление нередко сопровождалось суеверными действиями (например, громкими звуками, призванными «отпугнуть» силы, причиняющие помрачение светил). Тем ценнее были рациональные объяснения этих явлений, предлагаемые передовыми учёными.

Ахмад Дониш и его астрономические труды

Ахмад Махдум Дониш (1827 - 1897) - выдающийся учёный, просветитель и мыслитель Бухарского эмирата, стоявший у истоков джадидизма в Средней Азии. Получив традиционное образование в Бухаре, Ахмад Дониш самостоятельно изучил точные и естественные науки - математику, геометрию, астрономию, историю и др. – которые официально почти не преподавались в медресе [5,6].

Служа при дворе нескольких бухарских эмиров, он прославился не только как поэт и каллиграф, но и как учёный - энциклопедист. Как пишет о нём Садри Зиё: «...что он дорос до Бехзода и Мони в живописи, Улугбека Курагони в астрономии, Мир Али в каллиграфии, Зухрафалака в музыке, Мир Шафеъ Сони в таблицеведении, Абу Али во врачевании и лечении, Хотам Тоя в щедрости, Саадии Шерози в стихотворении, Хусайна Кошифи в прозе» [7].

По поручению эмира Музаффара около 1865 года Ахмад Дониш написал на персидском языке обширный астрономический трактат «Манозиру - л - кавокиб» («Расположение планет»).

Согласно архивным данным, рукопись этого труда была завершена 9 Зулька'да 1281 г. хиджры (что соответствует 5 апреля 1865 г.) [8]. Трактат посвящён наблюдению небесных светил и, по оценкам исследователей, содержит описание движений планет, основ астрономии и, вероятно, методам вычисления различных небесных явлений. Помимо основных сочинений, Ахмад Дониш написал ряд небольших трактатов по практической астрономии, среди которых выделяются «Рисола фи - аъмол - ал - кура» и «Таодули хамсаи мутаҳайира».

В «Рисола фи - аъмол - ал - кура» описывает глобусы, подаренные Стремоуховым и рассматриваются представления о форме Земли, элементы географического описания (в том числе соотношение суши и моря), а также объясняется смена дня и ночи в соответствии с научными знаниями своего времени. Трактат «Таодули хамсаи мутаҳайира», датируемый 1883 годом, содержит рассуждения автора о планетах; в частности, затрагиваются Венера, Марс, Юпитер и Сатурн [9,10].

Также в 2017 году в Академии наук Таджикистана была издана книга «Зидж», которую приписывали Ахмади Донишу [11]. Но позднее таджикский ученый М. Ш. Холов доказал, что это произведение к Ахмаду Донишу не имеет отношения, а его автором является индийский махараджа и организатор астрономических обсерваторий Савай Джай Сингх (1688 - 1743) [12].

Эти труды свидетельствуют о глубоком понимании Ахмадом Донишем классической астрономии. Вероятно, он опирался на богатое наследие предшественников: был знаком с трудами средневековых астрономов на арабском и персидском языках, мог пользоваться их таблицами (зиджами). В то же время Дониш был частично осведомлён и о достижениях европейской науки XIX века: трижды побывав в Санкт - Петербурге в составе дипломатических миссий.

В одном из путешествий русский дворянин М. Стремоухов подарил Ахмаду Донишу два глобуса: Земли и Луны, получив, этот подарок он был впечатлен и сказал, «Он мне посвятил Небо и Землю». И написал следующие строки на таджикском:

Аҳли карам ба аҳли ҳунар симу зар диҳанд,
Ӯ гирд карду дод ба ман илми кунфаякун.
Яъне на дархури ту бувад нақди мулку мол,
Гӯи ё замин ба дасти ту бодову осмон.

Недаром появились такие строки: «Дониш вернулся в Бухару пешком в обнимку со Вселенной на плечах» [9].

Совокупность этих факторов позволила Ахмаду Донишу стать своеобразным «мостом» между традиционной среднеазиатской астрономией и новой наукой. Хотя он до конца не освоил европейскую науку того времени, и находился под сильным влиянием средневековых представлений.

К концу 1880 - х годов авторитет Ахмада Дониша в Бухаре был столь высок, что даже консервативные богословы вынужденно признавали его знания. В народе его прозвище «Ахмад Калла» («Башковитый Ахмад») стало символом умника. Тем не менее, официально астрономия не входила в курс медресе, и многие духовные лица относились к ней с подозрением, считая «чуждой» наукой. На этом фоне особо примечателен эпизод, описанный Садриддином Айни в своих воспоминаниях, когда Ахмад Дониш открыто продемонстрировал силу научного предвидения [13,14].

Затмение в воспоминаниях Айни и его астрономическая реконструкция

Садриддин Айни (1878 - 1954), основоположник современной таджикской литературы в своей автобиографической книге «Воспоминания» подробно описал случай, свидетелем которого он был во время обучения в бухарском медресе Мири

Араб. В 1890 году юный Айни приехал из родного села в Бухару для учёбы и поселился вместе со старшим братом в медресе Мири Араб. Именно там произошла встреча Айни с Ахмадом Донишем и связанным с ней эпизодом лунного затмения [15].

Айни пишет, что однажды в медресе появился высокий человек в почётном халате, увидев которого все – от учащихся до учителей – вставали с уважением [13,16]. Это был Ахмад Махдум Дониш. При его появлении некоторые муллы про себя злословили («за глаза»), однако при всех выказывали почтение, чем юный Айни был немало удивлён. Ещё больше его поразили слова, которые Дониш небрежно бросил, проходя по двору медресе: «Сегодня ночью в таком-то часу будет затмение луны, оно продлится столько-то минут, всякий, кто в это время поднимется на крышу медресе, может сам наблюдать это явление природы, - и пошел дальше».

Эта дерзкая фраза произвела эффект разорвавшейся бомбы на богословов. Окружающие зашептались; некоторые фанатично настроенные лица обвинили Дониша: «Он знается с нечистой силой!» – так они пытались объяснить его способность знать заранее про небесное явление. Другие шептали: «Он – друг русских…», подразумевая, что Дониш почерпнул знания от «неверных» европейцев. Тем не менее, все признавали его авторитет: муллы, ненавидевшие его заочно, при встрече льстиво приветствовали и ловили каждое его слово.

Ахмад Дониш объявил не только о самом факте затмения, но и назвал время его начала и продолжительность, пригласив всех желающих убедиться лично. В назначенное Донишем время все учащиеся и наставники действительно поднялись на крышу медресе Мири Араб, чтобы посмотреть на луну. Сам Ахмад Дониш был там же, вооружившись карманными часами, фонарём и тетрадью с расчётами – по сути, как астроном-наблюдатель. Началось лунное затмение, и лунный диск постепенно покрывался тенью, как и предсказал учёный.

Айни образно описывает нарастающую реакцию горожан: «Начиналось затмение. Небольшое потемнение луны постепенно усиливалось, это заметили теперь и жители города. На улицах раздался грохот барабанов ночной полиции, отовсюду из дворов послышался звон ударов в подносы, ведра и медные котлы. В течение нескольких минут город наполнился шумом, повергшим в ужас все сердца» [14, 16].

Эта традиция «отбивания затмения» шумом, с детства знакомая Айни по деревенским обычаям, в столице Бухаре проявилась в массовом масштабе и особенно впечатлила его. Таким образом, наглядно столкнулись два мира: научное предвидение образованного человека и суеверный страх толпы.

Когда затмение произошло точно по прогнозу, доверие части студентов к своим консервативным учителям поколебалось. Фанатично настроенные муллы были в ярости: они называли Дониша «безбожником, сеющим смуту», требовали у эмира наказать его, но признавали, что эмир не трогает Ахмада из-за его связей и авторитета.

Можно привести в качестве примера воспоминании самого Айни, который вместе с учителем читали книгу «Шамсия», где говорилось, что лунное затмение происходит всегда, когда земля становится между луной и солнцем. Его учитель так и объяснил ему, как это было написано в книге.

В связи с этим Айни вспомнил о том, как Ахмад - махдум предсказал затмение луны, и обратился к учителю: «Теперь - понятно, что Ахмад - махдум, рассчитав положение луны, солнца и земли, мог заранее определить время затмения луны. Я напомнил ему о тех цифрах, которые были написаны на бумажке, и вычислениях, производившихся Ахмадом Донишем перед затмением. Услышав от меня эти слова, учитель нахмурился.

Между бровей у него появилась морщинка, и после непродолжительного молчания он сказал: Автор этой книги – крупный ученый. А ученые не имеют никакого отношения к шариату и болтают все, что им приходит в голову, они ученики шайтана и еретики. Ахмад-Калла тоже его ученик. Не следует особенно вникать в то, что они пишут.

В словах учителя логики я почувствовал определенную нелогичность и подумал про себя: «Если автор книги «Шамсия» был ученым, а все ученые - еретики и не следует особенно вдаваться в их писания, то почему же их книги в течение многих веков служат учебниками в школах мусульманского мира и даже сейчас мой учитель дает мне урок по этой самой книге?».

До этого времени я считал своего учителя образованным и умным человеком, ведь он не присоединялся к нападкам других мулли на Ахмада - махдума и не принимал участия в сплетнях под входной аркой медресе. Однако в тот день я понял, что он ничем не отличается от других невежественных и безграмотных обитателей Мир - Араба» [14].

Этот эпизод, по признанию самого Айни, окончательно открыл ему глаза на лицемерие и ограниченность рутинного схоластического образования и утвердил его на пути просвещения.

С научной точки зрения для нас представляет интерес точно установить, какое именно затмение наблюдалось тогда в Бухаре и какие параметры оно имело. Айни в тексте прямо не указал дату по европейскому календарю, но отметил, что событие произошло в первый год его учёбы в Бухаре (1890/91 учебный год) и в весенний период того года.

Упоминание весны, а также то, что сразу после завершения первого года учёбы (к весне 1891) Айни покинул Бухару на несколько месяцев, позволяет предположить, что затмение имело место зимой или весной 1891 года.

В указанный интервал времени произошло всего одно крупное лунное затмение, видимое в Средней Азии – полное лунное затмение 23 мая 1891 года (по новому стилю) [17]. Согласно данным современных астрономических каталогов NASA, в этот день наблюдалось полное затмение: Луна полностью вошла в земную тень (умбра) с максимальной фазой P=1.30 (то есть диаметр луны покрывался тенью на 130%).

Таблица 1

Основные параметры полного лунного затмения 23 мая 1891 года (Saros 119) по данным астрономического каталога NASA

Параметр	Значение
№ в каталоге	09398
Календарная дата	23 мая 1891
Момент наибольшей фазы (TD)	18:29:11 (UT)
ΔT	-6 с
№ Луны	-1344
№ сароса	119
Тип затмения	Полное (T)
QSE	-a
Гамма (γ)	0.2988
Полутеневая величина	2.3199
Умбральная величина	1.2996
Длительность полутеневой фазы	344.1 мин
Длительность умбральной фазы	215.7 мин
Длительность полной фазы	79.1 мин
Зенитная широта максимума	20° ю. ш.
Зенитная долгота максимума	82° в. д.

Продолжительность полной фазы составила около 79 минут, а частичные фазы (от начала покрытия до конца выхода из тени) продолжались в сумме около 3 часов 36 минут.

На рисунке 2 представлена сводная схема полного лунного затмения 23 мая 1891 г. (серия Saros 119, нисходящий узел). В верхней части показана геометрия прохождения Луны через тень Земли: серым обозначена полутень, красным - умбра, а последовательные положения лунного диска (контуры) иллюстрируют траекторию и моменты входа/выхода из тени.

В нижней части приведена карта видимости затмения на земном шаре, где затмение могло наблюдаться (включая области видимости отдельных фаз), и области, где оно было недоступно из-за дневного времени или расположения Луны ниже горизонта.

Эта карта позволяет наглядно соотнести астрономические параметры события с его географической наблюдаемостью, включая регион Центральной Азии.

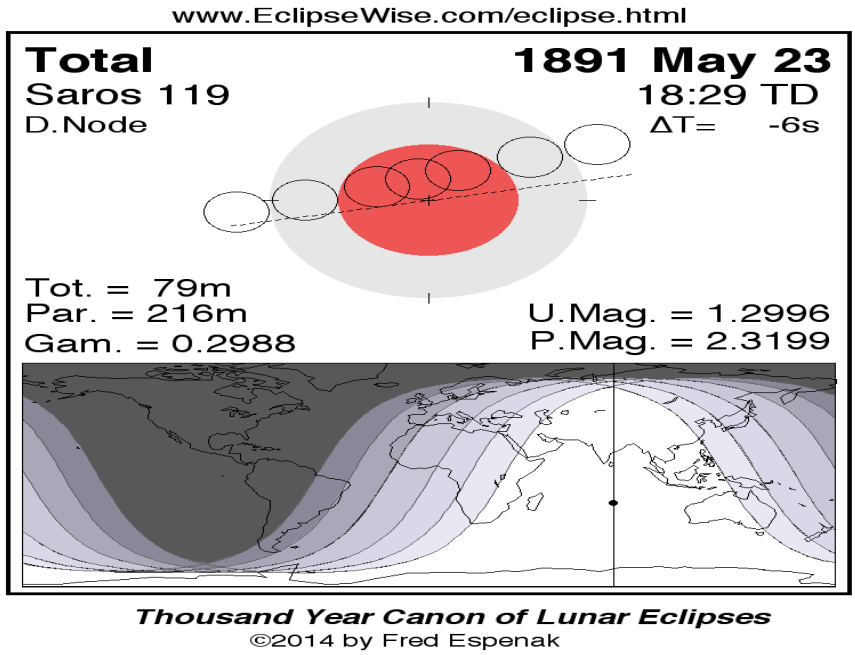


Рисунок 2. **Схема полного лунного затмения 23 мая 1891 г. (Saros 119) и карта его географической видимости.**

Таким образом, для Бухары (UTC+5) полное лунное затмение 23 мая 1891 года разворачивалось как длительное ночное событие с хорошо различимыми стадиями. Около 20:37 Луна вошла в полутень Земли: её блеск начал едва заметно снижаться, и внимательный наблюдатель мог уловить лёгкое «помутнение» лунного диска.

Примерно к 21:41 началась умбральная (частная) фаза - на краю Луны появился отчётливый тёмный «укус», который постепенно увеличивался по мере погружения Луны в земную тень. К 22: 49 Луна полностью вошла в умбру, и началась полная фаза: диск стал тёмным, обычно с красновато-медным оттенком, который зависит от прозрачности атмосферы Земли.

Наибольшая фаза пришлась примерно на 23:29, когда затмение было наиболее глубоким. Затем картина стала разворачиваться в обратном порядке: около 00:08 (уже 24 мая) полная фаза завершилась, и на краю Луны вновь появился яркий участок, начался выход из умбры, сопровождаемый постепенным восстановлением освещённости диска. Около 01:17 Луна полностью покинула умбру, завершив частную стадию, а к 02:21 закончилась и полутеневая фаза, Луна окончательно вернулась к обычному виду.

Расчётные параметры этого затмения – время и длительность – удивительно точно соответствуют тем деталям, которые, по словам Айни, предсказал Ахмад Дониш. Он назвал конкретный час начала явления и его продолжительность в минутах, что указывает на владение весьма точными методиками вычисления. Вероятно, Дониш произвёл расчёт заранее, пользуясь готовыми таблицами (например, мог адаптировать под долготу Бухары данные из какого-либо астрономического календаря).

В его распоряжении могли быть как старинные зиджи, так и более новые сведения из российских календарей XIX века. Как отмечают исследователи, сам Дониш в ту ночь имел при себе записанную таблицу чисел и измерял время с помощью часов, сверяя расчёт с наблюдением – фактически проводя научный эксперимент на глазах у изумлённых коллег.

Для более наглядной реконструкции того, как именно Айни и Ахмад Дониш могли наблюдать затмение с крыши медресе Мири Араб, выполнена визуализация ночного неба в программе - планетарии Stellarium. В ней заданы координаты Бухары и дата события, поэтому изображение воспроизводит ожидаемую картину для наблюдателя: положение Луны на небосводе в период затмения и её внешний вид при прохождении через тень Земли. Здесь также можно оценить высоту Луны над горизонтом и ориентировочное окружение ярких звёзд.

Восстановив дату затмения – 23 мая 1891 г., и сопоставив параметры, мы удостоверяем историческую точность свидетельства Айни. Это также подчёркивает выдающиеся способности Ахмада Дониша как астронома. В условиях, когда религиозные догмы господствовали в образовании, он сумел не только самостоятельно овладеть научными знаниями, но и практически их применить, публично продемонстрировав силу научного предвидения.

ВЫВОДЫ

История с предсказанием лунного затмения Ахмадом Донишем в Бухаре – яркий эпизод в истории науки Средней Азии. Проведённый анализ показывает, что описанное Садриддином Айни затмение действительно имело место 23 мая 1891 года и было полным по своей фазе. Ахмад Дониш сумел заранее, с высокой точностью вычислить время и продолжительность этого явления, опираясь на свои обширные познания в астрономии.

Его демонстративное объявление о затмении в стенах медресе стало вызовом устоявшейся системе образования, в которой светские науки игнорировались. Реакция окружающих - от суеверного страха простых людей, бьющих в гонги, до гнева фанатиков-мулл, обвинявших учёного в колдовстве – высветила глубокий разрыв между наукой и религиозным мировоззрением в Бухаре конца XIX века.

Ахмад Дониш в данной ситуации выступил как наследник и продолжатель традиций великих таджикско-персидских учёных прошлого (таких как, аль-Худжанди, Абульвафа, аль-Бируни, Ибн Сина, Омар Хайям и др.), сумевший, несмотря на сопротивление среды, сохранить и применить астрономические знания. Его астроно-

мические труды, включая «Манозирул-кавокиб», свидетельствуют о стремлении систематизировать и развивать научные сведения на родном языке. Сама демонстрация затмения послужила уроком для молодого поколения (что ярко запечатлел в своих воспоминаниях Айни) – уроком о силе разума и знаний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бируни А. Избранные произведения. Т. 3. Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами [Геодезия]. - 1966. - Ташкент. - 364 с.
2. Raza S. J. al - Biruni on Eclipses/Proceedings of the Indian History Congress. - Indian History Congress, 1995. - V. 56. – P. 293-300.
3. Абурайҳон Берунӣ. Китоб-ут-тафҳим ли авоилисаноат-ит-танҷим. -Душанбе: «Дониш», 1973. -288 с.
4. Taani O. Multiple paths to mathematics practice in Al-kashi's key to arithmetic/Science & Education. - 2014. - V. 23. - №. 1. - Pp. 125-141.
5. Хадизаде Р. Х. Таджикская литература [второй половины XIX в.] /История всемирной литературы: В 8 томах /АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. - М.: Наука, 1983-1994. - На титл. л. изд.: История всемирной литературы: в 9 т. Т. 7. - 1991. - С. 224-228.
6. Раджабов З. Выдающийся просветитель таджикского народа А. Дониш. - Сталинабад, 1961. - 220 с
7. Садри Зиё. Наводири Зиёия (Сокровищница Зиё). - Душанбе: Адиб, 1991. – 128 с.
8. Каюмова Х. А. Народная метрология и хронология таджиков Каратегина, Дарваза и Западного Памира XIX - начала XX вв. /Автореф. дис. канд. ист. наук. - Худжанд, 2009.
9. Ахмедова З. А. Астрономические взгляды Ахмада Дониш/Вестник науки и образования. – 2018. - № 11(47). - С. 44-46. - DOI 10.20861/2312-8089-2018-47-002.
10. Гадоев Г. Освещение положения Бухарского эмирата конца XIX - начала XX веков в исторических трудах и литературных произведениях С. Айни: дис. канд. ист. наук/Г. Гадоев. - Душанбе, 2023. – 231 с.
11. Аҳмад Махдуми Дониш. Зич. Таҳқиқ, таҳия ва омодасози нашр профессор Аскаралӣ Рачабов, Файзхоча Маҳмудов. - Душанбе: Дониш, 2017. - 56 с.
12. Холов М. Ш. Зич Ахмада Дониша или Савайджай Сингха/Историк. - 2018. - № 1(13). - С. 116-120.
13. Айнӣ С. Ёддоштҳо (чаҳор қисм). Иборат аз як китоб. - Душанбе: Сарредаксияи илмии Энсиклопедияи миллии тоҷик, 2009. - 680 саҳ.
14. Айни С. Воспоминания. Ленинград. Издательство АН СССР. – 1960.
15. Р. Баҳромзод Р. Асрори ситорашиносӣ. Гирифти моҳ, ки мувофиқи «Ёддоштҳо»-и устод Айнӣ Аҳмади Дониш пешгӯйӣ карда буд, кадом рӯз аст?/Нашрияи «Омӯзгор». №11, 13 марти соли 2025, саҳ 9.
16. Акобиров Ю., Харисов Ш. Айни. М.: Молодая гвардия. (серия «ЖЗЛ»), 1968. - 144 стр.
17. NASA Eclipse Web Site. Five Millennium Catalog of Lunar Eclipses 1801 to 1900 (1801 CE to 1900 CE). https://eclipse.gsfc.nasa.gov/LEcat5/LE1801-1900.html

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДАТЫ И ПАРАМЕТРОВ ЛУННОГО ЗАТМЕНИЯ, ПРЕДСКАЗАННОГО АХМАДОМ ДОНИШЕМ, ПО СВИДЕТЕЛЬСТВУ САДРИДДИНА АЙНИ

В статье выполнен историко-астрономический анализ лунного затмения, описанного Садриддином Айни в «Воспоминаниях» (Ёддоштҳо). Показано, что Ахмад Махдум Дониш, выдающийся таджикский просветитель XIX века, предсказал это явление, демонстрируя существование научных знаний вне традиционной системы медресы. На фоне традиции наблюдений затмений у аль - Бируни и Джамшида ал - Каши рассматриваются астрономические интересы самого Дониша и проводится сопоставление мемуарного свидетельства с современными астрономическими каталогами.

Установлено, что речь идёт о полном лунном затмении 23 мая 1891 г., для которого приведены основные параметры (локальные времена фаз, длительность полной фазы около 79 минут и др.). Сделан вывод о значимости этого случая для истории таджикской астрономиии как примера напряжения между просвещённой наукой и религиозным догматизмом конца XIX века.

Ключевые слова: *история астрономии, лунное затмение, Бухара, Ахмад Дониш, Садриддин Айни, просветительство*

МУАЙЯН КАРДАНИ РӮЗ ВА МУШАХАССАҲОИ ГИРИФТИ МОҲ, КИ АЗ РӮЙИ ГУВОҲИИ САДРИДДИН АЙНӢ АҲМАДИ ДОНИШ ПЕШГӮЙӢ КАРДА БУД

Дар мақола таҳлили астрономиву таърихии гирифти Моҳ, ки аз рӯйи навиштаҳои Садриддин Айнӣ дар «Ёддоштҳо» сурат гирифтааст. Нишон дода шудааст, ки Аҳмади Дониш – равшанфикри

бузурги тоҷик дар асри XIX ин ҳодисаро пешгӯйӣ карда, мавҷудияти донишҳои илмиро берун аз низоми анъанавии мадраса ба намоиш гузошт. Дар пасманзари мушоҳидаҳои таърихии Берунӣ ва Ҷамшеди Кошонӣ шавқи астрономии худи Дониш дар асоси гувоҳиҳои ёддоштӣ бо фехристҳои муосири астрономӣ муқоиса карда мешавад.

Аниқ гардид, ки сухан дар бораи гирифти моҳ, ки 23 майи соли 1891 меравад ва мушаххас саҳои асосии он (вақти маҳаллии фазаҳо, давомияти фазаи пурра, ки тақрибан 79 дақиқа аст ва ғайраҳои дигар) оварда шудааст. Дар бораи муҳим будани ин ҳодиса дар таърихи астрономияи тоҷик ҳамчун намунаи ташаннуҷ байни илми равшангароёна ва догматизми динии охири асри XIX хулоса оварда шудааст.

Калидвожаҳо: *таърихи астрономия, гирифти моҳ, Бухоро, Аҳмади Дониш, Садриддин Айнӣ, равшангарой.*

RECONSTRUCTION OF THE DATE AND PARAMETERS OF A LUNAR ECLIPSE PREDICTED BY AHMAD DONISH, BASED ON SADRIDDIN AYNI'S TESTIMONY

This paper presents a historical - astronomical analysis of a lunar eclipse described by Sadriddin Ayni in his *Memoirs* (*Yoddoshtho*). It is shown that Ahmad Makhdum Donish, an outstanding Tajik enlightener of the nineteenth century, predicted this event, thereby demonstrating the presence of scientific knowledge beyond the traditional madrasa system. Against the broader background of eclipse observations in the works of al - Biruni and Jamshid al - Kashi, the study examines Donish's astronomical interests and compares Ayni's memoir evidence with modern astronomical eclipse catalogues.

The event is identified as the total lunar eclipse of 23 May 1891, and its principal parameters are presented (local times of the main phases, totality duration of about 79 minutes, etc.). The paper concludes that this case is significant for the history of Tajik astronomy and illustrates the tension between enlightened science and religious dogmatism at the end of the nineteenth century.

Keywords: *history of astronomy; lunar eclipse; Bukhara; Ahmad Donish; SadriddinAyni; Enlightenment.*

Маълумот дар бораи муаллифон: Буризода Анвар Маҳмад - номзади илмҳои физика ва математика, Институти астрофизикаи Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, директор, ходими пешбари илмии OFCA; E-mail: *anvar10@mail.ru.* **Ризои Баҳромзод** - номзади илмҳои физика ва математика, Институти астрофизикаи Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, корманди калони илмии OFCA; Институти физика ва техникаи ба номи С. У. Умарови Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, корманди пешбари илмии ICNR. Почтаи электронӣ: *rizo@physics.msu.ru*

Information about the authors: Burizoda Anvar Makhmad - Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Institute of Astrophysics of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Director, Leading Researcher of the OFCA; E-mail: *anvar10@mail.ru.* **Rizoi Bakhromzod** - Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Institute of Astrophysics of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Senior Researcher of the OFCA; S. U. Umarov Physical-Technical Institute of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Leading Researcher of the ICNR. E-mail: *rizo@physics.msu.ru.*

УДК: 327 (575)

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ТАДЖИКИСТАНОМ И ТУРКМЕНИСТАНОМ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

НАЗАРОВА Т. Н.,
Таджикский государственный педагогический университет им. С. Айни

Система международных отношений в Центральной Азии претерпела глубокие изменения после распада Советского Союза в 1991 году. Новые независимые государства были вынуждены выстраивать свою внешнюю политику в условиях политической неопределённости, экономической перестройки и меняющейся региональной динамикой. В этом контексте становление и развития двусторонних отношений стало важнейшим инструментом обеспечения политической стабильности. Среди таких связей взаимодействие Республики Таджикистана и Туркменистана представляет собой особый, но вместе с тем недостаточно изученный случай в постсоветской Центральной Азии.

Таджикистан и Туркменистан, несмотря на различие в политических моделях, экономических структурах и внешнеполитических ориентирах, обладают общим исторически наследием, сформированным в советский период. Это общее прошлое создало первоначальную основу для дипломатического взаимодействия, тогда как обретение независимости потребовало выработки новых принципов и механизмов межгосударственного сотрудничества. С начала 1990-х годов обе страны стремились определить своё место в региональной системе Центральной Азии, опираясь как на двустороннюю дипломатию, так и на многосторонние форматы. Однако научное внимание преимущественно сосредоточивалась на отношения центральноазиатских государств с крупными внешними акторами либо на процессах региональной интеграции, в результате чего такие двусторонние взаимодействия, как таджикско-туркменские отношения, оставались сравнительно малоизученными [2,465].

Актуальность анализа двусторонних отношений между Таджикистаном и Туркменистаном в постсоветский период определяется рядом факторов. Во-первых, оба государства проводят политику, направленную на сохранение региональных форматах сотрудничество. Конституционно закреплённый статус постоянного нейтралитета Туркменистана и активное участие Таджикистана в деятельности региональных и международных организаций придали их дипломатическому взаимодействию особую специфику. Во-вторых, экономическое сотрудничество, прежде всего в таких сферах, как транспортная взаимосвязанность, энергетика и торговля, приобрело новую значимость на фоне более широких региональных усилий по укреплению коммуникационной связанности Центральной Азии. В - третьих, меняющаяся геополитическая обстановка, характеризующаяся сдвигами в балансе сил и появлением новых региональных инициатив, повысила значение двусторонних партнерств как стабилизирующих элементов межгосударственных отношений [6, 59].

С академической точки зрения изучения таджикско-туркменских отношений способствует более глубокому понимаю процессов постсоветского государственного строительства и адаптации внешней политики, а Центральной Азии. Двусторонний формат позволяет рассмотреть, каким образом государство с различающимся внешнеполитическими доктринами выстраивают сотрудничество, регулируют возникающие расхождения и определяют общие интересы. Креме того, анализ этих отношений даёт эмпатический материал для более широких теоретических дискуссий в рамках международных отношений и политической науки, включая проблематику регионализма, двусторонней дипломатии и роли институциональных механизмов на постсоветском пространстве.

Несмотря на наличие официальных документов, двусторонних соглашений и периодических контактов на высоком уровне, комплексные академические исследования таджикско-туркменских отношений остаются ограниченными. Имеющиеся работы, как правило, затрагивают эти отношения лишь фрагментарно, в контексте более широкого анализа центральноазиатской геополитики или регионального сотрудничества. В результате в научной литературе сохраняется заметный пробел, связанный с системным изучением эволюции, современного состояния и перспектив развития двусторонних отношений между двумя государствами. Настоящая статья направлена на восполнение данного пробела посредством структурированного и основанного на фактическом материале анализа таджикско-туркменских отношений в постсоветский период [3, 102].

Формирование двусторонних отношений между Таджикистаном и Туркменистаном следует рассматривать в более широком контексте распада Советского Союза и появления новых независимых государств в Центральной Азии. Крушение СССР в 1991 году привело к трансформации прежних административных границ в международной рубрике потребовало становления суверенной внешней политики, основано на принципах международного права. Для Таджикистана и Туркменистана этот процесс означал переход от централизованно координируемых связей в рамках единого государства к самостоятельной двусторонней дипломатии [13, 27].

Дипломатические отношения между Республикой Таджикистан и Туркменистаном были официально установлены в начале 1990-х годов, после международного признания их независимости. Этот первоначальный этап характеризовался необходимостью определить базовые принципы межгосударственного сотрудничества, включая уважение суверенитета, территориальной целостности и невмешательства во внутренние дела. Данные принципы соответствовали общепризнанным нормам международных отношений и отражали более широкую тенденцию постсоветских государств к легитимации своей внешней политики через международно-правовые механизмы.

Ранний этап двусторонних отношений совпал с серьёзными внутренними вызовами в Таджикистане, прежде всего с гражданским конфликтом 1990-х годов, что неизбежно повлияло на темпы и масштабы дипломатического взаимодействия. В этот период Туркменистан придерживался осторожного, но последовательного подхода к Таджикистану, делая акцент на политическом нейтралитете и поддержании стабильности в регионе. Внешнеполитическая доктрина Туркменистана, позднее конституционно закреплённая как постоянный нейтралитет, определяла характер его двусторонних отношений, отдавая предпочтение внеблоковой политике и ограниченному политическому участию при сохранении каналов дипломатической коммуникации [3, 117].

Несмотря на эти ограничения, два государства постепенно сформировали правовую основу сотрудничество. Подписание первых двусторонних соглашений заложило базу для политического диалога и экономического взаимодействия. Эти соглашения приемущественно касались общего сотрудничества, торговли и дипломатического представительства, отражая осторожный и поступательных характер межгосударственных отношений раннего постсоветского периода. Основной акцент в этом делался не на быстрой содержательной интергации, а на создании институциональных механизмов взаимодействия.

Нормализация внутриполитической ситуации в Таджикистане в конце 1990-х годов создало более благоприятные условия для расширения двусторонних отношений. По мере того как Таджикистан приступал к постконфликтному восстоновлению и укреплению государственности, его внешнеполитическая политика всё в большей степени ориентировалась на региональное сотрудничество и экономическое возрождение. В этом контескте отношения с Туркменистаном приобрели более выраженное практическое значение, особенно в сферах торговли, транспорта и энергетического взаимодействия. Вместе с тем масштабы взаимодействия оставались умеренными, что отражало как общую направленность внешнеполитических курсов обеих стран, так и ограниченную на тот момент экономическую взаимодополняемость [1, 8].

Важной особенностью этапа формирования стало отсутствие острых политических противоречий между Таджикистаном и Туркменистаном. В отличие от некоторых других двусторонних связей в Центральной Азии, таджикско-туркменские отношения развивались без крупных споров, связанных с границами или ресурсами. Такая относительная устойчивость объясняется, в частности, географическими факторами, поскольку два государства не имеют общей границы, а также их взаимной заинтересованностью в поддержании предсказуемых и прагматичных отношений. В результате двусторонняя дипломатия развивалась в сдержанном и не конфронтационном русле. Институционализация двусторонних отношений получила дальнейшее укрепление благодаря регулярным контактам на уровне внешнеполитических ведомств и участию сторон в региональных и международных форумах. Хотя Туркменистан, исходя из своего нейтрального статуса, ограничивал вовлеченность в многосторонние организации, оба государства поддерживали диалог в рамках более широких региональных инициатив, касавшихся вопросов безопасности, транспорта и экономического сотрудничества. Эти взаимодействия способствовали постепенному накоплению дипломатического опыта и формированию взаимного понимания [10, 96].

С точки зрения политической науки формирование таджикско-туркменских отношений демонстрирует модель двустороннего взаимодействия, для которой характерны невысокая интенсивность, но высокая устойчивость. Отсутствие идеологической конкуренции в сочетании с приверженностью принципам суверенитета и невмешательства позволило обоим государствам избежать политизации своих отношений в период региональной неопределённости. Такой подход отражал более широкую закономерность постсоветской дипломатии в Центральной Азии, где прагматические соображения нередко преобладали над стремлением к глубокой политической интеграции.

К началу 2000-х годов базовый этап формирования двусторонних отношений можно считать в основном завершённым. Были налажены дипломатические каналы, сформирована первоначальная база, а также созданы механизмы диалога на различных уровнях.

Хотя глубина сотрудничества оставалась ограниченной, сами отношения продемонстрировали устойчивость и переменность [8, 25]. Именно эта основа в последующие годы позволила постепенно расширять двустороннее взаимодействие, особенно по мере изменения региональной динамики и трансформации экономических приоритетов.

Современное состояние таджикско-туркменского двустороннего сотрудничества можно охарактеризовать как институционализированный и политически устойчивое, но при этом ограниченное по экономическим масштабам. Отраслевое взаимодействие в основном сосредоточенно на торговле товарами, связанными с энергетической сферой, а также на эпизодической координации в рамках отдельных проектных инициатив. Такая модель соответствует более широкой центрально азиатской тенденции к прагматичному двустороннему взаимодействию без глубокой взаимозависимости, особенно в тех случаях, когда государство придерживаются различных внешнеполитических доктрин и эконо-мических моделей [3, 145].

На институциональном уровне сотрудничество опирается на регулярные межправительственные и межведомственные контакты, при этом ключевым координационным механизмом выступает Совместная туркмено-таджикская межправительственная комиссия по торгово-экономическому, научному техническому сотрудничеству. В октябре 2024 года в Ашхабаде состоялось 13-е заседание данной Совместной комиссии. В официальном сообщении отмечается, что стороны рассмотрели ход реализации ранее принятых решений включая решение 12-го заседания, прошедшего в Душанбе в 2023 году, а также обсудили текущее состояние и перспективы сотрудничества. В этом же документе энергетика, транспорт и логистика, сельское хозяйство и промышленность прямо обозначены как перспективные направления взаимодействия. По итогам заседания был подписан соответствующий Протокол [16].

С аналитической точки зрения формат Комиссии имеет существенное значение, поскольку он создаёт процедурную рамку для сохранения преемственности даже в условиях колебания объёмов торговли. В терминах политической науки такой механизм снижает тарансакционные издержки коммуникации и уменьшает риск фрагментации повестки, что особенно важно для региональных систем, где двусторонние связи нередко оказываются чувствителтными к внешним потрясениям и внутренним ограничениям [7, 122]. Наиболее проверяемым количественным показателем двустороннего сотрудни-чество является товарная торговля. Согласно данным на основе базы UN Comtrade, опубликованным Trading Economics, экспорт Таджикистана в Туркменистан в 2023 году 1,06 млн долларов США [4], тогда как импорт из Таджикистана из Туркменистана за тот же период достиг 35,75 млн долларов США [5].

В результате торговый баланс, если исходить из таджикской статистической стороны, имеет ярко выраженную асимметрию в пользу Туркменистана.

№	Индикатор	Стоимость (млн долларов США)	Источник
1.	Экспорт Таджикистана в Туркменистан	1.06	ООН Comtrade через торговую экономику
2.	Импорт Таджикистана из Туркменистана	35.74	ООН Comtrade через торговую экономику
3.	Предполагаемый общий объем двусторонней торговли (сумма)	36.80	Рассчитано на основе двух рядов данных.

Таблица1. **Товарооборот Таджикистана и Туркменистана (по данным Таджикистана), 2023 г. (долл. США).**

Интерпретация строго на основе имеющихся данных показывает, что торговые отношений между двумя странами невелики в абсолютном выражении по сравнению с общим объемом внешней торговли Таджикистана и при этом сильно сконцентрированы в в узком перечне товарных позиций, о чем будет сказано ниже. Такая ситуация в целом характерна для двусторонних связей в регионе, где логистические ограничения и товарная взаимодополняемость сдерживают диверсификацию торговли. Вместе с тем необходимо сделать методологическую оговорку. В статистике торговли стран Центральной Азии нередко наблюдаются расхождения в зеркальных данных, когда экспорт страны А в страну Б не всегда совпадает с импортом страны Б из страны А. это связанно с различиями в методах оценки стоимости товаров, включая FOB и CIF, транзитными маршрутами через третьи страны, особенностями статистической отчетности и товарной классификации. Поэтому таблицу 1 стоит рассматривать как отражения торговли Таджикистана с Туркменистаном по данным таджикской стороны, а не как окончательную двустороннюю «истину», подтверждённую обеими сторонами.

Те же массивы данных, сформированные на основе UN Comtrade, позволяют достаточно прозрачно увидеть товарную концентрацию двусторонней торговли. Со стороны экспорта поставки Таджикистана в Туркменистан в 2023 году в основном приходились на алюминий, объём которого составил около 0,962 млн долларов США, тогда как стоимость других товарных категорий была незначительной. Это означает, что экспортная корзина Таджикистана в направлении Туркменистана остаётся узкой и уязвимой перед колебаниями цен и спроса по одной товарной позиции. Со стороны импорта поставки из Туркменистана в Таджикистан в 2023 году были преимущественно сосредоточенны на минеральном топливе и нефтепродуктах, объем которых составил 31,85млн долларов США. На ряду с этим отмечались меньшие по объему пластмасс и отдельных видов промышленной продукции производственного назначения [4].

№	Поток	Ведущие товарные группы	Стоимость (доллары США)
1.	Экспорт Таджикистана → Туркменистан	Алюминий	961,640
		Резины	37,310
		Электротехническое/электронное оборудование	24,900
		Минеральное топливо/масла	17,210
2.	Импорт Таджикистана ← Туркменистан	Минеральное топливо/масла	31,850,000
		Пластмассы	1,120,000
		Искусственные нити	683,210
		Мыло/смазочные материалы/воски	596,700

Таблица 2. **Основные товарные продукты в торговле Таджикистана и Туркменистана (по данным Таджикистана) 2023 год.**

Перспектива развитий двухсторонних отношений между Таджикистаном и Туркменистаном следует оценивать с особой методологической осторожностью. В отличие от аналитического прогнозирования, основанного на экономическом моделировании или сценарном подходе, настоящий раздел опирается исключительно на документально зафиксированные обязательства, официально обозначенные приоритеты и действующие институциональные механизмы. Такой подход соответствует академическим стандартам исследования международных отношений и позволяет избежать спекулятивных выводов, не подтверждённых первичными источниками.

Основную документальную базу для оценки будущих перспектив составляют действующие двусторонние соглашения, а также работа Совместной туркмено-таджикской комиссии по торгово-экономическому, научному и техническому сотрудничеству. Официальные сообщения по итогам последних заседаний Комиссии прямо выделяют энергетику, транспорт и логистику, сельское хозяйство, промышленность и гуманитарные контакты в качестве приоритетных направлений сотрудничества. Эти документы не содержат заявлений о масштабных интеграционных проектах, однако подтверждают взаимное намерение сторон сохранять и постепенно расширять сотрудничество в уже сложившихся секторах [14].

Энергетика остаётся наиболее чётко документированным направлением, имеющим перспективные значения. Торговая статистика подтверждает роль Туркменистана как поставщика товаров, связанных с энергетической сферой в Таджикистан, тогда как официальные заявления и сообщения сторонних источников свидетельствуют о заинтересованности Таджикистана в импорте энергии в периоды внутреннего дефицита. Эти факты дают документально подтверждённое функциональное основание для сохранения и возможного расширения энергетического сотрудничества. В то же время имеющиеся документы задают чёткие пределы для интерпретации.

На данный момент отсутствует двусторонний договор, который обязывал бы стороны к долгосрочному контракту на поставку энергоресурсов или к реализации совместных энергетических инфраструктурных проектов. Имеющиеся данные позволяют сделать лишь тот вывод, что Туркменистан рассматривается как потенциальный и ситуативный энергетический партнёр, а не как гарантированный или институционально закреплённый поставщик. Это различие принципиально важно для академической точности и не позволяет завышать перспективы сверх того, что подтверждается документами. В этом смысле перспективы энергетического сотрудничества носят скорее условный, чем программный характер. Они зависят от краткосрочных потребностей, транзитных договорённостей через третьи страны и более широкого регионального энергетического баланса, то есть от факторов, которые сами по себе находятся за пределами двусторонней правовой базы [15].

Официальные материалы двусторонних встреч неоднократно подчёркивают транспорт и логистику как перспективные направление сотрудничества. Такой акцент согласуется с более широкими региональными программными документами, посвященными укреплению взаимосвязанности в Центральной Азии, где особо отмечается значение транзитных коридоров, связывающих государства региона с внешними рынками. Однако со строго документальной точки зрения таджикско-туркменское сотрудничество в данной сфере остаётся скорее концептуальным, чем операционным. Отсутствие общей границы принципиально влияет на характер этих перспектив. Любое практическое расширение транспортного взаимодействия зависит от многосторонних коридорных механизмов и договорённостей с третьими странами. Имеющиеся документы не свидетельствуют о создании эксклюзивных или сугубо двусторонних транспортных коридоров.

Скорее, они указывают на взаимодействие Таджикистана и Туркменистана в рамках более широких региональных транспортных инициатив, где двусторонняя координация выступает дополнительным элементом, но не главным двигателем процесса.

Следовательно, перспективу в данной сфере целесообразнее характеризовать как форму участия в региональных проектах, а не как автономное направление. Документальная база позволяет ожидать координации и диалога, но не самостоятельных двусторонних инфраструктурных проектов [14].

Официальные протоколы заседаний Совместной комиссии регулярно указывают на необходимость расширения товарной номенклатуры и диверсификации двусторонней торговли. С документальной точки зрения это позволяет рассматривать диверсификацию как заявленную цель. Однако торговая статистика показывает, что нынешняя структура торговли остается сильно концентрированной, при ограниченной диверсификации с обеих сторон.

В академической литературе, посвященной торговым отношениям в Центральной Азии, подчеркивается, что декларации о диверсификации нередко сосуществуют с устойчивыми структурными ограничениями, включая слабую промышленную взаимодополняемость, транспортные издержки и узость внутренних рынков. Поскольку в двусторонних документах не прослеживаются обязательные дорожные карты или количественно закрепленные целевые показатели по расширению торговли, диверсификацию следует трактовать как нормативное стремление, а не как подтвержденную траекторию развития.

Соответственно, реалистичная перспектива заключается скорее в постепенной диверсификации в рамках уже существующих товарных категорий, чем в быстром выходе на новые сектора [15].

Анализ двусторонних отношений между Таджикистаном и Туркменистаном в постсоветский период показывает, что их взаимодействие развивалось по траектории, для которой характерны политическая устойчивость, институциональная преемственность и ограниченная, но сохраняющееся экономическое сотрудничество. Начиная с установления дипломатических отношений в начале 1990-х годов и вплоть до современного этапа, эти отношения формировались не столько через интенсивную интеграцию, сколько через прагматичную адаптацию к региональным реалиям и национальным внешнеполитическим приоритетам.

Оценка современного состояния сотрудничества подтверждает, что таджикско-туркменские отношения поддерживаются на институциональном уровне через уже сложившиеся механизмы, прежде всего через Совместную туркмено-таджикскую межправительственную комиссию по торгово-экономическому, научному и техническому сотрудничеству. Данный формат создает процедурную основу для диалога и координации по ряду направлений, хотя практические результаты такого взаимодействия остаются умеренными по масштабу. Торговая статистика свидетельствует о том, что двустороннее экономическое взаимодействие количественно ограниченно и структурно асимметрично: Таджикистан импортирует из Туркменистана товары, связанные с энергетической сферой, тогда как экспортирует узкий перечень товарных позиций. Такая структура отражает более широкие закономерности, наблюдаемые в двусторонней торговле стран Центральной Азии, где логистические ограничения и слабая диверсификация сдерживают расширение экономических связей.

В заключении можно отметить, что таджикско-туркменские отношения в постсоветский период следует характеризовать как стабильные, прагматичные и инсти-

туционально закрепленные, но при этом ограниченные по глубине и степени диверсификации. Их эволюция определялась скорее объективными структурными факторами, чем политической конфронтацией или стратегическим соперничеством.

Перспективы дальнейшего развития указывают на постепенное расширения сотрудничества, а не на системную трансформацию. Дальнейшие исследования могут быть сосредоточенны на сравнительном анализе этих отношений с другими двусторонними связями в Центральной Азии либо на изучении влияния новых региональных инициатив на будущую динамику таджикско-туркменского сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Akiner S. Tajikistan: Disintegration or reconciliation? – London: The Royal Institute of International Affairs, 2001. – XII, 95 p.

2. Allison R. Regionalism, Regional Structures and Security Management in Central Asia/ International Affairs. – 2004. – Vol. 80, No. 3. – P. 463–483.

3. Collins K. Clan Politics and Regime Transition in Central Asia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 376 p.

4. Экспорт Таджикистана в Туркменистан (UN Comtrade via Trading Economics) [Электронный ресурс]/Trading Economics. – 2023. – URL: https://tradingeconomics.com/tajikistan/exports/turkmenistan (дата обращения: 23.02.2026).

5. Импорт Таджикистана из Туркменистана (UN Comtrade via Trading Economics) [Электронный ресурс] // Trading Economics. – 2023. – URL: https://tradingeconomics.com/tajikistan/imports/turkmenistan (дата обращения: 23.02.2026).

6. Khalid A. Central Asia: A New History from the Imperial Conquests to the Present [Текст] / A. Khalid. – Princeton: Princeton University Press, 2021. – 576 p.

7. Keohane, R. O., Nye, J. S. Power and Interdependence. – 4th ed. – New York: Longman, 2011. – 368 p.

8. Кузьмина Е. М. Геополитика Центральной Азии. – М.: Наука, 2007. – 151 с.

9. Laruelle M. Central Asia: The New Geopolitics. – London: Hurst, 2018. – 256 p.

10. Laruelle M., Peyrouse, S. Globalizing Central Asia: Geopolitics and the Challenges of Economic Development. – Armonk, N. Y.; London: M. E. Sharpe, 2013. – 376 p.

11. Nye, J. S. Understanding International Conflicts. – New York: Longman, 2017. – 320 p.

12. OECD. Enhancing the Competitiveness of the Trans-Caspian Transport Corridor in Central Asia. – Paris: OECD Publishing, 2025. – 197 p.

13. Sakwa R. Concepts in the Social Sciences: Postcommunism. – Buckingham; Philadelphia: Open University Press, 1999. – VI, 153 p.

14. Совместная туркмено-таджикская межправительственная комиссия по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству. Официальные сводки заседаний (7-е–13-е, 2017–2024 гг., Ашхабад, Душанбе) [Электронный ресурс]/Государственное информационное агентство Туркменистана (TDH); Министерство иностранных дел Туркменистана. – 2017-2024. – URL: https://tdh.gov.tm; https://mfa.gov.tm (дата обращения: 23.02.2026).

15. UN Comtrade Database. Tajikistan–Turkmenistan trade statistics [Electronic resource] / Trading Economics. – URL: https://tradingeconomics.com/country-list/trade (дата обращения: 23.02.2026).

16. Заседание Совместной туркмено-таджикской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству [Электронный ресурс] /Государственное информационное агентство Туркменистана. – 16.10.2024. – URL: https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/88565/zasedanie-sovmestnoj-turkmeno-tadzhikskoj-mezhpravitelstvennoj - komissii - po – torgovo – ekonomicheskomu – i – nauchno - t ehnicheskomu - sotrudnichestvu (дата обращения: 23.02.2026).

ТАЪРИХ ВА ДУРНАМОИ МУНОСИБОТИ ДУҶОНАБАИ ТОҶИКИСТОН ВА ТУРКМАНИСТОН ДАР ДАВРАИ ПАСОШУРАВӢ

Мақолаи пешниҳодшуда ба таҳлили муфассал ва назариявии ташаккул, таҳаввул ва вазъи муосири муносибатҳои дуҷонибаи Ҷумҳурии Тоҷикистон ва Туркманистон дар давраи пасошуравӣ бахшида шудааст. Муаллиф равобити ин ду давлатро дар чаҳорчӯбаи тағйирёбии низоми байналмилалии Осиёи Марказӣ пас аз пошхӯрии Иттиҳоди Шуравӣ баррасӣ намуда, нишон медиҳад, ки муносибатҳои Тоҷикистон ва Туркманистон, сарфи назар аз фарқияти равшан дар доктринаҳои сиёсати хориҷӣ, бо устувории институтсионалӣ ва набудани танишҳои сиёсӣ фарқ мекунанд.

Дар мақола равандҳои ташаккули заминаи шартномавӣ - ҳуқуқӣ, институтсионализатсияи муколамаи сиёсӣ ва динамикаи ҳамкориҳои иқтисодӣ аз ибтидои солҳои 1990-ум то имрӯз таҳлил мегарданд. Таваҷҷуҳи хос ба таъсири бетарафии доимии Туркманистон ва сиёсати фаъоли минтақавии Тоҷикистон равона шудааст, ки модели махсуси ҳамкории дуҷонибаро дар минтақа шакл додаанд. Бо такя ба санадҳои расмӣ, маълумоти оморӣ ва фаъолияти Комиссияи байниҳукуматӣ, нишон дода мешавад, ки ҳамкориҳои иқтисодӣ ҳаҷман маҳдуд, сохтори нобаробар ва асосан ба соҳаи энергетика ва савдои молҳои алоҳида мутамарказ мебошанд.

Таҳлил шудааст, ки муносибатҳои Тоҷикистону Туркманистон дар давраи пасошуравӣ бо хусусияти амалгароӣ, тадовуми сиёсӣ ва дурнамои рушди тадричӣ тавсиф мешаванд. Мақола холигии назаррасро дар адабиёти илмӣ пур намуда, барои таҳқиқоти минбаъда дар соҳаи муносибатҳои байналмилалӣ ва сиёсати минтақавии Осиёи Марказӣ заминаи мустаҳками таҳлилӣ фароҳам меорад.

Калидвожаҳо: *Тоҷикистон, Туркманистон, муносибатҳои дуҷониба, Осиёи Марказӣ, давраи пасошуравӣ, сиёсати хориҷӣ, таърих, ҳамкории иқтисодӣ, дипломатияи минтақавӣ, суботи сиёсӣ.*

ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ТАДЖИКИСТАНОМ И ТУРКМЕНИСТАНОМ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Статья представляет собой академически выверенный анализ становления, эволюции и современного состояния двусторонних отношений между Республикой Таджикистан и Туркменистаном в постсоветский период. Исследование выполнено в контексте трансформации системы международных отношений в Центральной Азии после распада СССР и направлено на восполнение дефицита комплексных научных работ, посвящённых именно двустороннему измерению региональной политики.

В статье последовательно рассматриваются ключевые этапы формирования договорно-правовой базы, институционализации политического диалога и развития экономического сотрудничества. Особое внимание уделяется влиянию внешнеполитической доктрины Туркменистана, основанной на принципе постоянного нейтралитета, а также активной региональной и международной позиции Таджикистана, что в совокупности обусловило специфическую модель межгосударственного взаимодействия. На основе официальных документов, статистических данных и анализа деятельности Совместной туркмено-таджикской межправительственной комиссии показано, что экономические связи носят ограниченный и асимметричный характер, с доминированием энергетических товаров в структуре взаимной торговли.

Таджикско-туркменские отношения отличаются политической стабильностью, институциональной преемственностью и прагматизмом. Перспективы их развития лежат в плоскости расширения сотрудничества через уже существующие механизмы, а не в углублённой интеграции. Эти выводы важны для изучения постсоветского государственного строительства и региональной политики в Центральной Азии.

Ключевые слова: *Таджикистан, Туркменистан, двусторонние отношения, Центральная Азия, постсоветское пространство, внешняя политика, история, экономическое сотрудничество, региональная дипломатия, международные отношения.*

HISTORY AND PROSPECTS OF BILATERAL RELATIONS BETWEEN TAJIKISTAN AND TURKMENISTAN IN THE POST-SOVIET PERIOD

This article offers a theoretically grounded and academically refined analysis of the formation, evolution, and current state of bilateral relations between the Republic of Tajikistan and Turkmenistan in the post-Soviet period. The study is situated within the broader transformation of the international relations system in Central Asia following the collapse of the Soviet Union and addresses a notable gap in the scholarly literature concerning bilateral, rather than multilateral, dimensions of regional interaction.

The article traces the establishment of diplomatic relations in the early 1990s and examines the gradual development of the legal and institutional framework underpinning interstate cooperation. Particular emphasis is placed on the interaction between Turkmenistan's doctrine of permanent neutrality and Tajikistan's active engagement in regional and international organizations, which together have shaped a distinctive model of bilateral diplomacy. Drawing on official documents, trade statistics, and the work of the Joint Turkmen–Tajik Intergovernmental Commission, the analysis demonstrates that economic cooperation remains limited in scale and structurally asymmetric, with energy-related commodities occupying a central position.

Tajik-Turkmen relations are characterized by political stability, institutional continuity, and pragmatism. Prospects for their development lie in expanding cooperation through existing mechanisms rather than in deeper integration. These findings are important for studying post-Soviet state-building and regional politics in Central Asia.

Keywords: *Tajikistan, Turkmenistan, bilateral relations, Central Asia, post-Soviet period, foreign policy, permanent neutrality, economic cooperation, regional diplomacy, international relations.*

Сведения об автора: Назарова Таманно Назаровна - Таджикский государственный педагогический университет им. С. Айни, соискатель кафедры политологии, 734003, Республика Таджикистан, Душанбе, проспект Рудаки, 121, тел.: (+992) 98 -890 -90-38, E-mail.: tamannoinazar01@gmail.com

Information about the author: Nazarova Tamanno Nazarovna - Tajik State Pedagogical University named after S. Ayni, Applicant of the Department of applicant for a degree in the Department of Political Science, 734003, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki Ave., 121, Ph.: (+992) 98-890-90-38. E-mail.: tamanoinazar01@gmail.com

БА ТАВАҶҶУҲИ МУАЛЛИФОН

Маҷаллаи «Муаррих» нашрияи илмӣ - назариявии Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон буда, маводи соҳаи илмҳои таърихро дар бар мегирад ва тибқи «Қонун дар бораи матбуот ва воситаҳои ахбори омма» ба нашр омода мешавад.

ҲАДАФҲОИ МАҶАЛЛАИ ИЛМИИ ТАҚРИЗШАВАНДАИ «МУАРРИХ»

– инъикоси саривақтии натиҷаҳои фаъолияти таҳқиқотии олимони Ҷумҳурии Тоҷикистон, ҳамчунин олимони мамолики хориҷии наздику дур, аз рӯйи соҳаҳои зерини илм: таърихшиносӣ, бостоншиносӣ, мардумшиносӣ, сиккашиносӣ, таърихи илм ва техника, таърихи муносибатҳои байналмилалӣ ва сиёсати хориҷӣ, таърихи санъат, фарҳанг, фалсафа.

– инкишофи ҳамкории байналхалқӣ дар соҳаҳои таърихшиносӣ, бостоншиносӣ ва мардумшиносӣ;

– ба муҳаққиқон фароҳам сохтани имкони нашри натиҷаҳои ҷустуҷӯйҳои илмӣ;

– инъикоси масоили мубрам ва самтҳои ояндадори илмҳои таърихшиносӣ;

–ҷустуҷӯйи донишҳои нав барои рушди иҷтимоии Ҷумҳурии Тоҷикистон ва минтақаҳои он;

–тарғиби дастовардҳои фаъолияти илмию таҳқиқотии олимони институт, инчунин олимони донишгоҳҳои дигар ва муассисаҳои соҳаи илму маорифи Ҷумҳурии Тоҷикистон.

ШАРТҲОИ НАШРИ МАҚОЛА ДАР МАҶАЛЛАИ «МУАРРИХ»

– ҳайати таҳририяи маҷалла мақолаҳои илмӣ, тақризҳо, тавзеҳҳои илмии қаблан дар нашрияҳои чопию электронӣ нашрнашударо барои баррасию чоп қабул мекунад, ки ғояҳои илмӣ, натиҷаю дастовардҳои таҳқиқоти бунёдии назарию амалиро оид ба соҳаҳои дониш дар илми таърихшиносӣ дар бар гиранд;

–қарор дар бораи нашр ё радди чоп дар асоси муҳиммият, навоварӣ ва аҳаммияти илмии маводи пешниҳодгардида қабул карда мешавад;

–муаллифон (ҳаммуаллифон) масъулияти саҳеҳии иттилооти илмии пешниҳод гардида ва ҳамаи маълумотеро, ки мақола, тавзеҳ ва тақризҳоро дар бар мегиранд, ба зимма доранд;

–ҳамаи маводи ба идораи маҷалла воридгардида ҳатман дар сомонаи antiplagiat.ru мавриди тафтиш қарор мегиранд, сипас ҳайати таҳрир, муаллифон (ҳаммуаллифон)-ро дар бораи натиҷаи арзёбии дастнавис ва ба тақризи минбаъда қабул шудани мавод ё радди пешниҳоди он ба тақриз огоҳ мекунад;

–ҳамаи мақола, тавзеҳ ва тақризҳои ба идора омада дар сурати ҷавоби мусбат баъди тафтиш дар сомонаи antiplagiat.ru бо мақсади арзёбии онҳо аз ҷониби мутахассисони пешбари соҳаҳои дахлдори илм ба тақризи дохилӣ ирсол мегарданд;

– мақолаҳои ба тақризи дохилӣ пешкашшуда бояд пурра тибқи тала-боте, ки дар сомонаи маҷалла: https://istorik.tarena.tj/ru зикр гардидаанд, таҳия карда шаванд;

–агар дар тақриз оид ба ислоҳу такмили мақола тавсияҳо пешниҳод шуда бошанд, ба муаллиф эроду мулоҳизаҳои муқарриз (бе сабти ному насаби ӯ) барои такмилу ислоҳи мавод ирсол мешавад;

–муаллиф маводи такмилдодаро ба идораи маҷалла мефиристад ва идора онро якҷоя бо ҷавоби муаллиф тибқи ҳар моддаи эродҳо ба тақризи такрорӣ мефиристад;

–ҳайати таҳририя ба таҳрири мақола бидуни тағйир додани муҳтавои илмии он ҳақ дорад. Хатоҳои имлоию техникӣ ва услубиро мусаҳҳеҳ бидуни мувофиқа бо муаллиф (ҳаммуаллифон) ислоҳ мекунад. Дар мавридҳои зарурӣ ислоҳҳо бо муаллиф (ҳам муаллифон) мувофиқа карда мешаванд;

–нусхаи барои такмил ба муаллиф (ҳаммуаллифон) фиристода бояд дар муҳлати муқарраргардида, баъди ворид сохтани ислоҳу тағйирот дар намудҳои электронӣ ва чопӣ бояд ба идора баргардонида шавад;

–мақолаҳое, ки ба чоп қабул нашудаанд, ба муаллиф (ҳаммуаллифон) баргардонида намешаванд. Дар мавриди радди чопи мавод идораи маҷалла ба муаллиф (ҳаммуаллифон) раддияи асоснок ирсол мекунад;

–тибқи дархости шуроҳои коршиносии КОА назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон идораи маҷалла ба онҳо тақризҳоро пешниҳод мекунад.

ТАЛАБОТ БА ТАҲИЯИ МАҚОЛАҲО (ТАВЗЕҲҲО, ТАҚРИЗҲО), КИ БА МАҶАЛЛАИ ИЛМИЮ НАЗАРИЯВИИ «МУАРРИХ» -И ИНСТИТУТИ ТАЪРИХ, БОСТОНШИНОСӢ ВА МАРДУМШИНОСИИ БА НОМИ АҲМАДИ ДОНИШИ АКАДЕМИЯИ МИЛЛИИ ИЛМҲОИ ТОҶИКИСТОН БАРОИ ЧОП ИРСОЛ МЕГАРДАНД:

1. Барои ҷойгир кардан дар маҷалла мақола, тақриз ва тавзеҳҳои илмӣ тибқи ихтисосҳои илмии 5.6.1. Таърихи ватанӣ; 5.6.2. Таърихи умумӣ; 5.6.3. Бостоншиносӣ; 5.6.4. Этнология, антропология ва этнография; 5.6.5. Таърихнигорӣ, маъхазшиносӣ ва усулҳои таҳқиқоти таърихӣ; 5.6.6. Таърихи илм ва технология; 5.6.7. Таърихи муносибатҳои байналмилалӣ ва сиёсати хориҷӣ, ки қаблан дар ҳеҷ ҷой чоп нашудаанд, қабул мегарданд.

2. Муаллифон ба идораи маҷалла ҳатман бояд ҳуҷҷатҳои зеринро пешниҳод кунанд:

–матни мақола ба забонҳои русӣ ва англисӣ (ба таври имконият бо тарҷумаи русӣ) ё забони тоҷикӣ, ки дар мактуби роҳнамо бо имзои ректор (ноиби ректор) ё роҳбари муассиса ва ё ин ки ташкилот ба шакли чопии он муаллиф (ҳаммуаллифон) имзо гузоштаанд;

–тақризи доктор ё номзади илм, ки онро мудири шуъбаи кадрҳои ҷойи кори муқарриз муҳр ва имзо гузоштааст;

–маълумотнома аз ҷойи таҳсил (барои аспирантҳою магистрантҳо);

–шакли чопии ҳуҷҷатҳо ба идора ба суроғаи зерин ирсол мешавад: 734025, шаҳри Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 33, Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон, бинои асосӣ, ошёнаи 1, ҳуҷраи 21, телефон: (+992) 221-37-42.

–шакли электронии мақоларо ба почтаи электронии istorik.tarena.tj@gmail.com ирсол намоед.

Тел: https://istorik.tarena.tj/ru (+992 37) 221-37-42; суроғаи сомонаи маҷалла: https://istorik.tarena.tj/ru

ТИБҚИ ТАЛАБОТИ КОА НАЗДИ ПРЕЗИДЕНТИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН МАҚОЛА БОЯД УНСУРҲОИ ЗЕРИНРО ДАР БАР ГИРАД:

–индекси УДК (дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузошта мешавад);

– индекси ББК (дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузошта мешавад);

–ному насаби пурраи муаллиф (ҳаммуаллифон) ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;

–унвони илмӣ, дараҷаи илмии муаллиф (ҳаммуаллифон), ном ва рамзи ихтисоси илмӣ (тибқи номгӯй), ки таҳқиқот тибқи он сурат мегирад, ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;

–аспирантон, унвонҷӯён, омӯзгорон, докторантҳо номи муассисаи илмиро (магистрантҳо самти тайёриро) ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикию русию англисӣ зикр мекунанд;

–зикри мансаб, ҷойи кор, шаҳру мамлакат ба забонҳои русию англисӣ ё тоҷикию русию англисӣ;

–e-mail ва телефони робитавии муаллиф ва ё ҳаммуаллифон барои тамос;

–номи мақола бо забонҳои тоҷикию русию англисӣ бо ҳарфҳои калон, ҳуруфи Times New Roman 14 ё Times New Roman Tj 14, тароз дар марказ);

–фишурда ба забонҳои русӣ ва англисӣ ҳуруфи Times New Roman 14, аз 100 то 250 вожа бо сабти мақсаду вазифаи таҳқиқ, баёни мухтасари кор ва хулосаҳои асосие, ки навоварии илмии корро дар бар мегирад;

–калидвожаҳо ба забонҳои русию англисӣ оварда мешаванд, 5-7 калима ё ибора, ки ду ё се вожаро дарбар мегирад; ҳуруфи Times New Roman 14, тарҳаш - курсив, тароз дар бар, вожаҳо ё ибораҳои калидӣ бо вергул аз ҳам ҷудо карда мешаванд);

–мақола ҳатман бояд номгӯйи адабиёти истифодашударо бо зикри танҳо сарчашмаҳои иқтибосгардида дар бар гирад. Рӯйхати адабиёт дар охири мақола бо назардошти саҳифаи умумии сарчашмаи истифодашуда навишта мешавад. Ҳангоми навиштани рӯйхати мазкур тартиби ҳуруфи алифбо ва талаботи ГОСТ бояд ҳатман риоя карда шаванд;

–иқтибосҳо дар қавсайни квадратӣ бо қайди рақами адабиёт мутобиқи рӯйхати сарчашмаҳо ва саҳифаи он бояд ишора шаванд, масалан: [5, 25] ё [5, 25; 6, 77];

Матни мақолаи пешниҳодшаванда нусхаи ниҳоӣ маҳсуб шуда, бояд пурра аз назари таҳрир гузаронида шавад ва аз ғалат пурра орӣ (тоза) бошад.

Мақолаҳое, ки ба идораи маҷалла бо нақзи талаботи мазкур ирсол мегарданд, мавриди баррасӣ қарор намегиранд.

Масъулияти салоҳият, боэътимодии асноди муҳтавои мақолот ба зиммаи муаллифон ва муқарризон вогузор карда мешавад.

Идораи маҷалла

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

«Историк» – научно-теоретический журнал Института истории, археологии и этнографии имени А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, который публикует материалы по историческим наукам в соответствии с законодательством Республики Таджикистан «О печати и средствах массовой информации».

ЦЕЛЬЮ И ЗАДАЧАМИ НАУЧНО - ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ИСТОРИК» ЯВЛЯЮТСЯ:

– Оперативное освещение результатов исследовательской деятельности учёных Республики Таджикистан, а также учёных стран ближнего и дальнего зарубежья в следующих отраслях науки: история, историография, археология, этнография, антропология, источниковедение, нумизматика, история культуры, история литературы, история философии и история религии;

–развитие международного сотрудничества в сфере истории, археологии и этнографии;

–предоставление возможности исследователям публиковать результаты научных изысканий;

–освещение актуальных проблем и перспективных направлений исторических наук;

–поиск новых знаний для духовного и социального развития населения Республики Таджикистан в целом и её регионов;

–пропаганда достижений научно-исследовательской деятельности учёных Института истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, а также исследователей других вузов и учреждений образования и науки Республики Таджикистан.

УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ИСТОРИК»:

–редакционная коллегия журнала принимает для рассмотрения и публикации научные статьи, рецензии, научные обзоры и отзывы, которые ранее не были опубликованы в печатных и электронных изданиях. Эти материалы должны содержать научные идеи, результаты и достижения фундаментальных теоретических и прикладных исследований по следующим отраслям исторической науки: история, историография, археология, этнография, антропология, источниковедение, нумизматика, история куль туры, история литературы, история философии и история религии.

–решение о публикации или об отказе в публикации принимается на основе актуальности, новизны и научной значимости представленных материалов.

–авторы (соавторы) несут полную ответственность за достоверность представленной научной информации и всех данных, содержащихся в статьях, отзывах, обзорах и рецензиях.

–все материалы, представленные в редакцию журнала, обязательно проходят про верку на сайте antiplagiat.ru. После этого редколлегия извещает авторов (соавторов) о результатах оценки рукописи и сообщает о принятии материала к дальнейшему рецензированию или об отказе от рецензирования.

–поступившие в редакцию статьи, отзывы, обзоры и рецензии, в случае положительного решения после проверки на сайте antiplagiat.ru, направляются на внутреннее рецензирование с целью экспертной оценки ведущими специалистами в соответствующей отрасли науки.

– статьи, допущенные к внутреннему рецензированию, должны быть оформлены в полном соответствии с требованиями, предъявляемыми к публикациям на сайте жур нала: https://istorik.tarena.tj/ru.

–если рецензия содержит рекомендации по исправлению или доработке статьи, автору направляются замечания и предложения рецензента (без указания сведений о нём) для доработки и исправления материала.

–доработанный материал представляется автором в редакцию журнала и направляется на повторное рецензирование вместе с ответом автора по каждому пункту замечаний.

– редколлегия вправе редактировать статьи без изменения их научного содержания. Орфографические и стилистические ошибки исправляются корректором без согласования с автором (авторами). При необходимости правка согласуется с автором (авторами).

– вариант статьи, направленный автору (авторам) на доработку, должен быть возвращён в редакцию в оговоренный срок с внесёнными исправлениями и изменениями в электронном и распечатанном виде.

– статьи, не принятые к опубликованию, не возвращаются автору (авторам). В случае отказа от публикации материала, редакция направляет автору (авторам) мотивированный отказ.

– по запросу экспертных советов ВАК при Президенте Республики Таджикистан, редакция журнала предоставляет им рецензии.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ (ОБЗОРОВ, ОТЗЫВОВ, РЕЦЕНЗИЙ), ПРИСЫЛАЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНО - ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «ИСТОРИК» ИНСТИТУТА ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ ИМ. А. ДОНИША НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКИСТАНА

Для размещения в журнале принимаются ранее нигде не опубликованные научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: 5.6.1. Отечественная история; 5.6.2. Всеобщая история; 5.6.3. Археология; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.5. Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 5.6.6. История науки и техологии: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

Авторы в обязательном порядке предоставляют в редакцию следующие документы:

– текст статьи на русском или английском (по возможности с переводом на русский язык), или таджикском языке с обязательной подписью автора (авторов) на печатном варианте статьи;

– рецензию доктора или кандидата наук, заверенную в отделе кадров по месту его работы;

– справку с места учёбы (для аспирантов и магистрантов).

Печатные варианты документов направляются в редакцию по адресу: 734025, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 33, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша Национальной академии наук Таджикистана, главный корпус, 1-этаж, кабинет 21. Электронные версии по адресу электронной почты: istorik.tarena.tj @gmail.com Телефон для справок: (+992 37) 221-37-42; адрес сайта журнала: https:/istorik. tarena.tj/ru

В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ ВАК ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РТ, СТАТЬЯ ДОЛЖНА СОДЕРЖАТЬ:

– индекс УДК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);

– индекс ББК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);

– фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;

– учёную степень, учёное звание автора (авторов), наименование и шифр научной специальности (согласно номенклатуре), по которой ведётся исследование, на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;

– аспиранты, соискатели, преподаватели, докторанты указывают кафедру и учеб ное заведение (магистранты - направление подготовки) на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;

– указание на должность, место работы, город, страну на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;

– e-mail и номер телефона автора или соавторов для связи;

– название статьи на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт Times New Roman 14 или Times New Roman tj 14, выравнивание по центру);

– аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, выравнивание по ширине, от 100 до 250 слов с указанием цели и задач исследования, краткого хода ра боты и основных выводов, содержащих научную новизну);

– ключевые слова на русском и английском языках (5-7 слов или словосочетаний из двух или трёх слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание - курсив, выравнивание по ширине);

– статья в обязательном порядке должна содержать список использованной литературы с указанием только цитируемых работ. Список литературы приводится в конце статьи с общим объемом страниц источника. Список использованной литературы оформляется в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ.

– ссылки даются в скобках, в которых указывается номер использованного источника согласно списку использованной литературы, а затем цитируемая страница.

Статьи принимаются в течение года. Редакция оставляет за собой право отбора материала, а также право сокращения публикуемой статьи.

Текст, присылаемой рукописи является окончательным и должен быть тщательно выверен и исправлен. Статьи, направляемые в редакцию с нарушением вышеперечисленных требований, к рассмотрению не принимаются. За компетентность и содержание публикуемых материалов несут полную ответственность авторы и рецензенты.

Редакция журнала

ИНДЕКСИ ОБУНА: 77771

МУАРРИХ - маҷаллаи илмӣ - назариявӣ

Муассис: Институти таърих, бостоншиносӣ ва мардумшиносии
ба номи Аҳмади Дониши Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон

Назари ҳайати таҳририя метавонад бо дидгоҳи муаллифони мақолаҳо мутобиқат накунад. Муаллифон масъули муҳтавои мақола ва саҳеҳии ҳақоиқи он ҳастанд. Дар сурати чопи муҷаддади комил ва ё ҷузъӣ ба ҳар наҳве истинод ба манбаъ ҳатмист.

Мусаҳҳеҳ: **Манзура ҲАСАНОВА**
Котиби масъул: **Мухбирҷон КЕНҶАЕВ**
Муҳаррири техникӣ: **Маъруфҷон ХОҶАЕВ**

**Ба матбаа 19.06.2026 сол таҳвил шуд. Ба чопаш 26.06.2026 имзо шуд.
Андозаи 70х100 1/8. Коғази офсетӣ. Чопи офсетӣ. Ҷузъи чопӣ 11,75.
Адади нашр 100 нусха**

**Дар матбааи ҶДММ «Ганҷи хирад» ба табъ расидааст.
734025, шаҳри Душанбе, кӯчаи Бофанда 5/1, тел: 227-71-01**

ПОЧТОВЫЙ ИНДЕКС: 77771

ИСТОРИК - научно - теоретический журнал

Учредитель: Институт истории, археологии и этнографии
им. Ахмада Дониша Национальной академии наук Таджикистана

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание публикаций и достоверность фактов несут авторы. При полной или частичной перепечатке или воспроизведения любым способом ссылка на источник обязательна.

Корректор: **Манзура ХАСАНОВА**
Ответственный секретарь: **Мухбирджон КЕНДЖАЕВ**
Технический редактор: **Маъруфджон ХОДЖАЕВ**

**Сдано в типографию 19. 06. 2026 г. Подписано в печать 26.06.2026 г.
Формат 70х100 1/8. Офсетная бумага. Офсетная печать. Печатный лист 11,75.
Тираж 100 экземпляр**

**Отпечатано в типографии ООО «Ганҷи хирад»
734025, г. Душанбе, улица Бофанда, 5/1, тел: 227-71-01**